

Л. В. Куликов

Психология личности
в трудах отечественных психологов

2-е издание,
переработанное и дополненное

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск
2009

ББК 88.37я7
УДК 159.923(075)
К90

Куликов Л. В.

К90 Психология личности в трудах отечественных психологов: Хрестоматия. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2009. — 464 с.: ил. — (Серия «Хрестоматия»).

ISBN 978-5-49807-198-5

Психологией накоплен колоссальный опыт в области изучения личности. Во втором, переработанном и дополненном, издании (первое вышло в 2000 г.) представлены важнейшие фрагменты основополагающих работ классиков отечественной науки (В. Н. Мясищева, Л. С. Выготского, Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева, К. К. Платонова и др.), а также современных исследователей психологии личности. Хрестоматия адресована преподавателям, аспирантам, студентам психологических и педагогических специальностей, всем изучающим психологию.

ББК 88.37я7
УДК 159.923(075)

ISBN 978-5-49807-198-5

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие **7**

От составителя **11**

Раздел I. Общее представление о личности в психологии **15**

Психологическое определение личности. *В. М. Бехтерев* 16

О составе личности. *А. Ф. Лазурский* 18

О личностном подходе. *С. Л. Рубинштейн* 24

К вопросу о психологических проявлениях основных свойств нервной системы. *Б. М. Теплов* 33

Понятие личности в аспектах нормы и патологии. *В. Н. Мясищев* 36

Индивид и личность. *А. Н. Леонтьев* 41

Психологическая структура личности и ее становление в процессе индивидуального развития человека. *Б. Г. Ананьев* 50

Патопсихологический метод в изучении личности. *Б. В. Зейгарник* 56

Общественные отношения как общее основание свойств личности. *Б. Ф. Ломов* 62

Природные предпосылки и индивидуально-психофизиологические особенности личности. *В. М. Русалов* 68

Теория личности с позиций категориального анализа психологии. *А. В. Петровский* 77

Раздел II. Структура личности **87**

Органическая и социальная сфера личности. *В. М. Бехтерев* 88

Установка у человека. Проблема объективации. *Д. Н. Узнадзе* ... 90
Структура личности. *Б. Г. Ананьев* ... 94
Личность и отношения человека. *В. Н. Мясищев* ... 98
Направленность личности. Субъективные отношения личности. *Б. Ф. Ломов* ... 109
О системе «личность». *Б. И. Додонов* ... 113
Концепция динамической функциональной структуры личности. *К. К. Платонов* ... 122
Смысловая сфера личности. *Б. С. Братусь* ... 134
Мировоззрение и убеждения личности как психологические категории. *Г. Е. Залесский* ... 142

Раздел III. Формирование личности ... 149

Личность и условия ее развития и здоровья. *В. М. Бехтерев* ... 150
Развитие личности и мировоззрения ребенка. *Л. С. Выготский* ... 155
Понятие личности в аспектах нормы и патологии. *В. Н. Мясищев* ... 161
Социальная ситуация и движущие силы развития ребенка. *Л. И. Божович* ... 164
Формирование личности. *А. Н. Леонтьев* ... 171
Генетические и структурные взаимосвязи в развитии личности. *Б. Г. Ананьев* ... 183
Психологические компоненты и критерии становления зрелой личности. *П. М. Якобсон* ... 193
Проблемы этического развития ребенка. *С. Г. Якобсон* ... 198
Постоянство и изменчивость личности. *И. С. Кон* ... 205
Психология формирования и развития личности. *Л. И. Анцыферова* ... 213
Развитие личности на ранних этапах детства. *Н. Н. Авдеева, М. Г. Елагина, С. Ю. Мещерякова* ... 218
Движущие силы и условия развития личности. *А. Г. Асмолов* ... 228
Проблема субъекта в психологической науке. *А. В. Брушлинский* ... 236

Раздел IV. Динамика личности 243

Развитие личности и ее жизненный путь. *Н. А. Логинова* 244

Психологический возраст личности. *А. А. Кроник, Е. И. Головаха* 252

Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности. *Е. И. Головаха* 262

Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования. *И. С. Кон* 276

Возрастная динамика самореализации личности. *Л. А. Рудкевич, Е. Ф. Рыбалко* 286

Самоактуализация и самотрансценденция личности. *А. А. Реан* 294

Время личности и время жизни. *К. А. Абульханова, Т. Н. Березина* 296

Развитие личности в контексте жизненной ситуации. *Е. Ю. Коржова* 311

Раздел V. Личность в социуме 316

Личность и условия ее развития и здоровья. *В. М. Бехтерев* 317

Реальные формы социального поведения. *Л. С. Выготский* 323

Социальные ситуации развития личности и ее статус. *Б. Г. Ананьев* 327

Социальная идентификация в кризисном обществе. *В. А. Ядов* 332

Специфика социально-психологического подхода к пониманию личности. *А. А. Бодалев* 344

Социальная идентичность: временны́е и средовые компоненты. *Г. М. Андреева* 352

Потребность «быть личностью». *А. В. Петровский* 366

Социализация личности. *А. А. Реан* 369

Раздел VI. Внутренний мир личности 373

Загадка человеческого «Я». *И. С. Кон* 374

Внутренний мир личности. *Д. А. Леонтьев* 380

Я — последняя инстанция в личности. *Д. А. Леонтьев* 386
Реальность субъективного духа. *В. И. Слободчиков* 389

Раздел VII. Духовное бытие личности 404

Устои нравственной жизни и деятельности. *Н. Я. Грот* 405
Смысл жизни. *С. Л. Франк* 410
Смысл жизни: проблема относительной эмансипированности от «внешнего» и «внутреннего». *В. Э. Чудновский* 418
Духовные способности. *В. Д. Шадриков* 429
Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры. *В. В. Знаков* 435
Идея свободной причинности в психологии личности. *В. А. Петровский* 445

Литература 458

ПРЕДИСЛОВИЕ

Истории исследований в области психологии личности уже более ста лет. Более ста лет ученые ищут ответы на вопросы о природе личности, внутреннем мире человека, о факторах, определяющих развитие личности и поведение человека, его отдельные поступки и жизненный путь в целом. Этот поиск имеет отнюдь не только теоретическую ценность. С самого начала изучение личности было теснейшим образом связано с необходимостью решения разнообразных практических задач.

За минувшее столетие психология превратилась в развитую область знаний и практической деятельности для многих тысяч специалистов. Внутренняя специализация, сосуществование в рамках единой науки различных школ и направлений — все это, несомненно, свидетельствует о зрелости психологии как науки, представителей которой, однако, по-прежнему объединяет обостренный интерес к проблеме личности, проблеме, которая была и остается фундаментальной, ключевой.

Последние полтора-два десятилетия отмечены интенсивным развитием практической психологии. И хотя официальный образовательный стандарт в отечественной психологии был утвержден более тридцати лет назад (именно в 1966 г. были открыты факультеты психологии в университетах Москвы и Ленинграда), она долгое время не выходила за пределы учебных аудиторий и исследовательских лабораторий, ограничиваясь прикладными разработками. В настоящее время психология включает в пространство своих профессиональных интересов и компетентности уже не только и не столько организации и коллективы, но отдельных людей с их жизненными проблемами.

Возможность оказывать реальную психологическую помощь людям, в том числе в сложных, кризисных ситуациях, видеть непосредственные результаты своей работы в психотерапии, консультировании, в решении разнообразных практических задач — эти и другие перспективы сегодня особенно привлекают начинающих психологов.

Психология без практики лишена своего главного смысла и цели — познания и служения человеку. Практическая ориентация, однако, не только не уменьшает значимость развития психологической теории, но, напротив, усиливает ее: представление о том, что для успешной практической работы необходимо прежде всего овладение рядом практических навыков и накопление опыта, а теоретическое образование играет скорее второстепенную роль, в корне неверно. Так, в западной психологии именно интенсивное развитие практики вызвало к жизни вопросы, которые относятся к общим проблемам психологии личности. В частности, дискуссионным остается представление о ведущем начале в развитии личности: рассматривать ли его, как предлагают многие представители гуманистического направления в психологии, как постепенное разворачивание заложенного в человеке потенциала, «обрекающего» человека на самореализацию, или же процесс развития определяется чередой жизненных выборов самого человека. Таким образом, в основе всякой — консультативной, терапевтической, психокоррекционной и т. д. — практики лежит определенная, более или менее детально разработанная теоретическая модель объяснения личности.

Современное состояние отечественной психологии во многом характеризует интенсивный процесс освоения ею зарубежного опыта, в частности, через приобщение российских психологов к мировой психологической литературе. Сегодня мы получили возможность познакомиться и с лучшими образцами психологической классики, и с работами современных авторов в области практической работы.

Неизмеримо хуже обстоит дело с изданиями трудов отечественных психологов. Начинающему специалисту сегодня гораздо легче познакомиться с зарубежными теориями, тогда как огромный и богатейший пласт российской психологиче-

ской мысли во многом в настоящее время остается невостребованным. Хотя Россия — по ее роли в становлении научной психологии, величию имен ее ученых, богатству их идей — по праву может считаться (в одном ряду с Германией и Америкой) родиной мировой психологической науки.

В этой связи предлагаемая читателям хрестоматия представляет особый интерес. Она не имеет аналогов в российских изданиях: в хрестоматии «Психология личности» (МГУ, 1982) лишь половина опубликованных фрагментов принадлежит отечественным авторам. Хрестоматия — особый жанр. Само слово «хрестоматия» означает «изучаю полезное, хорошее», что в полной мере соответствует изданию, которое вы держите в руках. Как и любая хрестоматия, она имеет своей целью дать первоначальное общее представление о наиболее важных проблемах в психологии личности, пробудить интерес к углубленному изучению классики отечественной психологической мысли.

Для российской психологической науки всегда была характерна ориентация на глубокий интерес к внутреннему миру человека, к его жизни, к духовному измерению его существования. Этот интерес отражен в знаменитом высказывании Л. С. Выготского: «Наше слово в психологии: от ПОВЕРХНОСТНОЙ психологии — в сознании явление не равно бытию. Но мы себя противопоставляем и ГЛУБИННОЙ психологии. Наша психология — ВЕРШИННАЯ психология (определяет не «глубины», а «вершины» личности)»[1].

Основополагающая проблема обусловленности психической жизни человека в западной психологии в течение долгого времени решалась в принципиальной оппозиции «внешнего» и «внутреннего», в противостоянии личностного и ситуационного подходов: «персонологи» отстаивали принципы постоянства личностных проявлений в разных ситуациях, «ситуационисты» — их ситуационной специфичности. Сегодня ошибочность любой радикальной позиции по отношению к этой проблеме очевидна. Продуктивным видится поиск интеграции предложенных подходов, позволяющий по-новому взглянуть

---

[1] *Выготский Л. С.* Собр. сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 166.

на взаимодействие транситуативных и ситуативных факторов. В этой связи работы отечественных психологов по проблемам личности представляют особый интерес: для российской психологии всегда было характерным стремление к пониманию и описанию личности во всей ее уникальности и неповторимости в контексте социального, культурного и исторического пространства.

Отрадный и очевидный факт — интерес к нашему научному наследию возрождается. В Санкт-Петербурге уже изданы либо планируются к изданию работы выдающихся отечественных психологов прошлого. Это наш долг по отношению к тем, кто когда-то именно в Санкт-Петербурге создавал российскую научную психологию. Надеемся, что предлагаемая читателю хрестоматия, объединяющая труды российских психологов разных поколений — включая работы современных авторов, — позволит почувствовать их преемственность и увидеть тот путь, по которому может пойти в своем развитии отечественная психология — путь самобытный и оригинальный.

Доктор психологических наук,
профессор Н. В. Гришина

Член-корреспондент РАО, доктор психологических наук,
профессор А. А. Реан

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Данное издание посвящено общим представлениям о личности, структуре личности, движущим силам, а также социальным и биологическим факторам развития личности. Основанием выбора темы для первого выпуска хрестоматии явилось особое значение проблемы личности в психологии. Трудно найти такую область деятельности, в которой использование психологических знаний и методов не было бы тесно связано с необходимостью учитывать целостность личности как субъекта и объекта психологического воздействия. В психологической практике невозможно «работать» лишь с одной частью личности, отдельным процессом, не затронув всей личности и ничего не изменив в системе ее отношений, в мотивах, переживаниях.

Как объект исследования личность уникальна по своей сложности. Сложность эта заключена прежде всего в том, что в личности объединены, связаны различные плоскости бытия конкретного человека — от его телесного бытия до духовного — как живого тела, как сознательного и активного субъекта, как члена общества.

И для отечественной, и для мировой науки характерно разнообразие взглядов на природу личности. В какой системе понятий может быть представлено это разнообразие? Или более конкретно: как может быть структурировано для хрестоматии то огромное количество идей, концепций, подходов, богатство эмпирических данных, полученных отечественными исследователями за многие десятилетия?

Мы сочли возможным использовать для этой цели общенаучные категории, применимые к описанию любых объектов — и материальных предметов, и идеальных образований, в том числе и для описания феномена личности. Человек су-

ществует одновременно в разных средах, мирах: в мире вещей и предметов — как физическое тело, в мире живой природы — как живое существо, в мире людей — как член общества или как единица определенной общности.

Пространство личности имеет сложную структуру и множество измерений. Те события внешнего мира, в которые включена личность, и те отношения, которые у нее устанавливаются с объектами внешнего мира, образуют внешнее пространство личности. Представления о мире и о себе, переживания различных событий, отношение к самому себе, самоконтроль и саморегуляция, жизненные цели и планы — все это составляет внутренний (субъективный) мир личности. Социальное пространство, в которое включена личность, представлено в ее внутреннем мире. С другой стороны, в активности, в деятельности, в общении так или иначе проявляется внутренняя жизнь личности.

Еще один план существования личности составляет ее духовное бытие. Разумеется, духовное бытие, духовность человека — предмет междисциплинарного исследования, а не одного лишь психологического. Однако усвоенная личностью духовная культура, принятые ее гуманистические ценности, каноны духовной жизни, способность переживать духовное единство с другим человеком, общностью людей или всем человечеством — все это является факторами, обусловливающими жизненно важные выборы личности. Пространство духовного бытия — особое. Если у внешнего пространства и отношений личности (социальных, экономических, правовых) можно определить хотя бы некоторые параметры в координатах пространства физического или географического, то пространство духовного бытия таких координат не имеет. И смысл бытия человечества, и смысл жизни каждого отдельного человека не имеют эквивалентов в физических пространственных измерениях: эти явления одновременно принадлежат и внутреннему пространству личности, и ее внешнему пространству, и пространству социума. Духовность как явление общечеловеческого масштаба не могла бы существовать, если бы у отдельной личности не было ее внутреннего мира, собственного представления о смысле жизни или желания обрести таковой.

В первом разделе хрестоматии собраны работы, дающие общее представление о личности — основах, функциях, о единстве ее формальных (динамических) и содержательных свойств. Как и любое сложное явление, личность включает в себя множество компонентов и процессов. Второй раздел хрестоматии посвящен взглядам отечественных психологов на структуру личности. Личность изменчива, динамична, постоянно находится в развитии. Работы, в которых анализируется становление личности, вошли в третий раздел. Психологическое время личности, динамика самореализации, закономерности жизненного пути рассматриваются в четвертом разделе хрестоматии. Пятый раздел включает работы, предметом исследования которых является внешнее, социальное пространство личности. В шестом разделе собраны публикации, раскрывающие сложное строение внутреннего мира личности. В седьмом разделе представлены работы, освещающие духовное бытие, духовное пространство личности, объединяющее все ее миры. Обретение этого пространства является вершиной личностного развития.

Отбирая материал для хрестоматии, мы стремились решить следующие задачи. Во-первых, собрать публикации, освещающие феномен личности по-разному, но одновременно дополняющие одна другую: мы стремились не переносить акцент на выявление различий в точках зрения ученых. Во-вторых, мы старались полнее отразить современное состояние проблемы личности в отечественной психологии без углубления в историю рассматриваемых вопросов. Поэтому в хрестоматию включены только те работы, которые дают читателю представление об истоках той или иной концепции и содержат идеи, не устаревшие до настоящего времени. Без них не будут ясны методологические основы современных исследований.

Знакомство с хрестоматией позволит читателю убедиться, что, несмотря на значительные трудности свободного научного общения в течение многих прошлых десятилетий, движение научной мысли в нашей стране шло в значительной мере в русле развития идей в мировой науке. Этому способствовали вековые традиции гуманитарной мысли в России. Так, многие идеи, в настоящее время интенсивно разрабатываемые

в рамках гуманистической или трансперсональной психологии, были высказаны отечественными психологами и философами еще в начале века, но в других понятиях и несколько ином контексте.

В выборе работ для хрестоматии мы отдавали предпочтение более поздним трудам авторов, исходя из того, что именно в последних публикациях авторская позиция отражена наиболее точно. Внутри каждого раздела статьи помещены в хронологическом порядке — по годам выхода работы в свет (для стереотипных переизданий действует дата первого издания). Конечно, такое размещение текстов имеет и слабую сторону: исследователь, многие годы работавший над определенной проблемой и имеющий свежие публикации, оказывается в конце списка авторов. Однако если учесть, что хрестоматия — это прежде всего подборка первоисточников, то с этим недостатком можно вполне смириться.

Авторские названия статей или глав книг, из которых взяты фрагменты для хрестоматии, сохранены. В том случае, когда название главы оригинала не совпадало с названием темы раздела, но соответствовало ей по содержанию, составитель давал ей свое, заключая его в квадратные скобки. Среди разных публикаций по одной теме мы выбирали ту, в которой обсуждаемый вопрос изложен наиболее доступно. Простота и ясность — выигрышные качества учебного пособия. Отметим также, что в перечень рекомендуемых нами работ вошли те источники, на которые ориентируются наиболее популярные учебные программы вузов страны.

В конце нашей хрестоматии помещен раздел, содержащий биографические данные об авторах. В них кратко представлены те сведения, которые могут помочь читателю получить представление о профессиональном опыте авторов. В списке основных трудов отдавалось предпочтение публикациям, относящимся к психологии личности или близким темам. Годы переизданий книги не приводятся, указывается лишь год первого издания. Данные о членстве в академиях, научных обществах, звания, премии и награды в биографических справках опущены. Несомненно, эти сведения имеют большое значение, но — для изданий другого рода.

I

Общее представление о личности в психологии

Основные темы и понятия раздела

- *Личностный подход в психологии.*
- *Личность и психика.*
- *Базис личности.*
- *Отношения личности.*
- *Формальные (динамические) и содержательные свойства личности.*
- *Биологические и социальные факторы развития личности.*

В. М. Бехтерев

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ[1]

Для врачей-психиатров представляется совершенно избитой истиной, что психические болезни и состояния вырождения суть болезни личности. Ввиду этого естественно, что охрана здоровья личности и правильного ее развития составляет ту непосредственную цель, к которой прежде всего должен стремиться каждый из врачей, посвящающих себя изучению душевных расстройств. Руководясь этим, я полагаю, что собравшиеся здесь не посетуют на меня, если я займу их внимание вопросами, связанными с личностью и охраной ее здоровья и правильного развития с точки зрения врача-психиатра.

Прежде всего, мы должны выяснить для себя, что следует понимать под названием личности?

Должно иметь в виду, что в отношении психологического определения личности мы встречаемся еще с большими противоречиями в науке. Действительно, по поводу понятия личности высказывались различные взгляды и мнения в зависимости от того направления в своих основных воззрениях, которого держались различные психологические школы. <...>

Мы полагаем, что кроме объединяющего начала под личностью следует понимать и направляющее начало, которое руководит мыслями, действиями и поступками человека.

Таким образом, кроме внутреннего объединения и координации личность, как понятие, содержит в себе и активное отношение к окружающему миру, основанное на индивидуальной переработке внешних воздействий.

В этом определении наряду с субъективной стороной выдвигается, как легко видеть, и объективная сторона личности.

---

[1] Основу работы «Личность и условия ее развития и здоровья» составляет речь, произнесенная ученым 4 сентября 1905 г. на II съезде русских психиатров в Киеве. В этой работе Бехтерев дает определение личности с опорой на понятие «отношения человека», рассматривает широкий перечень факторов развития личности, включая природную и социальную среду. Достаточно детально Бехтерев обсуждает вопрос о необходимости создания благоприятных социально-экономических и гигиенических условий полноценного развития личности, сохранения психического здоровья.

Мы думаем, что в вопросах психологических мы не должны ныне пользоваться одними субъективными определениями. Психическая жизнь есть не только ряд субъективных переживаний, но она вместе с тем выражается всегда и определенным рядом объективных явлений.

В этих объективных явлениях собственно и содержится то обогащение, которое вносит личность в окружающий ее внешний мир. Мы скажем более! Только объективные проявления личности доступны внешнему наблюдению, и только они одни составляют объективную ценность.

По Ribot, «реальная личность — это организм и его высший представитель — мозг, заключающий в себе остатки всего, чем мы были, и задатки всего, чем мы будем. В нем начертан индивидуальный характер со всеми своими деятельными и пассивными способностями и антипатиями, своим гением, талантом и глупостью, добродетелями и пороками, неподвижностью и деятельностью».

Мы не погрешим против истины, если скажем короче: личность с объективной точки зрения есть психический индивид со всеми его самобытными особенностями — индивид, представляющийся самодеятельным существом по отношению к окружающим внешним условиям.

Дулжно иметь в виду, что ни оригинальность ума, ни творческие способности, ни то, что известно под названием воли, в отдельности ничто не составляет личности, но общая совокупность психических явлений со всеми их особенностями, выделяющая данное лицо от других и обусловливающая ее самодеятельность, характеризует личность с объективной ее стороны.

Умственный кругозор представляется неодинаковым между лицами различно образованными, но ни один из них не теряет права на признание в нем личности, если только он проявляет в той или другой мере свое индивидуальное отношение к окружающим условиям, представляясь самодеятельным существом. Только утрата этой самодеятельности делает человека вполне безличным; при слабом же проявлении самодеятельности мы можем говорить о слабо развитой или пассивной личности.

Итак, личность с объективной точки зрения есть не что иное, как самодеятельная особь со своим психическим укладом и с индивидуальным отношением к окружающему миру.

А. Ф. Лазурский

О СОСТАВЕ ЛИЧНОСТИ[1]

Анализируя и сравнивая между собой те бесконечно разнообразные по содержанию и по степени сложности проявления, из которых строится наше представление о человеческой личности, мы можем разбить их на две большие группы. Во-первых, проявления, свидетельствующие о большем или меньшем развитии у данного человека тех или иных психологических (resp[2]. психофизиологических) элементов личности, а также способов взаимного соединения этих элементов. Так, например, сопоставляя дерзкую и необдуманную выходку какого-нибудь человека с другими аналогичными его поступками, мы заключаем, что в основе разбираемого проявления лежит чрезмерно повышенная аффективная возбудимость данного человека, а также слабое развитие у него задерживающих импульсов, благодаря чему внезапно возникающие побуждения осуществляются прежде, чем в сознании могли появиться мотивы противоположного характера; наблюдая за ходом умственной работы школьника, например за тем, как он заучивает стихотворение, или проделывая над ним аналогичный по содержанию психологический эксперимент, мы судим о степени развития у него способности запоминания, о сосредоточенности его внимания и т. п. Такого рода проявления мы будем называть в дальнейшем изложении эндопсихическими[3], так как они выражают внутреннюю взаимозависимость психических элемен-

---

[1] Фрагмент первой части книги «Классификация личностей». Здесь приведен текст из книги: Избранные труды по психологии. М., 1997. С. 9–13.

[2] Сокр. от respective (лат.) — в зависимости от обстоятельств.

[3] Термины «эндо- и экзопсихический» заимствованы из написанной нами совместно с С. Л. Франком статьи: «Программа исследования личности в ее отношениях к среде» (*Примеч. А. Ф. Лазурского*).

тов и функций, как бы внутренний механизм человеческой личности.

Соответственно этому и ту сторону личности, которая обнаруживается в этих проявлениях и которая обычно обозначается терминами «темперамент», «характер» и «умственная одаренность», мы будем называть эндопсихикой. Сюда войдет, следовательно, вся совокупность таких основных психических (resp. психофизиологических) функций или способностей, как восприимчивость, память, внимание, комбинирующая деятельность (мышление и воображение), аффективная возбудимость, способность к волевому усилию, импульсивность или обдуманность волевых актов, быстрота, сила и обилие движений и т. п[1]. Иными словами, эндопсихику мы вполне отождествляем с нервно-психической организацией человека, рассматривая эту последнюю как сложный, организованный, непрерывно действующий двусторонний (психофизиологический) процесс, причем отдельные психические функции составляют части или стороны этого процесса, тесно между собой связанные, но в то же время пользующиеся в своей деятельности относительной независимостью. Эндопсихика составляет, несомненно, ядро человеческой личности, главную ее основу, отражаясь в значительной степени (хотя и не всегда одинаково сильно) также и на экзопсихических ее проявлениях.

Вторую, также очень существенную сторону личности составляют другого рода проявления, которые можно назвать, в отличие от первых, экзопсихическими. Содержание их определяется отношением личности к внешним объектам, к среде, причем понятие среды или объектов берется в самом широком смысле, в котором оно объемлет всю сферу того, что противостоит личности и к чему личность может так или иначе относиться: сюда входит и природа, и материальные вещи, и иные люди, и социальные группы, и духовные блага — наука, искусство, религия, и даже душевная жизнь самого человека, поскольку последняя также может быть объектом известного отношения со стороны личности. Очевидно, что индивидуаль-

---

[1] Систематический перечень основных психических функций в связи с подробным изложением эндопсихических проявлений личности см. в моей «Программе исследования личности» (*Примеч. А. Ф. Лазурского*).

ность человека определяется не только своеобразием его эндопсихических черт, вроде особенностей памяти, воображения и т. п., но в не меньшей мере и его отношением к окружающим явлениям, тем, как каждый человек реагирует на те или иные объекты, что он любит и ненавидит, чем интересуется и к чему равнодушен, т. е., согласно нашей терминологии, его экзопсихическими проявлениями.

Указанные только что основные признаки, характеризующие эндо- и экзопсихические проявления личности и отличающие их друг от друга, отражаются обычно и на составе этих проявлений. В то время как эндопсихические проявления являются выражением внутренних, субъективных соотношений между отдельными психологическими (resp. психофизиологическими) элементами данной личности, будучи в то же время всегда связаны более или менее тесно с индивидуальными особенностями центральной нервной системы данного индивидуума, экзопсихические проявления, наоборот, всегда отражают на себе в большей или меньшей степени внешние, окружающие человека условия, ту обстановку, среди которой он живет и действует. Возьмем, например, характерный эндокомплекс (сочетание нескольких тесно связанных между собою основных психофизиологических функций), предрасполагающий обыкновенно человека к занятию искусством: сильно развитое воображение, воспроизводящее и отчасти творческое, повышенная восприимчивость к внешним впечатлениям, значительная аффективная возбудимость, развитое эстетическое чувство. Все эти черты тесно, органически связаны между собою, составляя вместе одно неразрывное целое, так что значительное развитие одной из них почти неизбежно влечет за собой хотя бы некоторое развитие также и остальных.

Совсем иное получится, если мы возьмем какой-либо, хотя бы также очень типичный и часто встречающийся экзокомплекс. Так, например, условия больших художественных центров способствуют возникновению так называемой художественной и литературной «богемы», основные черты которой всем хорошо известны: молодежь, еще не успевшая как следует устроиться в материальном отношении, обычно холостая (так как не на что содержать семью), живущая компанией (так

как одному в пустой, неуютной каморке скучно и тоскливо), неряшливая в своем костюме и домашнем обиходе (так как нет жены, которая следила бы за хозяйством), беззаботная (так как не о ком и не о чем особенно заботиться), живущая то впроголодь, то устраивающая кутежи (если кому-нибудь удастся выгодно продать картину или иным каким-нибудь способом достать денег), — все эти характерные черты обусловлены, очевидно, не столько внутренним психическим складом каждого из этих молодых людей, сколько теми внешними обстоятельствами, среди которых им приходится жить и работать.

Необходимо, впрочем, оговориться, что вопрос о делении психики личности на эндо- и экзопсихику не следует смешивать с вопросом о различном происхождении отдельных элементов личности. Было бы, например, совершенно неправильно думать, что все решительно эндочерты являются прирожденными (унаследованными), тогда как экзопроявления всецело сводятся к отпечатку, накладываемому на человека воспитанием и внешней средой. В общем, конечно, такое соотношение можно считать безусловно преобладающим. Тем не менее бывают нередко случаи, когда воспитание и внешние условия могучим образом способствуют усилению и дальнейшему развитию такой эндочерты, которая без них осталась бы заглохшей и совершенно неразвитой. С другой стороны, тот или иной характерный экзокомплекс также неизбежно предполагает усиление у данного человека соответствующих ему элементарных психических свойств (например, в приведенном выше примере — общительности, беспорядочности поступков, склонности к чувственным наслаждениям и т. д.); вся суть лишь в том, что сочетание этих элементарных психических свойств определяется в данном случае не их внутренней, органической связью, а посторонними, вне человека находящимися условиями.

Еще одна оговорка. Не следует думать, что экзопсихическая сторона личности — это нечто внешнее, поверхностное, преходящее, имеющее значение лишь для данного момента, и что с переменой внешних условий всякий раз меняются также и экзопроявления. Наоборот, некоторые характерные эк-

зопроявления (например, привычка или непривычка к труду, отношение к собственности, социальные взгляды, миросозерцание и т. п.), будучи раз выработаны и усвоены человеком, отличаются впоследствии нередко такой же прочностью, как и его эндопсихика, оставаясь иногда неизменными до самого конца жизни, несмотря на неоднократную перемену внешних условий и окружающей обстановки.

Деление по психическим уровням

Теперь перейдем к более подробному рассмотрению отдельных принципов нашей классификации и прежде всего остановимся на вопросе о том, что мы называем психическим уровнем. Известно, что всякий человек в своем физическом и духовном развитии проходит последовательно целый ряд определенных ступеней, причем каждая последующая ступень характеризуется большим богатством и интенсивностью душевной жизни по сравнению с предыдущей. Этот процесс «психического роста», или «психического развития», отличается наибольшей стремительностью в первые годы жизни ребенка, а также в отроческом и отчасти в юношеском возрасте; по мере же приближения к 25–30 годам он постепенно замедляется и, наконец, совершенно останавливается; основное ядро личности окончательно определилось, психический уровень человека более или менее выяснился. В дальнейшем ему предстоит, быть может, еще развить крайне интенсивную и разнообразную деятельность, — но это будут лишь обнаружения уже сформировавшейся личности, сводящиеся преимущественно к ее экзопроявлениям, в то время как совокупность свойственных ему основных психических функций (эндопсихика) остается в дальнейшем более или менее неизменной.

Сравнивая между собою процесс психического роста у разных индивидуумов, нетрудно убедиться, что высшие, предельные границы этого роста, определяющие собой то, что мы называем психическим уровнем человека, отличаются у разных людей крайним разнообразием. Это зависит, с одной стороны, от «степени одаренности» человека, т. е. от богатства и интенсивности его прирожденных способностей, а с другой — от

влияния внешних условий (и прежде всего воспитания и образования), способствующих или, наоборот, мешающих развитию природных дарований. Как бы то ни было, но в конце концов каждый человек достигает в известном возрасте предельного, доступного ему психического уровня, который в большинстве случаев является для него окончательным. При нормальных внешних условиях и соответствующем воспитании и образовании уровень этот определяется, как уже сказано, прирожденной одаренностью человека, сводящейся в конце концов к общему (потенциальному) запасу его нервно-психической энергии или, употребляя другой термин, к присущему ему большему или меньшему количеству психической активности. Само собою разумеется, что под словами «активность» и «энергия» следует понимать отнюдь не волевое усилие в узком смысле этого слова (как это делают нередко психологи волюнтаристического толка), а нечто гораздо более широкое, лежащее в основе всех вообще наших душевных процессов и проявлений. Иначе, если бы мы в качестве критерия психического уровня брали только волевые процессы, нам пришлось бы сделать целый ряд натяжек, например многих великих художников, писателей, мыслителей и т. п. поставить в психическом отношении ниже самых заурядных полководцев или администраторов, обладавших твердой, непреклонной волей.

В последнее время были сделаны попытки количественно измерить степень этой общей активности (resp. количество нервно-психической энергии), лежащей в основе душевной жизни каждого отдельного индивидуума. Так, Spearman, на основании ряда исследований, произведенных по методу корреляции, пришел к заключению, что нахождение близкой связи (высокого коэффициента корреляции) между двумя какими-нибудь способностями далеко не всегда обусловливается внутренним сродством этих способностей, а, наоборот, чаще свидетельствует об участии в них одного общего фактора, который Spearman называет «общим фондом психической энергии». Физиологическую основу этого фонда составляет свободная энергия всей мозговой коры и, быть может, также и некоторых других частей нервной системы. <...>

Общий потенциальный запас нервно-психической энергии каждого отдельного человека обнаруживается, как мы сейчас увидим, целым рядом сложных и разнообразных признаков, и определение его далеко не может быть таким простым и схематичным, как это представляет себе Spearman. Тем не менее заслуга этого последнего состоит в том, что сама проблема существования «общего фонда психической энергии», вместе с количественными колебаниями этого фонда у разных индивидуумов, выдвинута и подчеркнута им с большой рельефностью.

С. Л. Рубинштейн

О ЛИЧНОСТНОМ ПОДХОДЕ[1]

Все психические процессы, с изучения которых начался наш анализ психического содержания деятельности человека, протекают в личности, и каждый из них в своем реальном протекании зависит от нее.

Зависимость психических процессов от личности как индивидуальности выражается, во-первых, в индивидуально-дифференциальных различиях. Люди в зависимости от общего склада их индивидуальности различаются по типам восприятия и наблюдения, памяти, внимания (в смысле переключаемости) и т. д. Индивидуальные различия проявляются в самом содержании воспринимаемого, запоминаемого и т. д., что особенно ярко выступает в избирательном характере запоминания и забывания.

Зависимость психических процессов от личности выражается, во-вторых, в том, что они, как показал наш анализ, не имея самостоятельной линии, зависят от общего развития личности. При изучении эмоций было установлено, что чувства человека в один период или эпоху его жизни не являются всегда непрерывным продолжением, более или менее осложненным, его чувств в предшествующий период. Когда опреде-

---

[1] Введение к пятой части «Основ общей психологии». Текст приводится по книге: Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1998.

ленная полоса или эпоха нашей жизни безвозвратно отходит в прошлое и на смену ей приходит новая, то вместе с этим сменяется весь строй эмоциональной жизни. Связь чувств с настоящими установками личности существеннее, чем связь их с прошлыми чувствами. Поскольку между новыми и старыми чувствами сохраняется преемственность, она опосредована и обусловлена связью с развивающейся личностью. То же в не меньшей степени применимо к организации волевой жизни и к любой аналитически выделенной стороне психики.

Тот факт, что психические процессы человека суть проявления личности, выражается, в-третьих, в том, что у человека они не остаются только процессами, совершающимися самотеком, а превращаются в сознательно регулируемые действия или операции, которыми личность как бы овладевает и которые она направляет на разрешение встающих перед ней в жизни задач. Так, процесс восприятия превращается у человека в более или менее сознательно регулируемый им процесс наблюдения, и в этом именно проявляется существенная особенность подлинно человеческого восприятия. Точно так же в человеческой памяти непроизвольное запечатление сменяется сознательным запоминанием и превращается в организованную деятельность заучивания, так же как непроизвольное всплывание воспоминаний сменяется намеренным припоминанием. Мышление по самому существу всегда является совокупностью операций, сознательно направляемых на разрешение задач. Внимание, в своей специфически человеческой форме, оказывается произвольным, т. е. сознательно регулируемым вниманием. Оно, в сущности, есть лишь проявление воли, которая выражается в том, что вся деятельность человека превращается в действия, сознательно регулируемые личностью.

Таким образом, вся психология человека в той трактовке, которая была ей здесь дана, является психологией личности. Личность не выступает лишь как завершение курса психологии. Она проходит через все построение, от начала до конца. Она образует основу, изнутри определяющую трактовку психики человека в целом. Все психические процессы составляют психическое содержание жизни личности. Каждый вид пси-

хических процессов вносит свой вклад в богатство ее внутренней жизни. Стоит обратить внимание на то, какое огромное место в жизни музыкального человека может занять музыка и в какой мере музыкальные впечатления могут заполнить и обогатить его жизнь, чтобы понять, какое большое потенциальное богатство для духовной жизни личности заключено в ее чувствительности. Достаточно присмотреться к жизни любого слепого человека, чтобы убедиться в том, как выпадение хотя бы одной сферы ощущений отражается на всей жизни и психическом облике личности, вплоть до ее характерологических черт (обусловливая настороженность, переходящую то в собранность, то в мнительность, и т. п.). Это относится, конечно, не только к чувствительности, но никак не в меньшей мере и ко всем другим психическим явлениям. Например, память сохраняет и воспроизводит наше прошлое в воспоминаниях, часто еще согретых теплотой личного переживания; отражая в сознании наш жизненный путь в преемственной связи между нашим «сегодня» и нашим «вчера», она существенно обусловливает само единство сознания. Но от психических процессов надо все же отличать психические свойства личности, те черты, которые, определяя направленность личности, ее способности и характер, составляют основание самой личности и определяют ее психологический облик.

Психические процессы и психические свойства личности фактически неотрывны друг от друга. С одной стороны, все психические процессы в их конкретном протекании зависят от свойств и особенностей личности, начиная с ощущений и восприятий, которые в полноте своего содержания и реального протекания зависят вовсе не только от деятельности будто бы изолированного рецептора, а от свойств самой личности, от ее восприимчивости и впечатлительности и т. д.; с другой — каждый вид психических процессов, выполняя свою роль в жизни личности, в ходе деятельности переходит в ее свойства. Поэтому при изучении любой категории психических процессов — познавательных, эмоциональных, волевых — мы от изучения общих закономерностей переходили к тем индивидуально-типологическим особенностям, которые выступают в данной сфере. Индивидуально-типологические особенности

в восприятии, памяти, мышлении, воображении, внимании, не говоря уже об индивидуально-типологических особенностях в эмоциональной и волевой сфере, — это уже психические свойства и особенности личности в области восприятия, мышления и т. д., как-то: восприимчивость и впечатлительность, наблюдательность, вдумчивость, рассудительность, эмоциональная возбудимость и устойчивость, инициативность, решительность, настойчивость и т. п. Тем самым уже внутри аналитического изучения психических процессов наметился совершающийся с внутренней необходимостью переход к изучению психических свойств личности. Теперь они должны стать предметом специального изучения.

Психические свойства — не изначальная данность; они формируются и развиваются в процессе деятельности личности. Подобно тому как организм не развивается сначала, а затем функционирует, а развивается, функционируя, так и личность не формируется сначала, а затем начинает действовать: она формируется, действуя, в ходе своей деятельности. В деятельности личность и формируется, и проявляется. Будучи в качестве субъекта деятельности ее предпосылкой, она является вместе с тем и ее результатом. Путь от аналитического изучения психических процессов к изучению психических свойств личности проходит поэтому через изучение психологической стороны ее деятельности. Единство деятельности, объединяющей многообразные действия и поступки, — в единстве ее исходных мотивов и конечных целей, которые являются мотивами и целями личности. Поэтому изучение психологической стороны деятельности является не чем иным, как изучением психологии личности в процессе ее деятельности. В труде, учении, игре формируются и проявляются все стороны психики. Но не все психическое содержание действия или поступка человека, не всякое психическое состояние в равной мере может быть отнесено к сколько-нибудь устойчивым свойствам личности, которые характеризовали бы какую-нибудь сторону ее психического облика. Некоторые акты в своем психическом содержании характеризуют скорее обстоятельства какой-нибудь преходящей ситуации, не всегда существенной и показательной для личности.

Поэтому особо встает вопрос о том, как формируются и закрепляются относительно устойчивые психические свойства личности[1].

Психические свойства личности — ее способности и характерологические черты — формируются в ходе жизни. Врожденные особенности организма являются лишь задатками — весьма многозначными, которые обусловливают, но не предопределяют психические свойства человека. На основе одних и тех же задатков у человека могут выработаться различные свойства — способности и черты характера в зависимости от хода его жизни и деятельности не только проявляются, но и формируются. В работе, учении и труде складываются и отрабатываются способности людей; в жизненных деяниях и поступках формируется и закаляется характер. Этот образ действий в единстве и взаимопроникновении с объективными условиями существования, выступающими как образ жизни, существенно обусловливает образ мыслей и побуждений, весь строй, склад, или психический облик, личности.

Изучение психического облика личности включает три основных вопроса. Первый вопрос, на который мы стремимся получить ответ, когда хотим узнать, что представляет собой тот или иной человек, гласит: чего он хочет, что для него привлекательно, к чему он стремится? Это вопрос о направленности, установках и тенденциях, потребностях, интересах и идеалах. Но вслед естественно встает второй: а что он может? Это вопрос о способностях, дарованиях человека. Однако способности — это сперва только возможности; для того чтобы знать, как реализует и использует их человек, нам нужно знать, что он есть, что из его тенденций и установок вошло у него в плоть и кровь и закрепилось в качестве стержневых особенностей личности. Это вопрос о характере человека.

Характер в своем содержательном аспекте теснейшим образом связан с вопросом о том, что для человека значимо в мире и в чем поэтому для него смысл жизни и деятельности. Имен-

---

[1] Термин «свойства» употребляется здесь в широком смысле, как обозначающий, наряду с характерологическими чертами, также установки и направленности личности, т. е. все, что непосредственно определяет ее психический облик. (*Примеч. С. Л. Рубинштейна*).

но то, что особенно значимо для человека, выступает в конечном счете в качестве мотивов и целей его деятельности и определяет подлинный стержень личности.

Эти различные аспекты, или стороны, психического облика личности, конечно, не внеположны. Они взаимосвязаны и взаимообусловлены. В конкретной деятельности человека все они сплетены в одном узле. Направленность личности, ее установки, раз за разом порождая в однородных ситуациях определенные поступки, переходят затем в характер и закрепляются в нем в виде свойств личности. Наличие интереса к определенной области деятельности стимулирует развитие способностей в соответствующем направлении, а наличие определенных способностей, обусловливая плодотворную работу, стимулирует интерес к ней.

Так же тесна и неразрывна взаимосвязь способностей исвойств характера. Например, наличие больших способностей, обусловливая сознание своих сил, своей мощи, не может не отразиться на характерологических свойствах человека, порождая в одних случаях уверенность в себе, твердость, решительность, в других — самомнение или беспечность, непривычку к упорному труду. Точно так же малые способности могут обусловить в одних случаях робость, неуверенность в себе, в других — упорство, трудолюбие, привычку к усидчивому труду, т. е. очень существенные характерологические свойства. Характерологические же свойства, в свою очередь, обусловливают развитие способностей, поскольку способности развиваются, реализуясь, а реализация их зависит от характерологических данных — целеустремленности, настойчивости, упорства в достижении цели и т. п. В отрыве от соответствующих характерологических свойств способности — это лишь очень абстрактные и малореальные возможности. Реальная способность — это способность в действии, неуклонном и целеустремленном; она поэтому не только способность, но и доблесть.

Так в реальной жизни личности все стороны ее психического облика, переходя друг в друга, образуют неразрывное единство.

Это единство общего психического облика человека носит всегда более или менее ярко выраженный индивидуальный характер. Понимание и учет этих индивидуальных особенно-

стей имеет огромное значение в практической жизни; без них невозможна правильная расстановка людей и рациональное их использование. Лишь при знании и учете индивидуальных особенностей каждого человека можно обеспечить всем людям наиболее полное развитие и применение их творческих возможностей и сил. Не менее необходимо знание индивидуальных особенностей в процессе воспитания и обучения. Индивидуализированный подход к каждому ребенку, к каждому учащемуся является одним из основных требований правильно поставленного процесса воспитания и обучения.

В силу большого практического значения, которое имеет вопрос об индивидуальных особенностях людей, к нему издавна привлекалось особое внимание, и нередко вся проблема психологии личности, неправомерно сужаясь, сводилась только к этому вопросу об индивидуальных особенностях. Между тем в действительности вопрос об индивидуальных особенностях и межиндивидуальных различиях — это лишь один — дифференциальный — аспект в общей проблеме психологии личности. Подлинное понимание различий в психических свойствах разных людей предполагает знание самих этих свойств, их места и значения в строении личности.

Специально в дифференциальном плане вопрос не исчерпывается только межиндивидуальными различиями; необходимо учитывать и внутрииндивидуальные различия.

Любой литературный критик знает, что встречающиеся иногда у плохих художников образы злодеев, которые являются «чистым», т. е. абстрактным воплощением злодейства без единого светлого проблеска, или ангелов, которые являются «чистым», т. е. абстрактным воплощением добродетели без единого пятнышка, жизненно не правдивы. В научной, школьной психологии это положение до сих пор почти не получило признания. Этим в значительной мере обусловлена абстрактность, нежизненность господствующей психологической науки, а также ряд существенных теоретических ее ошибок (в частности, в трактовке и определении одаренности детей посредством однократных кратковременных тестовых испытаний).

Каждый человек не только отличен от других, но он сам в различные моменты живет и действует на различных уров-

нях и достигает различных высот. И чем больше возможности человека и уровень его развития, тем более значительной бывает амплитуда таких колебаний. Самый выдающийся музыкант, актер, лектор иногда оказывается «не на высоте», т. е. не достигает уровня вообще доступных ему достижений, а в другой раз мы говорим, что он превзошел самого себя, т. е. в особенно благоприятный момент напряжения и подъема творческих сил поднялся на высоту, которой он обычно не достигает. Каждый человек таит в себе и иногда обнаруживает значительные вариации в смысле уровня, высоты функционирования. <...>

Нельзя ни разрывать единство личности, ни сводить его к простой однородности. Реальное единство психического облика личности многообразно и противоречиво. Но всегда находится в конце концов такая стержневая для данной личности позиция, с которой все свойственные ей противоречия смыкаются в единстве. Н. В. Гоголь в молодости писал своей матери: «Правда, я почитаюсь загадкою для всех, никто не разгадал меня совершенно. У вас почитают меня своенравным, каким-то несносным педантом, думающим, что он умнее всех, что он создан на другой лад от людей. Верите ли, что я внутренно сам смеялся над собой вместе с вами. Здесь меня называют смиренником, идеалом кротости и терпения. В одном месте я самый тихий, скромный, учтивый, в другом угрюмый, задумчивый, неотесанный и прочее, в третьем — болтлив и докучлив до чрезвычайности. У иных — умен, у других — глуп... Но только с настоящего моего поприща вы узнаете настоящий мой характер».

Внешне различные и даже противоположные поступки могут выражать применительно к условиям конкретной ситуации одни и те же черты характера и проистекать из одних и тех же тенденций или установок личности. Обратно: внешне однородные и как будто тожественные поступки могут совершаться по самым разнородным мотивам, выражая совершенно не однородные черты характера и установки или тенденции личности. Один и тот же поступок один человек может совершить для того, чтобы помочь кому-нибудь, а другой — чтобы перед кем-нибудь выслужиться. Одна и та же черта характера, за-

стенчивость например, может в одном случае проявиться в смущении, растерянности, в другом — в излишней шумливости и как будто развязности поведения, которой прикрывается то же смущение. Сами же смущение и застенчивость нередко порождаются весьма различными причинами — диспропорцией в одних случаях между притязаниями личности и ее способностями, в других — между ее способностями и достижениями и т. д. Поэтому ничего не поймет в поведении человека тот, кто не сумеет за внешним вскрыть свойства личности, ее направленность и тенденции, из которых исходит ее поведение.

В итоге три основных положения приобретают принципиальное значение для понимания психологии личности.

1. Психические свойства личности в ее поведении, в действиях и поступках, которые она совершает, одновременно и проявляются, и формируются. Поэтому равно неправильны статическая точка зрения, которая исходит из свойств личности как чего-то изначально данного и рассматривает ее действия и поступки лишь как проявление независимой неизменной сущности, а также динамическая точка зрения, которая вовсе растворяет личность в ситуации и, пытаясь безостаточно объяснить поведение из складывающихся в ней динамических соотношений, превращает все свойства личности лишь в изменчивые состояния, лишенные какой бы то ни было, даже относительной, устойчивости.

Первая точка зрения знает личность только как предпосылку, вторая — в лучшем случае только как результат деятельности или лишь как собственно мнимую, воображаемую точку пересечения различных сил динамической ситуации. В действительности личность и ее психические свойства одновременно и предпосылка, и результат ее деятельности. Внутреннее психическое содержание поведения, складывающееся в ситуации, особенно значимой для личности, переходит в относительно устойчивые свойства личности, а свойства личности, в свою очередь, сказываются в ее поведении. Нельзя, таким образом, ни отрывать личность от динамики ее поведения, в котором она проявляется и формируется, ни растворять.

2. В психическом облике выделяются различные сферы, или черты, характеризующие разные стороны личности; но

при всем своем многообразии, различии и противоречивости основные свойства, взаимодействуя друг с другом в конкретной деятельности человека и взаимопроникая друг в друга, смыкаются в единстве личности. Поэтому равно неправильны как точка зрения, для которой единство личности выражается в аморфной целостности, превращающей ее психический облик в туманность, так и противоположная ей, которая видит в личности лишь отдельные черты и, утратив внутреннее единство психического облика личности, тщетно ищет корреляций между внешними проявлениями этих черт.

3. Психический облик личности во всем многообразии психических свойств определяется реальным бытием, действительной жизнью человека и формируется в конкретной деятельности. Эта последняя сама формируется по мере того, как человек в процессе воспитания и обучения овладевает исторически сложившимся содержанием материальной и духовной культуры.

Образ жизни человека, включающий в неразрывном единстве определенные исторические условия, материальные основы его существования и деятельность, направленную на их изменение, обусловливает психический облик личности, которая, в свою очередь, накладывает свой отпечаток на образ жизни.

Б. М. Теплов

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЯХ ОСНОВНЫХ СВОЙСТВ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ[1]

Сила и подвижность являются свойствами нервной системы, а не свойствами личности. Это значит, что при сильной (или

[1] Статья была опубликована в книге «Психологическая наука в СССР» (1960) и вобрала в себя более раннюю статью Теплова «Об изучении типологических свойств нервной системы и их психологических проявлений» (1957). Для хрестоматии взят (с сокращениями) текст из книги: Избранные труды: В 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 151–157.

слабой), подвижной (или инертной) нервной системе могут в ходе развития при разных условиях жизни и воспитания возникнуть разные психологические черты личности. И все же знание этих свойств нервной системы имеет очень существенное объяснительное значение в психологии личности, точнее, в вопросах индивидуально-психологических различий личности.

Совершенно прав С. Л. Рубинштейн, выделяя два основных плана (аспекта) психологической характеристики личности: характер и способности. Разделение этих двух аспектов проводится по психологическим (а отнюдь не физиологическим) критериям. Темперамент, с этой точки зрения, не может рассматриваться как особый, третий аспект психологической характеристики. Темперамент может рассматриваться лишь как специальная проблема внутри проблемы характера.

В настоящее время все советские психологи так или иначе связывают темперамент именно с типологическими свойствами нервной системы... В разработке вопроса о содержании понятия темперамента психологам пришлось столкнуться с острым противоречием. С одной стороны, в истории психологии имелась очень давняя традиция характеризовать темпераменты определенными психологическими чертами. С другой стороны, Павлов еще в 1927 г. отождествил темпераменты с типами нервной системы, причем сделал это в самой категорической форме: «Мы с полным правом можем перенести установленные на собаке типы нервной системы... на человека. Очевидно, эти типы есть то, что мы называем у людей темпераментами. Темперамент есть самая общая характеристика каждого отдельного человека, самая основная характеристика его нервной системы, а эта последняя кладет ту или другую печать на всю деятельность каждого индивидуума» (1951). <...>

Сравнительно лучше других психологических определений темперамента было определение Рубинштейна: «Темперамент — это динамическая характеристика психической деятельности индивида» (1946) — лучше потому, что оно наиболее широкое по содержанию. Но и оно не решало той задачи, которая была поставлена перед психологами со времени возникновения идеи Павлова об отождествлении типа нервной

системы с темпераментом (или хотя бы о прямой обусловленности темперамента типом нервной системы). Ценность понятия «динамическая характеристика психической деятельности» заключается не столько в его положительном содержании, сколько в том, что оно отграничивает темперамент от содержания духовной жизни личности (мировоззрения, идеалов, убеждений и т. д.), которое, конечно, с темпераментом (и с типом нервной системы) не связано.

Наименее уязвимы и по основному замыслу наиболее правильны те определения темперамента, в которых не дается его психологической характеристики, а указывается лишь на обусловленность его типом высшей нервной деятельности. Однако и авторы таких определений оказывались вынужденными при дальнейшем изложении вопроса о темпераментах касаться психологического содержания этого понятия и, следовательно, не могли полностью избежать трудностей, связанных с решением сформулированной выше задачи...

В понятие темперамента, как видно из сказанного, следует включить те относящиеся к характеру, а не к способностям психологические проявления, которые обусловлены свойствами типа высшей нервной деятельности. Вероятно, можно сказать, что в темпераменте наиболее прямо выражается природная основа характера. Но от такого, в сущности формального, определения темперамента до его подлинно психологической характеристики еще очень далеко. <...>

Темперамент, с одной стороны, как психологическое проявление свойств нервной системы имеет прямое отношение к природной основе характера. С другой стороны, типологические свойства нервной системы имеют не менее близкое отношение к природной основе способностей, к тому, что обычно называется задатками. <...>

Мною неоднократно выдвигалось следующее положение: «Если общие типологические свойства определяют темперамент человека, то частные свойства имеют важнейшее значение при изучении специальных способностей» (1955, 1956). Однако это положение слишком узко. Частные (парциальные) свойства, конечно, связаны не с проблемой темперамента, а с проблемой специальных способностей. Это верно.

Но ведь существуют не только специальные, но и общие способности. Поэтому и общие свойства нервной системы имеют значение не только для проблемы темперамента, но и для проблемы общих способностей.

В. Н. Мясищев

ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ В АСПЕКТАХ НОРМЫ И ПАТОЛОГИИ[1]

Личность — высшее интегральное понятие. Личность характеризуется, прежде всего, как система отношений человека к окружающей действительности. В анализе эту систему можно дробить на бесконечное количество отношений личности к различным предметам действительности, но как бы в данном смысле эти отношения частичны ни были, каждое из них всегда остается личностным. Самое главное и определяющее личность — ее отношения к людям, являющиеся одновременно взаимоотношениями. В этом пункте субъективное[1] отношение, отчетливо проявляясь в реакциях и действиях, обнаруживает свою объективность, а индивидуально-психологическое становится социально-психологическим. Отношения человека избирательны прежде всего в эмоционально-оценочном (положительном или отрицательном) смысле. Отношения человека представляют сознательную, избирательную, основанную на опыте психологическую связь его с различными сторонами объективной действительности, выражающуюся в его действиях, реакциях и переживаниях. В свою очередь они образуются и формируются в процессах деятельности.

Избирательные отношения человека многосторонни и сложны, но не разрозненны и не рядоположены, а составляют единую сформированную его опытом индивидуальную иерархическую историческую систему, внутренне связанную, хотя,

---

[1] Статья опубликована в сборнике «Методологические проблемы психоневрологии» (1966). Текст дается по книге: Психология отношений. М.; Воронеж, 1995. С. 48–53.

может быть, и противоречивую. Так, потребность и идеал могут вступать в конфликт друг с другом, вместе с тем в идеале или в требованиях долга, так же как и в потребностях, заключено внутреннее побуждение к действию. Идеал, первоначально как внешнее требование или правило, в процессе развития становится внутренним требованием.

Сознание, чувство и воля представляют то процессуальное триединство, которое выражается потенциально в отношении к каждому объекту и проявляется в различных отношениях, в интересах, в той или иной эмоциональной (положительной или отрицательной) оценке, в той или иной степени действенной активности — влечения, желания, стремления или потребности. Отношение — сила, потенциал, определяющий степень интереса, степень выраженности эмоции, степень напряжения желания или потребности. Отношения поэтому являются движущей силой личности.

Психологи неоднократно отмечали, что у личности могут преобладать органические, личные или сверхличные (общественные) цели, мотивы или потребности. Характеризуя личность, обычно говорят об ее направленности. Этот термин, однако, не вполне удовлетворителен. В сущности, речь идет о доминирующих отношениях, т. е. о большей или меньшей активности, реактивности, аффективности в отношении к тем или иным объектам. Так, доминировать могут «животные», конкретно личные или идейные интересы. Отношения человека представляют систему, образующуюся в результате его развития, воспитания и самовоспитания. Подобно тому как объекты окружающей действительности имеют разную важность для человека, в системе его отношений имеется иерархия господствующих и подчиненных отношений. Эта система постоянно меняется, развивается, но всегда определяющую роль играют отношения между людьми, в целом обусловленные структурой общества, т. е. лежащими в его основе общественно-производственными отношениями. Общественно-историческая обусловленность личности обнаруживается прежде всего в том, что в характеристике одних личностей самым важным являются общественные, а других — личные интересы.

Первый план характеристики личности образуют доминирующие отношения последней. С вопросом о доминирующих отношениях связаны вопросы о том, для чего живет данный человек, что для него является смыслом жизни: руководят ли им социальный идеал блага или цели личного преуспевания или человек вообще не ставит перед собой отдаленных задач и целей, еле справляясь с захлестывающими его повседневными заботами.

Хотя важнейшей, и не только философски, но этически, психологически и житейски, проблеме счастья до сих пор уделяется мало внимания в научных исследованиях, она теснейшим образом связана с проблемой личности, ее целей, отношений и воспитания. Нельзя недооценивать и медицинскую сторону вопроса, так как болезнь или инвалидность вызывает реакцию личности (слабодушие, отчаяние, болезненное депрессивное состояние), крайним следствием которого может быть самоубийство. Другие болезненные формы выражают неудовлетворенность или конфликт с исходом в преступление или в реактивное невротическое или психотическое состояние.

Вторая группа свойств охватывает психический уровень человека. Это не только уровень его желаний, но и уровень его достижений. Определить данный уровень — значит ответить на вопросы: чего достиг человек, каковы его возможности, какой след он оставил в жизни общества, иначе говоря, каково историческое значение личности. Здесь опять-таки тесно соприкасаются психологический и социологический аспекты рассмотрения личности. Богатство личности определяется богатством ее опыта и, выражая уровень ее развития, неразрывно связано с ее сознательностью и ее самосознанием, под которым подразумевается способность личности правильно отражать действительность в ее настоящем и прошлом, а также предвидеть будущее, правильно оценивать себя самого и свое место в действительности.

Уровень развития личности одновременно является уровнем развития ее функциональных возможностей, ее, говоря языком психологических понятий, интеллектуальных, волевых, эмоциональных свойств. Сюда же относятся и такие еще

малоизученные свойства, как сложность, тонкость, дифференцированность личности.

Аспекты общественного и культурного развития личности полностью не совпадают. Общественное развитие человека выражается той ролью, которую играют в его поведении общественные интересы по сравнению с личными. Культурный же уровень личности выражается соотношением идейных элементов индивидуального опыта и органических («витальных») импульсов поведения. Конечно, наиболее высокий уровень развития характеризуется сочетанием коллективизма с высокой культурой. Однако культурно развитый человек может быть индивидуалистом, а культурно не развитый — коллективистом. Культурное развитие первого, какого бы высокого уровня оно ни достигло, неполноценно, ущербно, ибо недоразвиты общественные связи и мотивы поведения. Коллективизм второго оказывается стихийным, примитивным, ибо не сочетается с высоким культурным уровнем, необходимым для обеспечения общественной сознательности человека. Ступени общественного и культурного развития отличаются различной ролью, которую на каждой из них играют для личности общественные и личные отношения.

Избирательная направленность отношений определяет и внешние и внутренние реакции личности. В социальном плане — это полюса внешней социальности и внутренней отзывчивости личности к другим людям и требованиям коллектива. Уровень развития и избирательность отношений характеризуют содержание личности.

Третьим существенным компонентом является динамика реакций личности. Она соответствует тому, что в психологии называется темпераментом и с физиологической стороны освещено И. П. Павловым как тип высшей нервной деятельности.

Следует только подчеркнуть, что: 1) темперамент проявляется во всех сторонах личности, в том числе в ее интеллектуальной и идейной жизни; 2) темперамент обнаруживается лишь в области активных отношений личности; 3) темперамент также может меняться под влиянием жизненных условий. <...>

Четвертый компонент характеристики личности — это взаимосвязь основных компонентов, или общая структура лично-

сти. Сюда относятся пропорциональность, гармоничность, цельность личности, ее широта и глубина, ее функциональный профиль, т. е. соотношение различных свойств психики или то, что по преимуществу называют характером личности.

Эта сторона важна для понимания таких волевых и моральных свойств, как устойчивость, настойчивость, выдержка, самообладание, отзывчивость, внимание к человеку, принципиальность, честность и противоположные им отрицательные качества. В названных свойствах, как в едином узле, связываются доминирующие отношения человека с уровнем его развития в целом, в отдельных сторонах и в динамике темперамента.

Это может быть показано на примере полярных свойств — коллективизма и индивидуализма. Во-первых, они выражают противоположные направления движущих сил человеческого поведения. Во-вторых, в общественно-историческом плане они выступают как разные уровни процесса развития от стихийного индивидуализма и коллективизма к сознательному. Наконец, они суть особенности характера личности, проявляющиеся на каждом шагу ее жизни.

Единство в структуре личности, соотношение в ней идеального и материального, социального и индивидуального следует рассматривать в связи с ее историческим развитием. Человек формируется в социальной среде, и в ходе этого процесса у него вырабатываются такие способы действия, которые благоприятствуют возникновению и развитию сознательных психических свойств, преобразованию биологического социальным (когда социальное из внешних условий, воздействий, требований, образцов, знаний и впечатлений переходит во внутренние потребности, привычки, требования личности к себе и к окружающим). Индивидуальное постепенно, критически, не без борьбы, реорганизуется социальным и становится социальным, не утрачивая индивидуальности, но приобретая новый «социализированный» характер.

Несмотря на многообразие и изменение свойств личности, она в нормальных условиях остается единой. Это единство основывается на синтезе реакций и тенденций индивида, регулируемом его центральной нервной системой, на единстве

его жизненного опыта. Личность многообразна в своем единстве, и различные люди, имея общие свойства, обладают как типичными, так и индивидуальными особенностями. Поэтому наряду с общими закономерностями развития личности важную теоретическую и практическую задачу представляет исследование психических особенностей человека.

С позиций монистически материалистического и исторического понимания личности человек есть сложное развивающееся единство физиологического и психического, биогенного и преобразующего его социогенного.

А. Н. Леонтьев

ИНДИВИД И ЛИЧНОСТЬ[1]

В психологии понятие индивида употребляется в чрезмерно широком значении, приводящем к неразличению особенностей человека как индивида и его особенностей как личности. Но как раз их четкое различение, а соответственно и лежащее в его основе различение понятий «индивид» и «личность», составляет необходимую предпосылку психологического анализа личности.

Наш язык хорошо отражает несовпадение этих понятий: слово «личность» употребляется нами только по отношению к человеку, и притом начиная лишь с некоторого этапа его развития. Мы не говорим «личность животного» или «личность новорожденного». Никто, однако, не затрудняется говорить о животном и о новорожденном как об индивидах, об их индивидуальных особенностях (возбудимое, спокойное, агрессивное животное и т. д.; то же, конечно, и о новорожденном). Мы всерьез не говорим о личности даже и двухлетнего ребенка, хотя он проявляет не только свои генотипические особенности, но и великое множество особенностей, приобретенных под воздействием социального окружения; кстати сказать, это

[1] Фрагмент пятой главы «Деятельность и личность» из книги: Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 175–188.

обстоятельство лишний раз свидетельствует против понимания личности как продукта перекрещивания биологического и социального факторов. Любопытно, наконец, что в психопатологии описываются случаи раздвоения личности, и это отнюдь не фигуральное только выражение; но никакой патологический процесс не может привести к раздвоению индивида: раздвоенный, «разделенный» индивид есть бессмыслица, противоречие в терминах.

Понятие личности, так же как и понятие индивида, выражает целостность субъекта жизни; личность не состоит из кусочков, это не «полипняк». Но личность представляет собой целостное образование особого рода. Личность не есть целостность, обусловленная генотипически: личностью не родятся, личностью становятся. Потому-то мы и не говорим о личности новорожденного или о личности младенца, хотя черты индивидуальности проявляются на ранних ступенях онтогенеза не менее ярко, чем на более поздних возрастных этапах. Личность есть относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека. <...>

Личность есть специальное человеческое образование, которое так же не может быть выведено из его приспособительной деятельности, как не могут быть выведены из нее его сознание или его человеческие потребности. Как и сознание человека, как и его потребности (Маркс говорит: производство сознания, производство потребностей), личность человека тоже «производится» — создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности. То обстоятельство, что при этом трансформируются, меняются и некоторые его особенности как индивида, составляет не причину, а следствие формирования его личности.

Выразим это иначе: особенности, характеризующие одно единство (индивида), не просто переходят в особенности другого единства, другого образования (личности), так что первые уничтожаются; они сохраняются, но именно как особенности индивида. Так, особенности высшей нервной деятельности индивида не становятся особенностями его личности и не определяют ее. Хотя функционирование нервной системы составляет, конечно, необходимую предпосылку развития

личности, но ее тип вовсе не является тем «скелетом», на котором она «надстраивается». Сила или слабость нервных процессов, уравновешенность их и т. д. проявляют себя лишь на уровне механизмов, посредством которых реализуется система отношений индивида с миром. Это и определяет неоднозначность их роли в формировании личности.

Чтобы подчеркнуть сказанное, я позволю себе некоторое отступление. Когда речь заходит о личности, мы привычно ассоциируем ее психологическую характеристику с ближайшим, так сказать, субстратом психики — центральными нервными процессами. Представим себе, однако, следующий случай: у ребенка врожденный вывих тазобедренного сустава, обрекающий его на хромоту. Подобная грубо анатомическая исключительность очень далека от того класса особенностей, которые входят в перечни особенностей личности (в так называемую их «структуру»), тем не менее ее значение для формирования личности несопоставимо больше, чем, скажем, слабый тип нервной системы. Подумать только, сверстники гоняют во дворе мяч, а хромающий мальчик — в сторонке; потом, когда он становится постарше и приходит время танцев, ему не остается ничего другого, как «подпирать стенку». Как сложится в этих условиях его личность? Этого невозможно предсказать, невозможно именно потому, что даже столь грубая исключительность индивида однозначно не определяет формирования его как личности. Сама по себе она не способна породить, скажем, комплекса неполноценности, замкнутости или, напротив, доброжелательной внимательности к людям и вообще никаких собственно психологических особенностей человека как личности. Парадокс в том, что предпосылки развития личности по самому существу своему безличны.

Личность, как и индивид, есть продукт интеграции процессов, осуществляющих жизненные отношения субъекта. Существует, однако, фундаментальное отличие того особого образования, которое мы называем личностью. Оно определяется природой самих порождающих его отношений: это специфические для человека общественные отношения, в которые он вступает в своей предметной деятельности. Как мы уже видели, при всем многообразии ее видов и форм, все они характеризу-

ются общностью своего внутреннего строения и предполагают сознательное их регулирование, т. е. наличие сознания, а на известных этапах развития также и самосознания субъекта.

Так же как и сами эти деятельности, процесс их объединения — возникновения, развития и распада связей между ними — есть процесс особого рода, подчиненный особым закономерностям.

Изучение процесса объединения, связывания деятельностей субъекта, в результате которого формируется его личность, представляет собой капитальную задачу психологического исследования. Ее решение, однако, невозможно ни в рамках субъективно-эмпирической психологии, ни в рамках поведенческих или «глубинных» психологических направлений, в том числе и их новейших вариантов. Задача эта требует анализа предметной деятельности субъекта, всегда, конечно, опосредованной процессами сознания, которые и «сшивают» отдельные деятельности между собой. Поэтому демистификация представлений о личности возможна лишь в психологии, в основе которой лежит учение о деятельности, ее строении, ее развитии и ее преобразованиях, о различных ее видах и формах. <...>

Здесь мы подходим к главной методологической проблеме, которая кроется за различением понятий «индивид» и «личность». Речь идет о проблеме двойственности качеств социальных объектов, порождаемых двойственностью объективных отношений, в которых они существуют. Как известно, открытие этой двойственности принадлежит Марксу, показавшему двойственный характер труда, производимого продукта и, наконец, двойственность самого человека как «субъекта природы» и «субъекта общества».

Для научной психологии личности это фундаментальное методологическое открытие имеет решающее значение. Оно радикально меняет понимание ее предмета и разрушает укоренившиеся в ней схемы, в которые включаются такие разнородные черты или «подструктуры», как, например, моральные качества, знания, навыки и привычки, формы психического отражения и темперамент. Источником подобных «схем личности» является представление о развитии личности как о ре-

зультате наслаивания прижизненных приобретений на некий предсуществующий метапсихологический базис. Но как раз с этой точки зрения личность как специфически человеческое образование вообще не может быть понята.

Действительный путь исследования личности заключается в изучении тех трансформаций субъекта (или, говоря языком Л. Сэва, «фундаментальных переворачиваний»), которые создаются самодвижением его деятельности в системе общественных отношений[1]. На этом пути мы, однако, с самого начала сталкиваемся с необходимостью переосмыслить некоторые общие теоретические положения.

Одно из них, от которого зависит исходная постановка проблемы личности, возвращает нас к уже упомянутому положению о том, что внешние условия действуют через внутренние. «Положение, согласно которому внешние воздействия связаны со своим психическим эффектом опосредованно через личность, является тем центром, исходя из которого определяется теоретический подход ко всем проблемам психологии личности...»[2]. То, что внешнее действует через внутреннее, верно, и к тому же безоговорочно верно, для случаев, когда мы рассматриваем эффект того или иного воздействия. Другое дело, если видеть в этом положении ключ к пониманию внутреннего как личности. Автор поясняет, что это внутреннее само зависит от предшествующих внешних воздействий. Но этим возникновение личности как особой целостности, прямо не совпадающей с целостностью индивида, еще не раскрывается, и поэтому по-прежнему остается возможность понимания личности лишь как обогащенного предшествующим опытом индивида.

Мне представляется, что, для того чтобы найти подход к проблеме, следует с самого начала обернуть исходный тезис: внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет. Положение это имеет совершенно реальный смысл. Ведь первоначально субъект жизни вообще выступает лишь как обладающий, если воспользоваться выражением Энгельса,

---

[1] См.: *Сэв Л.* Марксизм и теория личности. М., 1972. С. 413.
[2] *Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. С. 118.

самостоятельной силой реакции, но эта сила может действовать только через внешнее, в этом внешнем и происходит ее переход из возможности в действительность: ее конкретизация, ее развитие и обогащение — словом, ее преобразования, которые суть преобразования и самого субъекта, ее носителя. Теперь, т. е. в качестве преобразованного субъекта, он и выступает как преломляющий в своих текущих состояниях внешние воздействия.

Деятельность как основание личности

Главная задача состоит в том, чтобы выявить действительные «образующие» личности — этого высшего единства человека, изменчивого, как изменчива сама его жизнь, и вместе с тем сохраняющего свое постоянство, свою аутоидентичность. <...>

Реальным базисом личности человека является совокупность его общественных по своей природе отношений к миру, но отношений, которые реализуются, а они реализуются его деятельностью, точнее, совокупностью его многообразных деятельностей.

Имеются в виду именно деятельности субъекта, которые и являются исходными «единицами» психологического анализа личности, а не действия, не операции, не психофизиологические функции или блоки этих функций; последние характеризуют деятельность, а не непосредственно личность. На первый взгляд это положение кажется противоречащим эмпирическим представлениям о личности и, более того, объединяющим их. Тем не менее оно единственно открывает путь к пониманию личности в ее действительной психологической конкретности.

Прежде всего на этом пути устраняется главная трудность: определение того, какие процессы и особенности человека относятся к числу психологически характеризующих его личность, а какие являются в этом смысле нейтральными. Дело в том, что, взятые сами по себе, в абстракции от системы деятельности, они вообще ничего не говорят о своем отношении к личности. Едва ли, например, разумно рассматривать как «личностные» операции письма, способность чистописания.

Но вот перед нами образ героя повести Гоголя «Шинель» Акакия Акакиевича Башмачкина. Служил он в некоем департаменте чиновником для переписывания казенных бумаг, и виделся ему в этом занятии целый разнообразный и притягательный мир. Окончив работу, Акакий Акакиевич тотчас шел домой. Наскоро пообедав, вынимал баночку с чернилами и принимался переписывать бумаги, которые он принес домой, если же таковых не случалось, он снимал копии нарочно, для себя, для собственного удовольствия. «Написавшись всласть, — повествует Гоголь, — он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то бог пошлет переписывать завтра».

Как произошло, как случилось, что переписывание казенных бумаг заняло центральное место в его личности, стало смыслом его жизни? Мы не знаем конкретных обстоятельств, но так или иначе обстоятельства эти привели к тому, что произошел сдвиг одного из главных мотивов на обычно совершенно безличные операции, которые в силу этого превратились в самостоятельную деятельность, в этом качестве они и выступили как характеризующие личность. <...>

Иногда дело обстоит иначе. В том, что с внешней стороны кажется действиями, имеющими для человека самоценное значение, психологический анализ открывает иное, а именно, что они являются лишь средством достижения целей, действительный мотив которых лежит как бы в совершенно иной плоскости жизни. В этом случае за видимостью одной деятельности скрывается другая. Именно она-то непосредственно и входит в психологический облик личности, какой бы ни была осуществляющая ее совокупность конкретных действий. Последняя составляет как бы только оболочку этой другой деятельности, реализующей то или иное действительное отношение человека к миру, — оболочку, которая зависит от условий, иногда случайных. Вот почему, например, тот факт, что данный человек работает техником, сам по себе еще ничего не говорит о его личности; ее особенности обнаруживают себя не в этом, а в тех отношениях, в которые он неизбежно вступает, может быть, в процессе своего труда, а может быть, и вне этого процесса.

Общий вывод из сказанного состоит в том, что в исследовании личности нельзя ограничиваться выяснением предпосылок, а нужно исходить из развития деятельности, ее конкретных видов и форм и тех связей, в которые они вступают друг с другом, так как их развитие радикально меняет значение самих этих предпосылок. Таким образом, направление исследования обращается — не от приобретенных навыков, умений и знаний к характеризуемым ими деятельностям, а от содержания и связей деятельностей к тому, как и какие процессы их реализуют, делают их возможными.

Уже первые шаги в указанном направлении приводят к возможности выделить очень важный факт. Он заключается в том, что в ходе развития субъекта отдельные его деятельности вступают между собой в иерархические отношения. На уровне личности они отнюдь не образуют простого пучка, лучи которого имеют свой источник и центр в субъекте. Представление о связях между деятельностями как о коренящихся в единстве и целостности их субъекта является оправданным лишь на уровне индивида. На этом уровне (у животного, у младенца) состав деятельностей и их взаимосвязи непосредственно определяются свойствами субъекта — общими и индивидуальными, врожденными и приобретаемыми прижизненно. Например, изменение избирательности и смена деятельности находятся в прямой зависимости от текущих состояний потребностей организма, от изменения его биологических доминант.

Другое дело — иерархические отношения деятельностей, которые характеризуют личность. Их особенностью является их «отвязанность» от состояний организма. Эти иерархии деятельностей порождаются их собственным развитием, они-то и образуют ядро личности.

Иначе говоря, «узлы», соединяющие отдельные деятельности, завязываются не действием биологических или духовных сил субъекта, которые лежат в нем самом, а завязываются они в той системе отношений, в которые вступает субъект.

Наблюдение легко обнаруживает те первые «узлы», с образования которых у ребенка начинается самый ранний этап формирования личности. В очень выразительной форме это явление однажды выступило в опытах с детьми-дошкольни-

ками. Экспериментатор, проводивший опыты, ставил перед ребенком задачу — достать удаленный от него предмет, непременно выполняя правило — не вставать со своего места. Как только ребенок принимался решать задачу, экспериментатор переходил в соседнюю комнату, из которой и продолжал наблюдение, пользуясь обычно применяемым для этого оптическим приспособлением. Однажды после ряда безуспешных попыток малыш встал, подошел к предмету, взял его и спокойно вернулся на место. Экспериментатор тотчас вошел к ребенку, похвалил его за успех и в виде награды предложил ему шоколадную конфету. Ребенок, однако, отказался от нее, а когда экспериментатор стал настаивать, то малыш тихо заплакал.

Что лежит за этим феноменом? В процессе, который мы наблюдали, можно выделить три момента: 1) общение ребенка с экспериментатором, когда ему объяснялась задача; 2) решение задачи и 3) общение с экспериментатором после того, как ребенок взял предмет. Действия ребенка отвечали, таким образом, двум различным мотивам, т. е. осуществляли двоякую деятельность: одну — по отношению к экспериментатору, другую — по отношению к предмету (награде). Как показывает наблюдение, в то время когда ребенок доставал предмет, ситуация не переживалась им как конфликтная, как ситуация «сшибки». Иерархическая связь между обеими деятельностями обнаружилась только в момент возобновившегося общения с экспериментатором, так сказать, post factum[1]: конфета оказалась горькой, горькой по своему субъективному, личностному смыслу.

Описанное явление принадлежит к самым ранним, переходным. Несмотря на всю наивность, с которой проявляются эти первые соподчинения разных жизненных отношений ребенка, именно они свидетельствуют о начавшемся процессе формирования того особого образования, которое мы называем личностью. Подобные соподчинения никогда не наблюдаются в более младшем возрасте, зато в дальнейшем развитии, в своих несоизмеримо более сложных и «спрятанных» формах они заявляют о себе постоянно. Разве не по аналогичной же схеме возникают такие глубоко личностные явления, как, скажем, угрызения совести?

Развитие, умножение видов деятельности индивида приводит не просто к расширению их «каталога». Одновременно происходит центрирование их вокруг немногих главнейших, подчиняющих себе другие. Этот сложный и длительный процесс развития личности имеет свои этапы, свои стадии. Процесс этот неотделим от развития сознания, самосознания, но не сознание составляет его первооснову, оно лишь опосредствует и, так сказать, резюмирует его.

Б. Г. Ананьев

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ И ЕЕ СТАНОВЛЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА[1]

Проблема личности, являясь одной из центральных в теоретической и прикладной психологии, выступает как исследование характеристики психических свойств и отношений личности (общая психология личности), индивидуальных особенностей и различий между людьми (дифференциальная психология), межличностных связей, статуса и ролей личности в различных общностях (социальная психология), субъекта общественного поведения и конкретных видов деятельности (все области прикладной психологии).

В каждой из этих психологических дисциплин проблема личности включена в определенный контекст и соответствующую систему пограничных для нее проблем, понятий и операций исследования. В общей психологии, помимо характеристик отношений личности, иерархии ее тенденций и мотивов, специальное значение имеет изучение психических свойств как высшей интеграции всех феноменов психического развития человека (психических состояний и процессов, потребно-

[1] Фрагменты четвертой главы книги «О проблемах современного человекознания». 1977. С. 187–249.

стей, психофизиологических функций). В такой плоскости рассматриваемые психологические свойства человека имеют своими источниками более частные феномены, которые не только субординационно связаны с этими высшими уровнями обобщения, но и сами являются их генетическими корнями. <...>

В каждом из психических процессов, как можно думать, представлены проекции всех основных характеристик человека как индивида, личности и субъекта деятельности.

Структура личности имеет своим генетическим источником длительные и разнообразные метаморфозы психических феноменов, особенно их интеграцию по рассмотренному нами типу. В этом смысле структура личности — продукт индивидуально-психического развития, который выступает в трех планах: онтогенетической эволюции психофизиологических функций, становления деятельности и истории развития человека как субъекта труда, познания и общения, наконец, как жизненного пути человека — истории личности. Вместе с тем структура личности, сложившаяся в процессе индивидуального развития человека, сама детерминирует направление, степень изменения и уровень развития всех феноменов психического развития. С. Л. Рубинштейн именно в этой структуре личности, в комплексе личностных свойств усматривал те внутренние условия, через которые действуют те или иные внешние факторы.

Промежуточные переменные между ситуацией и поведенческой реакцией на нее образуются из взаимодействия основных характеристик человека, характером которых является структура личности. <...>

Характеристики человека как индивида

Имеются основания для выделения двух основных классов индивидных свойств: 1) возрастно-половых и 2) индивидуально-типических. В первый из них входят возрастные свойства, последовательно развертывающиеся в процессе становления индивида (стадии онтогенетической эволюции), и половой диморфизм, интенсивность которого соответствует онтогенети-

ческим стадиям. Во второй класс входят конституциональные особенности (телосложение и биохимическая индивидуальность), нейродинамические свойства мозга, особенности функциональной геометрии больших полушарий (симметрии — асимметрии функционирования парных рецепторов и эффекторов). Все эти свойства являются первичными и существуют на всех уровнях, включая клеточный и молекулярный (за исключением нейродинамических и билатеральных свойств органного и организменного уровней).

Взаимодействие возрастно-половых и индивидуально-типических свойств определяет динамику психофизиологических функций (сенсорных, мнемических, вербально-логических и т. д.) и структуру органических потребностей.

Эти свойства индивида можно назвать вторичными производными эффектами основных параметров индивида. Есть основания предполагать, что высшая интеграция всех этих свойств представлена в темпераменте, с одной стороны, и задатках — с другой.

Основная форма развития всех этих свойств — онтогенетическая эволюция, осуществляющаяся по определенной филогенетической программе, но постоянно модифицирующаяся все возрастающими под влиянием социальной истории человечества диапазонами возрастной и индивидуальной изменчивости. По мере развертывания самих онтогенетических стадий усиливается фактор индивидуальной изменчивости, что связано с активным воздействием социальных свойств личности на структурно-динамические особенности индивида, являющиеся их генетическими источниками.

Характеристики человека как личности

Исходным моментом структурно-динамических свойств личности является ее статус в обществе (экономические, политические и правовые, идеологические и т. д. положения в обществе), равно как статус общности, в которой складывалась и формировалась данная личность. На основе статуса и в постоянной взаимосвязи с ним строятся системы: а) общественных функций-ролей и б) целей и ценностных ориентаций.

Можно сказать, что статус, роли и ценностные ориентации образуют первичный класс личностных свойств, интегрируемых определенной структурой личности. Эти личностные характеристики определяют особенности мотивации поведения, структуру общественного поведения, составляющих как бы второй ряд личностных свойств. Высшим интегрированным эффектом взаимодействия первичных и вторичных личностных свойств является характер человека, с одной стороны, склонности — с другой. Основная форма развития личностных свойств человека — жизненный путь человека в обществе, его социальная биография.

Основные характеристики человека как субъекта деятельности

Исходными характеристиками человека в этой сфере развития являются сознание (как отражение объективной деятельности) и деятельность (как преобразование действительности). Человек как субъект практической деятельности характеризуется не только его собственными свойствами, но и теми техническими средствами труда, которые выступают своего рода усилителями, ускорителями и преобразователями его функций. Как субъект теоретической деятельности, человек в такой же мере характеризуется знаниями и умениями, связанными с оперированием специфическими знаковыми системами.

Высшей интеграцией субъектных свойств является творчество, а наиболее обобщенными эффектами (а вместе с тем потенциалами) — способности и талант.

Основными формами развития субъектных свойств человека являются подготовка, старт, кульминация и финиш, в общем, история производственной деятельности человека в обществе.

Разумеется, разделение человеческих свойств на индивидные, личностные и субъектные относительно, так как они суть характеристики человека как целого, являющегося одновременно природным и общественным существом. Ядро этого целого — структура личности, в которой пересекаются (обоб-

щаются) важнейшие свойства не только личности, но также индивида и субъекта. <...>

Личность как общественный индивид всегда выполняет определенную совокупность общественных функций. Каждая из этих функций осуществляется путем своеобразного общественного поведения, строится в виде известных процедур поведения и обусловливающих их мотиваций. Эти процедуры, мотивы и общественные функции личности в целом детерминированы нормами морали, права и другими явлениями общественного развития. Они ориентированы на определенные эталоны общественного поведения, соответствующие классовому сознанию или господствующей идеологии. Любая деятельность человека осуществляется в системе объектно-субъектных отношений, т. е. социальных связей и взаимосвязей, которые образуют человека как общественное существо — личность, субъекта и объекта исторического процесса.

Деятельность (труд, общение и познание, игра и учение, спорт и самодеятельность разных видов) осуществляется лишь в системе этих связей и взаимозависимостей. Поэтому субъект деятельности — личность и характеризуется теми или иными правами и обязанностями, которые общество ей присваивает, функциями и ролью, которую она играет в малой группе, коллективе и обществе в целом. <...>

Говоря о том, что субъект деятельности — личность, мы должны иметь в виду, что оба эти определения человека взаимосвязаны в такой мере, что субъект — общественное образование, а личность образуется и развивается посредством определенных деятельностей в обществе. Именно личность, а не организм человека, не природный индивид, рассматриваемый в сфере биологических законов, — носитель свойств человека как субъекта. Поэтому для обнаружения этих свойств необходимо исследовать человека как личность в системе общественных отношений. Сложнейшая целостная структура человека как субъекта раскрывается лишь на социальном уровне развития человека как личности. Уровень активности человека и социальный уровень его существования в общем совпадают. Однако уже из краткой ссылки на противоречия между развитием деятельности и реальным положением человека в капиталистическом обществе видно, что совпадение субъекта

и личности относительно. Больше того, именно расхождение между ними составляет главнейшую психологическую форму человеческой истории. Ранг личности, ее масштаб и роль в классовом антагонистическом обществе определяются множеством факторов, не имеющих никакого отношения к продуктивности основных деятельностей.

К этим факторам относятся наследование имущественных прав, сословные, классовые, расовые и национальные привилегии, создаваемые этими привилегиями престиж, репутация и популярность.

Все это конституирует личность, но ни в коей мере не определяется свойствами человека как субъекта труда и познания. В особом положении находится общение; эта деятельность в соответствии с нормами буржуазной морали может сама по себе быть орудием достижения популярности и прибыли. Общественное поведение в форме приспособления к этим нормам может быть источником образования более или менее крупных рангов личности, истинная ценность которых равна нулю, если иметь в виду производство материальных и духовных ценностей общества.

Однако конформизм не только не устраняет одиночества, но, напротив, его усиливает. Оба этих явления одинакового происхождения и свидетельствуют о патологии общения. <...>

Субъект, таким образом, всегда личность, а личность — субъект, но субъект не только личность, а личность не только субъект, так как помимо различия самих характеристик деятельности и отношений существует еще различие в принадлежности этих характеристик к более общим структурам. Дело в том, что личность как общественный индивид не есть отдельная (саморегулирующаяся) система, не есть единичный элемент общества, из совокупности которых строится и с помощью которых функционирует общество. Такой структурной единицей, «элементом» общества является не отдельный человеческий индивид с его отношениями к обществу, а группа, взаимоответственные связи которой внутри нее и между другими группами, к обществу в целом создают коллектив. <...>

Формирование личности путем интериоризации — присвоения продуктов общественного опыта и культуры в процессе воспитания и обучения — есть вместе с тем освоение

определенных позиций, ролей и функций, совокупность которых характеризует ее социальную структуру.

Все сферы мотивации и ценностей детерминированы именно этим общественным становлением личности.

Приведем ряд характеристик личности, ее основных параметров. Личность — прежде всего современник определенной эпохи, и это определяет множество ее социально-психологических свойств. В той или иной эпохе личность занимает определенное положение в классовой структуре общества. Принадлежность личности к определенному классу составляет другое основное ее определение, с которым непосредственно связано положение личности в обществе. Отсюда также следуют экономическое состояние и род деятельности, политическое состояние и род деятельности как субъекта общественно-политической деятельности (как члена организации), правовое строение и структура прав и обязанностей личности как гражданина, нравственное поведение и сознание (структура духовных ценностей). К этому следует добавить, что личность всегда определяется и характеристикой ее движения как сверстника определенного поколения, семейной структурой и положением ее в этой структуре (как отца или матери, сына или дочери и т. д.). Весьма существенной характеристикой человека как личности является ее национальная принадлежность, а в условиях расовой дискриминации капиталистического общества — и принадлежность к определенной расе (привилегированной или угнетенной), хотя сама раса не является социальным образованием, а есть феномен исторической природы человека.

Б. В. Зейгарник

ПАТОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ[1]

При разрешении каких проблем психологии личности патопсихологические исследования могут оказаться полезными?

[1] Статья опубликована: Психологический журнал. 1982. № 1. С. 43–51.

Один из важнейших разделов исследования психологии личности — выявление путей и механизмов ее развития, формирования мотивов, неправленности, регуляции и опосредования своего поведения. Разные ученые по-разному подходят к решению этих проблем, однако советские психологи соглашаются с тем, что личность формируется прижизненно. Тем не менее это ясное в методологическом отношении положение нужно подтвердить фактами. Кроме того, при анализе этой проблемы, даже с признанием прижизненного развития личности, ее особенностей, часто выдвигается положение о том, что существует некий набор заданных особенностей личности, инвариантов, которые позволяют делить людей на виды, типы. Выявилось стремление построить некую «классификацию» людей, показать, что в их поступках, деяниях решающими являются именно эти заданные особенности: одни авторы делят людей на интровертов и экстравертов (Eisenck); другие — на более или менее акцентуированных (Leonhard), третьи — на более и менее тревожных.

Бесспорно, каждый человек индивидуален. Но именно потому, что человек обладает индивидуальностью и живет в разных условиях жизни, «классификация» делит людей на основании неких свойств, которые якобы генетически предопределены. В обнаружении величины, силы этих свойств, их корреляции (Kettel) многие ученые видят путь к изучению личности. Больше того, на основании этого деления пытаются разрешить такие жизненно важные вопросы, как профориентация, пригодность к творческой работе, даже предсказывать антисоциальное поведение. Когда же речь идет о медицинской практике, то этот набор заданных свойств личности пытаются связывать с болезнью мозга. В качестве излюбленного образца приводят данные о так называемой «эпилептической личности», которая якобы конституционально предопределена. Поэтому хотелось бы взять именно эту модель для доказательства несостоятельности подобных положений.

В психиатрии используется крылатое выражение Крепелина (Kraepelin) и Замта (Samt), что эпилептик — человек «с Библией в руках и камнем за пазухой», т. е. ханжа. Другая его черта — чрезвычайная педантичность поведения. Больной

говорит елейно: он поел сегодня не хлеб, а «хлебушек», он попил не молока, а «молочка». При описании наружности человека он говорит не о руках, а о «ручках», «глазках». С другой стороны, если кто-нибудь из его близких при уборке переложил на его столе карандаш, скажем, с левой части стола на правую, больной может ударить, избить убиравшую жену или дочь.

И все же эти изменения личности не заданы ни самой болезнью, ни конституциональной обусловленностью. Исследование жизни ряда больных эпилепсией, проведенные Т. С. Кабаченко, проливают некоторый свет на механизмы этих искажений. Так, выявилось, что первый припадок у этих больных произошел в период обучения в школе, в присутствии детей; надо учесть, что эпилептический припадок часто сопровождается непроизвольным мочеиспусканием. Конечно, дети были не только испуганы, но и дразнили ребенка, давали ему обидные прозвища, не хотели с ним играть. Больные дети обижались, им хотелось общения со сверстниками и они прибегали к невинным уловкам типа: «Возьми меня играть в футбол, а я тебе принесу марки». Так формировался способ приспособления, начинавшийся с невинной уловки и приобретавший со временем устойчивый характер: нелеченная и плохо леченная эпилептическая болезнь приводит к инертности нервных и психических процессов, в результате чего способы поведения закрепляются. Таким образом, возникающие у эпилептика черты не заданы заранее. Болезнь явилась лишь условием их появления...

Из-за инертности все внимание больного эпилепсией концентрируется на том, что он выполняет сейчас. Выработка каждой операции получает самостоятельный смысл. Так, если в «пиктограмме» надо запомнить выражение «веселый праздник», то больной эпилепсией не просто рисует конкретную картинку, а подробно вырисовывает все детали: еду, тарелки, бутылки, сидящих людей. В итоге он концентрирует свое внимание не на «веселом празднике», а на описании картинки: «Люди сидят, застолье, что ли». Подобная инертность выявилась и в опытах Карстен (Karsten) на пресыщение. Если вторая инструкция «Я хотела проверить ваше терпение» меняет поведение здорового испытуемого — при этом вариаций ста-

новится меньше, — то у больного эпилепсией вторая инструкция ничего не меняет.

Приведенными примерами мы хотели показать, что изменения личности (в данном случае речь шла о ханжестве, педантичности больного эпилепсией) не являются ни прирожденными, ни вытекающими непосредственно из самого болезненного процесса.

Особенности личности формируются у здорового и у больного человека по одним и тем же закономерностям, но условия как социальные, так и биологические изменились. Реализуется тезис С. Л. Рубинштейна о том, что внешние причины действуют через внутренние условия. Именно потому, что патопсихологические исследования направлены на исследование не какой-нибудь одной черты, одного признака, одного инварианта, а на изучение всего человека в его поступках, поведении, общении, они могут служить конкретным доказательством правильности этого положения. Не на классификацию людей и выделение типов должны быть направлены исследования развития личности (больной или здоровой), а на условия, которые привели к той или иной структуре его деятельности. Об этом свидетельствуют и данные В. В. Николаевой из практики соматической клиники о том, что нередко только в момент тяжелого заболевания выявляется в полной мере, какая по содержанию деятельность была ведущей для человека, какой из мотивов был смыслообразующим.

Другие проблемы — строения и иерархизация мотивов, переход ситуационно возникающих мотивов в устойчивые личностные образования, переход социального мотива во влечение — очень важны.

Болезни мозга вызывают различные виды нарушений личности — изменение иерархии мотивов, их смыслообразующей функции, порождение патологических потребностей и мотивов и др. Изучение этих нарушений важно не только в коррекционном плане, но и в теоретическом, так как здесь вскрываются механизмы порождения новых потребностей, мотивов, ценностных ориентаций человека. В этом отношении показателен анализ наркоманической потребности, в частности алкогольной, проведенный Б. С. Братусем.

Понятно, что потребность в алкоголе не входит в число естественных. Человек начинает пить из чисто ситуационных мотивов («хотелось казаться взрослым», «алкоголь повышает активность», «становишься храбрым»).

Мы не будем характеризовать становление болезни алкоголизма, оно достаточно описано. Хотелось лишь подчеркнуть, что при систематическом употреблении алкоголя, когда появляется так называемая «биологическая зависимость» от него, перестраивается система потребностей. Из ситуационно обусловленной потребности она превращается во влечение, притом императивное, главенствующее. В итоге потребность не может быть удовлетворена в рамках социально принятых нормативов и ценностей. Для ее удовлетворения выделяются вспомогательные средства, носящие антисоциальный характер (Братусь, 1974).

Можно проследить и изменение других потребностей, например всепоглощающей заботы о своем здоровье, потребности накопления. Исследования, основанные на корреляции отдельных процессов, показывают лишь феномены, они не могут восстановить картину порождения и динамики потребностей. В жизни человека все время происходят переходы одной деятельности в другую: ситуативно вызванные поступки могут быть обнаружены и у людей, способных в основном регулировать свое поведение, и наоборот, люди, казалось бы, безвольные, в состоянии совершать целенаправленные поступки, если создаются определенные социально-общественные условия.

С. Л. Рубинштейн настаивал на том, что психологам следует сосредоточить свое внимание на проблеме перехода «ситуационно, с течением обстоятельств порожденных мотивов (побуждений) в устойчивые личностные побуждения» (1959). С таким «переходом» связан и вопрос предсказания, прогноза поступков человека. Этого нельзя сделать путем поиска отдельных, заданных особенностей и их корреляций. Только целостное исследование здоровой или больной личности позволяет уловить тот переход, о котором говорил Рубинштейн и который для самого человека остается часто неосознаваемым. <...>

Из всего сказанного следует, что патопсихологические методы в руках профессионально подготовленного и опытного

специалиста оказываются пригодными для исследования отношения больного, иерархизации его мотивов, самоконтроля и саморегуляции. Иными словами, специфика патопсихологического эксперимента, направленная на исследование не отдельных процессов, а на целостный анализ действий больного, таит в себе возможность подойти к решению многих сложных проблем развития личности.

Еще одна принципиальная ценность патопсихологического эксперимента состоит в том, что данные экспериментального исследования соотносятся с историей жизни заболевшего человека.

За последнее время в патопсихологических исследованиях все больше применяется анализ личностных изменений по данным истории болезни... В истории болезни, написанной квалифицированным психиатром, собраны сведения, характеризующие жизненный путь человека, его интересы, взаимоотношения в коллективе, семье. От хорошего врача-психиатра не ускользнет ни единая деталь из жизни больного.

Психолог должен уметь по данным истории болезни составить жизненный путь больного. Если для психиатра более важным является становление симптомов, их последовательность, то для психолога важно все то, что относится к изменению личности, становлению нового мотива, появлению новых целей...

Психологический анализ клинических данных не является самоцелью, он должен привести к вопросу о механизмах порождения аномалии личности. Тем самым реализуется принцип, провозглашенный Л. С. Выготским, что к психологическим явлениям нельзя подходить как к чему-то готовому. Для того чтобы понять их природу, надо изучать их в развитии. В зависимости от того, что явилось ключевым в нарушении личности, в зависимости от гипотезы о порождающих это нарушение механизмах строится и патопсихологический эксперимент, отбираются те или иные приемы. Нельзя употреблять один и тот же стандартный набор методик, так как аномальное развитие личности — это всегда новое качество. Эксперимент не только проверяет нашу гипотезу, но и привносит новое прочтение того, что написано в истории болезни. И наоборот, часто клинические факты помогают понять выявленные нами экспериментальные данные.

Из всех прикладных областей психологии патопсихология с ее методом является, пожалуй, наиболее близкой к общей психологии. И хотя мы не выводим закономерностей развития нормальной личности на примере больной, материал, который предоставляет патопсихология, важен для разрешения таких вопросов, как иерархизация мотивов, становление целей, переход одних деятельностей в другие, соотношение первичных и вторичных явлений в становлении личности. Материал из области патологии может ответить на многие еще не решенные вопросы общей психологии личности.

Б. Ф. Ломов

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЩЕЕ ОСНОВАНИЕ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ[1]

Категория личности относится в психологической науке к числу базовых... она не является сугубо психологической и в различных планах исследуется многими, а по существу, всеми общественными науками, поэтому и здесь возникает вопрос о том специальном аспекте, в котором личность исследуется психологией. Как было показано, психические явления формируются, развиваются и проявляются в процессах деятельности и общения. Но принадлежат они не деятельности или общению, а их субъекту — общественному индивиду — личности. Ни деятельность, ни общение сами по себе никакими психическими качествами не обладают, да они сами по себе и не существуют. Но этими качествами обладает личность. Таким образом, и проблема деятельности, и проблема общения «замыкаются» на проблему личности. В конце концов через анализ деятельности и общения (более широко — всей жизнедеятельности человека) психология раскрывает — во всяком случае должна

[1] Фрагменты шестой главы «Проблема личности в психологии» из книги автора «Методологические и теоретические проблемы психологии». М., 1984. С. 289–331.

раскрыть — психологический склад личности, ее внутренний, духовный мир.

Наряду с принципами единства сознания (человеческой психики в целом) и деятельности, сознания и общения в советской психологии сформулирован личностный принцип, который требует исследовать психические процессы и состояния как процессы и состояния личности. <...>

Понятие «личность» относится к определенным свойствам, принадлежащим индивиду (неверно было бы относить это понятие, например, к группе людей[1]). При этом имеется в виду и своеобразие, уникальность индивида, т. е. индивидуальность. Однако понятия «индивид», «индивидуальность» и «личность» не тождественны по содержанию. Каждое из них раскрывает специфический аспект индивидуального бытия человека. <...>

В любом случае личность характеризуется многообразием свойств, и это многообразие закономерно. Понятно, что в связи с этим особо значимой становится задача исследования организации свойств личности в единую структуру и прежде всего выявления тех из них, которые выступают в роли системообразующих.

Но чтобы подойти к решению этой задачи, необходимо в первую очередь рассмотреть вопрос о происхождении свойств личности. Откуда они берутся? Что является их объективным основанием? Какие детерминанты определяют их формирование и развитие? В силу каких причин (и при каких обстоятельствах) у того или иного индивида складывается определенная структура личностных свойств и в силу каких причин она изменяется?

Как известно, многочисленные попытки ответить на эти вопросы на основе изучения индивида, рассматриваемого per se, вывести психические свойства личности человека из его натуры не увенчиваются успехом. Как бы детально ни изучались человеческий организм, функции человеческого

---

[1] Впрочем, Бехтерев для обозначения группы людей пользовался понятием «собирательная личность». Он хотел этим подчеркнуть, что группа обладает некоторыми новыми качествами, несводимыми к сумме качеств индивидов, входящих в нее. Точнее здесь было бы применить понятие «совокупный субъект» (*Примеч. Б. Ф. Ломова*).

мозга, динамика психических процессов и состояний, их индивидуальное своеобразие и т. д., понять основания и другие детерминанты свойств личности на базе только этого не удается.

Психические свойства личности не могут быть раскрыты ни как функциональные, ни тем более как материально-структурные. Они принадлежат к той категории свойств, которые определяются как системные. А это значит, что для раскрытия их объективного основания нужно выйти в исследовании за пределы индивида и рассмотреть его как элемент системы. Этой системой является общество. Личностные свойства как проявления социального качества индивида можно понять лишь при изучении его жизни в обществе. Только анализ отношения «индивид—общество» позволяет раскрыть основания свойств человека как личности. <...>

Чтобы понять основания, на которых формируются те или иные свойства личности, нужно рассмотреть ее жизнь в обществе, ее движение в системе общественных отношений. Эти отношения выражаются прежде всего в том, в какие общности, в силу каких объективных причин включается в процессе жизни тот или иной конкретный индивид. В конечном счете его личностные свойства формируются и развиваются в зависимости от его принадлежности к определенному классу, нации, этнической группе, профессиональной категории, семье определенного (исторически сложившегося) типа, от образования (если он его получает) в школе (и средней и высшей) определенного типа; членства в общественных или политических организациях и т. д.

Включенность индивида в те или иные общности определяет содержание и характер выполняемых им деятельностей, круг и способы общения с другими людьми, т. е. особенности его социального бытия, его образ жизни. Это либо содействует его развитию (как, например, в подлинном коллективе), либо сдерживает развитие и уродует личность (как, например, в группах корпоративного типа).

Но образ жизни отдельных индивидов, тех или иных общностей людей, а также общества в целом определяется исторически развивающейся системой общественных отношений. Поэтому в ходе его изучения должна быть в первую очередь

раскрыта специфика проявлений этой системы. Понятно, что такую задачу психология может решить только в контакте с другими общественными науками.

Однако неверно представлять себе дело так, что образ жизни индивида точно и однозначно копирует образ жизни общества или определенных общностей людей. Общий, характерный для данного общества образ жизни выражается в огромной массе индивидуальных вариантов. Эти варианты существенно зависят от того, в какие общности и каким образом включается тот или иной конкретный индивид, мерой его участия в разных видах общественных отношений, совокупностью выполняемых деятельностей и кругом общения. <...>

Итак, общим объективным основанием свойств личности является система общественных отношений. В этом смысле общество порождает личность. Личность и общество не противостоят друг другу как две разные взаимодействующие силы. Личность — это член общества и его продукт. Отношение «индивид—общество» есть отношение порождения, формирования личности обществом. И вместе с тем порождение, формирование и развитие личностей (их исторически определенных типов) являются необходимой «составляющей» самого процесса развития общества, поскольку без личностей ни этот процесс, ни самое общество не могут существовать.

Для личности общество — это не просто некоторая внешняя среда. Как член общества, она объективно необходимым образом включена (осознает она это или нет) в систему общественных отношений. Ее мотивы, стремления, установки, привычки, симпатии и антипатии зависят от того, каково ее объективное отношение к производству, обмену и потреблению, какими гражданскими правами она обладает, как включена в политическую и идеологическую жизнь общества и т. д. Конечно, связь общественных отношений и психологических свойств личности не прямая. Она опосредствуется множеством факторов и условий, которые требуют специального исследования.

При рассмотрении социальной детерминации личности (особенно если эта детерминация понимается как линейная) обнаруживается противоречие: с одной стороны, свойства

личности, прежде всего ее сознание и воля, определяются общественными отношениями, которые не зависят от сознания и воли; с другой — личность (во всяком случае, развитая личность) в своей общественной жизни, конечно, ведет себя как сознательное существо, обладающее мотивами, целями, волей и т. п.; она активно — в большей или меньшей степени — строит свои отношения с другими людьми.

Это противоречие разрешается практически — в действиях личности по отношению к другим личностям и в их действиях по отношению к ней. Социальная детерминация личностей осуществляется именно в их действиях и взаимодействиях. Напомним еще раз, что общественные отношения складываются из действий конкретных личностей. <...>

Позицию личности в обществе (ее индивидуальное бытие) было бы неверно изображать как некую точку в сложной сети связей между людьми. Скорее ее можно представить как «многомерное динамическое пространство», каждое измерение которого соответствует определенному виду общественных отношений.

В жизни каждой личности эти виды имеют различные «веса». В один она включена непосредственно, в другие — опосредствованно (при этом опосредствование может быть весьма сложным). Одни виды объективно оказываются доминирующими, другие — подчиненными. Некоторые «проходят» через всю ее жизнь (или значительный отрезок жизни), в другие она включается эпизодически и т. д. Способы включения и мера участия личности в разных видах общественных отношений так же различны; в них, в частности, по-разному складываются взаимосвязи разных форм деятельности и общения.

Иначе говоря, «пространство отношений» каждой личности специфично и весьма динамично. <...>

Детерминированность личности общественными отношениями вовсе не означает, что она является их пассивным слепком. Более того, самая сущность социальной детерминации исключает это. Включение личности в систему общественных отношений и ее движение в этой системе могут осуществляться только как активный процесс. <...>

Возьмем, к примеру, такие психологические характеристики (состояния) человека, как переживания, чувства и эмоции (не будем обсуждать сейчас вопрос о соотношении между ними). В психологии накоплено немало данных, позволяющих теми или иными способами оценивать модальность, глубину, устойчивость, динамику эмоциональных состояний; изучаются также интериндивидуальные различия людей по этим показателям. Но они описывают эмоцию абстрактно, как таковую, а не в ее личностном аспекте. Переход к этому аспекту требует выяснения того, какие события являются значимыми для данного индивида и вызывают у него те или иные эмоциональные состояния. Связаны ли эти состояния только с событиями его собственной жизни или той группы людей, которой он принадлежит (например, семьи), или же в них находят проявления гражданские чувства, содержанием которых является жизнь общества. Понять же, чем обусловливается личностная значимость воспринимаемых событий, невозможно без анализа развития данной личности в обществе.

То же можно сказать и об интеллекте. Как и эмоции, его можно описать целым рядом показателей. Но когда интеллект рассматривается как свойство личности, то неизбежно возникают вопросы о том, какие жизненные задачи выбирает эта личность, с каких позиций она их решает, использует ли она свои интеллектуальные возможности только в своих личных интересах или в интересах общества или против общества. Иначе говоря, изучение интеллекта в личностном плане предполагает выявление его социальной направленности.

То же можно сказать и о волевых свойствах личности. Оценка этих свойств «вообще» мало что дает. Они должны быть взяты относительно функций, которые личность выполняет в обществе, ее позиции, ее общественной направленности.

Конечно, эта старая триада — эмоции, интеллект и воля — позволяет описывать лишь очень общие, глобальные черты психологического портрета личности. Его детализация предполагает изучение и многих других — на первый взгляд, быть может, и не очень важных — психологических (и даже непсихологических) особенностей. При определенных условиях существенными свойствами личности могут оказаться, на-

пример, специфически развитая чувствительность того или иного анализатора, скорость реакции, умение распределять внимание или объем кратковременной памяти и т. д. <...>

Из всего сказанного выше следует, что развитие индивида как личности в обществе обеспечивается сложной, системной детерминацией.

В этом развитии диалектически сочетаются два процесса. С одной стороны, личность все более полно включается в систему общественных отношений; ее связи с людьми и разными сферами жизни общества расширяются и углубляются; и только благодаря этому она овладевает общественным опытом, присваивает его, делает своим достоянием. Эта сторона развития личности часто определяется как ее социализация. С другой стороны, приобщаясь к различным сферам жизни общества, личность вместе с тем приобретает и все бóльшую самостоятельность, относительную автономность, т. е. ее развитие в обществе включает процесс индивидуализации. Индивидуализация — это фундаментальный феномен общественного развития человека. Один из его признаков (и показателей) состоит в том, что у каждой личности формируется ее собственный (и уникальный) образ жизни и собственный внутренний мир.

В. М. Русалов

ПРИРОДНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ[1]

Основной недостаток предшествующих подходов в понимании природных предпосылок личности заключается, на наш взгляд, в том, что в качестве основания индивидуально-психо-

[1] Статья опубликована в сборнике: Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь / Ред. Б. Ф. Ломов, К. А. Абульханова-Славская. М., 1990. С. 18–33.

логических свойств берется не вся целостная биологическая система человека, а лишь та или иная ее часть, каждая из которых (гуморальная, соматическая или нервная) сама по себе не обладает необходимыми для этого свойствами.

Мы полагаем, что в основании индивидуально-психологических свойств лежат свойства не той или иной отдельной, частной биологической подсистемы, а общая конституция человеческого организма, которая рассматривается нами как совокупность всех частных конституций, т. е. всех физических и физиологических свойств индивида, закрепленных в его наследственном аппарате...

Многочисленные экспериментальные данные, полученные в последние годы на близнецах и популяционно-генетических исследованиях, убедительно свидетельствуют о наследственной природе не только свойств нервной системы, но и многих индивидуально-психологических свойств, таких как активность, эмоциональность, социабельность, импульсивность и др.

Системный подход к изучению природных предпосылок личности не только позволяет рассматривать биологические свойства человека как «элементы» более низкой системы, которые включаются в систему более высокого порядка — «личность», но и предполагает объяснительный принцип: каким образом происходит это включение.

Мы предлагаем назвать этот принцип принципом «системного обобщения». Этот принцип аналогичен понятию «обобщения» у Ж. Пиаже и С. Л. Рубинштейна. Так, Ж. Пиаже широко использовал понятие обобщения как один из важнейших механизмов формирования навыков и интеллекта... С. Л. Рубинштейн определял характер человека как закрепленную в индивиде систему генерализованных, обобщенных побуждений.

В чем же специфика «системного обобщения» природных предпосылок личности? Прежде всего в том, что природные предпосылки — это не аморфная и пассивная совокупность биологических свойств человека, а определенным образом изначально организованная система с четкой иерархией и структурой органических потребностей, свойств нервной системы и т. д.

Каждый конкретный человек получает от природы в силу своей общей конституции строго определенный диапазон «нор-

мы реакции» биохимических, биомеханических, соматических, нейрофизиологических и т. д. свойств. В результате биологического развития у него формируется индивидуальный уровень обмена, мышечного развития, определенные свойства нервной системы и т. д. Эти индивидуально-устойчивые и иерархически организованные биологические компоненты с самого раннего детства включаются в выполнение самых различных видов деятельности — от сосательного и хватательного поведения до игры, учебы, труда. На первых этапах развития человека (сразу же после рождения) имеют место, по-видимому, разные скорости выполнения деятельности, может наблюдаться разная пластичность, разные эмоциональные реакции и т. д. Однако по мере созревания и развития человека в условиях конкретной социально-исторической среды, благодаря постоянству и генетической устойчивости биологических компонент, постепенно у каждого индивида складывается некая присущая только ему обобщенная скорость, обобщенная пластичность, обобщенная эмоциональность и другие обобщенные характеристики поведения и деятельности.

Эти «формальные» характеристики индивидуальной психики, сформировавшиеся в результате системного обобщения психофизиологических компонент деятельностей независимо от их конкретных мотивов, целей, способов, программы поведения и т. д. за счет врожденного постоянства индивидуально-устойчивых нейрофизиологических, а точнее, всех биологических компонент, вовлеченных в индивидуально-конкретные виды деятельности человека, и составляют основной предмет исследований дифференциальной психофизиологии. Эти биологически обусловленные формальные характеристики психики получили название «формально-динамических» (в школе Теплова—Небылицына) или «психодинамических» (в школе Мерлина) свойств.

Мы полагаем, что более правильно называть эти свойства просто «формальными» в отличие от «содержательных», поскольку прилагательное «динамические» отражает лишь одну из сторон формальных свойств, а именно «энергетическую, силовую». Можно, по-видимому, говорить и о «формально-структурных» свойствах, связанных с особенностями постро-

ения обобщенных программ поведения. Термин «психодинамические свойства» представляется менее удачным, тем более что за ним закреплено совершенно другое понятие в школе Левина («динамика мотивов»).

В отличие от формальных содержательные свойства личности (предметно-смысловые структуры: знания, мотивы, цели, отношения и т. д.) формируются по другой «логике» и другим законам. Если формальные характеристики обобщаются преимущественно по логике «тела» (т. е. под влиянием действия общей конституции человека), то в основе обобщения содержательных свойств психики лежит уже логика «предмета» социально-детерминированной деятельности человека.

Существование в структуре личности устойчивых, обобщенных, формальных свойств, в частности формально-динамических, выступающих под общим термином «темперамент», позволяет человеку, с нашей точки зрения, оптимально расходовать свои энергодинамические возможности. Заданный от природы (т. е. генетически детерминированный), определенный индивидуальный уровень энергодинамических возможностей (определенный уровень обмена, активности гормональной сферы, особенности нервных процессов и т. д.), постоянно включаясь в деятельность (независимо от мотивов, целей и т. д.), неизбежно приводит к оптимально сопряженной с деятельностью обобщенной интеграции всех биологических свойств индивида. Возникнув как новое системное качество, обобщенная интеграция психофизиологических свойств, или, другими словами, система формальных свойств личности, начинает уже сама выступать в роли своего рода регулятора поведения человека в новой ситуации и в процессе освоения новых видов деятельности.

Таким образом, основное формальное свойство личности, которое формируется в результате системного индивидуального обобщения одних и тех же биологических компонентов (т. е. индивидуальных генетических факторов, уровня обмена, особенностей телосложения, особенностей функционирования центральной нервной системы и т. д.) в деятельности в самом широком смысле слова характеризует прежде всего меру взаимодействия субъекта со средой и с другими людьми с точ-

ки зрения ее динамической (или динамико-энергетической) напряженности. Эта динамическая черта формальных свойств получила в дифференциальной психофизиологии название «общей активности». Основными показателями общей активности, включая двигательную и речевую, выступают: темп, ритм, скорость, интенсивность, пластичность, выносливость и др.

Другой важнейшей динамической характеристикой, относящейся также к формальным свойствам личности, является эмоциональность человека, куда включаются индивидуально-устойчивые аффекты или детерминирование одного из ведущих настроений (радости, гнева, страха, печали). В эмоциональности, в частности в модальности (знаке) эмоции, можно уже вычленить некоторые обобщенные содержательные характеристики психики. Однако у нас имеются все основания считать, что в характеристиках эмоциональности отражаются прежде всего устойчивые формальные свойства личности, сформированные под влиянием обобщения в первую очередь природных особенностей человека — факторов гормональной и телесной сферы, свойств диэнцефалона, лимбики и т. д. — и выражающие в наиболее обобщенной форме отношения человека к миру, обществу и к себе.

Таким образом, эмоциональность является наряду с общей активностью одной из наиболее важных формальных структур личности.

В отличие от эмоциональности эмоции представляют собой «частные» случаи содержательного отношения человека к предметным характеристикам деятельности (к тем или иным сторонам общения, познания, к явлениям общественной или личной жизни). В содержательном плане мир эмоций безграничен. Их «физиологическое обеспечение» будет зависеть от конкретного уровня обобщения «частного» отношения. Если отношение затрагивает личность как целое, то такая эмоция становится «эмоциональностью» и проявляется на всех уровнях индивидных свойств человека — от генетических мутаций, биохимических реакций, вегетативных сдвигов, мышечных экспрессий вплоть до полной перестройки формальных свойств личности. Такие эмоции наиболее характерны для человека в ситуации стресса.

Если же отношение основано, например, на частной оценке предстоящего когнитивного действия, то «физиологическое обеспечение» (вегетативные, биохимические, электромиографические и другие сдвиги) может практически не наблюдаться и может быть выявлено только с помощью сложнейших психофизиологических методов. Это, естественно, не означает, что эмоции, как, впрочем, и все другие содержательные свойства личности (знания, мотивы, цели, отношения и т. д.), «повисают в воздухе» и не имеют физиологического носителя.

В содержательных свойствах личности носителя физиологического, а более правильно — биологического, столько же, сколько и в формальных свойствах. Принципиальное различие между формальными (а именно темпераментом: общей активностью и эмоциональностью) и содержательными свойствами (по отношению к природным предпосылкам) заключается в том, что формальные свойства — это такие системные качества, которые формируются по законам генетики, общей конституции, в то время как содержательные свойства формируются преимущественно под влиянием конкретных социальных факторов, действующих опосредованно через внутренние биологические механизмы.

Такое понимание генеза формальных и содержательных свойств личности соответствует диалектико-материалистическому представлению, согласно которому психическое развитие человека понимается как единый системный процесс взаимного опосредствования биологического и социального.

Исходя из предлагаемого понимания механизмов формирования формально-динамических свойств личности становится очевидным, что только такие свойства могут быть предметом прямого сопоставления с биологическими характеристиками человека. Попытки обнаружить соотношение между биологическими свойствами и содержательными характеристиками личности, которые нередко предпринимаются в работах социобиологов и конкретных исследованиях западных психологов, представляются совершенно беспочвенными...

Разделение свойств личности на формальные и содержательные в реальном поведении — исключительно трудная задача, поскольку формальные и содержательные свойства являются, согласно А. В. Брушлинскому, недизъюнктивными,

т. е. опосредствуют, взаимопроникают и взаимообусловливают друг друга, сливаясь в единый психический процесс. Тем не менее на определенном уровне научно-абстрактного анализа такое разделение может быть выполнено исходя из изложенного выше представления о различных доминирующих механизмах формирования формальных и содержательных свойств личности.

Ориентировочно можно наметить по крайней мере семь отличительных черт (критериев) формальных свойств личности (преимущественно темперамента) от содержательных характеристик личности. К темпераменту следует относить, с нашей точки зрения, только такое психическое свойство личности, которое:

1) наследуется;
2) высоко коррелирует со свойствами нервной системы и свойствами других биологических подсистем (гуморальной, телесной и т. д.);
3) устойчиво в течение длительного периода жизни человека;
4) универсально и проявляется во всех сферах деятельности и жизнедеятельности;
5) характеризует меру активного напряжения человека;
6) отражает наиболее обобщенное отношение человека к миру, обществу и себе;
7) относительно не зависит от содержания (т. е. смысла, мотива, цели и т. д.) деятельности, общения и познания.

У нас имеются все основания полагать, что всем этим критериям (или по крайней мере большинству) удовлетворяют две уже выше рассмотренные наиболее важные формальные характеристики личности, а именно «общая активность» и «эмоциональность», которые, согласно представлениям В. Д. Небылицына, и составляют темперамент человека...

Выявленные связи служат важным аргументом в пользу того, что данные психологические характеристики активности (индивидуальный темп, пластичность, умственная выносливость) принадлежат к категории темперамента. Полученные достоверные статистические связи между индивидуальными вариациями указанных формально-динамических и нейроди-

намических свойств убедительно свидетельствуют также о том, что сопоставляемые разнородные и разноуровневые характеристики человека принадлежат к одному общему и генетически первичному фактору, т. е. общей конституции, будучи ее разными специфическими формами, которые вступают в различные закономерные соотношения на различных этапах развития личности человека.

Развиваемая нами концепция «системного обобщения» позволяет, с нашей точки зрения, не только объяснить механизм формирования формальных свойств личности, но может быть использована и как единый принцип для объяснения генезиса и других уровней свойств личности. Решающим моментом для выделения в структуре личности того или иного уровня должна быть, согласно данной концепции, специфика системного обобщения.

Если обобщение происходит за счет психофизиологических, а более широко — структурных и функциональных биологических свойств, то мы имеем дело с темпераментом; если в основании обобщения лежат динамические и содержательные особенности когнитивных механизмов, мы имеем дело с интеллектом; если же обобщаются динамические и содержательные характеристики побуждений, мотивов и т. п., то такое психологическое образование следует отнести к характеру, и т. д. Отсюда следует, что по отношению к тому конкретному сложноорганизованному объекту действительности, каким является личность, системный принцип иерархии в рамках дифференциальной психофизиологии реализуется в последовательности перехода от низших структурно-функциональных уровней упорядоченности множества его элементов (имеются в виду биологические свойства, и прежде всего свойства нервной системы) к высшим образованиям — формально-динамическим свойствам. В результате такого поступательного движения образуются новые интегральные системные качества личности: темперамент как самый низший психологический уровень личностных свойств, затем интеллект, динамический аспект и характер. При этом не снижается значение старых (нижележащих) свойств и качеств и не предполагается абсолютной самостоятельности свойств и качеств высших уровней личности как целостной системы.

Из сказанного выше следует, что формальные свойства личности (т. е. темперамент) не существуют сами по себе, а включаются в «более высокоорганизованные» структуры личности, в частности интеллект и характер, в качестве необходимых компонентов динамических свойств этих структур.

Включение формально-динамических характеристик в структуру интеллекта и характера не означает, что интеллект и характер являются только более обобщенными и более сложными динамическими образованиями психики: и интеллект и характер наряду с обобщенными динамическими свойствами обладают также и особыми обобщенными содержательными (предметно-смысловыми) характеристиками.

Отличительной чертой формирования характера, как известно, является обобщение самых разнообразных форм побуждения — от потребностей, мотивов до интересов и идеалов. Именно так понимал характер С. Л. Рубинштейн. В характере обобщаются, естественно, не только содержательные, предметно-смысловые характеристики мотивационной и волевой сферы, но и динамические характеристики, обязательно включающие формально-динамические параметры эмоциональности. Обобщенные эмоциональные качества, по мнению Ж. Пиаже, дают действию необходимую энергию и служат источником поведения. Эмоциональные (аффективные, динамические, энергетические) характеристики выступают всегда в качестве необходимого компонента любой мотивации...

Понимание развития личности как единого системного процесса взаимного опосредствования биологического и социального позволяет принципиально по-новому подойти к проблеме задатков, одной из ключевых при изучении природных предпосылок личности. Мы полагаем, что следует строго различать по крайней мере два уровня задатков: формальных свойств (темперамента) и более сложных психологических образований (интеллекта, характера и др.).

Если принимать во внимание первый уровень задатков, то можно предположить, что генетически фиксированное сочетание природных свойств человека (биохимических особенностей, типа телосложения, свойств нервной системы и т. д.) определяет благодаря действию общей конституции преимущественно только лишь те или иные формальные свойства

личности (т. е. характеристика общей активности и эмоциональности). Отсюда следует, что «врожденные анатомно-морфологические особенности мозга» являются задатками не способностей (интеллекта) как таковых, как это предполагал Б. М. Теплов, а темперамента. Темперамент же, в свою очередь, следует рассматривать как задатки второго уровня: характеристики активности и эмоциональности — важнейшие компоненты интеллекта, характера и других свойств личности. И в этой связи известная мысль Теплова о том, что «способность — это задаток в развитии», должна быть уточнена. Речь должна идти не о способности вообще, а о ее динамическом аспекте. (Содержательный же аспект способностей, как указывалось выше, детерминирован преимущественно социальными факторами.)

Отсюда следует, что темперамент стоит не «в стороне» или «рядом» с интеллектом (способностями), а органически включен в него как важнейший компонент, как необходимый задаток, фактор развития, преломляющий, трансформирующий социальные воздействия на человека.

Таким образом, в развитии личности диалектика биологического и социального наполняется конкретным содержанием. Единый системный процесс развития личности происходит через взаимодействие биологических и социальных детерминант бытия человека.

А. В. Петровский

ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ С ПОЗИЦИЙ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АНАЛИЗА ПСИХОЛОГИИ[1]

При анализе категориального строя психологической науки, как следует из изложенного выше, выделяется шесть базисных категорий, каждая из которых характеризует одну из сто-

[1] Фрагмент главы «Категория личности» (написана А. В. Петровским) из книги: *Петровский А. В.* , *Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. М., 1998. С. 257–261.

рон предмета психологии: индивид, образ, действие, мотив, психосоциальное отношение, переживание. Категориальный анализ позволяет увидеть за эмпирико-теоретическими построениями любой психологической системы или частной концепции контуры их категориального аппарата, существование которого может оставаться скрытым для создателей и сторонников этих концепций и систем. Осмысление категориального аппарата науки является одним из условий формирования релевантной методологии исследования. Нет основания полагать, что в истории науки все эти категории строго одновременно стали предметом рефлексии, а также методологически и теоретически организованного изучения. Освоение указанных категорий осуществлялось в определенной последовательности, порождая в поступательном движении научного знания разветвленную систему понятий, концепций, эмпирических исследований и добытых фактов, формируя конкретное содержание отраслей психологии...

Понимание социальной сущности человека, включенности индивида в исторически возникающую и исторически изменяющуюся систему общественных отношений органически входит в трактовку категорий «психосоциальное отношение» и «организм—индивид—личность», образуя их методологическое основание, определяя общие подходы к построению программ научного исследования в области интенсивно развивающейся социальной психологии и психологии личности.

Все сказанное позволяет использовать категории «организм—индивид—личность» для построения общепсихологической теории личности. <...>

Методологические основания теории личности

Таким образом, определены исходные принципиальные позиции для построения общепсихологической теории личности. Уточним, что имеется в виду, когда она обозначается как «общепсихологическая». Речь в данном случае идет не столько о ее общей методологической и онтологической схеме (при всей ее важности), сколько о том, что данный теоретический конструкт представлен в присущих ему характеристиках и свя-

зях, которые выявляются во всех отраслях психологии: не только в так называемой общей психологии, но и в социальной, возрастной, педагогической, юридической, психологии управления, патопсихологии и других, выступая в присущей научной теории программирующей роли по отношению к соответствующей практической сфере (образованию, производству, медицине, правопорядку).

Как и всякая научная теория, теория личности должна отвечать общему методологическому требованию — дать целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности (личности человека), предложить целостную (при ее внутренней дифференцированности) систему знаний, которая содержала бы в себе методы не только объяснения, но и предсказания, возникновения определенных феноменов в определенных условиях и которую характеризовала бы логическая зависимость одних ее сторон от других, принципиальная возможность выведения ее содержания из некоторой совокупности исходных утверждений. Выше в восьми тезисах, выполняющих функцию своего рода пролегоменов (предварительных суждений, вводящих в изучение предмета) к предстоящему теоретическому построению, показана совокупность утверждений (постулатов, допущений, законов и т. д.), образующих исходный базис общепсихологической теории личности. Тем самым оказывается возможным построить теоретическую модель существенных связей, выступающих в определенной психологической реальности — личности человека. Возникновение теории личности не может быть оторвано от ее эмпирической основы, охватывающей множество накопленных в общей, социальной, детской психологии, патопсихологии, психотерапии фактов, добытых экспериментально, но пока еще разрозненных и не обобщенных.

Здесь описана в самом общем виде теоретическая абстракция, обеспечивающая последующее восхождение к конкретному. Только так (на пути от абстрактного к конкретному) можно развивать ее в систему взаимосвязанных концепций, содержание которых включает утверждения с их эмпирическими доказательствами, и построить конкретные теоретиче-

ские конструкции, отправляющиеся от совокупности вводимых общетеоретических принципов.

Что же представляет собой теория личности, ее наиболее общая модель? Она, по существу, должна совпадать с определением личности, описывающим ее в системе наиболее существенных связей и зависимостей и отвечающим основным общенаучным методологическим принципам: детерминизма, системности, развития. Тогда теоретическая модель личности должна быть представлена как определяемое активной включенностью в общественные отношения системное качество их субъекта (индивида), имеющее трехзвенную структуру (интра-, интер- и метаиндивидную его репрезентации), развивающуюся в общении и совместной деятельности и ею опосредствованную.

Рассмотрим, в чем здесь проявляет себя следование общенаучным методологическим принципам.

Принцип детерминизма применительно к психологической теории личности ориентирован не только на идею причинности как совокупности обстоятельств, предшествующих во времени следствию, но и на другие его формы (М. Г. Ярошевский): на системный детерминизм, обнаруживающийся в зависимости отдельных компонентов системы от свойств целого, а также на целевой детерминизм, в соответствии с которым цель определяет процесс достижения результата. Представление об активности личности, ее направленности, которое утвердилось в психологии начиная со второй половины 30-х годов XX века, создает методологические предпосылки для реализации принципа детерминизма на уровне категории «психосоциального отношения». В психологии были выдвинуты трактовка детерминизма как действия «внешних причин через внутренние условия» (С. Л. Рубинштейн) и трактовка детерминизма как действия «внутреннего через внешнее» (А. Н. Леонтьев).

Детерминистический тезис о том, что, изменяя в деятельности реальный мир, субъект изменяется сам, что и объясняет личностные трансформации индивида, оказалось возможным распространить и на область межличностных связей, в которых наиболее полно выявляет себя категория психосоциального

отношения. Так же, как индивид в предметной деятельности изменяет окружающий мир и посредством этого изменения изменяет себя, становится личностью, социальная группа в своей совместной социально значимой деятельности конструирует и изменяет систему межличностных отношений и межличностного взаимодействия, становится коллективом. Феномены межличностных отношений отчетливо это обнаруживают. Так, самоопределение в отношении задач групповой деятельности складывается как результат активной деятельности по претворению в жизнь поставленных перед ней целей, т. е. межличностные отношения преобразуются деятельностью, которая направлена вовне на присвоение социально значимого предмета, а не на сами эти межличностные отношения.

С позиции детерминизма развитие личности как системного качества индивида обусловлено социально, хотя сам индивид обладает биологическими предпосылками для своего развития.

Принцип развития в психологической теории личности реализуется в понимании процесса превращения биологических структур индивида в социально обусловленные структуры его личности. Таким образом строится представление о социогенезе личности как результирующей взаимодействующих в ней двух противоборствующих тенденций — к сохранению и к изменению развивающихся социальных систем. Развитие личности в онтогенезе определяется наличием и преодолением противоречия между потребностью индивида в персонализации и способностью посредством соответствующей деятельности быть персонализированным в социальной ситуации развития.

Принцип системности (или системный подход) в составе методологической модели теории личности позволяет представить ее в качестве целостности, в которой выявляются разнокачественные и разноуровневые связи, как синтез структурно-функциональных и фило-онтогенетических представлений. Этим преодолевается тот подход к личности, который обозначен как «коллекционерский».

Этот принцип не мог быть обнаружен в общих системных представлениях, хотя и не мог быть без них сформулирован. Его следовало открыть в ткани самой психологической реальности. Для этой цели потребовалось: во-первых, преодолеть

«птолемеевское» понимание человека в пользу его «коперниканской» трактовки как части социального целого, системы общественных связей; во-вторых, преодолеть гипноз «постулата непосредственности». Это оказалось возможным сделать в условиях системного анализа категорий «психосоциальное отношение» и «организм—индивид—личность», осуществленного при соприкосновении психологической теории коллектива (стратометрическая концепция) и психологической теории личности. Они должны были пересечься и действительно пересеклись в центральном для той и другой теории пункте — в выявлении системообразующего принципа, которым оказался принцип деятельностного опосредствования.

Системообразующий принцип — это тот общий объяснительный принцип, с помощью которого очерчивается и структурируется теория. Методологическая сущность этого принципа при построении теории личности состоит в том, что отношение одного человека к другому, равно как и отношение развития личности к его результату, мыслится через обращение к третьему объекту — предметной деятельности, которая в наиболее развитой своей форме имеет совместный характер, является следствием объединения людей в труде и общении. При этом, оказываясь исходно опосредствованными содержанием и организацией совместной деятельности, межличностные отношение и качества развивающейся личности в свою очередь воздействуют на ее процесс и результаты: субъект-объект-субъектные связи выступают в единстве с субъект-субъект-объектными как две стороны одной системы.

Онтологическая модель личности

Принцип деятельностного опосредствования межиндивидных отношений личности и ее развития является общим системным принципом построения общепсихологической теории личности, в котором находят реализацию общенаучные методологические принципы детерминизма, развития и системности.

От конкретной методологии как системы принципов и способов построения теории личности целесообразно перейти

к описанию ее онтологической модели, выделив основные категории анализа объекта теории и показав принципы их соотнесения, понятийный аппарат.

Единицами анализа для теории личности могут служить понятия «индивид», «личность», «индивидуальность», «активность», «деятельность», «общение», «группа», «коллектив», «сознание», «развитие» (биогенез организма, биосоциогенез индивида, онтогенез личности, социогенез личности в историко-эволюционном процессе).

Для построения онтологической модели постулируемой общепсихологической теории с необходимостью должны быть указаны принципы соотнесения основных категорий анализа, используемых для описания и понимания личности как психологической реальности. Наиболее общим принципом соотнесения категорий, входящих в понятийный аппарат теории личности, является признание единства, но не тождества образующих его понятийных пар как единиц категориального (здесь микрокатегориального) анализа ее общей конструкции. Так, понятие «индивид», образуя единство с понятием «личность», не может рассматриваться как ему тождественное. Сам факт признания единства, но не тождества этих понятий, а следовательно, стоящих за ними объектов аналитического рассмотрения психологической реальности, порождает задачу не только понять их соотношение как свойства (личности) и носителя этого свойства (индивида), но и поставить ряд принципиальных методологических проблем их взаимоотношений, постулируя, к примеру, идею потребности и способности индивида «быть личностью». Онтологическая расчлененность оборачивается специальной методологической проблемой.

Принцип единства, но не тождества основных категорий анализа относится не только к понятиям «индивид» и «личность», но и к другим составляющим онтологической модели теории личности: личность — индивидуальность, активность — деятельность, группа — коллектив, биогенез — биосоциогенез, онтогенез — социогенез, развитие личности — развитие сознания.

От методологических и онтологических подходов создания теории следует перейти к выявлению возможностей, за-

ложенных в ее исходных посылках (постулатах), путем восхождения от абстрактного к конкретному и развить систему взаимосвязанных теоретических конструкций (концепций, «теорий среднего уровня»), объединенных и обусловленных рассмотренными методологическими и онтологическими основаниями. Только таким образом можно в рамках выделенных выше исходных тезисов и методологических принципов охватить многообразие эмпирических данных и конкретных методов и методик, относящихся к исследуемому предмету — психологии личности, обобщить совокупность утверждений с их доказательствами.

Следует выделить три аспекта рассмотрения конкретной феноменологии личности, три своего рода онтологические модальности: ее генезис, динамику содержания, структуру, а следовательно, построить или освоить) концепции, которые, исходя из принципа деятельностного опосредствования, оказались бы в состоянии выяснить закономерности психологии личности, проявляющиеся в этих ее аспектах (модальностях), охватить соответствующий эмпирический материал, вобрав в себя открывающуюся в нем феноменологию, найти и применить валидные методы его получения, на принципиальных основаниях осуществить соотнесение с другими социально-психологическими и персонологическими теориями. Вместе с тем необходимо и возможно, раскрыв логическую зависимость конструируемых концепций друг от друга, представить их в виде единой теоретической системы при всей ее внутренней дифференцированности.

При рассмотрении генезиса личности выделяются три методологически обоснованные задачи: 1) рассмотреть развитие индивида как результат взаимодействия генотипа и социальной среды и тем самым создание предпосылок для становления личности (условно обозначим этот процесс как «биосоциогенез»); 2) исследовать развитие личности человека вследствие деятельностно-опосредствованных взаимоотношений с референтными для нее группами как в условиях относительно стабильных общностей, так и в обстоятельствах включения в различные референтные группы, иерархически расположенные на ступенях онтогенеза, или изменения позиции личности по

отношению к этим группам; 3) изучить особенности социогенеза личности и межличностных отношений, обусловленные включенностью в трудовую деятельность в рамках конкретной социально-экономической формации.

Соответственно этим задачам рассматриваются три взаимосвязанные концепции, отвечающие принципам общепсихологической теории личности.

Первая, которая условно может быть обозначена как психогенетическая концепция индивидуальности (научная школа Б. М. Теплова), при исследовании происхождения индивидуальных психологических особенностей человека выясняет роль генотипа и среды в их формировании, используя главным образом близнецовый метод. Утверждается, что в онтогенезе происходит смена механизмов, которыми реализуются психические функции индивида, а также смена элементарных форм, господствующих на ранних его этапах, социальными формами, опосредствованными общением и деятельностью ребенка. При этом проверяется продуктивная гипотеза, согласно которой со сменой механизмов перестраивается отношение индивидуально-психологических особенностей к генотипу: с возрастанием значения специфически человеческих, социальных по своему происхождению факторов сокращается доля генетической изменчивости в развитии индивидуальных по своему происхождению факторов, в развитии индивидуально-психологических особенностей человека. Являющаяся прямым продолжением нейрофизиологической концепции факторов индивидуально-психологических различий, рассматриваемая концепция по всем позициям должна быть соотнесена с теориями, отводящими наследственности роль фатального фактора, и вообще — с различными модификациями теории двух факторов.

Своего рода продолжением рассмотрения этого круга идей, если иметь в виду усиление роли системообразующего фактора — деятельностного опосредствования, в формировании личности индивида является концепция развивающейся личности (А. В. Петровский). В ее основе лежит идея трех фаз становления личности в социальной среде (микро- или макросреде) — адаптации, индивидуализации и интеграции,

возникновение и протекание которых связаны с наличием социогенной потребности индивида в персонализации и с деятельностно опосредствованными возможностями удовлетворять ее в референтных группах. На основе данной концепции предложена возрастная периодизация развития личности, не совпадающая с существовавшими ранее концепциями психического развития человека.

Третья задача — понимание социогенеза — находит свое воплощение в историко-эволюционном подходе к пониманию личности (А. Г. Асмолов), который, в свою очередь, базируется на принципе деятельностного опосредствования. Отвечая на вопрос, посредством каких механизмов осуществляется вклад личности в социокультурную историю, предлагаемый подход выделяет в качестве системообразующего основания, обеспечивающего развитие личности и способствующего его конкретно-исторической специфике в той или иной культуре, опосредствующий фактор — совместную предметную деятельность. Таким образом, все три рассмотренные теоретические конструкции связаны между собой и отвечают общему методологическому принципу — деятельностному опосредствованию.

II

Структура личности

Основные темы и понятия раздела

- *Принципы организации структуры личности.*
- *Состав личности.*
- *Основные свойства личности.*
- *Функциональная структура личности.*
- *Черты личности.*
- *Личностные ценности.*
- *Ведущие образования личности.*
- *Установка.*
- *Направленность личности.*

В. М. Бехтерев

ОРГАНИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ[1]

<...> Личная сфера, концентрируя в себе запас важнейшего для жизни организма прошлого опыта, как бы образует собою главный центр нервно-психической деятельности, лежащей в основе активно-самостоятельного отношения живого организма к окружающему миру.

Отсюда очевидно, что образование этого интимного ядра нервно-психической сферы, предполагающее сохранение в центрах следов от рефлексов, стоящих в связи с внутренними раздражениями и постоянно оживляющихся под влиянием вновь возникающих внутренних и стоящих в соотношении с ними внешних раздражений, является залогом самостоятельного индивидуального отношения организма к окружающему миру, причем эта самоопределяющаяся активность, как ясно из предыдущего, определяется внутренними условиями, вытекающими из запаса постоянно оживляемых следов, входящих в личную сферу.

С развитием общественной жизни личная сфера человека не ограничивается только следами психорефлексов, стоящими в соотношении с органическими воздействиями, но в теснейшей связи с ними происходит и образование следов, обусловленных теми или другими отношениями, вытекающими из условий общественной жизни. Таким образом, в связи с личной сферой органического характера развивается личная сфера социального характера, лежащая в основе так называемых нравственных и социальных отношений между людьми. Последняя, таким образом, является дальнейшим развитием основного ядра невропсихики, которое, возвышаясь до оценки социальных отношений, приводит к образованию личности как самобытной психической особи в социальной жизни народов.

«Личность с объективной точки зрения, — говорю я в одной из своих работ, — есть психический индивид со всеми ее само-

[1] Фрагменты книги: Объективная психология. Текст дается по изданию: М., 1991. С. 393–394.

бытными особенностями, — индивид, представляющийся самодеятельным существом по отношению к окружающим внешним условиям» («Личность и условия ее развития и здоровья»).

Эта личность представляет собою как бы две тесно связанные друг с другом совокупности следов, из которых одна теснее связана с органической, другая — с социальной сферой, причем в зависимости от большего или меньшего развития той или другой совокупности следов мы имеет преобладание в личности так называемого эгоизма или альтруизма.

Как органическая сфера личности является, как мы видели, главнейшим руководителем ответных реакций на раздражения окружающего мира, имеющие то или иное отношение к органической сфере, т. е. к поддержанию или понижению благосостояния организма, так с социальной сферой личности связывается высшее руководство действиями и поступками, имеющими целью установление отношений между личностью и другими членами сообщества, в котором она вращается.

По крайней мере при более высоком развитии невропсихики социальная сфера личности является важнейшим руководителем всех реакций, имеющих связь с общественными отношениями между людьми.

Необходимо иметь в виду, что сложный процесс развития социальной сферы личности ничуть не устраняет органическую сферу личности, он ее только дополняет и частью подавляет, как бы наслаивая на нее новые сочетания, вытекающие из воздействий, относящихся к условиям социальной жизни.

Нет надобности говорить, что социальная сфера личности в своих более элементарных проявлениях обнаруживается уже в животном царстве, но несомненно, что у человека, как существа не только социального, но и культурного, мы встречаем развитие социальной сферы личности в такой мере, что при известных условиях она, несомненно, обнаруживает преобладание над органической сферой личности, выражаясь поступками и действиями альтруистического характера, нередко в явный ущерб или даже вопреки органическим потребностям индивида.

Таким образом, социальная сфера личности, развиваясь на почве органической сферы, расширяет ее в зависимости от со-

циальных условий жизни до степени, когда органические воздействия подавляются прошлым опытом социальных отношений и социальными воздействиями.

Как внешние раздражения, возбуждающие органические реакции, служат естественным возбудителем всех вообще следов личной сферы, входящих в соотношение с органическими раздражениями, так и социальные отношения являются возбудителями следов, оживляющих в большей или меньшей степени внутренние же или органические реакции, чем и обусловливается соотношение социальной сферы с органической сферой личности.

Таким образом, социальная сфера личности является объединяющим звеном и возбудителем всех вообще следов психорефлексов, возникающих на почве общественной жизни и оживляющих те ли иные органические реакции.

Д. Н. Узнадзе

УСТАНОВКА У ЧЕЛОВЕКА. ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВАЦИИ[1]

...Нет ничего характернее для человека, чем тот факт, что окружающая его действительность влияет на него двояко — либо прямо, посылая ему ряд раздражений, непосредственно действующих на него, либо косвенно, через словесные символы, которые, сами не обладая собственным независимым содержанием, лишь презентируют нам то или иное раздражение. Человек воспринимает либо прямое воздействие со стороны процессов самой действительности, либо воздействие словесных символов, представляющих эти процессы в специфической форме. Если поведение животного определяется лишь воздействием актуальной действительности, то человек не всегда подчиняется непосредственно этой действительности; боль-

[1] Фрагменты работы Узнадзе: Экспериментальные основы психологии установки. 1949. Текст издается по изданию: Психологические исследования. М., 1966. С. 248, 289–292.

шей частью он реагирует на ее явления лишь после того, как он преломил их в своем сознании, лишь после того, как он осмыслил их. Само собой разумеется, это очень существенная особенность человека, на которой, быть может, базируется все его преимущество перед другими живыми существами.

Но возникает вопрос, в чем заключается эта его способность, на чем, по существу, основывается она.

Согласно всему тому, что мы уже знаем относительно человека, естественно приходит в голову мысль о той роли, которую может играть в этом случае его установка. Перед нами стоит задача установить роль и место этого понятия в жизни человека.

Если верно, что в основе нашего поведения, развивающегося в условиях непосредственного воздействия окружающей нас среды, лежит установка, то может возникнуть вопрос, что же происходит с ней в другом плане — плане вербальной, репрезентированной в словах действительности? Играет ли и здесь какую-либо роль наша установка или эта сфера нашей деятельности построена на совершенно иных основаниях? <...>

Область установок у человека. Допустим, что акт объективации завершился и возникший на ее базе процесс мышления разрешил задачу во вполне определенном смысле. За этим обычно следует стимуляция установки, соответствующей разрешенной задаче, а затем и усилие для целей ее осуществления, ее проведения в жизнь. Таков чисто человеческий путь психической деятельности.

Возникает вопрос: не считать ли в процессе активности психической жизни человека этот путь единственно необходимым путем, который не оставляет более места для непосредственной активности установки?

Выше, при анализе проблемы объективации, мы пришли к выводу, что субъект обращается к ее актам только в том случае, когда в этом возникает необходимость — когда он стоит перед задачей, не поддающейся разрешению под непосредственным руководством установки. Но если этого нет, если задача может быть разрешена и непосредственно, на базе установки, то в таких случаях в активности объективации нет нужды и субъект обходится лишь мобилизацией соответствующих установок.

Допустим, что задача впервые была разрешена на базе объективации. В таких случаях, при повторном выступлении той же или аналогичной задачи, в объективации нет более нужды и она разрешается на базе соответствующей установки. Раз найденная установка может пробуждаться к жизни и непосредственно, помимо впервые опосредовавшей ее объективации. Так растет и развивается объем установочных состояний человека: в него включаются не только непосредственно возникающие установки, но и те, которые когда-то раньше были опосредованы актами объективации.

Круг установок человека не замыкается такого рода установками — установками, опосредованными случаями объективации и возникшими на ее основе собственными актами мышления и воли. Сюда нужно отнести и те установки, которые впервые когда-то были построены на базе объективации других, например, творчески установленных субъектов, но затем они перешли в достояние людей в виде готовых формул, не требующих более непосредственного участия процессов объективации. Опыт и образование, например, являются дальнейшими источниками такого же рода формул. Им посвящается специальный период в жизни человека — школьный период, захватывающий все более и более значительный отрезок времени нашей жизни. Но обогащение такого же рода сложными установками продолжается и в дальнейшем — опыт и знание человека беспрерывно растут и расширяются.

Таким образом, расширение области человеческих установок в принципе не имеет предела. В нее включаются не только установки, развивающиеся непосредственно на базе актуальных потребностей и ситуации их удовлетворения, но и те, которые возникали когда-нибудь на базе лично актуализованных объективаций или были опосредованы при содействии образования — изучения данных науки и техники. <...>

Подведем итоги сказанному. На человеческой ступени развития мы встречаемся с новой особенностью психической активности, с особенностью, которую мы характеризуем как способность объективации. Она заключается в следующем: когда человек сталкивается в процессе своей активности с каким-нибудь затруднением, то он, вместо того чтобы продолжать эту активность в том же направлении, останавливается

на некоторое время, прекращает ее, с тем чтобы получить возможность сосредоточиться на анализе этого затруднения. Он выделяет обстоятельства этого последнего из цепи непрерывно меняющихся условий своей активности, задерживает каждое из этих обстоятельств перед умственным взором, чтобы иметь возможность их повторного переживания, объективирует их, чтобы, наблюдая за ними, решить, наконец, вопрос о характере дальнейшего продолжения активности.

Непосредственным результатом этих актов, задерживающих, останавливающих нашу деятельность, является возможность воспризнания их как таковых — возможность идентификации их: когда мы объективируем что-нибудь, то этим мы получаем возможность сознавать, что оно остается равным себе за все время объективации, что оно остается самим собой. Говоря короче, в таких случаях вступает в силу прежде всего принцип тождества.

Но этого мало! Раз у нас появляется идея о тождественности объективированного отрезка действительности с самим собой, то ничто не мешает считать, что мы повторно можем переживать эту действительность любое число раз, что она за все это время остается равной себе. Это создает психологически в условиях общественной жизни предпосылку для того, чтобы объективированную и, значит, тождественную себе действительность обозначить определенным наименованием, короче говоря, это создает возможность зарождения и развития речи.

На базе объективированной действительности и развивающейся речи развертывается далее и наше мышление. Это оно представляет собой могучее орудие для разрешения возникающих перед человеком затруднений, оно решает вопрос, что нужно сделать для того, чтобы успешно продолжать далее временно приостановленную деятельность. Это оно дает указания на установку, которую необходимо актуализировать субъекту для удачного завершения его деятельности.

Но для того чтобы реализовать указания мышления, нужна специфически человеческая способность — способность совершать волевые акты — необходима воля, которая создает человеку возможность возобновления прерванной активности и направления ее в сторону, соответствующую его целям.

Таким образом, мы видим, что в сложных условиях жизни человека, при возникновении затруднений и задержке в его деятельности, у него активируется прежде всего способность объективации — эта специфически человеческая способность, на базе которой возникают далее идентификация, наименование (или речь) и обычные формы мышления, а затем, по завершении мыслительных процессов, и акты воли, снова включающие субъекта в целесообразном направлении в процесс временно приостановленной деятельности и гарантирующие ему возможность удовлетворения поставленных им себе целей.

Объективация — специфически человеческая способность, и на ее базе существенно усложняется и запас фиксированных у человека установок. Нужно иметь в виду, что установка, опосредованная на базе объективации, может активироваться повторно, в соответствующих условиях, и непосредственно, без нового участия акта объективации. Она вступает в круг имеющихся у субъекта установок и выступает активно, наряду с прочими установками, без вмешательства акта объективации. Таким образом, становится понятным, до какой степени сложным и богатым может сделаться запас человеческих установок, включающих в себя и те, которые были когда-нибудь опосредованы на базе объективации.

Б. Г. Ананьев

СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ[1]

Рассмотрение статуса, социальных функций и ролей, целей деятельности и ценностных ориентаций личности позволяет понять как зависимость ее от конкретных социальных структур, так и активность самой личности в общем процессе функционирования тех или иных социальных (например, производственных) образований. Современная психология все более глубоко проникает в связь, существующую между интериндивидуальной структурой того социального целого, к которому

[1] Фрагменты книги: Человек как предмет познания. Л., 1968.

принадлежит личность, и интраиндивидуальной структурой самой личности.

Многообразие связей личности с обществом в целом, с различными социальными группами и институциями определяет интраиндивидуальную структуру личности, организацию личностных свойств и ее внутренний мир. В свою очередь, сформировавшиеся и ставшие устойчивыми образованиями комплексы личностных свойств регулируют объем и меру активности социальных контактов личности, оказывают влияние на образование собственной среды развития. Ограничение или тем более разрыв социальных связей личности нарушают нормальный ход человеческой жизни и могут быть одной из причин возникновения неврозов и психоневрозов. Распад самих социальных объединений (интериндивидуальных структур) влечет ломку интраиндивидуальной структуры личности, возникновение острых внутренних кризисов, дезорганизующих индивидуальное поведение, вернее, совокупность индивидуальных поведений участников таких распадающихся объединений. <...>

К субъективным факторам относится и структура личности, оказывающая влияние на состояния личности, динамику ее поведения, процессы деятельности и все виды общения. Структура личности постепенно складывается в процессе ее социального развития и является, следовательно, продуктом этого развития, эффектом всего жизненного пути человека. Как и всякая структура, интраиндивидуальная структура есть целостное образование и определенная организация свойств. Функционирование такого образования возможно лишь посредством взаимодействия различных свойств, являющихся компонентами структуры личности. Исследование компонентов, относящихся к разным уровням и сторонам развития личности, при структурном изучении этого развития обязательно сочетается с исследованием различных видов взаимосвязей между самими компонентами.

Известно, что далеко не все психофизиологические функции, психические процессы и состояния входят в структуру личности. Из множества социальных ролей, установок, ценностных ориентаций лишь некоторые входят в структуру

личности. Вместе с тем в эту структуру могут войти свойства индивида, многократно опосредствованные социальными свойствами личности, но сами относящиеся к биофизиологическим характеристикам организма (например, подвижность или инертность нервной системы, тип метаболизма и т. д.). Структура личности включает, следовательно, структуру индивида в виде наиболее общих и актуальных для жизнедеятельности и поведения комплексов органических свойств. Эту связь нельзя, конечно, понимать упрощенно как прямую корреляционную зависимость структуры личности от соматической конституции, типа нервной системы и т. д.

Новейшие исследования показывают наличие весьма сложных корреляционных плеяд, объединяющих разные социальные, социально-психологические и психофизиологические характеристики человека. <...>

Следует заметить, кстати, что в теории личности часто недооценивалось значение интеллекта в структуре личности. В психолого-педагогической литературе нередко встречаются мнения об опасности односторонней интеллектуализации личности. С другой стороны, в теории интеллекта слабо учитываются социальные и психологические характеристики личности, опосредствующие ее интеллектуальные функции. Это взаимообособление личности и интеллекта представляется нам противоречащим реальному развитию человека, при котором социальные функции, общественное поведение и мотивации всегда связаны с процессом отражения человеком окружающего мира, особенно с познанием общества, других людей и самого себя. Поэтому интеллектуальный фактор и оказывается столь важным для структуры личности... <...>

Все четыре основные стороны личности (биологически обусловленные особенности, особенности отдельных психических процессов, уровень подготовленности или опыт личности, социально обусловленные качества личности) тесно взаимодействуют друг с другом. Доминирующее влияние, однако, всегда остается за социальной стороной личности — ее мировоззрением и направленностью, потребностями и интересами, идеалами и стремлениями, моральными и эстетическими качествами. <...>

Статус и социальные функции-роли, мотивация поведения и ценностные ориентации, структура и динамика отношений — все это характеристики личности, определяющие ее мировоззрение, жизненную направленность, общественное поведение, основные тенденции развития. Совокупность таких свойств и составляет характер как систему свойств личности, ее субъективных отношений к обществу, другим людям, деятельности, самому себе, постоянно реализующихся в общественном поведении, закрепленных в образе жизни. <...>

На любом уровне и при любой сложности поведения личности существует взаимозависимость между: а) информацией о людях и межличностных отношениях; б) коммуникацией и саморегуляцией поступков человека в процессе общения; в) преобразованиями внутреннего мира самой личности. Поведение человека выступает не только как сложный комплекс видов его социальных деятельностей, с помощью которых опредмечивается окружающая его природа, но и как общение, практическое взаимодействие с людьми в различных социальных структурах.

Вопрос о том, является ли поведение человека более общим понятием, чем деятельность (труд, учение, игра и т. д.), или, напротив, деятельность есть родовая характеристика человека, по отношению к которой поведение — частный вид, должен, как нам представляется, решаться конкретно, в зависимости от плоскости рассмотрения человека. В данном случае, когда нас интересует именно личность и ее структура, можно считать поведение человека в обществе родовой характеристикой, по отношению к которой все виды деятельности (например, профессионально-трудовая) имеют частное значение. Нам представляется весьма полезным с этой точки зрения понимание личности как субъекта поведения, посредством которого реализуется потребность в определенных объектах и определенных ситуациях. <...>

Исследование социального статуса и социальных ролей личности, т. е. объективных характеристик, выявляет активное участие самой личности в изменении статуса и социальных функций. Сложный и долговременный характер активности субъекта является показателем наличия не только приспособ-

ленных к отдельным ситуациям тактик поведения, но и стратегии достижения посредством этих тактик далеких целей, общих идей и принципов мировоззрения. Именно стратегическая организация поведения включает интеллект и волю в структуру личности, соединяя их с потребностями, интересами, всей мотивацией поведения личности.

В реальном процессе поведения взаимодействуют все «блоки» коррелируемых функций (от сенсомоторных и вербально-логических до нейрогуморальных и метаболических). При любом типе корреляции в той или иной степени изменяется человек в целом как личность и как индивид (организм). Однако сохранению целостности организма и личности способствуют только те корреляцитивные связи, которые соответствуют объективным условиям существования человека в данной социальной и природной среде. <...>

Мы думаем, однако, что структура личности строится не по одному, а по двум принципам одновременно: 1) субординационному, или иерархическому, при котором более сложные и более общие социальные свойства личности подчиняют себе более элементарные и частные социальные и психофизиологические свойства; 2) координационному, при котором взаимодействие осуществляется на паритетных началах, допускающих ряд степеней свободы для коррелируемых свойств, т. е. относительную автономию каждого из них. Рассмотренные выше явления интеллектуального напряжения развиваются именно по координационному типу, подобно системе ценностных ориентаций, социальных установок, форм поведения, представленной в структуре личности сложным комплексом свойств.

В. Н. Мясищев

ЛИЧНОСТЬ И ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА[1]

Человек, член общества, рассматривается социологией, психологией и педагогикой как личность, хотя он при этом оста-

[1] Статья опубликована в сборнике «Проблемы личности» (1969). Текст дается по книге: Психология отношений. М.; Воронеж, 1995. С. 342–353.

ется организмом; в основе всех сторон деятельности личности лежит деятельность мозга. Единицей, рассматриваемой в перечисленных науках, является не организм, а личность человека, которая характеризует его как деятеля и более или менее заметного участника общественно-исторического процесса. Личность в основном определяется как общественно-исторически обусловленное высшее, интегральное психическое образование, свойственное только человеку, как сознательный потенциальный регулятор его психической деятельности и поведения.

В связи с этим можно сказать несколько слов о психических образованиях и о потенциальном психическом. Термин «психическое образование» применяется время от времени различными авторами при не вполне уточненном его значении. Так, процесс зрительного восприятия отличается логически и эмпирически от памяти образов; мышление, как процесс умственного овладения, отличается от интеллекта, или ума, как основы того или иного уровня мыслительного процесса.

В психическом можно установить две категории: а) процессуальное; б) потенциальное. Процессуальное и потенциальное не существуют друг без друга, это — единство, но вместе с тем — это различные, а не тождественные понятия.

Потенциальное психическое не является предметом непосредственного наблюдения, а определяется на основе умозаключения. Это скрытая переменная, как ее определяет Б. Грин (Green B. F.), а также П. Лазарсфельд. В этой связи важным является соотношение процессуального и потенциального психического и отношений человека. Креч и Крачфилод (Krech D. and Crutchfied R. S.) определяют отношение как упроченную организацию мотивационных, эмоциональных, перцептивных и познавательных процессов в связи с некоторыми аспектами индивида. Г. Оллпорт (Allport G. W.) определяет отношение как психическое и нервное состояние готовности выполнить директивное влияние, ответ индивида на объекты и ситуации, с которыми он соотносится. Фьюзон (Fuson M.) характеризует отношение как вероятность выявления определенного поведения в определенной ситуации. Упомянутые авторы характеризуют отношение и склонность как заключение о вероятности

определенной реакции на определенные обстоятельства. Предлагаются разные методы измерения склонности и отношений, о чем здесь нет возможности говорить. Вместе с тем в экспериментальной психологии обнаруживается и сейчас глубокое непонимание многообразия личности в связи с многообразием ее отношений. Такие крупные психологи, как П. Фресс, Ж. Пиаже, в редактируемой ими экспериментальной психологии в параграфе «поведение и отношение» пользуются формулой поведения: С (ситуация), П (персона, личность), Р (реакция). Устанавливая отношения членов этой формулы, они предусматривают варианты ситуации (С1; С2; С3) и варианты реакций (Р1; Р2; Р3), но рассматривают личность как одно недифференцированное целое. Они говорят, что изучают влияние изменений С на изменения Р или различные соотношения на различные ситуации. Учитываемые особенности личности (пол, возраст) остаются формальными, а отношения личностей к содержанию ситуации или задаче в расчет не принимаются. Это показывает, что содержательное исследование личности в ее отношениях не заняло еще надлежащего места в экспериментальной психологии.

Психические образования являются потенциальным психическим, реализующимся, формирующимся в процессе психической деятельности. Личность человека представляет собой сложнейшее и высшее в психике человека образование. Высшим оно является в том смысле, что оно непосредственно определяется влияниями и требованиями социальной среды и общественно-исторического процесса. Общественные требования относятся прежде всего к идейной стороне поведения и переживаний человека.

Одним из недостатков психологического исследования является до сих пор не вполне изжитый формализм в рассмотрении его психики. Процессы психической деятельности, а также лежащие в их основе психические образования рассматриваются без достаточной связи с содержаниями психической деятельности. Рассмотрение психического процесса в связи с его предметом и обстоятельствами, его вызывающими, является основой содержательного исследования. Особенности содержания, с которыми связана психическая дея-

тельность, определяют функциональную сторону психического процесса. Но эта структура, активность процесса, его характер (в смысле положительной или отрицательной реакции на объект), его доминирование в сознании и поведении зависят от отношения человека, от положительной или отрицательной значимости содержания процесса, от степени этой значимости для человека. Без учета этой роли психической активности отношений никакой процесс не может быть правильно освещен, не могут быть правильно определены способности человека, осуществляющего ту или иную деятельность; характер исследуемого процесса обусловлен не только особенностями задачи деятельности, но и отношением человека к этой задаче. Надо подчеркнуть, что речь идет только об отношениях человека или человеческих отношениях. Подчеркнуть это нужно потому, что без этого широко и в различных планах применяемый термин отношений окажется нечетким и расплывчатым. В этом смысле отношения человека — это потенциал, проявляющийся в сознательной активной избирательности переживаний и поступков человека, основанной на его индивидуальном, социальном опыте. Чем элементарнее организм, тем в большей степени его избирательность основана на врожденной связи реакций с объектом. Это физиологически определяется как безусловный, или простой, рефлекс. И. П. Павлову принадлежит формула: «Психические отношения и есть временные связи», т. е. условно-рефлекторые образования; временные, приобретенные связи представляют, по Павлову, психические отношения. И. П. Павлов не давал ни определения, ни характеристики отношений человека, поэтому, говоря о Павлове здесь, мы укажем лишь на два момента:

1) психические отношения как условные временные связи черпают свою силу из безусловных;
2) у человека все отношения перешли во 2-ю сигнальную систему. Это значит, что отношения, основанные на индивидуальном или личном опыте, опираясь на безусловные, «инстинктивные» тенденции, реализуются в системах высших «второсигнальных» собственно человеческих процессов, определяющих и регулирующих деятельность человека.

А эти высшие отношения и лежащие в их основе нервно-физиологические и в то же время нервно-психические образования неразрывно связаны с сознательным мышлением и разумной волей человека.

Нет надобности говорить о том, что собственно человеческий уровень отношений является продуктом общественно-исторического существования человека, его общения с членами человеческого коллектива, его воспитания, его сознательной трудовой деятельности в коллективе. Здесь уместно вспомнить, что К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «животное не “относится” ни к чему и вообще не “относится”»; для животного его отношение к другим не существует как отношение. Положение о том, что для животных их отношения «не существуют как отношения» обозначает, что эти отношения не осознаются животными. Возвращаясь к Павлову, укажем, что установленная им зависимость силы условно-рефлекторных корковых процессов от заряжающей их силы подкорковых имеет решающее значение для понимания динамики высших процессов у животных. Условные пищевые рефлексы обнаруживаются отчетливо, если животное голодно, и не выявляются, если оно сыто. Но эта отчетливая зависимость меньше сказывается на конкретно-личных отношениях человека, например в привязанностях к кому-нибудь или интересах к чему-нибудь. Она совсем не сказывается на высших идейных отношениях, хотя они также возникают на основе физических временных связей. Их сила и прочность определяются психосоциальной значимостью объекта и эмоциональным характером отношений человека. Можно сказать: чем более то или иное проявление характеризует личность, тем менее оно связано с витально-биологическими отношениями и тем более явно выступает зависимость его от истории формирования личности. Человек есть социально-историческое образование, впитавшее в себя все общественные условия и влияния конкретной истории его развития, и проявления которого обусловлены и могут быть поняты только на основе этой истории. Подытоживая все сказанное здесь и ранее об отношениях человека можно рассматривать их как потенциал избирательной активности человека в связи с различными сторонами действительности. Они со-

держательно характеризуют деятельность человека, проявляются не какой-либо одной функциональной стороной психики, а выражают всю личность в ее связи и с той или иной стороной деятельности. Они характеризуются тем большей активностью психических процессов, чем более значим для личности объект отношений, отличаясь положительным или отрицательным знаком (тяготение — отвращение, любовь — вражда, заинтересованность — безразличие). Чем выше уровень развития личности, тем сложнее и процессы психической деятельности и тем дифференцированнее и богаче ее отношения.

А. Ф. Лазурский, основатель психологического учения об отношениях человека, писал, что экзопсихика, иначе говоря, отношения, и эндопсихика представляют собой две стороны психики человека. Неправильно было бы упрекать А. Ф. Лазурского в дуализме. Его позиция обозначает не двойственность, не дуализм, а синтез двух обязательных планов рассмотрений. Аналогично этому характеристика силы электрического тока существует одновременно с характеристикой напряжения тока, что вовсе не означает дуализма в понимании природы электричества.

Как мною неоднократно указывалось, отношения человека — это не часть личности, а потенциал ее психической реакции в связи с каким-либо предметом, процессом или фактом действительности.

Отношение целостно, как и сама личность. Исследование личности является, в значительной степени, ее исследованием в ее отношениях. Развитие личности представляет процесс образования усложняющихся, обогащающихся, углубляющихся связей с действительностью, накопление в мозгу потенциала действий и переживаний. Развитие личности — это развитие психики, а значит, это развитие и усложнение психических процессов и накопление опыта — психического потенциала. Опыт осуществляется в форме накопления:

1) знаний;
2) навыков;
3) умений;
4) отношений.

Все четыре вида потенциального психического в той или иной мере характеризуют личность. Но вместе с тем ясно, что личность характеризуют не знания, навыки и умения, а, как уже говорилось выше, отношения. Исследование личности в ее развитии представляет историческое изучение личности в динамике ее содержательных отношений.

Исследование отношений представляет тот необходимый для психологии подход, в котором объединяется объективное с субъективным, внешнее с внутренним. Отношения существуют между личностью человека — субъектом и объектом его отношений. Отношение реализуется или проявляется во внешнем факторе, но вместе с тем отношение выражает внутренний «субъективный» мир личности. Личность — это субъект отношений так же, как субъект внешней деятельности. На этом единстве внутреннего и внешнего, объективного и субъективного основывается материалистическая психология.

Принцип системности и целостности, который с наибольшей отчетливостью вошел в учение о мозге, организме и личности в свете объективного ее исследования со времени работ И. П. Павлова, заставляет рассматривать личность как систему и единство психических процессов и образований, в котором действенно потенциальной является система отношений. Личностность психических процессов заключается в том, что в них реализуется потенциал сознательных отношений личности.

С психологической проблемой личности и ее отношений тесно связан ряд интегральных психологических понятий. Прежде всего сюда относится идущее от В. Штерна (Stern W.) понятие направленности (Richtungsdipositionen). У нас довольно широко применяется в психологии, и в особенности в связи с учением о личности, термин «направленность». Этот термин, по сути, характеризует понятие топографически-векторно, в применении к психологии это означает доминирующее отношение. Термин «направленность» вместе с тем является очень общим. Его употребление вызывает вопрос не только о том, что есть то, на что направлено, но и что направлено. Так, говорят о направленности вкусов, взглядов, желаний, мечтаний — интересов, симпатий, склонностей и т. п. Направлен-

ность интересов — законное понятие. Оно характеризует доминирующие интересы личности. Но к понятию личности направленность менее применима. Личность многосторонне избирательна. Личность имеет характеристику не линейную и не плоскостную. Если пользоваться пространственным образом, личность представляет не только трехмерную величину, как статуя, но, в отличие от нее, как все живое, она динамична и различно в разных системах меняется в процессе жизни. Характеристика личности направленностью не только односторонняя и бедная, но она мало подходит для понимания большинства людей, поведение которых определяется внешними моментами; они не имеют руля доминирующей направленности. Отношения человека многообразны, а поэтому именно они могут раскрыть многообразие человеческой психики.

Многие советские авторы применяли понятие позиции личности, которое впервые было предложено в этом смысле А. Адлером (Adler A.). Позиция личности означает, в сущности, интеграцию доминирующих избирательных отношений человека в каком-либо существенном для него вопросе.

Многостороннее разрабатываемое грузинскими психологами понятие установки также относится к психическим интегральным образованиям, особенно когда речь идет об установке личности. В этом случае, в отличие от сенсо-моторной установки, вырабатываемой экспериментально, это понятие близко к только что указанному понятию позиции личности. Однако установка, как бессознательное образование, безлична. Установка — это приобретенная готовность к опытно-обусловленным особенностям протекания психических процессов. Может существовать система установок, интегральная установка, отдельные и частные установки. Д. Н. Узнадзе охарактеризовал установку как готовность личности к определенной обусловленной потребностью деятельности, как опирающийся на действенный опыт механизм, предопределяющий особенности реагирования. Нужно заметить, что в установке, как в бессознательной инерции прошлого, противостоят сознание настоящего и перспективы будущего, объединяемые в каждом поступке и переживании человека. В этом смысле установка сходна с условным рефлексом, хотя по механизму своего раз-

вития она не связана обязательным образом с безусловным раздражителем. В теорию установки с большим основанием включается понятие потребности, которая, однако, в основном эксперименте по исследованию установки отсутствует. Это показывает, что понятие установки, применяемое в психологии, шире, богаче и глубже той экспериментальной модели, которой иллюстрируется само понятие, демонстрирующей лишь инерцию и ее приобретенный механизм.

В мотивационной психологии особое место занимает понятие мотива. Это понятие значимо для всякой психологии и важно для психологии отношений. При этом нужно отдавать себе отчет в том, что понятие мотива имеет двоякий смысл: а) побудительной движущей силы поведения или переживания, или б) основание поступка, решение, мнение. Так называемое мотивированное действие имеет в своей основе движущую силу побуждения и основание действия. Так называемое немотивированное действие имеет только одну мотивационную категорию — побуждение, другая же, представляющая основание действия, отсутствует. В так называемом немотивированном действии его основание не осознается. Отношение может быть основанием мотива, например, когда ученик учится из любви к знанию, из любви к родителям, из тенденции честолюбивого самоутверждения и т. д.

Мотивом отношения может быть то или иное переживание; например переживание учебной неудачи может стать мотивом отрицательного отношения к учению; успехи другого ученика могут стать мотивом враждебно-завистливого отношения к нему. Таким образом, понятие «мотив» не имеет определенного одностороннего психологического содержания. Действенность того или иного обстоятельства всегда связана с отношением к нему человека, но неправильно смешивать мотивы и отношения или говорить о мотивах независимо от отношения и подменяя отношение мотивами.

Нет надобности говорить о необходимости различать понятия свойств личности и характера при их близости и иногда совпадении. В необходимости их различения никто не сомневается, тем не менее об этом сказать уместно, потому что это разграничение не всегда четко. Характер — это психическое

своеобразие человека, интеграл всех его свойств. В основном характер — это единство отношений и способа их осуществления в переживаниях и поступках человека. Личность — это человек, рассматриваемый с точки зрения собственно человеческих, социальных его особенностей. Некоторые психические свойства могут относиться и к характеру, и к личности, некоторые же только к тому или другому. Например, порядочный или непорядочный, идейный или безыдейный, сознательный или несознательный, творческий или нетворческий. Это все черты личности. Коллективизм или индивидуализм, честность, бесчестность, благородство или подлость — эти черты характеризуют личность. Они свидетельствуют об уровне общественно-нравственного развития человека. Некоторые из этих черт могут быть отнесены к характеру, например благородство или подлость. В этом случае они имеют определяющее значение в системе всех психических свойств человека. Перечисленные черты так тесно связаны с особенностями отношения человека, что не будет ошибки сказать о личности как о человеке в его отношениях к действительности. Сами отношения при этом, имея личностный характер, являются элементами, в которых реализуется личность в процессе ее деятельности. Человек как личность является не только сознательно преобразующим действительность, но и сознательно относящимся к ней.

Рассмотренные только что интегральные понятия, таким образом, имеют существенное значение, их нельзя отвергать, но они получают уточнение, и в этом уточнении существенное место занимают их различные связи с понятием отношений.

В связи с вопросом о развитии личности упоминался вопрос о развитии отношений. Мы здесь коснемся еще только одной стороны, а именно изменчивости и устойчивости реакций личности. Нередко устойчивость и лабильность, или изменчивость, рассматриваются в формально-динамическом плане, но это рассмотрение становится содержательным лишь с учетом отношений. Стойкость при этом рассматривается в связи с определенными содержаниями, например стойкость и привязанность к близкому лицу, стойкость убеждений, нравствен-

ная стойкость. Указанные черты выражают отношение человека. Реакции, выражающие эти отношения, а следовательно, и сами отношения, могут быть устойчивые или неустойчивые, варьируя от моментальной ситуативной лабильности до высокой стабильности. Но стабильные отношения могут быть и инертно стойкими. Не эта стабильность является основой в развитии отношений, важна принципиальная устойчивость. Принципиальная устойчивость основывается на некотором осознанном и обобщенном принципе.

Установление различий в устойчивости отношений в зависимости от инертности механизма или от стойкости принципа требует рассмотрения отношений личности и психофизиологических механизмов деятельности, в которой они осуществляются. Нет отношений без отражения, т. е. отношения всегда связаны с объектом, который отражается в сознании. Для понимания личности и психики существенно не только их единство, но и различие. Человеческое суждение, мышление вообще, может быть бесстрастным, страстным и пристрастным. Первое не препятствует адекватному отражению, но и недостаточно для глубины его, второе содействует глубине и богатству отражения, а третье искажается тенденциями, в которых субъективные компоненты отношения делают отражение неадекватным, неправильным. <...>

Эти понятия не только жизненно важны, а потому и научно и теоретически важны. Не отрицая роль функционального процессуального рассмотрения психологии человека, нельзя не учесть, что содержательно-синтетическое восприятие является как исходным, так и завершающим моментом психологического исследования и психологической характеристики. Отсюда вытекает вопрос о месте понятия психическое или личностное, или человеческое отношение в системе психологических понятий. Исходя из того, что это понятие отношения несводимо к другим и неразложимо на другие, надо признать, что оно представляет самостоятельный класс психологических понятий. Выделение этого класса особенно важно в борьбе за личностную психологию, против безличной функционально-процессуальной и за содержательную психологию личности.

Б. Ф. Ломов

НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ. СУБЪЕКТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ[1]

Несмотря на различие трактовок личности, во всех подходах в качестве ее ведущей характеристики выделяется направленность. В разных концепциях эта характеристика раскрывается по-разному: как «динамическая тенденция» (Рубинштейн), «смыслообразующий мотив» (Леонтьев), «доминирующее отношение» (Мясищев), «основная жизненная направленность» (Ананьев), «динамическая организация сущностных сил человека» (Прангишвили). Она так или иначе выявляется в изучении всей системы психических свойств и состояний личности: потребностей, интересов, склонностей, мотивационной сферы, идеалов, ценностных ориентаций, убеждений, способностей, одаренности, характера, волевых, эмоциональных, интеллектуальных особенностей и т. д.

Действительно, направленность выступает как системообразующее свойство личности, определяющее ее психологический склад. Именно в этом свойстве выражаются цели, во имя которых действует личность, ее мотивы, ее субъективные отношения к различным сторонам действительности: вся система ее характеристик. В глобальном плане направленность можно оценить как отношение того, что личность получает и берет от общества (имеются в виду и материальные, и духовные ценности), к тому, что она ему дает, вносит в его развитие.

То, как именно конкретная личность участвует в тех или иных социальных процессах (содействует их развитию, противодействует, тормозит или уклоняется от участия в них), зависит от ее направленности, которая формируется в процессе развития личности в системе общественных отношений. <...>

Мотивы и цели деятельностей принадлежат личности, которая их выполняет. Соотношение деятельности и мотива как

---

[1] Фрагменты шестой главы «Проблема личности в психологии» из книги автора: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 310–331.

личностного образования не простое и не однозначное. Тот или иной мотив, возникший у личности и побуждающий ее к определенной деятельности, может этой деятельностью и не исчерпаться; тогда, завершив данную деятельность, личность начинает другую (или же реализует этот мотив в общении). В процессе деятельности мотив может измениться, и точно так же при сохранности мотива может измениться выполняемая деятельность (ее программа, структура, состав действий и т. д.). <...>

<...> Мотивационная сфера личности в целом неразрывно связана с потребностями, которые объективно закономерным образом детерминируют поведение человека. Мотив является субъективным отражением потребностей, опосредованным положением личности в обществе. <...>

<...> Потребностно-мотивационная сфера характеризует направленность личности все же частично; является как бы исходным ее звеном, фундаментом. На этом фундаменте формируются жизненные цели личности. Следует различать цель деятельности и жизненную цель. Человеку приходится выполнять в течение жизни множество разнообразных деятельностей, в каждой из которых реализуется определенная цель. Но цель любой отдельной деятельности раскрывает лишь какую-то одну сторону направленности личности, проявляющуюся в данной деятельности. Жизненная цель выступает в роли общего интегратора всех частных целей, связанных с отдельными деятельностями. Реализация каждой из них есть вместе с тем частичная реализация (и в то же время развитие) общей жизненной цели личности. <...>

Субъективные отношения личности

До сих пор речь шла о направленности как системообразующем свойстве личности в связи с анализом ее целей, мотивационной сферы и потребностей. Но это свойство имеет также и другие формы проявления. Анализируя психологический склад личности, вряд ли можно обойтись без рассмотрения ее ценностных ориентаций, привязанностей, симпатий, антипатий, интересов и ряда других характеристик, которые хотя

и связаны с потребностями, мотивами и целями, но не сводятся к ним.

На наш взгляд, наиболее общим понятием, обозначающим перечисленные выше характеристики личности (и ряд других, не перечисленных здесь), является понятие «субъективные отношения личности». Речь идет о том, как личность относится к тем или иным событиям и явлениям мира, в котором она живет. В данном случае термин «отношение» подразумевает не только и не столько объективную связь личности с ее окружением, но прежде всего ее субъективную позицию в этом окружении. «Отношение» здесь включает момент оценки, выражает пристрастность личности.

Понятие «субъективные отношения личности» близко по содержанию к понятиям «установка», «личностный смысл» и «аттитюд». Но, с нашей точки зрения, оно является по отношению к ним родовым. Понятие «установка», раскрываемое как центральная модификация личности (Узнадзе), подчеркивает интегральный характер субъективно-личностных отношений; «личностный смысл» — их связь с общественно-выработанными значениями; «аттитюд» — их субъективность. <...>

Субъективные отношения конкретной личности, конечно, не исчерпываются только теми, основанием которых являются отношения экономические. В процессе жизни у личности формируются также определенные субъективные отношения к научным открытиям, явлениям культуры и искусства, политическим событиям, идеологической жизни общества и т. д.

Как уже не раз отмечалось, личность в своем развитии включается во многие как большие, так и малые общности людей. Участие в жизни каждой из них формирует у нее и определенные субъективные отношения как к той, в которую она включена, так и к другим общностям. При этом иногда возникают те или иные «перекосы» в развитии личности, которые выражаются в том, что некоторые из ее частных отношений начинают доминировать над общими, интересы какой-либо группы она ставит выше интересов общества. К таким перекосам относятся национализм, шовинизм, групповщина, корпоративность, протекционизм и др.

В процессе жизни в обществе у каждого индивида формируется сложнейшая — многомерная, многоуровневая и динамическая — система субъективно-личностных отношений. Ее можно было бы описать как многомерное «субъективное пространство», каждое из измерений которого соответствует определенному субъективно-личностному отношению (к труду, собственности, другим людям, политическим событиям и т. д.). Эти измерения и представляют собой то, что Э. Эриксон называл «радиусами значимых отношений». «Субъективное пространство» далеко не всегда совпадает с «пространством» общественных отношений, в которые личность включена объективно. Нередко можно встретить факты «смещения» субъективных отношений личности относительно тех общественных отношений, в которые она включена объективно.

Вопрос о взаимоотношениях объективного и субъективного «пространств» личности, так же как и вопрос о перекосах в ее развитии, требует специального психологического исследования. Их конструктивное решение имеет исключительно большое значение для воспитательной работы.

Изменение объективного положения личности в обществе необходимо требует перестройки и ее субъективных отношений. Если этого не происходит, то могут возникнуть трудности в овладении новой социальной функцией, конфликты с окружающими людьми или «внутренний разлад». <...>

В самом широком смысле слова субъективность отношений означает их принадлежность личности как общественному субъекту. Они формируются и развиваются в процессе накопления и интеграции всего жизненного опыта личности. Ими характеризуется жизненная позиция личности в обществе. Их детерминация общественными отношениями иногда создает у личности впечатление, что ее субъективные отношения сильнее ее самой (переживание их навязанности). Пожалуй, нигде, как в этих отношениях, не проявляется так отчетливо кумулятивный характер детерминации. Было бы неверно субъективность, пристрастность связывать обязательно с искажениями или иллюзорностью этих отношений. Субъективность и субъективизм — это не одно и то же. Если отношения личности адекватны прогрессивным тенденциям развития общества, то их субъективность не только не является препят-

ствием во взаимоотношениях с другими людьми, но, напротив, способствует развитию этих взаимоотношений. Однако при определенных условиях пристрастность может выступить и в форме субъективизма (предрассудков, предвзятости, ригидности в поведении и мнениях и т. п.), препятствующего нормальным взаимоотношениям личности с другими людьми, а значит, и ее собственному развитию.

Являясь интегральными свойствами личности, субъективные отношения накладывают определенный отпечаток на все психические процессы (более широко: на все психические явления). Особенно отчетливо это выражается в их эмоциональном тоне, а также в тех звеньях процессов, которые связаны с выбором и принятием решений.

В ходе развития субъективных отношений формируются специфические «образования»: система предпочтений, мнений, вкусов, интересов. Складывается также определенная система образов, в которых с позиций данной личности, т. е. субъективно и пристрастно, репрезентируются различные стороны и компоненты действительности, в которой она живет (образ других личностей, общностей, общества в целом и т. д.).

Субъективные отношения выступают в роли своего рода «костяка» субъективного мира личности.

В процессе их развития формируются также определенные привычки, стереотипы поведения, способы взаимодействия с другими людьми (например, то, что принято называть чувством такта) — короче, стиль поведения личности в целом.

Б. И. Додонов

О СИСТЕМЕ «ЛИЧНОСТЬ»[1]

Правильное, соответствующее системному подходу определение такой функции требует прежде всего рассмотрения личности как компонента другой, более высокой системы, как «частицы» общества, функция которой не может быть оторвана от жизни последнего. В то же время личность отнюдь не такой

[1] О системе «Личность» // Вопросы психологии. 1985. № 5.

компонент системы высшего ранга, каким, скажем, является винтик для машины...

Зададимся же вопросом: какие содержательные характеристики личности могут влиять на способ ее общественного бытия? Очевидно, таких характеристик будет всего три: это, во-первых, ее общественный статус, это, во-вторых, ее социально значимые физические особенности и это, в-третьих, ее психологический склад. Таков, надо думать, и есть основной «морфологический» состав системы «личность».

Социальный статус характеризует личность как компонент, зависимый от общества. Психологический склад и физические особенности, напротив, принадлежат личности как относительно самостоятельной системе, способной к определенному выбору доступных для нее общественных ролей и индивидуально-своеобразному их исполнению. Они (психологический склад и физические особенности) репрезентируют управляющую и исполнительную подсистемы социализированного индивида.

Поскольку же все поведение человека непосредственно определяется управляющей подсистемой, субъективно отражающей в себе и его социальный статус, и его физические возможности, именно психологический склад личности станет предметом нашего дальнейшего анализа. Для этого сначала надо выделить те элементы, из которых «строятся» непосредственно составляющие его более сложные психологические образования.

«Идеальные содержания» личности как элементы ее основных психологических образований... В роли основного ряда компонентов психологического склада личности в нашей модели будут выступать функциональные объединения определенных содержаний личности...

Основные классы идеальных содержаний личности. В основу выделения элементов идеального содержания личности должен быть положен не онтологический, а логический принцип. Следуя ему, прежде всего разделим все идеальные содержания на мотивирующие и ориентирующие. Затем первые — опять-таки на те, что несут в себе готовые цели, определяя инициативное поведение личности, и те, что представляют собой закрепившиеся эмоциональные оценки действительно-

сти, обеспечивающие ситуативные реакции на разные жизненные обстоятельства. Вторые — на понятийно-образную информацию о мире и сложившиеся в опыте жизни «схемы» умственных действий, управляющие извлечением, преобразованием, приумножением и практическим использованием этой информации. Четыре выделенных таким путем разных класса идеальных содержаний нашей психики, согласно обычной терминологии, представляют собой опредмеченные потребности во всех их модификациях, устойчивые психологические отношения, знания и умения. Первый класс элементов мы будем называть также блоком целевых программ, а третий — блоком операторов.

<...> Если рассмотреть каждый класс идеальных содержаний как отдельный их блок и задаться вопросом о дифференцировке элементов содержания внутри него, то одним из важнейших их различий будет степень широты и устойчивости. Знания человека могут касаться самых общих законов природы, общества и человеческого мышления и могут относиться к более частным сферам его жизни или даже к совсем незначительным фактам его бытия. Целевые программы могут быть программами жизни человека и программами сегодняшнего вечера и т. д. Иначе говоря, каждый блок содержаний (независимо от их реального вхождения в те или иные функциональные образования психологического склада личности) имеет «многоэтажное», иерархическое строение. Верхние «этажи» его при этом беспрестанно достраиваются и перестраиваются, но чем ближе мы будем подходить к их основанию, тем со все более прочными, фундаментальными содержаниями личности будем иметь дело. Именно вследствие этого зрелая личность диалектически сочетает в себе и крайнюю динамичность, и нередко исключительную устойчивость. Она, как дерево, которое каждый год выпускает новые побеги и покрывается новой листвой, но которое обычно сохраняет почти неизменным главное: корни, ствол и ветви.

Компоненты психологического склада личности. Наряду с тем разграничением идеальных содержаний личности, о котором говорилось выше, их следует разделить еще по одному принципу: в зависимости от того, относятся они к внешнему

миру или к самому индивиду. В связи с этим в системе психологического склада личности нами выделяются экстраверсивная и интроверсивная подсистемы.

Подсистема экстраверсии. Можно, очевидно, установить отнюдь не случайную аналогию между «регуляционными механизмами», которые осуществляют регуляцию поведения людей со стороны общества, и собственными управляющими механизмами личности. И те и другие обеспечивают три вида ориентаций, необходимых для успешного функционирования как общества в целом, так и отдельного индивида. Эти ориентации суть следующие: 1) общее понимание той действительности, в «пространстве» которой приходится действовать; 2) целевая ориентация и 3) ориентация, обеспечивающая быстрое реагирование на разного рода типичные ситуации и обстоятельства жизни.

В системе самой личности функции регулятора поведения выполняют ее мировоззрение, направленность и характер.

...Первый из компонентов личности — *мировоззрение* — представляет собой фундаментальное образование достаточно зрелой психики, включающее в себя важнейшие знания человека о мире и отношения к нему, с позиции которых он осуществляет свою общую «рекогносцировку» действительности при выработке новых целевых программ своей жизни и при принципиальной оценке различных явлений и событий.

...*Направленность личности* — это уже сложившаяся система ее важнейших целевых программ, определяющая смысловое единство ее инициативного поведения, противостоящего случайностям бытия. Иначе говоря, это то, что феноменально дает себя знать в непреходящих жизненных устремлениях субъекта.

Еще один из упомянутых нами компонентов психологического склада личности — ее *характер*. С наших позиций *характер* — это психологическое образование, заключающее в себе закрепившиеся эмоциональные отношения человека к типичным жизненным ситуациям и определенным образом связанные с ними стереотипы когнитивных и поведенческих «схем» реагирования на эти ситуации...

Характер, как система определенных стереотипов эмоционального, когнитивного и поведенческого реагирования на

типичные жизненные ситуации, формируясь под сильным воздействием мировоззрения и особенно направленности человека, ни в коей мере не перекрывает их, он определяет реактивное, а не инициативное первичное поведение личности. Другое дело, что сама вызванная внешним импульсом реакция характера может послужить началом формирования новой целевой программы, которая затем войдет в состав направленности личности...

Три описанных выше компонента психологического склада личности представляют собой регуляторы нашего поведения с готовым информационным содержанием, но личность нуждается в постоянном притоке все новой информации из внешнего мира и извлечении уже имеющихся знаний о нем из «хранилищ памяти». Она нуждается также в анализе этой информации, ее преобразовании, перекодировке и использовании в качестве управляющих организмом сигналов. Этой цели служит четвертый, самый сложный компонент психологической системы человека — его *способности*. Способности (как, впрочем, и другие компоненты личности) можно характеризовать по их проявлению — и тогда их удобно называть качествами, особенностями и т. п. и можно рассматривать как некоторые структуры идеальных содержаний, «вложенный» в сами схемы функциональных систем процессов — и тогда их лучше определять как образования личности...

Мы думаем, что наличие знаний и умений человека, рассматриваемые не как их простая сумма, а как их определенная система, и есть то психологическое образование, которое делает его в первую очередь в той или иной мере способным как к усвоению новых знаний и умений, так и к решению с их помощью многообразных теоретических и практических проблем. Неслучайно для тех исследователей, которым приходится не просто теоретизировать относительно способностей, а практически определять их, «нереальным представляется исключение из интеллекта прошлого опыта, т. е. тех знаний и умений, которыми располагает индивид» (А. В. Петровский, 1982). Уровень же этих способностей зависит от трех факторов. Во-первых, от качества отдельных элементов этих знаний и умений (верные и неверные, твердые и нетвердые и т. д.)

и от их объединения в единое целое, от качества структуры этого целого. Образно говоря, в одном случае оно может напоминать хорошо организованную библиотеку, в другом — склад книжной макулатуры. Во-вторых, от природных задатков человека, от качества тех первичных нервных механизмов элементарной психической деятельности, с которыми ребенок уже рождается. В-третьих, вероятно, от большей или меньшей «тренированности» самих мозговых клеток, участвующих в осуществлении познавательных и психомоторных процессов.

Способности — это личностные образования, включающие в свой состав определенным образом структурированные знания и умения человека, сформированные на базе его врожденных задатков и как единое целое определяющие его возможности в успешном овладении технической стороной тех или иных деятельностей.

Интроверсивная подсистема, или «Я» личности. Личность не только целеустремленная, но и самоорганизующая система. Объектом ее внимания и деятельности служит поэтому не один лишь внешний мир, но и она сама. Феноменально это проявляется в чувстве своего «Я».

«Я» личности не следует понимать как некоего гомункулуса, стоящего над всеми другими ее компонентами и обладающего по отношению к ним «верховной властью». Его образующие — это некоторые части содержания все тех же личностных структур, которые уже были нами рассмотрены. «Я», таким образом, включает в себя и, так сказать, «самовоззрение» (представления о себе и свою самооценку), и программы своего самосовершенствования, и привычные реакции на проявление некоторых своих качеств, и способности самонаблюдения, самоанализа и саморегуляции. Именно через «Я», которое дает возможность человеку ориентироваться в себе, как и во внешнем мире, в наибольшей степени осуществляются объединение всех компонентов личности в единое целое и постоянная гармонизация (согласование) его компонентов.

Но «Я», повторим, не есть какой-то особый верховный решатель судеб личности. Рефлексируя, человек оценивает себя с позиции своего общего мировоззрения и направленности.

Структура психологического склада личности и индивидуальные качественные характеристики его компонентов. Структура любой системы неразрывно связана с ее функциями. Поскольку общая регуляционная функция психологического склада личности состоит из функций его компонентов, в его общей структуре тоже могут быть соответственно выделены связи первого и второго порядков...

Мы полагаем, что ведущим, системообразующим компонентом психологического склада личности является ее направленность. Все остальные компоненты так или иначе «работают» на нее. Это относится даже к мировоззрению человека. В своей доличностной форме направленность в виде совокупности врожденных биологических потребностей начинает определять внешнюю и внутреннюю активность ребенка еще тогда, когда у него нет даже намека на общее понимание мира, но и у взрослого человека потребности в гораздо большей степени определяют его постижение действительности, чем это постижение — его потребности.

Конечно, сказанное здесь еще далеко не раскрывает всей сложности взаимоотношений между направленностью личности и ее мировоззрением. Нам важно наметить лишь самое общее представление о структурных связях между ними, которое сводится к тому, что мировоззрение скорее помогает человеку развить свою направленность, чем первично определяет ее.

Ясно видна, например, служебная роль по отношению к направленности личности ее способностей и характера. Бывают, правда, случаи, когда они не вполне ей соответствуют. Но тогда индивид, осознав это несоответствие, пытается «подтянуть» их до уровня своей направленности.

Функция самого осознания такого несоответствия и усилий по его ликвидации, как уже было сказано в предыдущем разделе статьи, ложится на «Я» личности. Таковы в самом общем виде структурные взаимоотношения между компонентами ее психологического склада, делающими его единым, хотя и очень сложным образованием. И если в отдельные моменты поведения личности на первый план может более отчетливо выступать роль то одного, то другого ее психологического компонента, то в целом ее деятельность определяется всеми ими. При этом чем в более ответственной обстановке лич-

ность действует, тем более полно в регуляции ее действий участвуют все ее компоненты. Вот почему даже явно робкий по характеру человек в иные моменты может вести себя мужественно, несдержанный — сдержанно, легкомысленный — серьезно, рассеянный — внимательно.

В заключении этой части статьи бегло коснемся еще вопроса об интегративных качественных характеристиках отдельных психологических компонентов личности при рассмотрении ее в плане индивидуальности. Такие характеристики, вообще говоря, могут даваться с разных точек зрения, о которых мы сейчас специально говорить не станем. Отметим лишь очень важные: характеристику компонента под углом зрения его моральной оценки и под углом зрения степени консолидации его элементов. Так, например, рассматривая компоненты личности под первым углом зрения, мы можем говорить о ее коллективистской или индивидуалистической направленности, о ее отзывчивом или черством характере, о ее хороших или плохих способностях и т. д. Характеризуя же направленность личности с позиций второй плоскости ее анализа, мы должны определить, насколько отдельные составляющие ее целевые программы сложились в единую, внутренне согласованную их систему. Может существовать личность с доминирующей коллективистской направленностью и просто с коллективистской направленностью — это не одно и то же. И совсем не потому, что вторая лишена каких-либо стремлений к личному счастью и самоутверждению. Просто у нее коллективистские потребности настолько проникли во все другие, что ни удовлетворения личного честолюбия, ни самого счастья она не мыслит на ином пути, кроме пути самого честного и самоотверженного служения интересам общества. Простое же доминирование одних потребностей-программ над другими всегда чревато возможностью возникновения внутренних конфликтов, борьбы мотивации и тяжелых эмоциональных переживаний. Особой, более широкой индивидуальной психологической характеристикой личности является мера ее экстраверсии-интроверсии, определяемая соотношением ее экстраверсивной «части» с ее «Я».

Личность в системно-интегративном аспекте. Личность обладает относительно немногими интегративными характеристиками, раскрывающими в самых главных чертах ее индивидуальный облик. В первую очередь он определяется тремя основными параметрами личности: степенью ее человечности, талантливости и социо-психофизической гармоничности, проявляющейся в ее общем психическом настрое. Кратко остановимся на каждом из них.

Понятие *человечность* близко к понятию *доброта*, но гораздо шире и глубже последнего. Доброта — это просто качество характера, добрым может быть и человек с очень узким и ограниченным, мещанским мировоззрением. Истинная человечность требует широкого гуманного взгляда на мир в целом, дающего себя знать в отношении и к близким, и к «дальним», и к человеку, и к природе, и к науке, и к искусству. Она проявляется не только в простой, реактивной отзывчивости на чужое горе, но в наличии у человека программ активной борьбы со злом. Человечность несовместима с национализмом, плохо развитым чувством человеческого достоинства, всепрощенчеством и т. д.

В интегративном качестве человечности, как в никаком другом, сказывается единство человека и общества.

Талантливость (талант, гениальность) обычно трактуется как высшая степень развития способностей. Но так ее можно трактовать только при очень широком понимании последних. А это не только препятствует нахождению собственного места способностей в системе психологического склада личности, но и скрывает сложную диалектику развития таланта, ведя к ряду неверных выводов также и практического, прикладного порядка. Считается, что максимума своего развития способности достигают к 20–25 годам. Далее постепенно начинается возрастное снижение способностей. Конечно, не все люди стареют одинаково быстро. Существуют многочисленные факты, когда отдельные лица добиваются самых высоких своих творческих успехов в возрасте за 60 и даже за 70 лет.

Все это свидетельствует о том, что креативность человека определяется не одним, а по крайней мере двумя факторами, динамика которых характеризуется разной направленностью. Снижение способностей с возрастом может компенсироваться и даже

сверхкомпенсироваться продолжающимся обогащением идеальных содержаний его мировоззрения, направленности характера и «Я»-системы. Снижается способность к наиболее интенсивному и безошибочному оперированию информацией, но часто продолжают расти возможности личности к рассмотрению действительности со все новых и новых оригинальных точек зрения, определяемых все обогащающимися отношениями человека к миру.

Психический настрой личности объясняется как ее внутренней гармоничностью или дисгармоничностью (когда «находишь корень мук в себе самом и небо обвинить нельзя ни в чем» — *М. Ю. Лермонтов*), так и определенными физическими качествами индивида, внешними обстоятельствами его жизни.

Общий психический настрой личности имеет множество оттенков, наиболее противостоящими из которых являются оптимистический, мажорный и трагедийный. Примером человека с устойчивым мажорным настроением может служить известный французский живописец Огюст Ренуар, о котором А. В. Луначарский писал так: «Ренуару было присуще внутреннее необыкновенное единство настроения; собственно говоря, ему всегда было присуще одно и то же настроение, но очень богатое. Это настроение было — счастье».

Противоположным ему был, например, психический настрой Врубеля.

К. К. Платонов

КОНЦЕПЦИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ[1]

Понятие «структура» в учении о личности

Разработка понятий структуры и системы и системно-структурных способов познания стала в середине нашего века об-

[1] Фрагменты шестой главы «Понятие “структура” в учении о личности» и седьмой главы «Концепция динамической функциональной структуры личности» из книги: Структура и развитие личности М., 1986. С. 122–141.

щим явлением в самых различных науках, и прежде всего в философии. Психология не является здесь исключением. Но в формировании структурного подхода к психическим явлениям существенную роль сыграла гештальтпсихология с ее искаженным пониманием структуры. Поэтому психологи нередко еще вольно или невольно опираются на взгляды гештальтпсихологии.

Вместе с тем разработке понятия «структура» как философской категории посвящено уже много работ советских авторов, и содержание понятия «структура» в его как историческом, так и логическом аспекте изучено уже достаточно хорошо. <...>

Современное определение структуры должно более четко преодолевать ошибки односторонних пониманий структуры не только как конструкции элементов (в психологии — функций) либо как отношений между ними (в психологии — межфункциональных связей), но и как целого, непонятно как влияющего на свои компоненты (гештальтпсихология).

Потому для психологической теории личности (как и вообще для психологии в целом) значительно более «работающим» является понимание структуры не как атрибута любой системы, а как объективно существующего взаимодействия реально существующего психического явления, взятого за целое (в частности, личности), а также реально существующих его подструктур, элементов и их всесторонних связей. <...>

Приступая к системно-структурному анализу, при любом понимании этих терминов прежде всего надо четко установить, какой познаваемый феномен берется за целое, которое будет в дальнейшем раскрываться через его компоненты и их связи. Это может быть вся психологическая наука или только одна из ряда психологических наук, одна проблема или тема. Но это может быть и любая психологическая категория или только одно ее свойство или проявление.

Так, применяя системно-структурный анализ в аспекте проблем этой книги, на его первом этапе может быть взята личность в целом или только направленность личности, деятельность в целом или только одно действие. Притом и личность, и ее направленность, как и ее деятельность и отдельные

действия, могут быть взяты в их всеобщем, особенном или единичном значении. Необходимо только, чтобы эта целостность обязательно была отграничена и определена. Затем надо выяснить, что составляет элементы этой целостности, понимая под таковыми неразложимые в рамках данной системы и относительно автономные ее части.

На следующем важнейшем этапе системно-структурного анализа психических явлений необходимо вскрыть наиболее существенные и общие связи между элементами и между каждым из них и целостностью. Это могут быть как односторонние причинные связи, так и взаимозависимости и взаимовлияния в процессах функционирования, поведения и развития целого явления. Дальше следует выявить необходимое и достаточное число подструктур (или подсистем), в которые или на пересечении которых уложатся все элементы анализируемой целостности. Подструктуры (или подсистемы) и элементы подвергаются классификации как необходимому шагу постижения их упорядоченности. Классификация частей и целого может быть выделена в самостоятельный этап системно-структурного анализа в психологии.

Критерии понимания динамической структуры личности

Излагаемая концепция подразумевает психологическую структуру. Давно уже было понято, что в реальной действительности существует два рода структур: статическая и динамическая. А точнее, что это два аспекта обязательной динамичности любой структуры, определяемые временным параметром ее изменения под влиянием не только внешних воздействий, но и внутренней ее закономерности. Ведь, казалось бы, наиболее статична структура кристалла. Но и она статична только с позиций «человеческого» времени и динамична с позиций времени геологического.

Нельзя не согласиться с определением, данным В. Д. Шадриковым: «Динамическая система — это система, развивающаяся во времени, изменяющая состав входящих в нее компонентов и связей между ними при сохранении функции» (1979).

Это определение относится и к динамической структуре личности. Причем если ее динамика совпадает с прогрессивным развитием, то результатом может быть не только сохранение, но и улучшение функций; при социальной или биологической деградации личности, наоборот, будет ухудшение.

...Как было сказано выше, при описании основных этапов системно-структурного анализа он начинается с установления того, что взято за целое. Концепция динамической функциональной структуры личности за целое берет личность, т. е. человека как носителя сознания и как одну из двух подструктур человека, взятого за еще более широкое целое (напомним, что другая подструктура его — организм).

Вторым этапом системно-структурного анализа является уточнение элементов этого целого. Если рассматривать личность как целое, то элементами этого целого будут стойкие психические свойства, обычно называемые «чертами личности». Это не вызывает разногласий ни у кого из советских психологов, как и понимание психических свойств (черт) личности, данное С. Л. Рубинштейном, который писал: «Психическое свойство — это способность индивида на определенные объективные воздействия закономерно отвечать определенными психическими деятельностями» (1957). Исходя из такого понимания, свойства личности, являясь элементами ее структуры, вместе с тем являются и ее элементарными видами деятельности...

Далее, проводя системно-структурный анализ личности, надо учесть возможно более полное число этих элементов. В данном случае это было достигнуто путем составления списка и подсчета числа слов, которые могут рассматриваться как названия свойств личности в Словаре русского языка С. И. Ожегова (1952).

Оказалось, что из 52 000 слов этого словаря около 1500 могут рассматриваться как элементы личности. Было установлено также, что в грузинском языке этих слов более 4000, а в болгарском — около 2500. Надо отметить, что, во-первых, эти слова были введены в обиход не психологами, а народом и обозначают чаще не элементарные свойства, а весьма сложные особенности личности, которые обычно называют чертами. Во-вторых,

заслуживает внимания, что народу надо было почти в 2 раза больше слов, более дифференцированно обозначающих отрицательные свойства. И в-третьих, свойств личности еще больше, так как многие из них не могут быть определены одним словом.

Далее для структурного анализа надо выделить необходимое и достаточное число подструктур. В концепции динамической функциональной структуры личности таких подструктур выделено четыре. Это число подструктур необходимо и достаточно, так как в них могут быть включены все известные свойства личности, число которых не только не одинаково, как было показано, в различных языках, но и в каждом из них в дальнейшем может увеличиваться.

Вычленение именно этих основных подструктур личности определяется рядом следующих критериев.

Первым таким критерием является отношение биологического и социального, врожденного (но не обязательно наследственного) и приобретенного, процессуального и содержательного. Различие этих трех пар понятий по-разному проявляется в разных подструктурах. При этом в 1-ю подструктуру, наиболее существенную для личности в целом, входят почти исключительно социально обусловленные содержательные черты личности (направленность в ее различных формах, отношения, моральные качества личности и т. д.). Во 2-й подструктуре — опыта, в которую входят знания, навыки, умения и привычки, наряду с личным опытом, включающим в себя и социальный, — уже отмечается заметное влияние врожденных, биологических процессуальных свойств. Это влияние еще более усиливается в 3-й подструктуре, в которую входят черты личности, зависящие от индивидуальных особенностей психических процессов как форм отражения действительности. И наконец, в 4-й биопсихической подструктуре личности врожденность процессуального резко преобладает над приобретенностью.

Этот критерий определяет как различение, так и последовательность подструктур, расположенных в порядке их «человеческой значимости», хотя в генетическом аспекте их было бы логичнее располагать в обратной последовательности. Эта последовательность помогает глубже понять соотношение со-

циального и биологического не только в личности в целом, но и в подструктурах различных уровней, вплоть до отдельных свойств личности. При этом правильнее говорить о значении, а не о доле, так как в последнем случае соотношение социального и биологического в каждой подструктуре и в личности в целом может пониматься как «смесь зерна и песка», а это и есть пресловутая теория двух факторов.

Вторым критерием выделения этих четырех подструктур личности является внутренняя близость черт личности, входящих в каждую из них, и уже достаточно общепринятое и научно доказанное выделение в каждой из этих подструктур, принятой за целое, своих подструктур более низкого уровня. По этому же критерию выделяют свои подструктуры личности (хотя и не применяют этого термина, а чаще говорят «сфера», «сторона») В. Н. Мясищев, А. Г. Ковалев, В. С. Мерлин, Б. Г. Ананьев и др., хотя в излагаемой концепции характер и способности считаются «наложенными» подструктурами личности, общими качествами личности. Но этот вопрос требует особого рассмотрения, что и будет сделано в следующей главе.

Третьим критерием выделенных четырех основных подструктур является то, что каждая из них имеет свой особый, основной для нее вид формирования. В выделяемых подструктурах 1-я формируется путем воспитания, 2-я — обучения, 3-я — упражнения, 4-я — тренировки. Взаимодействие этих специфических для каждой подструктуры видов формирования определяет индивидуальную особенность развития каждой личности.

Четвертым по рассматриваемому порядку, а по существу наиболее значимым критерием выделения именно этих подструктур является объективно существующая иерархическая зависимость этих подструктур. Различные структурные связи координаций существуют и между подструктурами, и внутри каждой из них. Но каузальные связи субординации более отчетливо выражены во взаимодействии различных подструктур, чем внутри каждой одной подструктуры. При этом каузальная зависимость черт личности 1-й подструктуры от черт 2-й, и вместе — от черт 3-й, и их всех вместе — от черт 4-й выражена отчетливо и объективно.

Пятым критерием, определяющим выделение именно этих четырех подструктур личности, является уже не логический, а исторический, возвращающий читателя к четырем этапам изучения советскими психологами личности... (кроме 1-го этапа и 6-го). Ведь 1-й этап (личность как душа) развития учения о личности давно отброшен, а 6-й (личность как человек) непродуктивен, но четыре промежуточных, по очереди абсолютизируя одну из сторон (можно сказать и аспектов) личности, весьма продуктивно накопили большой эмпирический материал и тем, по существу, доказали объективную реальность каждой из четырех подструктур личности.

Этот пятый критерий говорит, что описанные четыре подструктуры личности, по существу, только обобщают четыре этапа развития в советской психологии учения о личности, опираясь на весь добытый материал, только изменив соотношение последовательности подструктуры этапов.

Эти пять критериев позволяют считать, что четыре выделенные подструктуры отражают объективную реальность и потому являются основными подструктурами личности, а не ее, могущими быть и условными, подсистемами; число их отражает также объективно существующие четыре группы психических свойств личности, порядок их также отражает объективно существующую иерархическую и динамическую субординацию.

Понятие «структура» может и должно применяться к личности в его прямом смысле — как единство элементов их связей и целого. Но поскольку здесь речь идет о взаимосвязи не материальных, а функциональных свойств и качеств личности, то полезно напомнить, что речь идет о функциональной структуре личности.

Ни отдельные черты личности, входящие как элементы в ее функциональную структуру, ни личность в целом не остаются неизменными в течение жизни человека. Изменения личности могут быть связаны не только с ее развитием в результате возрастного созревания и формирования, но и с социальным распадом, со старческой деградацией и с патологическим развитием. Кроме того, изменчивость личности зависит от компенсации одних, недостаточно развитых черт личности другими и от изменения способов и степени этой компенса-

ции. Ведь дефект памяти у одного и того же человека в одном случае может компенсироваться произвольным вниманием, а в другом — сообразительностью. Вот почему надо говорить еще более точно «динамическая функциональная структура личности». <...>

Итак, концепция динамической функциональной структуры личности представляет собой стержневой раздел учения о личности, потому что теоретически она позволяет глубже раскрыть сущность личности как структурного феномена, практически она позволяет систематизировать весьма большое число свойств личности и преодолеть их многообразие.

Изложенные критерии позволяют определять число необходимых и достаточных подструктур не произвольно, а на основе отражения объективно существующей реальности и располагать их в объективно существующий иерархический ряд.

Взаимодействие иерархий подструктур личности и их свойств

Выделенные по описанным критериям подструктуры личности и их основные свойства с совпадающей иерархией отражены в таблице. Не останавливаясь на частностях этой таблицы, разберем наиболее существенные взаимодействия этих иерархий.

1-я подструктура личности объединяет направленность и отношения личности, проявляющиеся как ее моральные черты. Элементы (черты) личности, входящие в эту подструктуру, не имеют непосредственных врожденных задатков, а отражают индивидуально преломленное групповое общественное сознание. Эта подструктура формируется путем воспитания. Она может быть названа социально обусловленной подструктурой, но может более коротко быть названа и направленностью личности. Направленность, взятая в качестве целого, в свою очередь, включает в себя такие ее формы, как подструктуры: влечения, желания, интересы, склонности, идеалы, мировоззрение, убеждения. В этих формах направленности личности проявляются и отношения, и моральные качества личности, и различные формы потребностей.

В эту подструктуру включаются различные проявления отношений исходя из пятого приведенного критерия выделения подструктур — общепринятости психологических понятий. Однако отношение более правильно рассматривать не как свойство личности, а как атрибут сознания, наряду с переживанием и познанием, определяющими различные проявления его активности. Но более всего активность направленности проявляется через убеждения. Изучение этой подструктуры требует социально-психологического уровня.

Упомянутый термин «убеждение» требует уточнения. В одном значении это синоним уверенности в истинности конкретного факта или положения. В этом значении убеждения являются компонентом мировоззрения, притом наиболее существенным.

Но во втором значении, акцентируемом психологами, убеждение — наивысший уровень направленности, в структуру которого входит не только мировоззрение, могущее быть пассивным, но и активизирующая его воля к борьбе за него. В этом значении убеждение — высший итог идеологического воспитания личности.

2-я подструктура личности объединяет знания, навыки, умения и привычки, приобретенные в личном опыте путем обучения, но уже с заметным влиянием и биологически, и даже генетически обусловленных свойств личности. Эту подструктуру иногда называют индивидуальной культурой, или подготовленностью, но лучше ее кратко называть опытом. Активность опыта проявляется через волевые навыки, а его изучение требует психолого-педагогического уровня.

Свойства, входящие в эту подструктуру, далеко не все психологи рассматривают как свойства личности. Действительно, только начинающий формироваться навык, как и всякое однократное действие (как и однократное, кратковременное проявление интереса в предыдущей подструктуре или психической функции в следующей), еще не свойство личности, а только кратковременный психический процесс или состояние. Но их типичные для данного индивида проявления, так же как и закрепленные знания, навык (не только умственный или волевой, но и моторный и сенсорный) и тем более умение и при-

Схема иерархии основных рядоположенных подструктур

Краткое название	Подструктуры подструктур	Соотношение социального и биологического	Основные связи с				Уровень анализа	Виды формирования
			отражением	сознанием	потребностью	активностью		
Направленность личности	Убеждения, мировоззрение, идеалы, стремления, интересы, желания	Биологического почти нет	Отношение к отражаемому на основе опыта	В основном от сознания будущего	Через отражение социальной нужды	Через убеждения	Социально-психологический	Воспитание
Опыт	Привычки, умения, навыки, знания	Значительно больше социального	Динамика форм отражения	Необходимость осознания прошлого	Через привычки	Через волевые навыки	Психолого-педагогический	Обучение
Особенности психических процессов	Воля, чувства, восприятие, мышление, ощущения, эмоции, память	Чаще больше социального	Формы психического отражения	Достаточно осознания настоящего	Через личностную нужду	Через волю и эмоции	Индивидуально-психологический	Упражнение
Биопсихические свойства	Темперамент, половые, возрастные свойства	Социального почти нет	Механизмы психического отражения	Только стиль осознания	Через биологическую нужду	Через силу и подвижность нервных процессов	Психофизиологический Нейропсихологический	Тренировка

вычка — уже бесспорно свойство личности, В этом ведь и заключается диалектика перехода количества в качество в ряду: кратковременный процесс — состояние — свойство личности.

3-я подструктура личности объединяет индивидуальные особенности отдельных психических процессов, или психических функций, понимаемых как формы психического отражения: памяти, эмоций, ощущений, мышления, восприятия, чувств, воли. Порядок этот не случаен. Психическая память развивалась на основе физиологической и генетической памяти, и без нее не могли бы ни существовать, ни развиваться другие формы отражения. Поэтому с нее и начинается этот иерархический ряд психических процессов как форм отражения. Но каждая форма отражения, закрепляясь своим видом памяти, становится свойством личности. Если механическая память открывает этот ряд, то смысловая память как бы замыкает его. Поэтому память лучше рассматривать как следовую форму отражения, пронизывающую весь иерархический ряд его форм снизу доверху.

Эмоции и ощущения как формы отражения свойственны и животным. Влияние биологически обусловленных особенностей в этой подструктуре видно еще более отчетливо, поскольку формы отражения являются функциями мозга и зависят от его состояния. Она, взаимодействуя с тремя остальными подструктурами, формируется в основном путем упражнения. Изучается она в основном на индивидуальном психологическом уровне.

Как известно, форм отражения мира больше, чем те две, о которых говорят философы как о чувственном и абстрактном или, точнее, непосредственном и опосредованном познании, что соответствует, говоря языком школы И. П. Павлова, первосигнальному и второсигнальному познанию. Все психические явления являются формами отражения или их комбинациями, хотя не все еще достаточно хорошо изучены в свете ленинской теории отражения.

4-я подструктура личности объединяет свойства темперамента, или, как теперь говорят вслед за Б. М. Тепловым, типологические свойства личности. Сюда же входят половые и возрастные свойства личности и ее патологические, так называемые

«органические» изменения. Формируются нужные черты, входящие в эту подструктуру (а точнее, переделываются), путем тренировки, если эта переделка вообще возможна. Большую, чем в предыдущих подструктурах, роль здесь играет компенсация. Свойства личности, входящие в эту подструктуру, несравнимо больше зависят от физиологических особенностей мозга, а социальные влияния их только субординируют и компенсируют. Потому кратко эту подструктуру можно называть биопсихической. Активность этой подструктуры определяется силой нервных процессов, а изучается она на психофизиологическом, а иногда и на нейропсихологическом, вплоть до молекулярного, уровне.

В эти четыре подструктуры могут быть уложены все известные свойства личности. Причем часть этих свойств относится в основном только к одной подструктуре, например убежденность и заинтересованность — к 1-й; начитанность и умелость — ко 2-й; решительность и сообразительность — к 3-й; истощаемость и возбудимость — к 4-й. Другие, и их больше, лежат на пересечениях подструктур и являются результатом взаимосвязей различных собственных подструктур. Примером может являться моральновоспитанная воля как взаимосвязь 1-й и 3-й подструктур; музыкальность как взаимосвязь 3-й, 4-й и обычно 2-й подструктур.

Не только каждая из этих четырех подструктур, рассматриваемая как целое, в свою очередь, имеет свои подструктуры, но и каждая черта личности также имеет свою структуру, в которую входят более тонкие связи. Например, хотя убежденность в основном относится к 1-й подструктуре, в ее структуру входят в качестве элементов воля и соответствующие знания и умственные навыки.

Итак, в итоге изложенного можно утверждать, что четыре основные рядоположенные подструктуры личности включают в себя все известные свойства личности и их уже достаточно хорошо изученные обобщения. Иерархия различных свойств этих подструктур (соотношение в каждой из них роли социального и биологического, особенностей активности, специфических видов формирования и уровней изучения) выявляет их закономерные совпадения.

Б. С. Братусь

СМЫСЛОВАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ[1]

Личность как специфическая, несводимая к другим измерениям (темпераменту, индивидным свойствам и т. п.) конструкция не является самодостаточной, в себе самой несущей конечный смысл своего существования. Смысл этот обретается в зависимости от складывающихся отношений, связей с сущностными характеристиками человеческого бытия. Иначе говоря, сущность личности и сущность человека отделены друг от друга тем, что первое есть способ, инструмент, средство организации достижения второго, и, значит, первое получает смысл и оправдание во втором, тогда как второе в самом себе несет свое высшее оправдание. Действует, любит, ненавидит, борется не личность, а человек, обладающий личностью, через нее, особым, только ему присущим образом организующий свою деятельность, любовь, ненависть и борьбу. <...>

Стать личностью — значит, во-первых, занять определенную жизненную, прежде всего межлюдскую нравственную позицию; во-вторых, в достаточной степени осознавать ее и нести за нее ответственность; в-третьих, утверждать ее своими поступками, делами, всей своей жизнью. И хотя эта жизненная позиция выработана самим субъектом, принадлежит ему и глубоко пристрастна (если не сказать — выстрадана им), тем не менее по своему объективному значению она есть принадлежность человеческого общества, продукт и одновременно причина общественных межлюдских связей и отношений. Поэтому истоки личности, ее ценность, наконец, добрая или дурная о ней слава в конечном итоге определяются тем общественным, нравственным значением, которое она действительно являет (или являла) своей жизнью. <...>

Совершенно особый вопрос — кто и как ставит «задачу на смысл» перед человеком. Чисто внешне, феноменологически, кажется, что все зависит только от уровня самосознания, желаний данного человека, от того, захочет ли он задуматься над

---

[1] Фрагменты второй главы книги: Аномалии личности. М., 1988. С. 58–59, 89–109.

смыслом своих поступков или нет, направляют его ли к тому события жизни, друзья, воспитатели, учителя, семья — словом, внешние, окружающие его обстоятельства. Существуют, однако, и вполне объективные внутренние законы движения деятельности, его собственная логика, изнутри подготавливающая ситуацию осмысления себя, своих действий и места в жизни. И сознание тогда играет роль скорее подытоживателя, активатора, реализатора, нежели причины постановки «задачи на смысл».

Когда же «задача на смысл» все же решена и речь идет о той или иной форме осознанности, отрефлексированности наиболее общих смысловых образований, то уместно, на наш взгляд, говорить *о ценностях* личности или, лучше, *о личностных ценностях*, отличая их от личностных смыслов, которые далеко не всегда носят осознанный характер. Таким образом, личностные ценности — это осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни. Их следует отличать и от чисто декларируемых, назывных ценностей, не обеспеченных «золотым запасом» соответствующего смыслового, эмоционально-переживаемого, задевающего личность отношения к жизни, поскольку такого рода ценности не имеют по сути дела прямого касательства к смысловой сфере, более того, могут стать бутафорией, маскирующей совсем иные личностные устремления...

Именно общие смысловые образования (в случае их осознания — личностные ценности), являющиеся, на наш взгляд, основными конституирующими (образующими) единицами сознания личности, определяют главные и относительно постоянные отношения человека к основным сферам жизни — к миру, к другим людям, к самому себе. Нельзя говорить о нормальном или аномальном развитии личности, не рассматривая эти отношения — как их динамическую сторону (характер их напряженности, способы осуществления, соотношение реальных и идеальных целей и т. п.), так и сторону содержательную.

Надо заметить, что если задача изучения механизмов динамической стороны психической деятельности без оговорок принимается большинством психологов, то задача изучения содержательной стороны нередко вызывает резкие возражения, которые наиболее часто сводятся к тому, что это скорее предмет философии, этики, но не психологии. Однако с этим

мнением нельзя согласиться, иначе будет упущена из виду важнейшая детерминанта, определяющая черты как конкретных, так и общих свойств личности. Необходимость учета содержательной стороны становится, пожалуй, особенно явной при встречах с трудным, аномальным, отклоняющимся развитием (как в подростковом, так и в более зрелом возрасте), которое, как показывают исследования, нередко является прямым следствием эгоцентрической ориентации человека. Наиболее благоприятные условия для развития личности, что уже давно замечено опытными психологами, создает противоположная эгоцентрической — альтруистическая ориентация. Например, еще у русского психолога А. Ф. Лазурского мы находим, что духовное здоровье в наибольшей степени обеспечивает идеал альтруизма: «Альтруизм в том или ином виде представляется формой и средством и показателем наилучшей гармонии между личностью и средой. Здесь извращенных нет». Современные экспериментально-психологические данные в целом подтверждают эти суждения.

Итак, совокупность основных отношений к миру, к людям и себе, задаваемых динамическими смысловыми системами, образует в своем единстве и главной своей сущности свойственную человеку нравственную позицию. Такая позиция особенно прочна, когда она становится сознательной, т. е. когда появляются личностные ценности, рассматриваемые нами как осознанные общие смысловые образования. Исповедание этих ценностей закрепляет единство и самотождество личности в значительных отрезках времени, надолго определяя главные характеристики личности, ее стержень, ее мораль. <...>

Перейдем теперь к специфическим функциям смысловых образований как основных конституирующих единиц сознания личности. Обозначим здесь лишь две функции, являющиеся наиболее значимыми в контексте нашего изложения.

Во-первых, это создание образа, эскиза будущего, той перспективы развития личности, которая не вытекает прямо из наличной, сегодняшней ситуации. Если в анализе реальной человеческой деятельности ограничиться единицами мотивов как предметов потребностей, единицами целей как заранее предвидимых результатов, то будет непонятно, за счет чего

человек способен преодолевать сложившиеся ситуации, сложившуюся логику бытия, что ведет его к выходу за грань устоявшейся сообразности, к тому будущему, которому он сам сегодня не может дать точных описаний и отчета. Между тем это будущее есть главное опосредующее звено движения личности, без предположения которого нельзя объяснить ни реального хода развития человека, ни его бесконечных потенциальных возможностей.

Смысловые образования и являются, на наш взгляд, основой этого возможного будущего, которое опосредует настоящее, сегодняшнюю деятельность человека, поскольку *целостные системы смысловых образований задают не сами по себе конкретные мотивы, а плоскость отношений между ними, т. е. как раз тот первоначальный план, эскиз будущего, который должен предсуществовать его реальному воплощению*.

Не надо думать при этом, что будущее, о котором идет речь, всегда локализовано где-то неопределенно впереди во времени. Когда мы говорим о смысловом поле сознания, следует иметь в виду, что будущее присутствует здесь постоянно как необходимое условие, как механизм развития, в каждый данный момент опосредуя собой настоящее.

Во-вторых, важнейшая функция смысловых образований заключена в следующем: любая деятельность человека может оцениваться и регулироваться со стороны ее успешности в достижении тех или иных целей и со стороны ее нравственной оценки. Последняя не может быть произведена «изнутри» самой текущей деятельности, исходя из наличных актуальных мотивов и потребностей. Нравственные оценки и регуляция необходимо подразумевают иную, внеситуативную опору, особый, относительно самостоятельный психологический план, прямо не захваченный непосредственным ходом событий. Этой опорой и становятся для человека смысловые образования, в особенности в форме их осознания — личностных ценностей, поскольку они задают не сами по себе конкретные мотивы и цели, а плоскость отношений между ними, самые общие принципы их соотнесения. Так, например, честность как смысловое образование — это не правило или свод правил, не конкретный мотив или совокупность мотивов, а определен-

ный общий принцип соотнесения мотивов, целей и средств жизни, в том или ином виде реализуемый в каждой новой конкретной ситуации. В одном случае это будет оценка и отсеивание, селекция некоторых способов достижения целей, в другом — изменение, смещение целей, в третьем — прекращение самой деятельности, несмотря на ее успешный ход, и т. п. Смысловой уровень регуляции не предписывает, таким образом, готовых рецептов поступкам, но дает общие принципы, которые в разных ситуациях могут быть реализованы разными внешними (но едиными по внутренней сути) действиями. Лишь на основе этих принципов впервые появляется возможность оценки и регуляции деятельности не с ее целесообразной, прагматической стороны — успешности или неуспешности течения, полноты достигнутых результатов и т. п., а со стороны нравственной, смысловой, т. е. со стороны того, насколько правомерны с точки зрения этих принципов реально сложившиеся в данной деятельности отношения между мотивами и целями, целями и средствами их достижения. <...>

Рассмотрение личности как способа, орудия формирования отношений к родовой человеческой сущности, прежде всего к другому человеку (как самоценности на одном полюсе, как вещи — на другом), и является, на наш взгляд, тем самым общим критерием, водоразделом, отделяющим собственно личностное в смыслообразовании от неличностного, могущего быть отнесенным к иным слоям психического отражения. Воспользовавшись этим критерием, наметим следующие уровни смысловой сферы личности.

Нулевой уровень — это собственно прагматические, ситуационные смыслы, определяемые самой предметной логикой достижения цели в данных конкретных условиях. Так, зайдя в кинотеатр и увидя перед самым началом сеанса большую очередь и объявление о том, что в кассе осталось мало билетов, мы можем сказать: «Нет никакого смысла стоять в этой очереди — билеты нам не достанутся». Понятно, что такой смысл вряд ли можно назвать личностным, настолько он привязан к ситуации, выполняя служебную регулятивную роль в ее осознании.

Следующий, первый уровень личностно-смысловой сферы — это эгоцентрический уровень, в котором исходным мо-

ментом являются личная выгода, удобство, престижность и т. п. При этом все остальные люди ставятся в зависимость от этих отношений, рассматриваются как помогающие (удобные, «хорошие») либо как препятствующие («плохие», враги) их осуществлению.

Второй уровень — *группоцентрический*; определяющим смысловым моментом отношения к действительности на этом уровне становится близкое окружение человека, группа, которую он либо отождествляет с собой, либо ставит ее выше себя в своих интересах и устремлениях. Отношение к другому человеку существенно зависит при этом от того, является ли он «своим» или «чужим», «дальним». Третий уровень, который включает в себя коллективистскую, общественную и, как свою высшую ступень, общечеловеческую (собственно нравственную) смысловые ориентации, можно назвать, используя принятый в психологии термин, просоциальным. В отличие от предыдущего, где смысловая, личностная направленность ограничена пользой, благосостоянием, укреплением позиций относительно замкнутой группы, подлинно просоциальный уровень, в особенности его высшие ступени, характеризуется внутренней смысловой устремленностью человека на создание таких результатов (продуктов труда, деятельности, общения, познания), которые принесут равное благо другим, даже лично ему незнакомым, «чужим», «дальним» людям, обществу, человечеству в целом. Если на первом уровне другой человек выступает как вещь, как подножие эгоцентрических желаний, а на втором уровне другие делятся на круг «своих», обладающих самоценностью, и «чужих», ее лишенных, то на третьем уровне принцип самоценности становится всеобщим, определяя собой главное и, как мы знаем, единственно верное направление приобщения к родовой человеческой сущности...

Различение смысловых уровней улавливается даже в самом языке описания человеческого поведения. Так, в плане действенного поля и соответствующего ситуационного, прагматического смысла мы говорим о действиях и, если они неудачны, — об ошибках, промахах. Как только мы переходим в план смыслового поля, нравственных смыслов, мы говорим о поступках, деяниях, которые бывают низкими (т. е. определяемыми эгоцентризмом, себялюбием, как бы прижатыми

к прагматическим смыслам) и высокими (т. е. устремленными к общечеловеческим идеалам). <...>

Итак, смыслы не являются однородными, а тем более одноуровневыми образованиями, но существенно различаются в зависимости от отнесенности к тому или иному уровню. Помимо уровневой отнесенности для характеристики конкретного смыслового образования крайне важно ввести представление об его интенсивности, степени присвоенности личностью. Е. З. Басина предлагает говорить, например, о трех типах смысловых образований — смысловых содержаниях, частных смысловых образованиях и общих смысловых ориентациях...

Эта классификация представляется ценной, хотя предлагаемые термины выглядят, на наш взгляд, не совсем удачными... Поэтому мы в дальнейшем будем говорить о неустойчивых, *ситуативных* смысловых содержаниях, характеризующихся эпизодичностью, зависимостью от внешних обстоятельств; об *устойчивых*, личностно присвоенных смысловых содержаниях, вошедших, вплетенных в общую структуру смысловой сферы и занявших в ней определенное место; и наконец, о *личностных* ценностях, которые мы уже определили выше как осознанные и принятые человеком наиболее общие, генерализованные смыслы его жизни.

Если уровни смысловой сферы (эгоцентрический, группоцентрический, просоциальный) составляют как бы вертикаль, ординату сетки смысловых отношений, то намеченные степени присвоенности их личностью (ситуативная, устойчивая, личностно-ценностная) составляют горизонталь, абсциссу этой сетки. В каждом конкретном случае можно, в принципе, выделить ведущий для данной смысловой сферы уровень, характер его связей со смысловыми образованиями, степень его внутренней устойчивости и т. п. Понятно, что ход нормального в нашем понимании, т. е. направленного на присвоение родовой человеческой сущности, развития смысловой сферы должен состоять в одновременном движении по вертикали и горизонтали — к общечеловеческим представлениям, смысловой идентификации с миром и по линии перехода от нестойких, эпизодически возникающих отношений к устойчивым и осознанным ценностно-смысловым ориентациям...

Смысловые системы, по крайней мере высшие, нравственно-ценностные их уровни, несут в себе функцию не столько отражения, сколько преображения действительности, связывания разнородных и частных интересов, нижележащих смыслов («преградных» и «конфликтных» в том числе) в единый, определяющий суть и назначение человека взгляд на самого себя и на окружающую жизнь. Ценностное восприятие, по верному замечанию Ф. Е. Василюка, дает возможность человеку преодолевать неудачи и преграды действенного поля. Это не значит, что при этом человек вовсе не испытывает конфликтных состояний и переживаний, что в его смысловой системе нет и не может быть конфликтных смыслов. Их может быть сколько угодно. Но конфликты нижележащие (чаще в ходе специальной деятельности смыслопонимания) снимаются, точнее, преображаются ценностным уровнем, рассматриваются и получают свою истинную цену в зависимости от того или иного решения исходного движущего родовидового противоречия. Поэтому, в частности, обилие конфликтных смыслов, неудачи в их «расконфличивании» могут не менять ни общего уровня самоуважения личности, ни ее устойчивости, ни уверенности в себе, и, напротив, перемены ценностной ориентации всегда сопровождаются глубоким кризисом личности, даже в том случае, если нет видимых конфликтов на других уровнях смыслового сознания. В этом плане очень верно следующее определение смысла, которое мы находим у А. А. Брудного: смысл — это такое отражение действительности в сознании, которое может изменить действительность. Надо лишь добавить и уточнить: не только может изменить, но обязательно изменяет, преобразует, преображает в акте смыслового восприятия действительность, делая ее в своем внутреннем видении вовсе не той, чем она является номинально, но придавая ей особый, прямо не усматриваемый «объективным зрением» других и прямо не вытекающий из самой этой действительности смысл, связь событий.

Распадение же этой связи равносильно утере общего смысла, кризису смысловой сферы. При этом действительность, ее отражение, даже «объективность» этого отражения остаются, но теряется то, ради чего стоит ее отражать, — общий взгляд,

общая, связующая жизнь воедино идея. Клинический опыт убедительно показывает, что так называемые неврозы потери смысла (нусогенные, экзистенциальные неврозы и др.) связаны прежде всего не с преодолением преград, не с трудностями выбора поведения в пользу того или иного мотива, а с отсутствием, потерей нравственно-ценностного взгляда на жизнь как главного условия ее осмысленности, из которого как частность вытекает и стремление к достижению тех или иных мотивов со всеми связанными с задачами этого достижения текущими переживаниями. Понятно, что в каждодневном бытии человека в большей степени отражаются именно эти, здесь и теперь одолевающие заботы, что и создает порой иллюзию их главности, их реальности и зримости в противовес отдаленным и расплывчатым общим идеям. Но достаточно резкой смены обстоятельств, кризиса, поворота внешних событий, чтобы увидеть стержневую для всей судьбы личности роль последних.

Что касается конкретной деятельности, то она может существенно по-разному осмысливаться в зависимости не только от ее места в иерархии иных деятельностей, ее взаимоотношений, пересечений с другими деятельностями, но и от того, в какой стадии своего движения, развития она находится.

Г. Е. Залесский

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И УБЕЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ[1]

Понятие «убеждение» широко применяется в различных областях науки, но определения его содержания весьма разнообразны. Большинство авторов придерживаются позиции, согласно которой убеждение рассматривается как единица мировоззрения личности, придающее ему действенный характер. В фило-

[1] Фрагменты второй главы книги: Психология мировоззрения и убеждений личности. М., 1994. С. 12–34.

софской литературе под убеждением чаще всего понимают определенное состояние сознания личности, уверенность человека в правоте своих взглядов, принципов, идеалов, предполагающую их действенную реализацию... В педагогической литературе подчеркивается заключенное в убеждениях единство знания и личного отношения к нему, переживания его истинности...

В психологии убеждения связывают с мотивационной сферой личности. В психологических словарях и учебниках убеждение традиционно определяется как «система мотивов личности, побуждающих ее поступать в соответствии со своими взглядами, принципами, мировоззрением». Отмечается, что убеждения — это осознанные мотивы, а их наличие предполагает высокий уровень активности личности. Правда, в ряде исследований убеждения трактуются как особые социальные установки личности...

Констатируя отсутствие единства определений этого понятия, даваемых в философской, педагогической и психологической литературе, обратим внимание, что в этом многообразии мнений отчетливо вычленяется некий инвариант, позволяющий рассматривать убеждение как «органическое единство», «сплав» трех основных компонентов: знание как основа принятия решений, позитивное личное отношение к этому знанию, потребность поступать в соответствии с имеющимися знаниями. <...>

Убеждение, являясь единицей мировоззрения, помимо отмеченных функций, способно также служить основой, критерием, эталоном при выполнении актов ценностного выбора (мотивов, целей, поступков). Отметим также, что присущая убеждению (наряду с побуждающей) когнитивная функция служит также, по мнению этих авторов, отбору и оценке тех знаний (оценок, норм), с помощью которых и «работает» механизм социальной ориентировки. Представляется, что эти соображения о роли убеждения в механизме социально ориентированной деятельности заслуживают самого серьезного внимания и должны учитываться при построении понятийного аппарата проблемы. Об этом свидетельствуют также и результаты проделанного нами теоретического исследования вопроса

о характере функций убеждения и мотива, которые они выполняют в структуре способа социальной ориентировки...

С развиваемых позиций считаем возможным предположить, что в работе механизма, обеспечивающего выбор из двух (нескольких) конкурирующих между собой мотивов одного, главного, наряду с такими средствами регуляции, как смыслообразующие мотивы, ценностные ориентации, установки, должно участвовать и другое психологическое образование, которое по своему характеру является надситуативным и способным включать в акты внутреннего выбора в качестве эталонов систему личностных ценностей. Вместе с тем оно должно быть связано и с механизмом «значащих» переживаний. В случае отказа следовать в актах внутреннего выбора (мотивов, целей, поступков) собственным эталонам, идеалам, принципам личность под воздействием внутренних санкций должна, очевидно, испытывать состояние психологического дискомфорта. Напротив, в случае их реализации субъект будет переживать состояние внутреннего комфорта, удовлетворенности (Столин В. В., 1983).

Таким требованиям, по нашему мнению, удовлетворяет психологическое образование, обозначаемое как убеждение личности. Будучи единицей мировоззрения, оно призвано реализовать определенные личностные ценности. Поэтому убеждение и может выступать в качестве эталона, способного служить критерием при сравнении между собой конфликтующих мотивов (целей, средств их достижения). Убеждение как бы «прощупывает» и «оценивает» каждый из конкурирующих мотивов с точки зрения их соответствия содержанию той ценности, которую оно призвано реализовать. Мотиву, характер которого отвечает этим ценностям (когнитивному компоненту убеждения), дается «разрешение» быть включенным в процесс построения социальной ориентировки. Напротив, для мотивов, характер которых не согласуется в должной мере с содержанием данной личностной ценности, убеждение выступает барьером, исключающим их участие в социально-ориентировочной деятельности. Такие мотивы личностью отвергаются, подавляются. При этом мотив, выделяемый с помощью убеждения в качестве действующего, ведущего, одновремен-

но наделяется соответствующим личностным смыслом в зависимости от ранга, который данное убеждение занимает среди других убеждений. (Чем выше в иерархии личностных ценностей находится данное убеждение, тем более глубокий личностный смысл придается его реализации, а следовательно, и выделенному с его участием мотиву.)

В то время как организующая функция мотива направлена на выбор соответствующего ему поступка, продуктом аналогичной функции, выполняемой убеждением, является выбор самого мотива (принятие того мотива, который отвечает личностным ценностям). Выделенный (при участии определенного убеждения) мотив и будет затем выступать в качестве ведущего и смыслообразующего начала формирования деятельности, определяющей характер поступка (соответствующего данному мотиву).

В соответствии с приведенными выше соображениями становится понятной недостаточная обоснованность попыток отождествить понятие «убеждение» с понятием «социальная установка». Установка, как известно, тесно связана с ситуацией действия, включает в себя как момент мотива, так и момент ситуации, чаще функционирует на неосознанном уровне. Напротив, общепринятым является рассматривать убеждение как осознанное образование, которое само по себе не включается в конкретные акты поведения, а выступает как надстройка, обеспечивающая надситуативную ориентировку.

Мы полагаем, что, несмотря на тесную взаимосвязь стоящих за ними психических явлений, понятия «убеждение», «мотив» и «установка» нельзя смешивать, отождествлять друг с другом. Убеждение представляет собой особое психическое образование, обладающее специфическими функциями, которые оно выполняет в структуре мировоззренческой деятельности (в структуре способа мировоззренческой ориентировки). Оно служит побудительным импульсом для отбора знаний и способов их практической реализации в проявлении личной позиции — мотивирующая, побудительная функция — и основанием для выбора в качестве ориентиров определенной желаемой системы ценностей и норм — когнитивная функция. В последнем случае оно участвует в выборе мотивов, целей,

поступков. Тем самым и обеспечивается влияние личных ценностей на характер социально-ориентировочной деятельности...

Другая, когнитивная, функция убеждения отчетливо просматривается при функциональном анализе проблемы, в рамках которого оно выступает в качестве психологического регулятора отношений между личностью и обществом. Здесь убеждение носит как бы двойной характер: принятые личностью социальные ценности «запускают» его, а будучи актуализированным, уже само убеждение вносит личностный смысл, пристрастность в реализацию усвоенной общественной ценности, участвует в актах выбора мотива, цели, поступка...

Далее. Убеждение как регулятор представляет собой, по нашему мнению, осознанные ценности, субъективно готовые к реализации путем их использования в социально ориентированной деятельности, что осуществляется с помощью специальных умений, приемов. (Частным случаем такой организации деятельности и является выбор мотивов.) Оно, как и другие смысловые образования, способно служить той надситуативной нравственно-оценочной опорой, с позиций которой человек осознает результаты своей деятельности, проверяет, несколько в ней воплощены его личностные ценности. Именно в таком смысле убеждение и может рассматриваться как единица мировоззрения. Поэтому оно способно выполнять свою регулирующую функцию и в экстремальных ситуациях, компенсируя недостаток нужной для принятия решений информации за счет использования в качестве эталонов, критериев актов внутреннего выбора тех знаний, оценок, норм, которые являются личностно-значимыми и в ценности которых субъект уверен...

Проделанный (в соответствии с принципами системности и деятельности) анализ психологического содержания понятия «убеждение» открывает возможность и для более строгого исследования вопроса о его соотношении с другими терминами понятийного аппарата проблемы — с понятиями «знания», «взгляды», «идейная убежденность», «идеал» личности...

Полагаем, что знания, взгляды и убеждения, являясь элементами мировоззрения, различаются по способу образования и функционирования в структуре мировоззренческой дея-

тельности (в структуре способа социальной ориентировки). Знания выступают средством распознавания, выделения объектов и оперирования ими в умственном плане, выполняют познавательную функцию. Убеждения же, будучи компонентом мировоззрения, представляют собой единство объективного и субъективного. Они выполняют другую роль в структуре «мировоззренческой» деятельности. С их помощью реализуется связь усваиваемых знаний с личной заинтересованностью в их приобретении, тем самым общественный интерес осознается как личный. В структуре способа мировоззренческой ориентировки убеждения участвуют в формировании и функционировании приемов оценки, актов целеполагания и выбора предполагаемых действий, выполняя при этом двоякую роль — служат критерием при выборе мотивов, используемых в качестве ориентиров, обусловливающих развертывание ориентировочной деятельности, и «заслоном» по отношению к выделению в качестве ведущих тех мотивов, которые не соответствуют личностным ценностям (когнитивная функция) и основаниям побудительного импульса для реализации мотивов в актах целеполагания (мотивирующая функция).

Конечно же, «взгляды», как и «убеждение», также выражают единство знания (оценок, норм, идеалов) и положительного к ним отношения. Различие между ними именно в функции, которую каждый из них выполняет в социальной ориентировке. Если «взгляды» используются личностью для выражения своей оценки, своей позиции по отношению к ситуации или событию, подпадающему под «действие» фиксированного в них значения, то «убеждение» выполняет другую функцию. С его помощью решается вопрос о том, использовать ли данные взгляды (знания) в качестве критерия выбора мотивов и целей, которыми личность намерена руководствоваться в той или другой ситуации.

Особую, специфическую функцию выполняет в структуре социально ориентированного механизма психическое свойство, обозначаемое как убежденность личности. Выступая как высшая форма обобщенной мотивационной направленности, убежденность (как и убеждения) сама по себе не включается в конкретные акты поведения как их элемент, а выступает как

надстройка, реализующая применение научных знаний и приемов в качестве личного способа социальной ориентировки. Тем самым осуществляется переход об абстрактного владения научным мировоззрением к его практическому использованию для построения активной жизненной позиции.

III

Формирование личности

Основные темы и понятия раздела

- *Факторы формирования личности.*
- *Движущие силы развития личности.*
- *Культурно-историческая концепция развития личности.*
- *Субъект познания, общения и деятельности.*
- *Личностная зрелость.*
- *Нравственная зрелость.*
- *Уровни становления личности.*
- *Индивидуальность.*

В. М. Бехтерев

ЛИЧНОСТЬ И УСЛОВИЯ ЕЕ РАЗВИТИЯ И ЗДОРОВЬЯ[1]

<...>Какие же причины пагубно влияют на развитие личности, приводят к ее упадку и какие причины содействуют ее развитию?

Обращаясь к разрешению первого вопроса, мы не будем здесь останавливаться на том, в какой мере на развитии личности отражается окружающая ее природа. Вопрос этот, хотя и не лишен значения, чтобы его обойти молчанием, но и настолько широк, что не позволяет на нем остановиться подробнее. Здесь можно лишь указать как на не подлежащий сомнению факт, что умеренный климат для развития личности является более благоприятным, нежели суровый климат севера и жаркий климат тропиков.

Вряд ли также кто-нибудь станет оспаривать наряду с климатом важное значение иных метеорологических, а равно и географических условий. Великие пустыни, малопригодные для человеческого житья, и все те местности, где человеку приходится затрачивать много сил и энергии на борьбу с окружающей природой, не благоприятствуют развитию личности.

Равным образом неблагоприятные почвенные и метеорологические условия, характеризующиеся эндемическим[2] развитием тех или других общих болезней, не могут не отражаться пагубно на развитии личности, подтачивая в корень физическое здоровье организма.

Не останавливаясь далее на этих внешних малоподвижных и малоизменяемых влияниях, действующих на развитие личности, мы перейдем к рассмотрению иных факторов, отражающихся резким образом на состоянии и развитии личности.

Первым и основным условием правильного развития личности является природа организма, наследие его отцов или те

---

[1] Текст дается по книге: *Бехтерев В. М.* Проблемы развития и воспитания человека. М.; Воронеж, 1997. С. 97–131.

[2] Эндемический — местный, свойственный данной местности.

антропологические особенности, которые составляют почву для развития личности.

Вряд ли кто может сомневаться в значении расы в указанном отношении. Наилучшим примером может служить тот факт, что из трех человеческих рас черная, несмотря на свою многочисленность, далеко не достигла того культурного развития, как две другие расы.

При всей своей многочисленности представители этой расы никогда не играли выдающейся роли в истории. Этот важный факт нельзя не сопоставить с тем антропологическим фактом, что вместимость черепа и вес мозга этой расы меньше, чем у двух других рас, в особенности белой.

Другим примером влияния антропологических особенностей на развитие личности являются народы древней Эллады, достигшие удивительной культуры и не менее удивительного развития личности и затем погибшие вследствие особых исторических условий.

Когда возникла борьба за освобождение греков от турецкого ига, многие представляли себе, что дело идет о восстановлении того же свободолюбивого народа, который оставил после себя замечательные памятники мысли и культуры, хранящиеся в различных музеях. Эта мысль увлекала многих, она возбудила симпатии к грекам со стороны лучших умов того времени, и война за их освобождение сделалась сразу популярной в Европе.

Но когда час освобождения наступил, что же оказалось?

Древнего грека с его живым умом и чувством и с сильной волей уже нельзя было признать в греках новейшей формации, обладающих иными качествами. И это потому, что древние греки переродились в другую нацию, характеризующуюся другими антропологическими чертами, они переродились частью вследствие выселения и рабства, главным же образом вследствие смешения их с другими племенами[1].

Итак, несмотря на то что остались те же географические условия, какие были в Греции и в минувшие века, несмотря на то что центр цивилизации до сих пор остается, как и ранее, на

---

[1] *Сикорский И. А.* Вопросы нервно-психической медицины, 1904.

материке Европы, современные нам греки, вследствие приобретенных ими новых антропологических особенностей в период долгого рабства, по-видимому, не обещают сделаться великим народом, каким они несомненно были в древности.

Приведенные примеры показывают, что уже в антропологических особенностях расы кроются те основы, которые определяют развитие личности. Вот почему должно быть ясно для всех, в какой мере судьба племени находится в связи с принадлежащими ему расовыми отличиями и в какой мере последние отражаются на проявлении и чертах народного гения.

Не меньшего внимания заслуживает другой фактор, влияющий на развитие личности. Это — фактор биологический, связанный с условиями зачатия и развития человеческого организма.

Здесь мы не можем не отметить важного значения в развитии личности тех элементов, которые известны под названием вырождения и которые коренятся в условиях неблагоприятного зачатия и развития плода. От каких бы причин эти условия ни зависели — от неблагоприятной психо- или невропатической наследственности, физических недостатков, болезней матери во время зачатия и беременности, алкоголизма родителей, тяжелых физических и психических моментов в течение беременности, последствием их, как мы знаем, являются дегенеративные особенности потомства, которые в конце концов сводятся к разложению личности и к ее упадку.

Вполне понятно, что развитие личности как высшего проявления психики находится в зависимости от физических условий. Это положение не может возбуждать и тени сомнения, коль скоро мы примем во внимание тесное соотношение между физическим и психическим, между «телом и душою», как принято выражаться. «Mens sana in corpore sano»[1], гласит древняя философская мудрость, и это положение остается незыблемым и поныне.

Во всяком случае нельзя не принять во внимание тот факт, что только гармоническое развитие тела и духа обеспечивает правильное совершенствование личности. Если физическое развитие от природы слабо, если человек с раннего возраста

[1] Mens sana in corpore sano (лат). — Здоровый дух в здоровом теле.

подвергается физическим невзгодам и целому ряду общих инфекционных болезней, особенно с затяжным течением, если вместе с тем у него развиваются такие общие болезненные поражения, коренящиеся в недостаточном и неправильном питании организма, как анемия, золотуха, рахитизм и проч., то уже полный расцвет личности будет в той или иной мере задержан. Если затем и в более возмужалом возрасте продолжаются физические невзгоды, то упадок личности обнаруживается уже вполне ясно. <...>

<...> На развитие личности оказывают существенное влияние неблагоприятные экономические условия, приводящие последовательно к физическому ослаблению организма, на каковой почве развивается ряд истощающих физических болезней, подрывающих в корне питание организма и нарушающих правильное развитие мозга, а следовательно, и личности. Да и помимо этих болезней недостаточное питание населения, подрывающее физические его силы и приводящее к развитию физического истощения и малокровия, — разве это не условия, содействующие ослаблению питания мозга, быстрой истощаемости умственных сил и вместе с тем препятствующие полному расцвету личности? <...>

Далее, важным фактором, приводящим к недостаточному развитию личности, является отсутствие общественной деятельности. Где нет общественной деятельности, там нет и полного развития личности. Без общественной деятельности личность останавливается на известной ступени своего развития, представляясь более или менее равнодушною к общественным потребностям; она является пассивным членом общества, лишенным той самодеятельности, которая служит залогом нормального развития общественной жизни и прочного развития государственности.

Народы, у которых общественная деятельность отсутствует или слабо развита, подготовляют в своей среде по сравнению с другими в общем менее развитые и более пассивные личности, что в конце концов отражается на всех отраслях культуры.

К этому надо добавить, что естественным последствием отсутствия правильно организованной общественной деятель-

ности в форме самоуправления является праздность и бездеятельность, которая находит в этом случае особенно благоприятные условия преимущественно в более обеспеченных классах общества. Между тем праздность, чем бы она ни обусловливалась, приводит естественным образом к понижению умственной работоспособности, к невознаградимой утрате умственного материала за время бездеятельности, к недостаточному усовершенствованию нервно-психических механизмов, что доказывается между прочим также и психометрическими исследованиями, и вообще к умственному и телесному обессилению, а последовательно — к нравственному и физическому вырождению, особенно если к праздности присоединяются ее естественные спутники — алкоголизм и другие излишества. <...>

Не меньшего внимания в смысле развития личности заслуживают и воспитание, и обучение.

Как для правильного развития тела необходимо правильное физическое питание, так для умственного развития, приводящего к развитию личности, необходимо правильное доставление пищи духовной. Ясно, что для цельного развития личности правильное воспитание и обучение составляют существенную сторону дела.

Но вопросы воспитания и обучения чрезвычайно деликатны и требуют большой осмотрительности в своем применении. Прежде всего здесь нужно иметь в виду при соблюдении физической и умственной гигиены постепенное приучение к систематическому труду, развитие самостоятельного мышления с широким миросозерцанием и критическим взглядом и стойкость характера. <...>

Особенно следует подчеркнуть то обстоятельство, что основы будущей личности коренятся еще в дошкольном возрасте, и, следовательно, правильное и рациональное воспитание должно начинаться с первых дней жизни человека. Существуют неоспоримые факты, из которых выясняется с несомненностью, что уклонения характера начинаются еще в раннем возрасте благодаря тем или иным условиям, которые своевременно могли быть легко устранены.

Не меньшего внимания заслуживает также и правильное направление умственного развития. Так как невежество и не-

достаток образования есть главное условие недоразвития личности, то очевидно, что эта сторона в вопросе о развитии личности должна быть выдвинута на первый план. И мы знаем действительно, что культурные страны соперничают между собою в правильной постановке и развитии школьного дела.

Л. С. Выготский

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ РЕБЕНКА[1]

Попытка синтетического охвата культурного развития должна исходить из двух основных положений. Первое заключается в том, что по своему содержанию этот процесс развития может быть охарактеризован как развитие личности и мировоззрения ребенка. Оба этих понятия являются недостаточно определенными и точными научными терминами. В науку о ребенке они вносятся почти впервые.

Личность в этом понимании имеет более узкий смысл, чем в обычном словоупотреблении. Мы не причисляем к этому понятию все признаки индивидуальности, отличающие ее от ряда других индивидуальностей, составляющие ее своеобразие или относящие ее к тому или иному определенному типу. Мы склонны поставить знак равенства между личностью ребенка и его культурным развитием. Личность, таким образом, есть понятие социальное, оно охватывает надприродное, историческое в человеке. Она не врожденна, но возникает в результате культурного развития, личность поэтому есть понятие историческое. Она охватывает единство поведения, которое отличается тем признаком овладения, о котором мы говорили в главе о воле...

Под мировоззрением мы также не склонны понимать какую-либо логическую, продуманную, оформленную и осознан-

---

[1] Глава 16 из «Истории культурного развития нормального и ненормального ребенка» (рукопись). Текст приводится по книге: Психология личности. Тексты / Ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырей, М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 161–165.

ную систему взглядов на мир и его важнейшие части. Мы склонны употребить это слово тоже в синтетическом охватывающем смысле, соответствующем личности в плане субъективном. Мировоззрение — это то, что характеризует все поведение человека в целом в его культурной части по отношению к внешнему миру. В этом смысле у животного нет мировоззрения, и в этом же смысле нет его у ребенка в момент рождения. И в первые годы жизни, иногда вплоть до поры полового созревания, мировоззрение в собственном смысле этого слова отсутствует у ребенка. Часто скорее это миродействие.

Личность развивается как целое. Только тогда, когда личность овладевает той или иной формой поведения, только тогда она поднимает ее на высшую ступень.

Сущность культурного развития, как мы видели, заключается в том, что человек овладевает процессами собственного поведения, но необходимой предпосылкой для этого овладения является образование личности, и поэтому развитие той или иной функции является всегда производным и обусловленным развитием личности в целом.

Приобретение речью социальных функций (обогащение внимания) и выход за ее пределы естественной органологии через употребление орудий — вот два важнейших момента, подготовляющих в первые годы жизни важнейшие изменения, которые лягут в основу всего дальнейшего культурного развития.

Если бы мы хотели поставить в связь эти общие факторы с тем, что нам известно о культурном развитии отдельных функций, мы должны были бы сказать, что вся эта пора в жизни ребенка является переходом от натуральной к культурной жизни. Каждое действие ребенка в эту пору носит еще смешанный животно-человеческий, природно-исторический, примитивно-культурный или органически-личный характер. Мы условно обозначали эту переходную стадию в развитии ребенка как стадию магическую, и действительно, как показывает исследование Пиаже, выдвинувшего наиболее стройную и глубокую теорию первого года жизни, мировоззрение ребенка, находящегося на этой ступени развития, может быть лучше всего определено как магическое.

Ребенок еще не различает тех изменений, которые происходят вследствие его собственных реакций, и тех, которые производятся независимо от него.

Нам представляется в высшей степени правильной мысль Пиаже, что у новорожденного ребенка отсутствует даже самое примитивное Я, т. е. личность и мировоззрение, отношение к другим. То и другое для него, следовательно, нераздельно.

Нам это представляется наиболее ясным доказательством того, что у ребенка действительно еще не произошло завязывание личности и она еще совершенно слита с его мировоззрением, проявляющимся в его действиях. Пиаже справедливо называет эту нерасчлененную стадию личности и мировоззрения парадоксальным состоянием солипсизма не в смысле философской установки, но для обозначения того простого факта, что ребенок, с одной стороны, находится весь во власти внешних вещей, а с другой стороны, все эти внешние вещи в его поведении нисколько не отличаются для него от процессов, происходящих в его собственном теле.

Вот характерные черты этой стадии.

Остановимся на двух чрезвычайно важных примерах, характеризующих ее. Первый — это память. При всей необычной силе памяти ребенка в этом возрасте впечатления первого года жизни, как известно, никогда не сохраняются и не удерживаются в продолжение последующей жизни ребенка.

В психологии новейшего времени мы имеем два основных объяснения этого факта: одно, предложенное Фрейдом, другое — Уотсоном. Фрейд полагает, что воспоминания раннего детства вытесняются из сознания, поскольку они относятся к совершенно другой организации жизни ребенка, чем вся последующая его жизнь.

Уотсон отождествляет бессознательное Фрейда с невербальным поведением, с поведением, не закрепленным в словах, и объясняет этот факт тем, что все эти впечатления накоплены без участия речи. Память же для него является функционированием вербальной стороны нашего поведения. Нам объяснение Уотсона представляется в высшей степени правильным и приводящим нас к тому выводу, что первый год в жизни ребенка является как бы доисторической эпохой в его развитии,

о которой мы так же ничего не помним, как мы ничего не помним о доисторической эпохе человечества, не оставившей письменности. Наша речь и является, таким образом, как бы своеобразной письменностью нашего прошлого. Во всяком случае, тот основной факт, что мы ничего не помним о первом годе нашей жизни, вместе с другим фактом, именно памятью о прошлом как основе сознания нашей личности, говорит за то, что первый год жизни в известном смысле относится к последующей жизни так, как утробное развитие к послеутробному. Это другая, как бы доисторическая эпоха в культурном развитии ребенка.

Следующая эпоха в развитии ребенка характеризуется двумя основными переменами, происходящими в эту пору и имеющими для всей последующей картины развития решающее значение.

Первый момент — органический, он состоит в том, что ребенок овладевает вертикальной походкой. Отсюда радикальная перемена во всем его приспособлении к пространству, расширение его власти над вещами, освобождение рук от функции передвижения и обилие предметов, которыми ребенок теперь может манипулировать и овладевать.

Другой момент культурный, он заключается в овладении речью.

Овладение речью приводит к перестройке всех особенностей детского мышления, памяти и других функций. Речь становится универсальным средством для воздействия на мир.

Решающим моментом в смысле развития личности ребенка в этом периоде является осознание им своего Я. Как известно, ребенок первоначально называет себя собственным именем, он с некоторым трудом переходит к тому, чтобы усвоить личное местоимение.

Понятие о Я развивается у ребенка из понятия о других. Понятие личности есть, таким образом, социальное, отраженное понятие, строящееся на основе того, что ребенок применяет по отношению к самому себе те приемы, приспособления, которые он применял по отношению к другим. Вот почему можно сказать, что личность — есть социальное в нас. Для нас этот вывод не является сколько-нибудь неожиданным, пото-

му что и при анализе каждой отдельной функции мы видели, как овладение тем или иным процессом поведения у ребенка строится по образцу того, как взрослый овладевает им. Личное имя ребенка выделяется часто в ответ на вопрос, как правильно указывает Лякруа, когда у многих детей спрашивают: «Кто хочет этого, у кого это есть?» Здесь личное местоимение, как и собственное имя ребенка, является указательным жестом на самого себя.

Фихте хотел праздновать духовное рождение своего сына с того дня, как он начал говорить Я, но, конечно, появление этой частицы так же мало означает появление сознания личности, как указательный жест далек от объективного значения слова.

Любопытно в этом значении замечание Штерна, что у перворожденных детей собственное имя часто предшествует личному местоимению, а у детей вторых и дальше — частица Я появляется одновременно и как имя — не только как грамматическая частица, не отделимая от глагола, но и в примитивном волевом смысле, и как местоимение указательное. Трудно найти лучшее подтверждение тому, что личность ребенка в эту пору строится по образцу социальному и ребенок переходит к осознанию Я подобно тому, как это делают другие, обозначая себя этим словом.

Следующей типической стадией в развитии детского мировоззрения мы считаем возраст игры как особую форму поведения ребенка, чрезвычайно интересную именно с этой точки зрения.

Мы видим, что ребенок на стадии игры еще чрезвычайно неустойчиво локализует свою личность и локализует свое мировоззрение. Он так же легко может быть другим, как и самим собой, так же, как и каждая вещь, может принять любой облик, но что примечательно — это то, что, при общей лабильности, неустойчивости детского Я и окружающих его вещей, внутри каждой игры ребенок уже не магически, а разумно расчленяет обращение с вещами и обращение с людьми. Примечательно и то, что ребенок на этой стадии развития уже не путает деятельность игры и деятельность серьезную. То и другое выделено у него как бы в особую сферу, и ребенок легко и с сознани-

ем дела переходит из одной сферы в другую, никогда не путая их. Это значит, что он уже владеет одной и другой.

Только в школьном возрасте появляется у ребенка впервые более устойчивая форма личности и мировоззрения. Как показал Пиаже, ребенок школьного возраста является и гораздо более социализированным и гораздо более индивидуализированным существом. То, что с внешнего вида представляется нам как бы противоречием, на самом деле является двумя сторонами одного и того же процесса, и нельзя, думается нам, привести более веское доказательство в пользу социального происхождения личности ребенка, чем тот факт, что только с нарастанием, углублением и дифференцированием социального опыта растет, оформляется и вызревает личность ребенка.

Важнейшей основой этого изменения является формирование внутренней речи.

Только с годами, только постепенно ребенок научается овладевать ходом своих мыслей, как раньше овладевал ходом своих действий, начинает их регулировать, отбирать, и здесь Пиаже со всей справедливостью отмечает, что это регулирование мыслительных процессов есть в такой же степени волевой акт, акт выбора, как и моральное действие.

Только к 12 годам, т. е. к окончанию первого школьного возраста, ребенок преодолевает вполне эгоцентрическую логику и переходит к овладению своими мыслительными процессами. Возраст, следующий за этим, возраст полового созревания, недаром обозначили как возраст, когда совершаются две крупнейшие перемены в жизни подростка.

Говорят обычно, что это есть возраст открытия своего Я, оформления личности, с одной стороны, и возраст оформления мировоззрения, отношения к миру — с другой. И это совершенно справедливо. В каких бы сложных отношениях эти два момента ни стояли к основной перемене, совершающейся в этом возрасте, т. е. к процессам полового созревания, несомненно, что в области культурного развития ребенка они означают центральные моменты, наиболее важные по значению из всего того, что характеризует этот возраст.

Шпрангер поэтому с полным основанием назвал переходный возраст возрастом врастания в культуру. Когда говорят,

что в этот период подросток открывает свой внутренний мир и впервые открывает все его возможности, устанавливая его относительную независимость от внешней деятельности, то с точки зрения того, что нам известно о мышлении, о культурном развитии ребенка, это может быть обозначено как овладение этим внутренним миром. Недаром внешним коррелятом этого события является возникновение жизненного плана как известной системы приспособления, которая впервые осознается подростком в этом возрасте. Возраст этот, таким образом, как бы увенчивает и завершает весь процесс культурного развития ребенка.

Мы уже указывали выше, что вынуждены здесь ограничиться только беглым и схематическим обзором возрастов, так как исследования настоящей стадии не позволяют еще дать сколько-нибудь основательной и полной возрастной характеристики. Но вместе с этим перспективы дальнейших исследований и их дальнейшие пути намечаются со всей ясностью. Это теория культурных возрастов, это попытка охватить культурное развитие как целое, представить его в главнейших стадиях и фазах в соответствии с теми фазами и стадиями, которые намечаются в органическом развитии ребенка. Но вместе с тем мы приходим и к генетическому обоснованию психологии взрослого человека.

В. Н. Мясищев

ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ В АСПЕКТАХ НОРМЫ И ПАТОЛОГИИ[1]

Из многочисленных, в том числе не до конца еще разрешенных, вопросов развития личности мы остановимся на одной, важной и с философской и с конкретно-научной точки зрения проблеме, а именно проблеме движущей силы развития чело-

[1] Статья опубликована в сборнике «Методологические проблемы психоневрологии» (1966). Текст приводится по книге: Психология отношений. М., Воронеж, 1995. С. 53–55.

века. В процессе развития слепые силы влечения организма превращаются в осознанные потребности, инстинктивное приспособление к природе и социальной среде становится все более сознательным и планомерным, включающим не только приспособление к действительности, но и преобразование ее.

Известно, что развитие есть постоянная борьба противоположностей, находящихся в каждый данный момент в определенном временном единстве. Одной из сторон развития личности является нарастание и обогащение системы ее возможностей и потребностей (требований к жизни). Вместе с тем предъявляет ряд требований к человеку и предоставляет ему определенные возможности окружающая действительность. Борьба и единство противоположностей здесь заключается в том, что жизнь создает меняющиеся условия (общественные требования и возможности), которые сталкиваются с имеющимися у человека потребностями и его внутренними возможностями и побуждают его к освоению нового и переделке самого себя, в результате чего у него возникают новые потребности и новые внутренние возможности. Личность, изменяясь, развивается, меняется и характер ее отношения к действительности. Но последняя также изменяется. Весь этот спиралевидный процесс развития с наполняющими его борьбой, процессами овладения и преодоления составляет основное содержание развития личности, в ходе которого она выступает не пассивным объектом, а все более активным и сознательным субъектом. В зависимости от условий развития формирование личности приводит к разным результатам.

При изложении павловского учения о типах в нашей литературе преимущественное внимание уделялось их генотипической почве. При этом забывалось, что сам Павлов говорил о сплаве врожденного (генотипического) и приобретенного (паратипического). Надо добавить, что у человека роль приобретенного опыта особенно велика, она становится решающей. Вот почему условия различных общественных структур определяют и различают личности.

Поскольку человек отражает и выражает общественные отношения, он не самостоятелен в своем поведении и деятельности. Вместе с тем не прямой, а весьма сложный характер отра-

жения в человеке объективных отношений, существующих в обществе, обусловливает известную самостоятельность личности. Будучи объектом, человек в то же время является субъектом познания и практики. Степень самостоятельности, конечно, не одинакова у разных людей. Она зависит, прежде всего, от истории их развития, от политико-экономических и общественно-педагогических условий, а также от уровня, которого достиг человек в процессе развития. Самостоятельность — одна из важнейших предпосылок истинной свободы.

Общественные условия формируют личность как систему отношений. Они определяют как содержание личности, так и ее структуру и форму.

Содержание личности включает и предметное содержание опыта человека, и отношение его как субъекта к предметному содержанию, и связанную с этим систему ценностей, идеалов, убеждений, представляющих не только знание, но и побуждение к определенному действию.

Форму личности характеризуют особенности способа осуществления ею своего содержания, своих отношений. Решительность или нерешительность, смелость или трусость, постоянство или неустойчивость, твердость или податливость, цельность или непоследовательность, гармоничность или внутренняя противоречивость и т. п. — все это внешние проявления, форма, соотношение различных компонентов содержания личности.

Таким образом, связь содержания и формы означает здесь переход к действию, реализуется в поведении. Когда идеи и принципы адекватно воплощаются в способе действия, в поступках — это и есть «оформление» содержания личности, причем такое, что слитность формы и содержания воспринимается как черта личности — цельность, последовательность, принципиальность. Воплощение идеи в образе действия есть в то же время соединение социального с индивидуальным: личность в поступке (индивидуальное) реализует идею, обусловленную общественными отношениями (социальное).

Изучение личности, неразрывно связанное с изучением общественных отношений, позволяет объединить естественно-научное понимание человека с общественно-историческим,

т. е. видеть в человеке (как организме и личности одновременно) продукт общественных условий, результат формирования и преобразования этими условиями его органической природы. Из сказанного следует несколько отправных положений, имеющих принципиальное значение для конкретного научного исследования и связанной с ним практики: личность общественно обусловлена, поэтому ее изучение предполагает изучение общественных условий ее развития: единство природного и социального в личности требует правильного общественно-исторического освещения ее природной материально-физиологической обусловленности и ее болезненных изменений: личность формируется в процессе ее деятельности, т. е. является продуктом общественной практики и развития организма в условиях этой практики.

Л. И. Божович

СОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА[1]

Представление о личности как о целостной структуре требует предварительной гипотезы о том, что составляет стержень этой структуры.

На основании теоретического анализа мы выдвинули гипотезу о том, что целостная структура личности определяется прежде всего ее направленностью. В основе направленности личности, согласно нашей точке зрения, лежит возникающая в процессе жизни и воспитания человека устойчиво доминирующая система мотивов, в которой основные, ведущие мотивы, подчиняя себе все остальное, характеризуют строение мотивационной сферы человека. Возникновение такого рода иерархической системы мотивов обеспечивает наивысшую устойчивость личности.

---

[1] Фрагменты из третьей части книги: Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968. С. 143–206.

Анализ собственных материалов исследования, а также материалы исследований других авторов позволили нам наметить некоторые основные тенденции возрастного развития ребенка.

Мы попытались обосновать гипотезу, что среди всех первичных потребностей ведущей для психического развития является потребность в новых впечатлениях, возникающая у ребенка на протяжении первого месяца жизни. Свое значение эта потребность приобретает благодаря следующим качественным особенностям: в отличие от всех других первичных потребностей она является как бы ненасыщаемой — чем больше впечатлений падает на ребенка, тем больше развивается у него потребность в их получении; эта потребность имеет перспективный характер, она прогрессивна по самой своей природе, так как связана с функционированием человеческого мозга, развитие которого принципиально безгранично и требует постоянного совершенствования познавательной деятельности субъекта; вместе с тем развитие потребности в познании внутренне связано с психическим развитием человека, так как последнее осуществляется лишь в процессе усвоения ребенком исторически накопленного человеческого опыта.

Таким образом, сила потребности во внешних впечатлениях заключается в том, что, удовлетворяя ее, взрослый вводит ребенка в мир социальной действительности — общественно выработанных навыков, умений, способов практической деятельности, морали и т. д. А так как в предметах материальной и духовной культуры и в ее традициях находят свое воплощение исторически сложившиеся формы психической жизни людей, то ребенок, познавая культуру и овладевая ею, вместе с тем усваивает и эти формы; на этой основе у него развиваются специфические социальные формы психики.

Исследования обнаруживают, что на протяжении всего раннего и дошкольного детства главным фактором формирования личности ребенка продолжает оставаться взрослый человек, поддержка и одобрение которого составляют необходимое условие «уравновешенности» ребенка с окружающей его средой и переживания им эмоционального благополучия. Стремление к одобрению взрослых, особенно родителей, является

в этом возрасте настолько сильным, что именно оно побуждает ребенка к такому поведению, в котором он не испытывает непосредственной потребности. Следовательно, «санкции» взрослых являются важнейшими регуляторами поведения ребенка.

Наличие у ребенка все возрастающей и усложняющейся познавательной активности наряду с отсутствием систематического обучения и обязательного труда порождает своеобразную форму деятельности — ролевую, творческую игру, реализующую в себе все основные для психического развития ребенка потребности: познавательную потребность, потребность в общении и потребность в практическом действии. Игра дает возможность детям в воображаемой ситуации, во-первых, воспроизводить те формы поведения и деятельности, которые, будучи для него привлекательными, еще недоступны ему в действительности, и тем самым познавать эти формы поведения и овладевать ими; во-вторых, она дает возможность детям как бы сохранять непосредственный контакт со взрослыми, входя в воображаемом плане в мир взрослых людей, их взаимоотношения, интересы и пр. Таким образом, игра, воплощая возрастные тенденции развития потребностей, составляет ту ведущую форму поведения и деятельности детей дошкольного возраста, в которой происходит усвоение ребенком культуры взрослых.

Поступление в школу знаменует перелом в социальной ситуации развития ребенка. Став школьником, ребенок получает новые права и обязанности и впервые начинает заниматься общественно значимой деятельностью, от уровня выполнения которой зависит его место среди окружающих и его взаимоотношения с ними. Эта новая социальная ситуация обусловливает и формирование особенностей личности детей школьного возраста.

Наши исследования показали, что у детей к концу дошкольного возраста возникает настойчивое стремление стать школьником. Было обнаружено, что в этом стремлении находят свое воплощение ведущие потребности ребенка: познавательная потребность, выражающаяся в желании учиться, приобретать новые знания и умения, и потребность в общении,

принимающая форму желания выполнять важную общественно значимую деятельность, имеющую ценность не только для него самого, но и для окружающих взрослых. Все требования, связанные с учением и положением школьника, очень эффективны и вызывают у детей этого возраста стремление им ответить. Это приводит к очень быстрому формированию у младших школьников различных качеств личности, необходимых для успешного выполнения школьных учебных обязанностей.

При поступлении ребенка в школу роль взрослого и его санкции почти не меняются, лишь учитель становится авторитетнее и влиятельнее родителей. Однако постепенно в связи с вхождением в коллектив сверстников общение с товарищами приобретает для детей все большее и большее значение.

Данные не только наших исследований, но и других авторов показывают, что у школьников к концу младшего школьного возраста стремление к одобрению товарищей часто выражено даже более сильно, чем стремление к одобрению взрослых: теперь дети больше считаются с мнением и оценкой сверстников, чем с мнением и оценкой учителей. Это новое обстоятельство влечет значительные изменения в социальной ситуации младшего школьника и подготавливает переход к новому этапу возрастного развития ребенка — к подростковому возрасту.

Одной из важнейших черт, характеризующих социальную ситуацию развития в среднем школьном возрасте, является наличие уже достаточно сложившегося коллектива сверстников, в котором дети стремятся найти и занять свое место. Типичным для подростков является желание завоевать авторитет и признание товарищей, что создает у подростка ярко выраженную потребность как можно лучше ответить их требованиям. Таким образом, в среднем школьном возрасте важнейшим фактором психического развития становятся требования коллектива и его общественное мнение.

Общение со сверстниками, сравнение себя с другими при наличии уже достаточно развитых познавательных возможностей детей среднего школьного возраста приводят к тому, что важнейшим содержанием их психического развития становится развитие самосознания. У подростков возникает интерес к своей собственной личности, к выявлению своих воз-

можностей и их оценке. В результате на протяжении среднего школьного возраста у подростков складывается относительно устойчивая самооценка и основанный на ней уровень притязаний. Это порождает новую потребность быть не только на уровне требований окружающих, но и на уровне собственных требований и собственной самооценки. Как показывают исследования, неспособность удовлетворить эти притязания, необходимость снижения самооценки ведут к острым аффективным переживаниям, свидетельствующим о значении для детей указанной потребности. Особенно сильно такого рода переживания выражены в среднем школьном возрасте.

Исследования показали также, что количество детей, ориентирующихся на самооценку, последовательно увеличивается в ходе возрастного развития ребенка.

Еще одной важной особенностью социальной ситуации развития подростка, накладывающей отпечаток на весь его нравственно-психологический облик, является расхождение между объективным положением школьника и его внутренней позицией. Уровень психического развития, которого достигает подросток в соотношении с мало изменяющимся характером его жизни и деятельности, порождает в этом возрасте особый комплекс потребностей, выражающийся в стремлении выйти за рамки школы и приобщиться к жизни и деятельности взрослых. В психологии эта черта обычно обозначается в понятиях: «стремления к взрослости», «к самостоятельности», «к самоутверждению». Неудовлетворенность этого стремления создает у подростков типичные для этого возраста аффективные переживания, часто вызывающие у него конфликты с окружающей средой, а иногда и с самим собой. Данные, полученные в воспитательной работе с учащимися (Т. Е. Конникова), свидетельствуют, что создание подростком особой позиции в коллективе и приобщение их к участию в общественно ценных делах взрослых могут не только снять аффективные переживания и конфликты, имеющие место в этом возрасте, но и создать у подростков подъем жизнедеятельности, вызвать положительные переживания и возбудить их творческую активность.

Значительный качественный сдвиг в психическом развитии происходит в старшем школьном возрасте, где определяющим фактором этого развития становится формирование научного и морального мировоззрения. На этом возрастном этапе собственные задачи и требования школьника, связанные в единую систему и воплощенные в некоторый нравственный образец, не только становятся побудителями его поведения, но и выполняют функцию организации всех других его потребностей и стремлений.

Чтобы понять решающую роль в формировании личности особенностей мотивационной сферы, возникших в старшем школьном возрасте, необходимо учесть некоторые данные о развитии самой этой сферы.

В результате нашей работы мы пришли к следующим предварительным выводам относительно характера человеческих потребностей и их развития. Мы полагаем, что потребности человека различаются не только по своему содержанию и динамическим свойствам (сила, устойчивость и пр.), но и по своему строению: одни из них имеют прямой, непосредственный характер, другие — опосредствованы целью или сознательно принятым намерением.

Строение потребностей определяет и способ, каким они побуждают человека к действию. В первом случае побуждение идет прямо от потребности к действию и связано с непосредственным желанием выполнить данное действие. Наиболее отчетливо такого рода побуждения представлены в органических потребностях человека. Во втором случае (где имеет место опосредствованное строение потребностей) побуждение идет от сознательно поставленной цели и не только не совпадает с непосредственными желаниями человека, но может находиться к ним в антагонистическом отношении. Опосредствованные побуждения возникают в тех случаях, когда какая-либо достаточно сильная и устойчивая потребность не может быть удовлетворена прямо, а предполагает промежуточные действия, выполнять которые у ребенка нет непосредственного желания.

Таким образом, побуждения, идущие от сознательно поставленной цели или принятого намерения, свидетельствуют

о том, что цель стала звеном в удовлетворении непосредственной потребности человека и тем самым сделала опосредствованным способ ее удовлетворения. Характерной особенностью опосредствованной потребности является то, что цель, поставленная человеком (или принятая им), будучи связана с возможностью удовлетворения его непосредственной потребности, приобретает способность побуждать деятельность, не имеющую своей собственной побудительной силы.

Сказанное свидетельствует о том, что вместе с развитием ребенка потребности не только увеличиваются в своем числе, не только обогащаются и изменяются по своему содержанию, но и сами развиваются. Так же как и другие психические процессы, они из непосредственных превращаются в опосредствованные, приобретая сознательный и произвольный характер.

Таким образом, возникновение опосредствованных потребностей (т. е. побуждений, идущих от сознательно поставленной цели) характеризует такой этап в развитии мотивационной сферы субъекта, который делает для него возможным сознательное управление своими потребностями и стремлениями.

Возвращаясь к психологической характеристике старшего школьника, мы можем теперь понять ту психологическую функцию, которую выполняет в формировании его личности складывающееся мировоззрение, и прежде всего система его моральных взглядов и убеждений. Моральное мировоззрение воплощает в себе нравственные стремления школьников и таким образом организует и сами эти побуждения, и связанное с ними поведение учащихся.

Моральное мировоззрение начинает складываться задолго до старшего школьного возраста. Оно подготавливается, в частности, развитием у подростков идеальных образов людей, на которых они хотели бы походить. Однако только в юношеском возрасте моральное мировоззрение начинает представлять собой такую устойчивую систему нравственных идеалов и принципов, которая становится постоянно действующим нравственным побудителем, опосредствующим все их поведение, деятельность, отношение к окружающей действительности и к самому себе.

А. Н. Леонтьев

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ[1]

Ситуация развития человеческого индивида обнаруживает свои особенности уже на самых первых этапах. Главная из них — это опосредствованный характер связей ребенка с окружающим миром. Изначально прямые биологические связи ребенок — мать очень скоро опосредствуются предметами: мать кормит ребенка из чашки, надевает на него одежду и, занимая его, манипулирует игрушкой. Вместе с тем связи ребенка с вещами опосредствуются окружающими людьми: мать приближает ребенка к привлекающей его вещи, подносит ее к нему или, может быть, отнимает у него. Словом, деятельность ребенка все более выступает как реализующая его связи с человеком через вещи, а связи с вещами — через человека.

Эта ситуация развития приводит к тому, что вещи открываются ребенку не только в их физических свойствах, но и в том особом качестве, которое они приобретают в человеческой деятельности — в своем функциональном значении (чашка — из чего пьют, стул — на чем сидят, часы — то, что носят на руке, и т. д.), а люди — как «повелители» этих вещей, от которых зависят его связи с ними. Предметная деятельность ребенка приобретает орудийную структуру, а общение становится речевым, опосредствованным языком[2].

В этой исходной ситуации развития ребенка и содержится зерно тех отношений, дальнейшее развертывание которых составляет цепь событий, ведущих к формированию его как личности. Первоначально отношения к миру вещей и к окружающим людям слиты для ребенка между собой, но дальше происходит их раздвоение, и они образуют разные, хотя и взаимосвязанные, линии развития, переходящие друг в друга.

В онтогенезе эти переходы выражаются в чередующихся сменах фаз: фаз преимущественно развития предметной (практической и познавательной) деятельности — фазами развития

---

[1] Фрагмент пятой главы «Деятельность и личность» из книги: Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 206–230.

[2] См.: *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1972. С. 368–378.

взаимоотношений с людьми, с обществом[1]. Но такие же переходы характеризуют движение мотивов внутри каждой фазы. В результате и возникают те иерархические связи мотивов, которые образуют «узлы» личности...

Действительную основу личности составляет то особое строение целокупных деятельностей субъекта, которое возникает на определенном этапе развития его человеческих связей с миром.

Человек живет как бы во все более расширяющейся для него действительности. Вначале это узкий круг непосредственно окружающих его людей и предметов, взаимодействие с ними, чувственное их восприятие и усвоение известного о них, усвоение их значений. Но далее перед ним начинает открываться действительность, лежащая далеко за пределами его практической деятельности и прямого общения: раздвигаются границы познаваемого, представляемого им мира. Истинное «поле», которое определяет теперь его действия, есть не просто наличное, но существующее — существующее объективно или иногда только иллюзорно.

Знание субъектом этого существующего всегда опережает его превращение в определяющую его деятельность. Такое знание выполняет очень важную роль в формировании мотивов. На известном уровне развития мотивы сначала выступают как только «знаемые», как возможные, реально еще не побуждающие никаких действий. Для понимания процесса формирования личности нужно непременно это учитывать, хотя само по себе расширение знаний не является определяющим для него; поэтому-то, кстати говоря, воспитание личности и не может сводиться к обучению, к сообщению знаний.

Формирование личности предполагает развитие процесса целеобразования и, соответственно, развития действий субъекта. Действия, все более обогащаясь, как бы перерастают тот круг деятельностей, которые они реализуют, и вступают в противоречие с породившими их мотивами. Явления такого перерастания хорошо известны и постоянно описываются в литературе по возрастной психологии, хотя и в других терминах;

[1] См.: *Эльконин Э. Б.* К проблеме периодизации психического развития советского школьника // Вопросы психологии. 1971. № 4.

они-то и образуют так называемые кризисы развития — кризис трех лет, семи лет, подросткового периода, как и гораздо меньше изученные кризисы зрелости. В результате происходит сдвиг мотивов на цели, изменение их иерархии и рождение новых мотивов — новых видов деятельности; прежние цели психологически дискредитируются, а отвечающие им действия или вовсе перестают существовать, или превращаются в безличные операции.

Внутренние движущие силы этого процесса лежат в исходной двойственности связей субъекта с миром, в их двоякой опосредованности — предметной деятельностью и общением. Ее развертывание порождает не только двойственность мотивации действий, но благодаря этому также и соподчинения их, зависящие от открывающихся перед субъектом объективных отношений, в которые он вступает. Развитие и умножение этих особых по своей природе соподчинений, возникающих только в условиях жизни человека в обществе, занимает длительный период, который может быть назван этапом стихийного, не направляемого самосознанием складывающейся личности. На этом этапе, продолжающемся вплоть до подросткового возраста, процесс формирования личности, однако, не заканчивается, он только подготавливает рождение сознающей себя личности.

В педагогической и психологической литературе постоянно указывается то младший дошкольный, то подростковый возраст как переломные в этом отношении. Личность действительно рождается дважды: первый раз — когда у ребенка проявляются в явных формах полимотивированность и соподчиненность его действий (вспомним феномен «горькой конфеты» и подобные ему), второй раз — когда возникает его сознательная личность. В последнем случае имеется в виду какая-то особая перестройка сознания. Возникает задача — понять необходимость этой перестройки и то, в чем именно она состоит.

Эту необходимость создает то обстоятельство, что чем более расширяются связи субъекта с миром, тем более они перекрещиваются между собой. Его действия, реализующие одну его деятельность, одно отношение, объективно оказываются реализующими и какое-то другое его отношение. Возможное

несовпадение или противоречие их не создает, однако, альтернатив, которые решаются просто «арифметикой мотивов». Реальная психологическая ситуация, порождаемая перекрещивающимися связями субъекта с миром, в которые независимо от него вовлекаются каждое его действие и каждый акт его общения с другими людьми, требует от него ориентировки в системе этих связей. Иными словами, психическое отражение, сознание уже не может оставаться ориентирующим лишь те или иные действия субъекта, оно должно также активно отражать иерархию их связей, процесс происходящего подчинения и переподчинения их мотивов. А это требует особого внутреннего движения сознания.

В движении индивидуального сознания, описанном раньше как процесс взаимопереходов непосредственно-чувственных содержаний и значений, приобретающих в зависимости от мотивов деятельности тот или иной смысл, теперь открывается движение еще в одном измерении. Если описанное раньше движение образно представить себе как движение в горизонтальной плоскости, то это новое движение происходит как бы по вертикали. Оно заключается в соотнесении мотивов друг с другом: некоторые занимают место подчиняющих себе другие и как бы возвышаются над ними, некоторые, наоборот, опускаются до положения подчиненных или даже вовсе утрачивают свою смыслообразующую функцию. Становление этого движения и выражает собой становление связной системы личностных смыслов — становление *личности*.

Конечно, формирование личности представляет собой процесс непрерывный, состоящий из ряда последовательно сменяющихся стадий, качественные особенности которых зависят от конкретных условий и обстоятельств. Поэтому, прослеживая последовательное его течение, мы замечаем лишь отдельные сдвиги. Но если взглянуть на него как бы с некоторого удалении, то переход, знаменующий собой подлинное рождение личности, выступает как событие, изменяющее ход всего последующего психического развития.

Существуют многие явления, которые отмечают этот переход. Прежде всего это перестройка сферы отношений к другим людям, к обществу. Если на предшествующих стадиях обще-

ство открывается в расширяющихся общениях с окружающими и поэтому преимущественно в своих персонифицированных формах, то теперь это положение оборачивается: окружающие люди все более начинают выступать через объективные общественные отношения. Переход, о котором идет речь, и начинает собой изменения, определяющие главное в развитии личности, в ее судьбе...

Одно из изменений, за которым скрывается новая перестройка иерархии мотивов, проявляется в утрате самоценности для подростка отношений в интимном круге его общения. Так, требования, идущие со стороны даже самых близких взрослых, сохраняют теперь свою смыслообразующую функцию лишь при условии, что они включены в более широкую социальную мотивационную сферу, в противном случае они вызывают явление «психологического бунтарства». Это вхождение подростка в более широкий круг общения вовсе, однако, не значит, что интимное, личностное как бы отходит теперь на второй план. Напротив, именно в этот период и именно поэтому происходит интенсивное развитие внутренней жизни: наряду с приятельством возникает дружба, питаемая взаимной конфидентностью; меняется содержание писем, которые теряют свой стереотипный и описательный характер и в них появляются описания переживаний; делаются попытки вести интимные дневники и начинаются первые влюбленности.

Еще более глубокие изменения отмечают последующие уровни развития, включительно до уровня, на котором личностный смысл приобретает сама система объективных общественных отношений, ее выражения. Конечно, явления, возникающие на этом уровне, еще более сложны и могут быть по-настоящему трагическими, но и здесь происходит то же самое: чем более открывается для личности общество, тем более наполненным становится его внутренний мир.

Процесс развития личности всегда остается глубоко индивидуальным, неповторимым. Он дает сильные смещения по абсциссе возраста, а иногда вызывает социальную деградацию личности. Главное — он протекает совершенно по-разному в зависимости от конкретно-исторических условий, от принадлежности индивида к той или иной социальной среде...

Вопреки своей распространенности, взгляд на личность как на продукт биографии человека является неудовлетворительным, оправдывающим фаталистическое понимание его судьбы (обыватель так и думает: ребенок украл, — значит, станет вором!). Взгляд этот, конечно, допускает возможность изменить что-то в человеке, но только ценой внешнего вмешательства, силой своей перевешивающего сложившееся в его опыте. Это — концепция примата кары, а не раскаяния, награды, а не действий, которые она венчает. Упускается главный психологический факт, а именно, что человек вступает в отношение к своему прошлому, которое по-разному входит в наличное для него — в память его личности. Толстой советовал: замечай, что помнишь, что не помнишь; по этим признакам узнаешь сам себя[1].

Неверен этот взгляд еще и потому, что расширение действительности для человека происходит не только в направлении прошлого, но и в направлении будущего. Как и прошлое, будущее составляет наличное в личности. Открывшаяся человеку жизненная перспектива есть не просто продукт «опережающего отражения», а его достояние. В этом сила и правда того, что писал Макаренко о воспитательном значении ближних и дальних перспектив. То же и для взрослых. Вот какую притчу я однажды услышал на Урале от старика конюха: когда лошадь на трудной дороге начинает спотыкаться, то нужно не нахлестывать ее, а поднять ей голову повыше, чтобы дальше видела перед собой.

Личность создается объективными обстоятельствами, но не иначе как через целокупность его деятельности, осуществляющей его отношения к миру. Ее особенности и образуют то, что определяет тип личности. Хотя вопросы дифференциальной психологии не входят в мою задачу, анализ формирования личности тем не менее приводит к проблеме общего подхода в исследовании этих вопросов.

Первое основание личности, которое не может игнорировать никакая дифференциально-психологическая концепция, есть богатство связей индивида с миром. Это богатство и от-

---

[1] См.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 54. М., 1935. С. 31.

личает человека, жизнь которого охватывает обширный круг разнообразной деятельности, от того берлинского учителя, «мир которого простирается от Маобита до Кепеника и наглухо заколочен за Гамбургскими воротами, отношения которого к этому миру сведены до минимума его жалким положением в жизни»[1]. Само собою разумеется, что речь идет о действительных, а не об отчужденных от человека отношениях, которые противостоят ему и подчиняют его себе. Психологически мы выражаем эти действительные отношения через понятие деятельности, ее смыслообразующих мотивов, а не на языке стимулов и выполняемых операций. К этому нужно прибавить, что деятельности, составляющие основания личности, включают в себя также и деятельности теоретические и что в ходе развития круг их способен не только расширяться, но и оскудевать; в эмпирической психологии это называется «сужением интересов». Одни люди этого оскудения не замечают, другие, подобно Дарвину, жалуются на это как на беду.

Различия, которые здесь существуют, являются не только количественными, выражающими меру широты открывшегося человеку мира в пространстве и времени — в его прошлом и будущем. За ними лежат различия в содержании тех предметных и социальных отношений, которые заданы объективными условиями эпохи, нации, класса. Поэтому подход к типологии личностей, даже если она учитывает только один этот параметр, как теперь принято говорить, не может не быть конкретно-историческим. Но психологический анализ не останавливается на этом, ибо связи личности с миром могут быть как беднее тех, что задаются объективными условиями, так и намного превосходить их.

Другой, и притом важнейший, параметр личности есть степень иерархизированности деятельностей, их мотивов. Степень эта бывает очень разной, независимо от того, узко или широко основание личности, образуемое его связями с окружающим. Иерархии мотивов существуют всегда, на всех уровнях развития. Они-то и образуют относительно самостоятельные единицы жизни личности, которые могут быть менее крупны-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 253.

ми или более крупными, разъединенными между собой или входящими в единую мотивационную сферу. Разъединенность этих, иерархизированных внутри себя, единиц жизни создает психологический облик человека, живущего отрывочно — то в одном «поле», то в другом. Напротив, более высокая степень иерархизации мотивов выражается в том, что свои действия человек как бы примеривает к главному для него мотиву-цели, и тогда может оказаться, что одни стоят в противоречии с этим мотивом, другие прямо отвечают ему, а некоторые уводят в сторону от него.

Когда имеют в виду главный мотив, побуждающий человека, то обычно говорят о жизненной цели. Всегда ли, однако, этот мотив адекватно открывается сознанию? С порога ответить на этот вопрос нельзя, потому что его осознание в форме понятия, идеи происходит не само собою, а в том движении индивидуального сознания, в результате которого субъект только и способен преломить свое внутреннее через систему усваиваемых им значений, понятий. Об этом уже говорилось, как и о той борьбе, которая ведется в обществе за сознание человека.

Смысловые единицы жизни могут собраться как бы в одну точку, но это формальная характеристика. Главным остается вопрос о том, какое место занимает эта точка в многомерном пространстве, составляющем реальную, хотя не всегда видимую индивидом подлинную действительность. Вся жизнь Скупого рыцаря направлена на одну цель: возведение «державы золота». Эта цель достигнута («Кто знает, сколько горьких воздержаний, обузданных страстей, тяжелых дум, дневных забот, ночей бессонных все это стоило?»), но жизнь обрывается ничем, цель оказалась бессмысленной. Словами «Ужасный век, ужасные сердца!» заканчивает Пушкин трагедию о Скупом.

Иная личность, с иной судьбой складывается, когда ведущий мотив-цель возвышается до истинно человеческого и не обосабливает человека, а сливает его жизнь с жизнью людей, их благом. В зависимости от обстоятельств, выпадающих на долю человека, такие жизненные мотивы могут приобретать очень разное содержание и разную объективную значитель-

ность, но только они способны создать внутреннюю психологическую оправданность его существования, которая составляет смысл и счастье жизни. Вершина этого пути — человек, ставший, по словам Горького, *человеком человечества*.

Здесь мы подходим к самому сложному параметру личности: к общему типу ее строения. Мотивационная сфера человека даже в наивысшем ее развитии никогда не напоминает застывшую пирамиду. Она может быть сдвинута, эксцентрична по отношению к актуальному пространству исторической действительности, и тогда мы говорим об односторонности личности. Она может сложиться, наоборот, как многосторонняя, включающая широкий круг отношений. Но и в том и в другом случае она необходимо отражает объективное несовпадение этих отношений, противоречия между ними, смену места, которое они в ней занимают.

Структура личности представляет собой относительно устойчивую конфигурацию главных, внутри себя иерархизированных, мотивационных линий. Речь идет о том, что неполно описывается как «направленность личности», неполно потому, что даже при наличии у человека отчетливой ведущей линии жизни она не может оставаться единственной. Служение избранной цели, идеалу вовсе не исключает и не поглощает других жизненных отношений человека, которые, в свою очередь, формируют смыслообразующие мотивы. Образно говоря, мотивационная сфера личности всегда является многовершинной...

Многообразные отношении, в которые человек вступает к действительности, являются объективно противоречивыми. Их противоречия и порождают конфликты, которые при определенных условиях фиксируются и входят в структуру личности. ...Структура личности не сводится ни к богатству связей человека с миром, ни к степени их иерархизированности, ее характеристика лежит в соотношении разных систем сложившихся жизненных отношений, порождающих борьбу между ними. Иногда эта борьба проходит во внешне неприметных, обыденно драматических, так сказать, формах и не нарушает гармоничности личности, ее развития; ведь гармоническая личность вовсе не есть личность, не знающая никакой внут-

ренней борьбы. Однако иногда эта внутренняя борьба становится главным, что определяет весь облик человека, — такова структура трагической личности. <...>

Предметно-вещественные «потребности для себя» насыщаемы, и их удовлетворение ведет к тому, что они низводятся до уровня условий жизни, которые тем меньше замечаются человеком, чем привычнее они становятся. Поэтому личность не может развиваться в рамках потребления, ее развитие необходимо предполагает смещение потребностей на созидание, которое одно не знает границ, как и всякое познание. Познание себя начинается с выделения внешних, поверхностных свойств и является результатом сравнения, анализа и обобщения, выделения существенного. Но индивидуальное сознание не есть только знание, только система приобретенных значений, понятий. Ему свойственно внутреннее движение, отражающее движение самой реальной жизни субъекта, которую оно опосредствует: мы уже видели, что только в этом движении знания обретают свою отнесенность к объективному миру и свою действенность. Не иначе обстоит дело и в случае, когда объектом сознания являются свойства, особенности, действия или состояния самого субъекта; в этом случае тоже следует различать знание о себе и осознание себя.

Знания, представления о себе накапливаются уже в раннем детстве; в несознаваемых чувственных формах они, по-видимому, существуют и у высших животных. Другое дело — самосознание, осознание своего «я». Оно есть результат, продукт становления человека как личности. Представляя собой феноменологическое превращение форм действительных отношений личности, в своей непосредственности оно выступает как их причина и субъект.

Психологическая проблема «я» возникает, как только мы задаемся вопросом о том, к какой реальности относится все то, что мы знаем о себе, и все ли, что мы знаем о себе, относится к этой реальности. Как происходит, что в одном я открываю свое «я», а в другом — утрачиваю его (мы так и говорим: быть «вне себя...»)? Несовпадение «я» и того, что представляет субъект как предмет его собственного знания о себе, психологически очевидно. Вместе с тем психология, исходящая из

органистических позиций, не способна дать научное объяснение этого несовпадения. Если проблема «я» и ставится в ней, то лишь в форме констатации существования особой инстанции внутри личности — маленького человечка в сердце, который в нужную минуту «дергает за веревочки». Отказываясь, понятно, от того, чтобы приписывать этой особой инстанции субстанциональность, психология кончает тем, что вовсе обходит проблему, растворяя «я» в структуре личности, в ее интеракциях с окружающим миром. И все-таки она остается, обнаруживая себя теперь в виде заложенного в индивиде стремления проникнуть в мир, в потребность «актуализации себя»[1].

Таким образом, проблема самосознания личности, осознания «я» остается в психологии нерешенной. Но это отнюдь не мнимая проблема, напротив, это проблема высокого жизненного значения, венчающая психологию личности...

Мы привыкли думать, что человек представляет собой центр, в котором фокусируются внешние воздействия и из которого расходятся линии его связей, его интеракций с внешним миром, что этот центр, наделенный сознанием, и есть его «я». Дело, однако, обстоит вовсе не так. Мы видели, что многообразные деятельности субъекта пересекаются между собой и связываются в узлы объективными, общественными по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает. Эти узлы, их иерархии и образуют тот таинственный «центр личности», который мы называем «я»; иначе говоря, центр этот лежит не в индивиде, не за поверхностью его кожи, а в его бытии.

Таким образом, анализ деятельности и сознания неизбежно приводит к отказу от традиционного для эмпирической психологии эгоцентрического, «птолемеевского» понимания человека в пользу понимания «коперниковского», рассматривающего человеческое «я» как включенное в общую систему взаимосвязей людей в обществе. Нужно только при этом подчеркнуть, что включенное в систему вовсе не значит раство-

---

[1] *J. Nuttin.* La Structure de la personalite. Paris, 1925. P. 234.

ряющееся в ней, а, напротив, обретающее и проявляющее в ней силы своего действия.

В нашей психологической литературе часто приводятся слова Маркса о том, что человек не родится фихтеанским философом, что человек смотрится, как в зеркало, в другого человека, и, лишь относясь к нему как к себе подобному, он начинает относиться и к себе как к человеку. Эти слова иногда понимаются лишь в том смысле, что человек формирует свой образ по образу другого человека. Но в этих словах выражено гораздо более глубокое содержание. Чтобы увидеть это, достаточно восстановить их контекст.

«В некоторых отношениях, — начинает Маркс цитируемое примечание, — человек напоминает товар». Какие же это отношения? Очевидно, имеются в виду те отношения, о которых говорится в тексте, сопровождаемом данным примечанием. Это стоимостные отношения товаров. Они заключаются в том, что натуральное тело одного товара становится формой, зеркалом стоимости другого товара, т. е. такого сверхчувственного его свойства, которое никогда не просвечивает через его ткань. Маркс и заканчивает эту сноску так: «Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода *человек* (курсив мой. — *А. Л.*)»[1]. Но человек как род, как родовое существо означает у Маркса не биологический вид Homo sapiens, а человеческое общество. В нем, в его персонифицированных формах человек и видит себя человеком.

Проблема человеческого «я» принадлежит к числу ускользающих от научно-психологического анализа. Доступ к ней закрывают многие ложные представления, сложившиеся в психологии на эмпирическом уровне исследования личности. На этом уровне личность неизбежно выступает как индивид усложненный, а не преобразованный обществом, т. е. обретающий в нем новые системные свойства. Но именно в этих своих «сверхчувственных» свойствах он и составляет предмет психологической науки.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 62.

Б. Г. Ананьев

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ[1]

Теория и метод развития в современной психологии являются одним из новейших подтверждений материалистической диалектики. Генетические подходы полностью утвердились в сравнительной, возрастной (детской), общей и прикладной психологии, эти подходы проникают в дифференциальную психологию и характерологию, в психологию воспитания и социальную психологию личности.

Генетическая психология личности — одно из примечательных явлений современного исследования так называемой социализации личности, становления ее отношений, установок и свойств в ходе общественного воспитания и обучения, в зависимости от смены общественных ролей и общностей.

В настоящее время, как можно судить по состоянию всей проблемы человека в современной науке, вычленяются три основных генетических подхода к человеческому развитию.

Первым из них является онтогенетика человека, исследующая метрические и топологические свойства времени индивидуальной жизни человеческого организма, процесс ее становления в определенной последовательности (смены состояний или фаз развития (возрастов)).

Вторым, более поздним по времени и лишь оформляющимся в наше время, является генетический подход к эволюции личности как общественного индивида. Этот подход можно условно обозначить как генетическую персоналистику, представляющую собой теорию и метод биографического исследования жизненного пути человека, основных событий, конфликтов, продуктов и ценностей, развертывающихся на протяжении жизни человека в данных общественно-исторических условиях.

Биографический метод является одним из исторических в исследовании, применяемом в области психологии личности.

---

[1] О проблемах современного человекознания. М., 1977. С. 265–274.

Наконец, третий генетический подход ориентирован на изучение истории развития деятельности той или иной конкретной личности, продуктов этой деятельности, т. е. созидаемых личностью материальных и духовных ценностей.

Этот праксиологический, или праксиметрический, анализ личности со стороны истории ее деятельности близко соприкасается с биографическим анализом истории жизненного пути личности в обществе.

Фазы жизненного пути датируются историческими событиями, сменой способов воспитания, изменениями в образе жизни и системе отношений, сумме ценностей и жизненной программе — целях и смысле жизни, которыми данная личность владеет. Фазы жизненного пути накладываются на возрастные стадии онтогенеза, причем в такой степени, что в настоящее время некоторые возрастные стадии обозначаются именно как фазы жизненного пути, например преддошкольное, дошкольное и школьное детство. Практически ступени общественного воспитания, образования и обучения, составляющие совокупность подготовительных фаз жизненного пути, формирования личности, стали определяющими характеристиками периодов роста и созревания индивида.

В процессах общественного воспитания и образования у всех формирующихся личностей в данных подрастающих поколениях складываются «типичные характеры эпохи», социально ценные свойства поведения и интеллекта, основы мировоззрения и готовность к труду. Индивидуальная изменчивость всех этих свойств человека как личности определяется взаимодействием основных компонентов статуса (экономического, правового, семейного, школьного и т. д.), сменой полей и систем отношений в коллективах (макро- и микрогруппах), в общем социальном становлении человека. Соответственно характеру этого взаимодействия развитие отдельных свойств происходит неравномерно и в каждый отдельный момент этого развития — гетерохронно с еще большим диапазоном расхождений между «старыми» ролями, более ранними, общими и более поздними специальными общественными функциями личности, чем это происходит в возрастной эволюции организма.

Внутренняя противоречивость развития личности, проявляющаяся в неравномерности и гетерохронности смены ее состояний, усиливает внутреннюю противоречивость онтогенетической эволюции, особенно вследствие специфического влияния социального развития личности на интенсификацию корковых, прежде всего вербальных, речемыслительных, процессов мозговой деятельности человека. Однако такое влияние истории становления личности на онтогенетическую эволюцию индивида возникает только на определенной стадии онтогенеза и постепенно возрастает по мере накопления жизненного опыта и социальной активности личности. Это и понятно, поскольку начало личности наступает намного позже, чем начало индивида.

Социальная обусловленность развития и наличие сложного индивидуально приобретенного нервно-психического аппарата поведения еще недостаточны для утверждения, что новорожденный младенец — личность, что начало личности — моменты рождения, начало лепета, появления первых избирательных реакций на человека и т. д. Нельзя считать более убедительным доказательством и тот факт, что типологические свойства нервной системы и темперамент, равно как и задатки, считающиеся так называемой природной основой личности, проявляются в эти периоды с достаточной полнотой. Все эти свойства человека как индивида, генотипически обусловленные, первоначально существуют независимо от того, какая личность, с какими наборами социальных характеристик будет ими обладать.

На основе самых различных типов нервной системы может быть сформирован один и тот же тип характера, равно как контрастные характеристические свойства могут обнаружиться у людей с одним и тем же типом нервной системы. Лишь в ходе формирования человека эти свойства включаются в общую структуру личности и ею опосредуются. Однако на первых этапах формирования личности эти свойства влияют на темпы и направления образования личностных свойств человека, сущность и история которых связана, однако, не с онтогенезом и филогенезом, а с современным, для данного общества и народа укладом жизни, с историей общественного, особен-

но культурного, политического и правового развития, определившего становление современного образа жизни, в котором начинает свою жизнь человек, родившийся в определенном месте данной страны, в семье, занимающей определенное положение в обществе, родители которого обладают тем или иным экономическим, политическим и правовым статусом (соотношением прав и обязанностей). С момента рождения человек поставлен в эти условия, он застает их готовыми, и его первоначальное развитие, конечно, есть формирование новых свойств, неотделимое от адаптации к этим условиям.

Статус семьи объективно есть и его статус; однако пройдет несколько лет, когда ребенок постепенно начнет осознавать себя частью определенного социального целого, все компоненты статуса своей семьи как собственные характеристики.

С момента рождения ребенка происходит существенное изменение образа жизни супругов, у которых появились новые общественные функции и роли родителей как воспитателей — матери и отца.

Современная психология личности достаточно убедительно показала, что как во всем человеческом развитии, преобразовавшем инстинктивные механизмы поведения, так и в родительском поведении мы не найдем прямых непосредственных проявлений родительского инстинкта животных предков человека. Женщина, родившая ребенка, выполняет свои материнские функции в зависимости от обычаев, норм поведения в семье, положения женщины в обществе, принадлежности к определенному классу, правовой организации семьи и т. д. Она может и не стать матерью, выполняя функции кормления и некоторых забот о ребенке. Мать — воспитатель и духовный наставник детей, она для ребенка — олицетворенная любовь. Функции матери-воспитательницы осваиваются с неодинаковым успехом, так как существует огромный диапазон материнских дарований и талантов.

Тем более все это относится к социальным функциям общества и освоению молодым мужчиной-супругом новой для него роли отца.

Формирование ребенка как личности происходит в зависимости не только от статуса семьи, который он застает сло-

жившимся, но и от освоения его родителями новых для них семейных ролей. Духовная атмосфера семьи, относительное согласие или напряженность во взаимоотношениях, близость родителей к ребенку, общность стратегии и тактики воспитания зависят в большей степени от этих социальных функций и ролей родителей, чем от статуса семьи, несмотря на его весьма важное значение.

Но как статус, так и эти роли, объективно формирующие ребенка, в первые месяцы жизни еще не составляют его собственной биографии. Роль сына или дочери, содержащиеся в ней общественные функции ребенок начинает осваивать и осуществлять позже, и это составляет один из моментов становления личности.

Для ее образования недостаточно дифференцировки среди многих раздражителей человеческого лица или голоса, недостаточно улыбки или гримасы в ответ на улыбку или гримасу взрослого, лепета при обращении к ребенку речи взрослого, т. е. всего того, что нередко считается исходными моментами социализации и персонификации. Это весьма важные предпосылки, внутренние условия, необходимые для формирования личности. Однако лишь с образованием постоянного комплекса социальных связей, регулируемых нормами и правилами, средств общения с их знаковым аппаратом (прежде всего словарным составом и грамматическим строем языка), предметной деятельности с ее социальной мотивацией, освоением семейных и других ролей связано формирование начальных свойств личности.

Подобно тому как начало индивида — долгий и многофазный процесс эмбриогенеза, так и начало личности — долгий и многофазный процесс ранней социализации индивида, наиболее интенсивно протекающий в двух-трехлетнем возрасте.

В последующем становление свойств личности протекает неравномерно и гетерохронно, соответственно последовательности в усвоении ролей и смене позиций ребенка в обществе. Эта гетерохронность личностного формирования накладывается на гетерохронность созревания индивида и усиливает общий эффект разновременности основных состояний человека.

Бесспорно, точки отсчета для начала онтогенеза и истории личности разделены многими месяцами жизни и существенно различными факторами. Личность всегда моложе индивида в одном и том же человеке, история личности, или жизненный путь (биография), хотя и считается с даты рождения, однако начинается много позже, и основными ранними ее вехами являются поступление ребенка в детский сад или, что особенно важно, в школу, с которыми связаны более обширный круг социальных связей и включение в систему института общностей, свойственных современности, открывающих отдельному человеку доступ к истории человечества (через усвоение суммы знаний, традиций и т. д.) и к программам его будущего.

Становление человека как личности связано с относительно высоким уровнем нервно-психического развития, являющимся необходимым внутренним условием этого становления. Под влиянием социальной среды и воспитания складывается определенный тип отражения, ориентации в окружающей сфере и регуляции движения у ребенка сознания, т. е. самая общая структура человека как субъекта познания.

Еще до самостоятельного передвижения и активной речи складываются необходимая для предметной деятельности сенсомоторная структура и наиболее общие типы предметных действий рук. Одновременно со свойствами субъекта познания формируются свойства субъекта деятельности. На оба вида новых свойств огромное влияние оказывает комплекс социальных связей, из которого берет свое начало личность. Однако субъективные свойства непосредственно детерминированы предметным миром, объективными свойствами предметной деятельности, в структуре которых оказывают свое влияние на формирование субъективных черт социальные связи.

Надо иметь, однако, в виду, что социальное формирование человека не ограничивается формированием личности — субъекта общественного поведения и коммуникаций. Социальное формирование человека — это вместе с тем образование человека как субъекта познания и деятельности, начиная с игры и учения, заканчивая трудом, если следовать известной классификации видов человеческой деятельности. И надо признать, что становление этих свойств предшествует форми-

рованию личностных свойств, и в последующем ходе жизненного пути человека взаимосвязь этих свойств оказывается наиболее важной. Переход от игры к учению, смена различных видов учения, подготовка к труду в обществе и т. д. — это одновременно стадии развития свойств субъекта познания и деятельности и изменения социальных позиций, ролей в обществе и сдвигов в статусе, т. е. личностные преобразования.

Однако эта взаимосвязь противоречива, и различия этих свойств в определенные моменты развития и в зависимости от социальных условий превращаются в противоречия, временным выражением которых является гетерохронность развития этих свойств формирующегося человека. Подобные противоречия проявляются в несовпадениях моментов и направлений реализации мотивов общественного поведения и познавательных интересов, относительном обособлении нравственных, эстетических и гностических ценностей, тенденции личности и ее потенции как субъекта познания и деятельности.

Не менее трудным, чем объективное определение «начала» индивида, личности, субъекта и гетерохронности всех этих состояний формирования человека, является определение объективных критериев зрелости человека. Неслучайно именно эти трудности привели в современной психологической литературе к замене понятия «зрелость» понятием «взрослость» с тем, чтобы избежать многих осложнений, считающихся подчас неодолимыми.

Зрелость человека как индивида — соматическая и половая — определяется по биологическим критериям. Сравнительно с другими приматами человек в этом отношении обладает лишь большим диапазоном индивидуальной изменчивости моментов завершения соматического и полового созревания, наступления физической зрелости.

Однако если у всех животных, включая приматов, физическая зрелость означает глобальную зрелость всего организма — его жизнедеятельности и механизмов поведения, то у человека нервно-психическое развитие не укладывается полностью в рамки физического созревания и зрелости.

Интеллектуальное развитие, неразрывно связанное с образованием, имеет свои критерии умственной зрелости в опре-

деленном объеме и уровне знаний, свойственных данной системе образования в данную историческую эпоху. Как явление умственной зрелости, так и критерии ее определения — исторические. В еще большей мере такими являются многочисленные феномены гражданской зрелости, с наступлением которой человек полностью становится юридически дееспособным лицом, субъектом гражданских прав, например избирательных, политическим деятелем и т. д. Все эти феномены варьируют в зависимости от общественно-экономической формации, классовой структуры общества, национальных особенностей и традиций и т. д. и ни в какой мере не зависят от состояний физического развития человека. В общественной жизни важное значение имеет определение трудовой зрелости, т. е. полного объема трудоспособности, критерии которого в значительной мере связаны с учетом состояний физического и умственного развития.

Следовательно, наступление зрелости человека как индивида («физическая» зрелость), личности («гражданская»), субъекта познания («умственная» зрелость) и труда («трудоспособность») во времени не совпадает, и подобная гетерохронность зрелости сохраняется во всех формациях. Еще более выражена разновременность моментов, характеризующих финал человеческой жизни. Таким финалом для индивида является смерть, с которой, разумеется, прекращается всякое материальное существование и всех других состояний человека как личности и субъекта деятельности. Однако историческая личность и творческий деятель, оставившие потомкам выдающиеся материальные и духовные ценности, т. е. активные субъекты познания и труда, обретают социальное бессмертие, идеальная форма существования которого оказывается реальной силой общественного развития.

Но нас в большей мере, чем бессмертие, интересует парадокс завершения человеческой жизни. Парадокс этот заключается в том, что во многих случаях те или другие формы человеческого существования прекращаются еще при жизни человека как индивида, т. е. их умирание наступает раньше, чем физическое одряхление от старости.

Мы не имеем в виду «гражданскую» или «политическую» смерть при жизни человека, которая может наступить в любом

возрасте вследствие особых обстоятельств и которая, конечно, деперсонализирует человека, лишает его функций личности.

Речь идет о, так сказать, нормальном состоянии, при котором человек сам развивается в направлении растущей социальной изоляции, постепенно отказываясь от многих функций и ролей в обществе, используя свое право на социальное обеспечение. Постепенное «освобождение» от обязанностей и связанных с ними функций приводит к соразмерному сужению объема личностных свойств, к деформации структуры личности. Между тем статус человека как личности и комплекс ее ролей, от которых зависит и комплекс личностных свойств, не определяются периодами старения.

Современные научные данные о долгожителях свидетельствуют о том, что одной из этих характеристик является живая связь с современностью, а не социальная изоляция, сопротивление внешним и внутренним условиям, благоприятствующим такой изоляции (почти полное отсутствие сверстников в своей среде, резкое понижение зрения, слуха и т. д.). Связь с современностью влияет на сохранность личности, обеспечивает ее до самой смерти человека, даже если она наступает и после ста лет жизни.

Подобные явления, которые можно назвать деформацией личности, возникают обычно лишь в связи с прекращением профессиональной трудовой деятельности в той или иной области общественной жизни, производства и культуры. Иначе говоря, такая деформация — следствие коренного изменения образа жизни и деятельности, статуса и ролей человека в обществе, главнейшими из которых являются производство, созидание материальных и духовных ценностей. Внезапное блокирование всех потенциалов трудоспособности и одаренности человека с прекращением многолетнего труда не может не вызвать глубоких перестроек в структуре человека как субъекта деятельности, а поэтому и личности.

В последние десятилетия человеческой жизни гетерохронность состояний личности и субъекта уменьшается, а их взаимозависимость во времени усиливается. Но тем более возрастает дистанция между ними и временными характеристиками

человека как индивида, т. е. возрастом на поздней стадии онтогенеза. Та или иная степень сохранности, деградации или полного одряхления является функцией не только возраста, но и социально-трудовой активности, т. е. продуктом не только онтогенетической эволюции, но и жизненного пути человека как личности и субъекта деятельности.

Эти формы существования и развития человека, изменяющиеся в разные периоды человеческой жизни, характеризуются специфическими комплексами психофизиологических особенностей, которые будут рассмотрены в последующих главах.

Противоречия между этими формами с их различными психофизиологическими характеристиками не могут отвлекать нас от единства человека во всей множественности его состояний и свойств. Это единство представлено в исторической природе человека, взаимопроникновении социального и биологического, социальной детерминации биофизиологических механизмов развития, слиянии натурального и культурного развития человека в его психической эволюции, в развитии индивидуального сознания. Общим эффектом этого слияния, интеграции всех свойств человека как индивида, личности и субъекта деятельности является индивидуальность с ее целостной организацией этих свойств и их саморегуляцией. Самосознание и «я» — ядро личности с определенной взаимосвязью основных тенденций, генетически связанных с личностью, и потенций, генетически связанных с субъектом деятельности, характер и талант человека с их неповторимостью — все это самые поздние продукты развития человека.

Вместе с тем образование индивидуальности и обусловленное ею единое направление развития индивида, личности и субъекта в общей структуре человека стабилизируют эту структуру и являются одними из важных факторов высокой жизнеспособности и долголетия.

Гетерохронность различных форм индивидуального развития человека (онтогенетической, личностно-биографической, субъектно-практической) является одним из показателей внутренней противоречивости этого развития и его полифакторной обусловленности.

Множественность состояний и фаз развития не должна, однако, затенять единство личности, ее структурную организованность и целостность.

П. М. Якобсон

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ И КРИТЕРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ЗРЕЛОЙ ЛИЧНОСТИ[1]

Личностная зрелость человека есть феномен общественно-исторический, поскольку понятие зрелости в разных общественных условиях имеет различное содержание. Каждая историческая эпоха включает в него новые моменты. Исследования этнографов, изучавших жизнь, быт и уклад народностей и племен ряда районов Азии, Африки и Америки, которые по уровню своего хозяйства, характеру межплеменных связей и культуры находятся на разных ступенях социально-экономического развития, показывают, что к зрелой личности в разных культурах предъявляются разные требования. Требования могут также резко различаться для представителей мужского и женского рода. <...>

Под зрелостью личности понимается прежде всего социальная зрелость, выражающаяся в том, насколько адекватно понимает человек свое место в обществе, каким мировоззрением или философией руководствуется, каково его отношение к общественным институтам (нормы морали, нормы права, законы, социальные ценности), к своим обязанностям и своему труду.

Социальная зрелость включает в себя зрелость: гражданскую, т. е. осознание своего долга перед родиной, народом, обществом, ответственность за свой труд; идейно-политическую; моральную — понимание, принятие и реализацию норм морали, наличие развитой совести, готовность действовать в соответствии с установленными нормами отношений людей друг

---

[1] Психологический журнал. 1981. № 4. С. 142–147.

к другу, способность любить и чувствовать ответственность в любви, в построении семьи и ее будущего; эстетическую — достаточно развитую способность воспринимать прекрасное в тех или других его проявлениях и формах: в быту, искусстве, природе.

Социальная зрелость обусловливает и предполагает наличие психологической зрелости. Не может быть полной психологической зрелости у социально незрелой личности, характеризующейся инфантильностью суждений и действий, непониманием требований общества и т. д. В каком возрасте начинается зрелость? Нельзя очень точно «привязать» начало зрелости к определенному возрасту. <...>

Всесторонность развития личности в психологическом плане означает не столько многообразные и глубокие знания о различных аспектах социальной и природной действительности, наличие достаточно богатой сферы умений и навыков, сколько широту интересов человека, его способность отнестись с нужным вниманием, заинтересованностью ко всему тому, что значимо для людей, для общества. Всестороннее развитие предполагает внутреннюю затронутость, живой отклик на важные явления социальной жизни, понимание отношений людей, их внутренней жизни. В этом плане приобретает определенный психологический смысл девиз Маркса «ничто человеческое мне не чуждо», характеризующий его представления о том, каким должен быть человек, живущий полной жизнью.

Способность проявить достаточно широкие интересы и способность к насыщенному чувствами отклику на многое в жизни только тогда характеризует полноценную личность, когда она обладает умением остановить внимание на главном и отдать ему основную энергию, активность, творческое отношение. Не разбросанность интересов, не податливость на всевозможные впечатления, а именно широта интересов и откликов выступает психологическим фоном для активного осуществления деятельности человека в сфере главных интересов. Всестороннее и гармоничное развитие личности предполагает взаимное согласование не только интеллектуальных, эмоциональных и волевых качеств, но и ее содержательно-смысловых и динамически-энергетических характеристик, сознательных

и неосознаваемых уровней. Формируется иерархическое соподчинение потребностей, побуждений, мотивов и целей человека. А это значит, что руководящее ядро, олицетворяющее начало сознательности, используя силу активности, заложенной в потребностях и побуждениях человека, придает всей жизнедеятельности индивида определенное направление, реализуя тем самым высшие цели личности, связанные с ее внутренним ростом. Этот внутренний рост, выражающийся в большей глубине и зрелости различных проявлений психической жизни, связанный с процессом самовоспитания и самосовершенствования, выступает не самоцельно. Он включается в контекст более широких социальных целей, связанных с глубокой общественной направленностью человека, который находит смысл своей активности в творческом отношении к различного рода жизненным задачам, в потребности обогащать жизнь людей, человеческую культуру, человеческие отношения. <...>

Полноценно развитая зрелая личность характеризуется хорошо интегрированной, цельной психологической организацией, единство которой обеспечивается единством изменяющихся и развивающихся, но достаточно значительных жизненных целей. Они наполняют смыслом жизнь человека и осознаются им не просто как личностно значимые, но и как объективно значительные, общественно важные.

Побудительная сфера характеризуется наличием иерархии мотивов и устремлений. Основанием ее выступает система целей, дорогих для человека, — эта система целей сопровождается сознанием ответственности своей миссии как личности, переживанием внутреннего по своей природе обязательства перед самим собой в осуществлении собственного признания. На этой основе строится иерархия ценностей человека и в соответствии с ней иерархия целей и мотивов. Зрелость личности предполагает определение ею своего места в мире, в обществе, обладание стойким мировоззрением. Для такой личности характерно отчетливое проявление жизненных и социальных установок, отвечающих прогрессивным тенденциям развития общества. Человек осознает себя лично ответственным не только за свой участок деятельности, он озабочен судьбой общего дела.

Психологические черты зрелой личности:

— выраженное стремление к творчеству, проявление творческого начала в самых разнообразных сферах жизни; тонкая восприимчивость к достаточно широкому кругу явлений социальной жизни (к искусству в его различных жанрах и формах, к жизни людей в ее разнообразных проявлениях; к миру идей, относящихся к сфере научного познания, нравственности, морали и т. д.; к человеческой экспрессии; к природе в ее многообразии и богатстве и т. д.);

— хорошая интеллектуальная активность в смысле постановки жизненных проблем, готовности их вдумчиво понять и пытаться настойчиво решать;

— достаточная эмоциональная чувствительность, которая носит избирательный характер, но широка по кругу вызывающих ее явлений; способность при этом проявлять особенно высокий уровень эмоциональной восприимчивости к определенной области явлений окружающего мира, социальных феноменов, человеческих отношений;

— мобильность способностей, т. е. умение реализовать в соответствующих действиях присущие человеку потенции, которые он хотел бы раскрыть;

— рефлексия на свой духовный облик, служащая задачам самоорганизации. Цели такой самоорганизации достаточно разнообразны и широки — тут и нравственное самосовершенствование, и интеллектуальный рост, и эстетическое развитие и т. д.

У нас нет оснований говорить об одном-единственном облике всесторонне развитой личности. Необходимо помнить, что реально существуют несколько полноценных социально-психологических типов личности.

Определяясь конкретными общественно-историческими условиями жизнедеятельности личности, эти типы находят свое выражение в следующих ее характеристиках:

1) в содержании и направлении доминирующих потребностей и мотивов, определяющих действия, деятельность, поведение;

2) в диапазоне всех устремлений и интересов человека и в сфере главных интересов;

3) в характере соотношения между интеллектуальной и эмоционально-волевой сферой, связанного не только с различным местом и ролью интеллектуального и эмоционально-волевого начала в личности, но и с особенностями интеллектуальной деятельности, а также со своеобразием ведущих эмоциональных откликов на воздействия окружающей жизни;

4) в специфике ведущих жизненных установок, выявляющих тип общего отношения к социальной действительности, к людям и их отношениям, к жизни в целом, характеризующих выбор определенного сектора в круге основных социальных ценностей.

Каким же образом можно представить диалектику формирования типической в социально-психологическом смысле личности? В разных исследованиях раскрывается роль семьи, школы, ближайшего окружения в процессе формирования личности. Но следует подчеркнуть, что ни сама по себе семья, ни школа и ни одно лишь ближайшее социальное окружение не могут сформировать фундаментальные, стержневые черты личности растущего человека. Процесс формирования личности не происходит в изолированной узкой среде (даже при стремлении таковую создать), он осуществляется в контексте более или менее развитого общения с людьми, общественными институтами, различными проводниками массовой коммуникации. В результате вольно или невольно в той или иной мере растущий человек улавливает, осваивает тенденции эпохи, характер господствующего восприятия и понимания жизни. И этот «дух времени» накладывает печать на развитие личности. Поэтому исследования вскрывают некоторые функциональные зависимости между, например, своеобразием семьи и некоторыми психологическими особенностями личности, но не дают оснований для заключения о том, будто семья, скажем, в отличие от другого типа социальных институтов, предопределяет появление каких-то фундаментальных черт личности. Мы, таким образом, проводим разграничение между стержневыми, фундаментальными чертами (свойствами) личности и чертами, достаточно важными для характеристики конкретного облика личности, но не определяющими основную направленность ее поведения в целом. Судя по материа-

лам исследований, и семья, и школа, и ближайшее социальное окружение, и массовые коммуникации (радио, телевидение и т. д.), взятые по отдельности, влияют на возникновение важных и характерных свойств личности (известные привычки и представления о вещах и социальных явлениях, определенный круг жизненных ценностей, некоторые социальные установки и т. д.), но не порождают стержневые, фундаментальные черты личности. Их формирует не совокупность отдельных факторов, а система таковых, преломляющаяся через свойства и особенности самой растущей личности.

С. Г. Якобсон

ПРОБЛЕМЫ ЭТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА[1]

Систематическое исследование этического развития детей начинается с середины 20-х годов нашего века.

Существенной вехой в разработке этой области является выделение разных объектов исследования, открывавшее возможность подвергнуть эмпирическому изучению разные аспекты этической жизни людей.

Такими объектами являются: реальные действия, соответствующие определенным этическим нормам. Они исследуются путем создания ситуаций, в которых человек, повинуясь своим желаниям и не опасаясь последствий, соблюдает или нарушает норму; этическое сознание, изучаемое методом бесед по поводу различных этических ситуаций; этические переживания, исследуемые прожективными методами.

Теоретический подход советской психологии к проблеме этического развития принципиально отличается от западной. Согласно методологическим принципам советской психологии,

---

[1] Написано автором для «Хрестоматии по возрастной и педагогической психологии» (Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. Работы советских психологов периода 1946–1980 гг. / Ред. И. И. Ильясов, В. Я. Ляудис. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 174–179).

психическое развитие ребенка представляет собой усвоение им родового опыта человечества, а собственно психологическому исследованию развития должен предшествовать особый анализ усваиваемого содержания. Отсюда следует, что психологическое изучение этического развития должно предваряться анализом этической сферы. В этом анализе решающее значение для психологического исследования имеет понятие нормативной регуляции, вводимое в советской этике. Нормативная регуляция представляет собой особый общественный механизм, регуляции поведения людей в ситуации свободного выбора между своими узкоиндивидуальными интересами и интересами более широкого общественного окружения.

Для психологического исследования этического развития ребенка в первую очередь необходимо использовать проводимое О. Г. Дробницким (1974) различение двух основных видов неинституциональной регуляции, внутри которой он выделяет так называемую обычно-традиционную регуляцию и морально-нравственную. Эти два вида различаются содержанием основных функциональных компонентов всякой нормативной регуляции, которыми являются: а) критерии оценки поведения людей в соответствующих ситуациях; б) инстанции, производящие такую оценку; санкции, налагаемые при несоответствии поведения критериям.

В рамках обычно-традиционной регуляции критерием являются наличные нормы, соблюдаемые данной общностью; инстанцией — другие члены общности; санкции налагаются другими людьми и носят внешний характер. Морально-нравственная регуляция отличается тем, что в функции критериев выступают обобщенные этические принципы из сферы должного и ценного; человек сам должен участвовать в этической оценке своих поступков, т. е. как бы стать инстанцией, дающей этическую квалификацию его действий; санкции налагаются им самим и носят внутренний характер.

В силу этого различия функционирование данных компонентов и осуществление тем самым того или иного вида нормативной регуляции предъявляет разные требования к индивиду и его активности.

Это различие позволяет выдвинуть гипотезу о том, что: 1) разные виды нормативной регуляции осуществляются на основе разных психологических «механизмов» и 2) формирование каждого такого механизма требует своих педагогических условий. Задачей психологического исследования тогда становится выявление тех психологических образований, которые обеспечивают каждый вид нормативной регуляции.

Перечисленные особенности нормативной регуляции открывают возможность наметить и общие пути изучения этих вопросов. Это анализ тех фактических противоречий между узкоиндивидуальными и общественными интересами, которые порождают необходимость в нормативной регуляции поведения детей; создание ситуаций, в которых реально возникают такие противоречия. В этих ситуациях должны быть также представлены критерии, инстанции и возможность санкций в формах, соответствующих исследуемому виду нормативной регуляции.

В настоящее время установлены некоторые принципиальные различия, касающиеся: а) психологических образований, обеспечивающих эти два вида нормативной регуляции; б) источников и условий их становления; в) возраста, в котором они появляются у детей.

Сфера действия обычно-традиционной регуляции представлена пока только нормами, регулирующими взаимоотношения детей в диффузных группах при самостоятельной организации ими совместной деятельности.

Как показывает теоретический анализ, при организации совместной деятельности могут возникать противоречия между общими целями деятельности, отвечающими общим интересам группы, и частными желаниями ее отдельных членов. Эти противоречия принимают форму разногласий участников по поводу: а) определения общего дела и б) распределения обязанностей и могут приводить к конфликту между ними.

Как показывают исследования (Щур, 1976; Нежнов, 1976), проведенные с группами из двух, трех и четырех человек, школьников I–III классов, эти конфликты разрешаются как путем непосредственного давления детей друг на друга, так и на основе некоторых обязательных для всех норм. Такими

нормами являются: принцип подчинения меньшинства большинству, используемый при конфликтах по поводу выбора общего дела; обращение к жребию и установление очередности в выполнении спорной обязанности при конфликтах из-за распределения обязанностей.

Использование нормативных способов разрешения подобных конфликтов определяется двумя условиями. Первым является структура конфликта, под которой мы имеем в виду количественное соотношение участников на его разных полюсах. Нормативное разрешение конфликта наблюдается, когда на одном из полюсов имеется явное количественное превосходство. Так, дети используют нормы преимущественно в группах, состоящих из трех и более человек, тогда как в диадах конфликт разрешается путем непосредственного давления партнеров друг на друга. Вторым условием является та степень отказа от своих личных притязаний, которой требует соблюдение данной нормы. Так, устанавливая очередность в выполнении привлекающей нескольких человек обязанности, все получают возможность частично реализовать свое желание выполнить ее.

При наличии этого второго условия конфликт разрешается нормативно, даже если в нем участвуют только двое детей, т. е. независимо от его структуры. Это условие вообще облегчает подчинение детей норме и ее использование. Так, очередность охотно и широко применяется уже в I классе, тогда как жребий и подчинение большинству, требующие от части детей полного отказа от своих первоначальных желаний, представляют известные трудности и для более старших детей.

Особенностью этого вида нормативной регуляции является то, что нормы выступают в качестве средств, а их соблюдение — в качестве способов преодоления и предотвращения конфликтов, т. е. выполняют чисто инструментальную функцию в организации и последующем осуществлении совместной деятельности. Отличительной чертой самих норм является то, что они вообще могут соблюдаться только в контексте группового взаимодействия, вне которого их соблюдение фактически невозможно (нельзя соблюдать очередность наедине с самим собой).

Критерием нормосообразного поведения для подобных групповых норм является принятое данной группой решение действовать на основе соответствующей нормы, т. е. факт ее наличного бытия. В качестве инстанций выступают все члены группы, заинтересованные в ее соблюдении. Они же налагают санкции при нарушении нормы.

Что лежит в основе соблюдения таких норм и в какой мере для этого необходимо внутреннее принятие нормы и готовность следовать ей при отсутствии внешнего давления? Опыты с группами, составленными из детей, ни один из которых не считал норму очередности обязательной для себя (Якобсон, Нежнов, 1977), показали, что, установив очередность в результате конфликта и охотно соблюдая ее в потенциально конфликтных условиях, эти дети при первой возможности отступают от нее. Таким образом, если логика самих норм гарантирует внешний контроль за их соблюдением, полноценное функционирование последних возможно без внутреннего принятия их индивидом.

Какие психологические образования лежат в основе соблюдения таких норм? Целью их установления является выполнение совместной деятельности, а более широко — сотрудничество. Поэтому можно думать, что в число таких образований входит общее положительное отношение детей к сотрудничеству со сверстниками. Другим таким образованием следует считать известную степень произвольности поведения (Якобсон, Щур, 1976). Далее, поскольку этот круг норм регулирует взаимоотношения детей в самостоятельно организуемой и осуществляемой ими совместной деятельности, он, очевидно, предполагает определенный уровень развития самой деятельности. Так как совместная деятельность детей достигает этого уровня в младшем школьном возрасте, широкое использование таких норм в «детском обществе» начинается после семи лет.

Функционирование подобных норм в самостоятельной совместной деятельности и в эмансипированной от прямого влияния взрослых жизни детских групп обусловливает то, что источником их трансляции каждому отдельному ребенку и его приобщения к этому виду нормативной регуляции является «детское общество».

Следующий вид неинституциональной регуляции — морально-нравственная регуляция призвана обеспечить выбор этически правильного поступка в ситуации альтернативы между своими узколичными интересами и интересами других людей в отсутствие внешнего контроля.

Существенными особенностями этих ситуаций являются: а) возможность двух альтернативных поступков; б) разная оценка каждого из них с позиций их этической ценности и личной заинтересованности. Так, поступок выгодный, приятный или удобный и оцениваемый поэтому в узколичном плане положительно (+) в силу его прямо противоположного значения для других людей, в этическом плане оценивается отрицательно (–). Поступок же, лишенный узколичных преимуществ и потому оцениваемый в этом плане отрицательно, в этическом плане оценивается положительно. Таким образом, оба альтернативных поступка получают как бы одновременно две противоположные характеристики — одну с позиций интересов других людей, другую — с позиций узколичной заинтересованности в их совершении.

Этическая ценность таких альтернативных поступков устанавливается путем их соотнесения с двумя полярными и взаимосвязанными этическими эталонами, воплощающими в конкретно-исторической форме самые общие этические категории добра и зла.

Эти эталоны выступают в качестве критериев нормосообразного поведения, и с ними же связано принципиальное отличие этического поступка от любого предметного действия. В отличие от предметного действия, которое строится в соответствии с одним оптимальным образцом, совершение этического поступка соотносится одновременно с двумя полярными, противоположными по своему этическому знаку эталонами.

При морально-нравственной регуляции человек сам выступает в качестве инстанции, дающей этическую квалификацию его действий. Поэтому ребенок, очевидно, должен учиться сам соотносить поступок, удовлетворяющий его интересы в ущерб другим с отрицательным эталоном. Гофман, Зальйштейн (1966) считают такую оценку в форме признания, что он

поступил плохо, важным моментом в этическом воспитании ребенка.

Однако наши опыты с детьми 6–7 лет, отличающимися этически-отрицательным поведением (жадность и несправедливость при распределении игрушек), показали, что оценка своих действий в форме признания того, что они поступили «плохо», не приводит к перестройке их поведения. Перестройка этически-отрицательного поведения детей (Якобсон, Щур, 1977) потребовала введения промежуточной плоскости, соотносимой и с этическими эталонами, и с альтернативными действиями. Эта плоскость содержит образ самого ребенка. Оценка этого образа совпадает по знаку с этическим эталоном, но противоположна его личной заинтересованности в поступке.

I. Этическая ценность двух полярных эталонов + –

II. Образ самого ребенка с точки зрения его соответствия этическим эталонам + –

III. Заинтересованность в альтернативных действиях – +

Включение этой новой плоскости приводит к тому, что соответствующую отрицательную оценку получает не просто данное действие, но и совершающий его ребенок, личность которого в этом случае как бы соответствует отрицательному эталону.

Одновременно с отрицательной квалификацией своих действий, даваемой самим ребенком, другие люди должны фиксировать его соответствие как личности положительному эталону.

Преодоление возникающего при этом противоречия между положительным образом себя как личности и собственной отрицательной оценкой своих действий и выступило в этих опытах как психологический «механизм» морально-нравственной регуляции поведения.

Индивидуально-психологическими образованиями, лежащими в основе морально-нравственной регуляции, являются: образ себя как тождественного положительному этическому эталону; соотнесение некоторых своих поступков с отрицательным эталоном, способность осознать противоречие между образом себя в целом и своим конкретным поступком.

Источником становления морально-нравственной регуляции являются, начиная с 4–5 лет, особые отношения со взрос-

лым, который формирует у ребенка его образ как соответствующего положительному эталону и строит соотнесение некоторых действий с отрицательным эталоном.

И. С. Кон

ПОСТОЯНСТВО И ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЛИЧНОСТИ[1]

Динамика постоянства и изменчивости личности и ее свойств — одна из старейших философско-психологических проблем. Ее рассмотрение в плоскости современной психологической науки предполагает расчленение и уточнение следующих вопросов:

1. Постоянство, стабильность и устойчивость чего имеется в виду — идет речь о структурах поведения или каких-то психических процессах, способностях, диспозициях, установках, смысловых образованиях?

2. Что является индикатором постоянства (изменчивости) соответствующих качеств? Имеем ли мы в виду: а) дименсиональную стабильность (от англ. dimension — измерение), т. е. совпадение тестовых показателей индивида; б) фенотипическую последовательность, т. е. постоянство и преемственность поведения, или в) генотипическое постоянство, подразумевающее наличие каких-то неизменных, глубинных качеств, которые могут по-разному проявляться (не проявляться) на различных стадиях жизненного пути («отсроченный эффект»), но устойчиво детерминируют психические реакции и поведение индивида в течение всей его жизни?

3. Каковы количественная мера, степень подразумеваемого постоянства (изменчивости)? Это могут быть: а) полное тождество, неизменность явления или относительное, условное постоянство его качества, не исключающее определенных количественных изменений; б) частичное сходство или ло-

---

[1] Психологический журнал. 1987. № 4. С. 126–136.

гическая преемственность сравниваемых показателей, позволяющая считать их фазами развития одного и того же процесса.

4. Каковы его временные рамки — сохраняется оно месяцы, годы, на протяжении определенных стадий жизненного пути или в течение всей жизни?

5. Как протекает процесс развития, является он непрерывным, постепенным, эволюционным или прерывистым, скачкообразным, кризисным? Диалектику прерывности — непрерывности часто смешивают с диалектикой постоянства — изменчивости, но это совершенно разные проблемы.

В отечественной психологии эти вопросы рассматривались главным образом на философско-методологическом уровне или в связи с проблемой моральной устойчивости личности. В данной статье они будут рассмотрены на материале зарубежных лонгитюдных исследований.

Проблема постоянства, самосохранения личности в процессе развития — часть более общего вопроса о внутреннем единстве и последовательности личности. Наличие такого постоянства — один из главных постулатов психологии личности. Но в конце 1960-х годов известный американский психолог У. Мишел (Mishel W., 1968), критически оценив наличный экспериментальный материал, сделал вывод о необоснованности данного тезиса.

Во-первых, так называемые «черты личности», устойчивость которых измеряли психологи, — не особые онтологические сущности, а условные конструкты, за которыми нередко скрываются весьма расплывчатые поведенческие или мотивационные синдромы. Различение устойчивых «черт» и изменчивых, текущих психических «состояний» (например, застенчивость — устойчивая черта личности, а смущение или спокойствие — временные состояния) весьма проблематично.

Вопрос о способах разграничения черт и состояний и сегодня вызывает споры. Обычно указывают, что измерения состояний а) менее надежны при повторных испытаниях, б) теснее связаны с другими измерениями того же конструкта в данный момент времени и в) больше зависят от ситуативных факторов. Однако это не всегда можно проверить.

Во-вторых, если принять во внимание условность психологических измерений, влияние ситуативных факторов, фактор времени и другие моменты, то постоянство большинства «личностных черт», за исключением разве что интеллекта, выглядит весьма сомнительным. Возьмем ли мы отношение к авторитетным старшим и к сверстникам, моральное поведение, когнитивный стиль, зависимость, агрессивность, ригидность мышления, внушаемость, терпимость к противоречиям или самоконтроль — всюду изменчивость превалирует над постоянством. Статистические корреляции между поведением одного и того же индивида в двух различных ситуациях большей частью низки — около 0,30; они позволяют объяснить меньше 10% существенных вариаций, да и то не всегда (Mischel W., 1969). Их прогностическая ценность значительно меньше, чем ролевого или ситуационного анализа.

Нет оснований считать, что настоящее и будущее поведение личности полностью детерминировано ее прошлым. Традиционная психодинамическая концепция видит в личности беспомощную жертву своего детского опыта, закрепленного в виде жестких, неизменных свойств. Признавая на словах сложность и уникальность человеческой жизни, эта концепция фактически не оставляет места для самостоятельных творческих решений, которые индивид принимает с учетом особенных обстоятельств своей жизни в каждый данный момент. <...>

Своеобразным итогом развития лонгитюдных исследований явилось возникновение особого предметно-методологического направления — психологии развития человека на всем протяжении жизненного пути (life-span developmental psychology). Ей специально посвящены две многотомные серии публикаций — «Психология развития на всем протяжении жизни» («Life-Span Developmental Psychology», 1970, 1973, 1975) и «Развитие и поведение на протяжении всей жизни» (выходит ежегодно с 1978 г.: «Life-Span Developmental and Behavior», 1978–1980). Хотя труды, объединенные под этим названием, весьма разнообразны, их роднят три принципиальных момента: 1) интерес к диалектике постоянства и изменения в процессе развития человека; 2) акцент на взаимосвязи этапов жизненного пути, которые не могут быть поняты отдельно

друг от друга; 3) понимание того, что развитие человека существенно зависит от социально-исторических условий, в которых оно протекает.

Наиболее общие выводы этих исследований можно свести к четырем тезисам: 1) существует достаточно высокая степень постоянства личности на протяжении всей ее жизни; 2) мера этого постоянства разных личностных свойств неодинакова; 3) разным типам личности соответствуют разные типы развития; 4) тип развития личности зависит как от ее индивидуально-типологических черт, так и от многообразных исторических условий, в которых протекает ее жизнедеятельность. <...>

Дихотомия постоянства—изменчивости относительна на всех этапах жизненного пути. В частности, 7-летнее лонгитюдно-последовательное изучение динамики постоянства—изменчивости 19 разных личностных черт (нескольких факторов теста Р. Кэттела, а также честности, интереса к науке, психологической гибкости, гуманитарных интересов, общественной активности и т. д.) у взрослых испытуемых от 20 до 80 лет, разбитых на восемь возрастных групп, показало, что «постоянство личностных черт — скорее правило, чем исключение, но это постоянство нельзя приписать отсутствию изменений по окончании юношеского возраста, как могли бы подумать многие теоретики личности» (Schaie K. W., Parham J. A., 1976. P. 156).

Конкретная степень изменчивости каждого из этих факторов тесно связана с их природой и предполагаемой детерминацией. При этом биологически стабильные черты, обусловленные генетически или возникшие на ранних стадиях онтогенеза, устойчиво сохраняются на протяжении всей жизни и теснее связаны с полом, чем с возрастом. Культурно обусловленные черты, напротив, более изменчивы, причем сдвиги, которые в сравнительно-возрастных исследованиях кажутся зависящими от возраста, на самом деле, как показывает лонгитюд, отражают скорее когортные или исторические различия. Наконец, биокультурные черты, подчиненные двойной детерминации, варьируют в зависимости как от биологических, так и от социально-культурных условий.

По данным многих исследований, наибольшей димензиональной стабильностью обладают когнитивные черты, в частности так называемые первичные умственные способности, и свойства, связанные с типом высшей нервной деятельности, включая темперамент, экстраверсию-интроверсию, эмоциональную реактивность и невротизм.

С мотивационными и поведенческими синдромами дело обстоит уже сложнее. На эмпирическом, описательном уровне многолетнее постоянство многих поведенческих и мотивационных синдромов также не вызывает сомнений. Например, описание тремя разными воспитательницами поведения одних и тех же детей в 3, 4 года и 7 лет показало его весьма высокую возрастную стабильность. В другом исследовании от 3 до 10 «судей»-одноклассников оценивали степень агрессивности (склонность затевать драки и т. д.) каждого из 200 мальчиков-шестиклассников; когда через 3 года опыт повторился, оценки оказались весьма близкими. Высокое поведенческое постоянство, а также совпадение оценок сверстников, учителей и самооценок по этому признаку продемонстрировало и изучение 85 тринадцатилетних подростков. <...>

Особенно информативен калифорнийский лонгитюд. Из 114 «личностных переменных», обработанных Блоком, статистически высокую степень постоянства от младших классов средней школы к старшим сохранили58 % измерений, а от юности до 30 лет — 29%. Из 90 переменных, по которым сравнивались 13–14-летние подростки и 45-летние взрослые, статистически значимые корреляции у мужчин обнаружены по 54% измерений, а у женщин — по 62%. Наиболее устойчивыми у мужчин оказались такие черты, как «пораженчество, готовность примириться с неудачей» (коэффициент корреляции 0,46), высокий уровень притязаний (0,45), «интеллектуализм» (0,58), изменчивость настроений (0,40), а у женщин — «эстетическая реактивность» (0,41), жизнерадостность (0,36), настойчивость, желание дойти до предела возможного (0,43) и т. п.

Разной мерой изменчивости обладают, однако, не только «черты», но и сами индивиды. Нужно спрашивать, не «остаются ли люди неизменными», а «какие люди изменяются, а какие — нет и почему». Сравнивая 31–38-летних людей с тем,

какими они были в 13–14 лет, Блок статистически выделил пять мужских и шесть женских типов развития личности, различия между которыми сохранились и позже, когда испытуемым исполнилось 42–49 лет.

Некоторые из этих типов отличаются большим фенотипическим постоянством. Например, мальчики, обладающие упругим самовосстанавливающимся «я» (Ego resilients), в 13–14 лет отличались от сверстников надежностью, продуктивностью, честолюбием, хорошими способностями, широтой интересов, самообладанием, прямотой, дружелюбием, интроспективностью, философскими интересами и сравнительной удовлетворенностью собой. Эти свойства они сохранили и в 45 лет, утратив часть былого эмоционального тепла и отзывчивости. Такие люди высоко ценят независимость и объективность и имеют высокие показатели по таким шкалам Калифорнийского психологического вопросника, как доминантность, принятие себя, чувство благополучия, интеллектуальная эффективность и психологическое умонастроение.

Столь же устойчивы черты «беспокойных со слабым самоконтролем» (unsettled under-controllers) мужчин, характеризующихся импульсивностью и непостоянством. В подростковом возрасте эти мальчики отличались бунтарством, болтливостью, любовью к рискованным поступкам и отступлением от привычного образа мышления, раздражительностью, негативизмом, агрессивностью, слабой дисциплиной и самоконтролем. Пониженный самоконтроль, мятежность, склонность драматизировать свои жизненные ситуации, непредсказуемость и экспрессивность характеризуют их и взрослыми. Высокие показатели по шкалам доминантности, социальной контактности и принятию себя сочетаются у них с низкими оценками по шкалам социализации, самоконтроля, способности бороться за достижение цели (в противоположность приспособлению) и фемининности. За последние 10 лет перед опросом они чаще, чем остальные мужчины, меняли место работы.

Третий мужской тип — «ранимые, с избыточным самоконтролем» (vulnerable over-controllers) в подростковом возрасте отличались повышенной эмоциональной чувствительностью, «тонкокожестью», интроспективностью и склонностью к реф-

лексии; эти мальчики плохо чувствовали себя в неопределенных ситуациях, не умели быстро менять роли, легко отчаивались в успехе, были зависимыми и недоверчивыми. После 40 лет они остались такими же ранимыми, склонными уходить от потенциальных фрустраций, испытывать жалость к себе, напряженными и зависимыми. Высокие показатели по шкалам гипертрофированного самоконтроля и производимого хорошего впечатления сочетаются у них с низкими баллами по социальной контактности, по принятию себя и чувству благополучия. Среди них самый высокий процент холостяков.

Среди женщин высоким постоянством свойств обладают представительницы «воплощенной фемининности» (female prototype) — уравновешенные, общительные, теплые, привлекательные, зависимые и доброжелательные; «ранимые с пониженным самоконтролем» (vulnerable under-controllers) — импульсивные, зависимые, раздражительные, изменчивые, болтливые, мятежные, склонные драматизировать свою жизнь и исполненные жалости к себе, тревожные; «гиперфемининные заторможенные» (hyperfeminine repressives) — эмоционально мягкие, постоянно озабоченные собой, своей внешностью и т. д.

Некоторые другие типы, напротив, сильно меняются от юности к зрелости. Например, мужчины с поздней адаптацией (belated adjusters), у которых бурная, напряженная юность сменяется спокойной, размеренной жизнью в зрелые годы; женщины-«интеллектуалки» (cognitive copers), которые в юности поглощены умственными поисками и кажутся эмоционально суше, холоднее своих ровесниц, но позже преодолевают коммуникативные трудности, становятся мягче, теплее и т. д. <...>

Типы, о которых пишет Блок, выведены чисто эмпирически, путем факторного анализа, но тем не менее они в значительной степени совпали с типами развития, которые теоретически постулировала Д. Левинджер (Loevinger J., 1977). Однако однозначное объяснение их едва ли возможно. В них могут проявляться как психофизиологическая индивидуальность, так и социально-психологические факторы (например, насколько стиль поведения, нормативно одобряемый и, следовательно, социально-адаптивный в детстве, приемлем для взрослого человека).

Это касается, в частности, половых различий. Хотя лонгитюдных данных о развитии женщин значительно меньше, чем о мужчинах, складывается впечатление, что женщины отличаются бульшим постоянством черт. Но объясняется ли это имманентно большей консервативностью женского начала (как следует из теории полового диморфизма В. А. Геодакяна), или тем, что у них нет такого резкого разрыва в нормативных предписаниях на разных этапах социализации, как у мужчин (от мальчика ждут послушания, а от мужчины — самостоятельности и решительности), или тем и другим вместе, — вопрос открытый. <...>

Эмпирические данные лонгитюдных исследований личности, как и всякие иные, неоднозначны. Однако они подсказывают или подкрепляют некоторые важные общетеоретические положения, разрабатываемые в настоящее время также и в отечественной психологии.

1. Развитие личности, ее деятельности и высших психических функций нельзя моделировать по образцу онтогенеза как инвариантного развертывания изначально заданных качеств.
2. Психология развития личности неотделима от изучения ее жизненного пути в определенных конкретно-исторических условиях.
3. Свойства индивида как личности зависят от его биогенетических качеств и социальных условий развития, но он всегда является более или менее активным субъектом или, по крайней мере, соучастником своего собственного формирования.
4. Изучение развития личности на протяжении ее жизненного пути может быть только междисциплинарным, причем особенно необходимо сотрудничество психологов с социологами, которые дальше их продвинулись в разработке соответствующего концептуального аппарата.
5. На сегодняшний день разные модели развития личности теоретически еще не интегрированы и должны рассматриваться как взаимодополнительные, но их нельзя игнорировать.

Л. И. Анцыферова

ПСИХОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ[1]

Развитие личности — это прежде всего ее социальное развитие. Социальное развитие ведет за собой психическое развитие. Но это последнее оказывает сильнейшее влияние на социальное развитие психики, подготавливает и предвосхищает будущее общественное развитие личности, определяет его полноценность.

Единство социального и психического развития личности при ведущем значении социального развития отчетливо выявляется при попытках психологов выделить критерии психологической зрелости личности: психологические характеристики оказываются наполненными социальным и общественно-историческим содержанием. <...>

При исследовании развития личности для психологии исходным является положение о том, что личность развивается через включение в системы общественных отношений. Так называемые средовые факторы, детерминирующие социально-психологическое развитие личности, начинают все более системно осмысливаться. Дифференцируются различные социальные общности, которые неоднозначным путем опосредствуют влияние на личность господствующих в обществе форм общественного сознания и поведения.

Нельзя не отметить, что в психологических исследованиях формирования и развития личности в разных социальных системах наметилась нежелательная тенденция: в работах не раскрывается, как темп и качество развития личности в одной области социальной действительности (например, в труде) связаны с характеристиками развития человека в других сферах ее общественного бытия (в семье, в общении с друзьями и т. п.). Движение исследований при этом совершается по направлению к системам со все менее жесткими ролевыми предписаниями, в которых отчетливее выступают эмоционально-

---

[1] Статья в сборнике: Человек в системе наук. М., 1989. С. 426–433.

интуитивные уровни внутреннего мира личности и перегламентированные формы ее поведения. Таковы любительские объединения, системы сходства и т. п. Все более дифференцированее начинает изучаться влияние природного, физического окружения. Раскрывается, какие свойства личности формируются в разных географических условиях, каково воздействие на личности различного типа социофизического окружения: застроек, сооружений, зданий. Развивается экологическая психология, психология среды, психология архитектуры.

Весь этот размах изучения факторов и условий, детерминирующих развитие личности, несоизмерим, однако, с исследованием того, как сама личность активно преломляет через свой внутренний мир эту системную детерминацию. В психологии вообще нет понятия внутреннего мира. Не разработано это понятие и в философии. Основные категории психологии, относящиеся к личности, охватывают направленность, характер (включающий волю), способности. Иногда сюда относят и темперамент. В то же время в психологии делались попытки концептуально охватить некоторые аспекты внутреннего, субъективного мира личности через учение о психологических отношениях личности к миру, через понятия «смысл», «образ я», «когнитивные карты», через понятие внутренней картины болезни (в клинических исследованиях) и т. п. Непопулярность термина «внутренний мир» в психологии в значительной мере объясняется ориентацией этой дисциплины на методологию естественных наук, приводящей к игнорированию точки зрения самого субъекта, самой личности на окружающие события, на свое поведение. Не реализованы еще требования системного подхода, который позволяет в единой системе понятий охватить характеристики индивида и личности.

С позиций отражательной природы психики внутренний мир — это индивидуально интерпретированный, насыщенный модальностями личностных эмоций, осмысленный в диалогах с реальными и идеальными собеседниками внешний мир, в котором отдифференцированы функциональные области с разными уровнями значимости. Этот мир содержит как намеченные планы, так и нереализованные замыслы, он движется между полюсами отвергаемого и притягательного, соответ-

ственно сближающими или отодвигающими друг от друга в психологическом пространстве те или иные события, те или иные социальные группы, сферы социальной деятельности личности и т. д. Диалектика реального взаимодействия личности и окружающего мира в порождении мира внутреннего заключается в следующем: чем выше уровень пристрастности, эмоциональности, креативности взаимодействия личности с окружающим предметным и социальным миром, чем полнее личность вкладывает себя в окружающий мир, тем богаче и многоцветнее ее внутренний мир и тем более сокращается психологическое, переживаемое личностью расстояние между нею и окружающим миром. В зрелом обществе в значительной степени преодолены социальные условия отчуждения человека от продуктов своего труда, от своей деятельности, от жизни общества. Но существуют психологические предпосылки переживания человеком чуждости окружающего мира, обедняющего внутренний мир личности.

К таким психологическим предпосылкам, порождаемым недостатками воспитательного и формирующего процесса, относятся неумение человека включаться в новые для него социальные группы, строить межличностные отношения, неразвитость процессов рефлексии, несформированность способности к адекватной оценке социальных ситуаций, генерализация защитных форм поведения, искажения в системе ценностно-смысловых отношений к миру и т. п.

Внутренний мир личности — это также сложная система способов субъективной переработки личностью тех ситуаций, в которые она попадает или которые намеренно ищет, тех событий, участницей которых она становится, тех влияний, объектом которых оказывается. Все эти социальные воздействия многозначны и многомерны, и качество активного включения личности в ту или иную социальную ситуацию зависит от того, как субъект ее опознает, проблематизирует, интерпретирует. За каждым из этих понятий стоят системы психологических умений, нераспознанность которых может привести к ошибочным суждениям личности. Так, человек, имеющий достаточно определенные моральные, политические, философские убеждения, совершает поступки этического, полити-

ческого, идеологического характера, расходящиеся с этими убеждениями. Подобное поведение, однако, не может служить доказательством лицемерия, неискренности или слабоволия человека. Одной из важных причин рассогласования слова и дела, сознания и поведения может быть неадекватное опознание конкретных социальных ситуаций. Парадоксально, что в области психофизики, в теории обнаружения сигналов выделено больше способов приема и переработки информации, чем в психологии личности — способов и этапов субъективной, психологической переработки субъектом социальных ситуаций. Между тем влияние на поведение человека экологических, социальных, политических и других общественных отношений, предписаний и норм всегда личностно-психологически опосредствованно, обусловлено внутренней позицией человека как субъекта реализации этих отношений.

Личность — многоплановое, многоуровневое, многокачественное образование. Часть ее психической жизни протекает на неосознанном уровне, на уровне свободного течения ассоциаций, стихийно сложившихся побуждений, непроизвольных «движений души» и т. п. Но по мере того как личность, развиваясь, овладевает все более совершенными способами преобразования окружающего мира, она все более выступает как субъект не только своего поведения, но и своего внутреннего мира, своей психической жизни. Основная характеристика субъекта — переживание человеком себя как суверенного источника активности, способного в определенных границах намеренно осуществлять изменения окружающего мира и самого себя.

Общество на каждой ступени своего развития задает развивающейся личности некоторые общие принципы восприятия и интерпретации мира, определяет значение тех или иных аспектов жизни, формирует направленность на определенные ценности. Оно также дает знать, какие эмоции, в каких ситуациях и на каких уровнях напряжения ценятся или не одобряются, предъявляет систему общественных норм и образцов.

В действительности, как показывают психологические исследования, общественные нормы имеют зонную природу, их границы в той или иной степени размыты, а развивающаяся

личность уже на ранних этапах своего жизненного пути — активный субъект формирования собственных индивидуально-личностных эквивалентов этих норм. Человек реализует деятельность по обследованию границ и содержанию норм. Он чутко улавливает индикации общества относительно возможностей изменения и преобразования различных параметров норм. Девиантное поведение и нормотворчество — два полюса выхода субъекта за границы социальных предписаний. <...>

Субъективные особенности каждого человека, неповторимость индивидуальных условий его воспитания и бытия порождают различные предпосылки для формирования того и иного «локуса контроля», а в более широком плане — для становления личности активным субъектом своего поведения, деятельности. Обобщение работ, ведущихся в разных направлениях, дает основание для выделения по крайней мере трех уровней развития личности.

На первом уровне субъект недостаточно адекватно осознает свои истинные побуждения, он не учитывает качество и степень своего воздействия на ситуацию и тем самым препятствует успешности собственных действий, неудовлетворительные результаты которых переживаются им, однако, неадекватно, как злая воля окружающих. Так, трудные подростки, еще не вступив в содержательное общение со сверстниками или родителями, не отдавая себе в том отчета, уже создают напряженную психологическую атмосферу, которая тем не менее расценивается ими как вызов со стороны других. На этом уровне качества субъекта проявляются через акты целеполагания и через действия по преодолению трудностей на пути достижения целей.

На втором уровне личность выступает как субъект, сознательно соотносящий цели и мотивы действий, намеренно формирующий ситуации своего поведения, стремящийся предусмотреть прямые и косвенные результаты собственных действий, способный к переделке стихийно сложившихся психических свойств, к произвольному повышению или понижению значимости своих целей, а также к адекватному соотнесению собственных возможностей с социальными задачами и требованиями деятельности. С. Л. Рубинштейн, дифферен-

цируя понятия «личность» и «субъект», отмечал: «Субъект в специфическом смысле слова (как «Я») — это субъект сознательной, произвольной деятельности... Ядро его составляют осознанные побуждения — мотивы сознательных действий».

На третьем, высшем уровне личность становится субъектом своего жизненного пути, который она сознательно измеряет масштабами исторического времени своей эпохи. На первый план здесь выступают качества индивидуальности — не просто уникальности, которая характеризует каждого человека, но общественно-исторической (в предельном случае общечеловеческой) значимости неповторимости субъекта. На этом уровне личность обладает наибольшими степенями свободы — свободы выявлять, переживать и собственными действиями разрешать назревшие противоречия развития общества. Как показывают немногочисленные пока исследования личности реформатора, революционера, противоречия и трудности, остро и мучительно переживаемые, были адекватно опознаны как частный случай острых противоречий современного им общества. Нахождение общественно значимого способа разрешения этих противоречий оказывается в то же время радикальным путем преобразования собственной жизненной ситуации.

Н. Н. Авдеева, М. Г. Елагина, С. Ю. Мещерякова

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ НА РАННИХ ЭТАПАХ ДЕТСТВА[1]

Обычно становление личности относят к более поздним периодам жизни человека — юности, взрослости, иногда к дошкольному возрасту. Однако личность не просто обнаруживается на определенном этапе развития человека, а строится постепенно, поэтому необходимо искать ее истоки на самых ранних этапах онтогенеза.

[1] Статья в сборнике: Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь / Ред. Б. Ф. Ломов, К. А. Абульханова-Славская. М., 1990.

Уже вскоре после рождения ребенка происходят события, имеющие важное значение для формирования его будущей личности: становление общения в ходе контактов с близкими взрослыми. Общение имеет прямое отношение к развитию личности детей потому, что даже в своей исходной непосредственно-эмоциональной форме оно приводит к установлению связей ребенка с окружающими людьми и оказывается первым компонентом того ансамбля, или «целокупности», общественных отношений, который и составляет сущность личности.

Исходным для наших экспериментальных исследований явился подход к личности как системе отношений к другим людям, к предметному миру и к себе. Указанные три вида отношений, хотя и не исчерпывают всю совокупность отношений, которая составляет сущность личности, но, несомненно, важнейшие. Эти отношения не существуют в чистом виде, изолированно, их разделение представляет определенную абстракцию от той реальной целостности, в которой они находятся, составляя именно ансамбль...

Другое исходное представление состоит в том, что образование личностных структур и специфических черт личности происходит в пунктах взаимного пересечения трех видов отношений, т. е. завязывания их в «узелки» (А. Н. Леонтьев). Они обязательно проявляются в каждом из видов отношений, не будучи специфическими для какого-то одного вида, и выступают как общие образования более высокого уровня, чем возникающие в каждом отдельном виде отношений их «проекции». <...>

С конца первого месяца жизни начинает развертываться процесс становления общения ребенка в ситуативно-личностной форме. У младенца появляется отношение к взрослому как к субъекту, причем субъекту коммуникативной деятельности. Взрослый человек выступает теперь для ребенка потенциальным партнером по общению, и этот факт стимулирует развитие у младенца активности: а) направленной на воспитание коммуникативных воздействий взрослого, б) выражающей аффективное отношение к нему, в) содержащей инициативную демонстрацию ребенком своих умений и способностей

и г) проявляющей его готовность перестроить свое поведение в направлении, диктуемом оценкой взрослого.

Отношение к взрослому ограничивается восприятием его как субъекта общения, суть которого — обмен положительными эмоциями между ними. Поэтому дети чутко различают оттенки внимания, доброжелательности взрослого, но пока не отличают одного человека от другого. Более того, младенцы до трех месяцев реагируют только на положительные компоненты взаимодействия, прежде всего внимание, и не отвечают на интонационно-мимические выражения неодобрения. Зато безразличие взрослого малыши уже в этом возрасте воспринимают негативно.

С трех месяцев и примерно до конца первого полугодия ребенок начинает различать знакомых и незнакомых людей, что обнаруживается в градации положительно окрашенных действий младенца, не выражающих пока недоверия и страха к посторонним. В общении с близкими взрослыми складываются первые аффективно-личностные связи.

Во втором полугодии в связи с развитием предметных манипуляций и со становлением ситуативно-деловой формы общения отношение к взрослому приобретает новые оттенки. Ребенок воспринимает его уже не только как субъект общения, но и как субъект предметно-манипулятивной деятельности. При этом взрослый выступает в роли организатора действий детей и помощника. Опыт совместной деятельности приводит к появлению стойкого расположения к людям, охотно играющим с ребенком, избирательного отношения к некоторым родным и знакомым при параллельном развитии отрицательно окрашенного отношения к незнакомым.

Под влиянием общения почти одновременно с появлением у ребенка отношения ко взрослому (но генетически-вторично) возникает отношение к окружающему предметному миру. Ребенок с интересом рассматривает игрушки, радуется им, предпочитая наиболее яркие и имеющие изображение человеческого лица. Этот вид отношений реализуется в познавательной активности младенца. Общение со взрослыми резко усиливает познавательную активность детей, ведет к интенсификации и обогащению их реакций на воздействие игрушек.

А «комплекс оживления», первоначально складывающийся в сфере общения со взрослыми, также проецируется в сферу отношения к предметам и становится привычной формой выражения радости от любых приятных впечатлений. К концу первого полугодия у ребенка появляется умение схватывать предметы, и с этого момента начинается развитие предметных манипуляций. Во втором полугодии отношение к предметному миру выражается в возрастании интереса и избирательности в действиях ребенка с предметами, в действиях, пока строящихся лишь в «логике руки».

Вопрос о наличии отношения к себе у ребенка младенческого возраста до последнего времени не выносился на обсуждение. Первая попытка его изучения была предпринята одним из авторов настоящей статьи...

Результаты опытов показали, что в первом полугодии жизнь на основе эмоционального, ситуативно-личностного общения взрослого и ребенка у младенца постепенно складывается образ не только взрослого, но и себя как субъекта коммуникативной деятельности. Этот образ имеет форму эмоционально-положительного самоощущения, переживания младенцем своей субъектности, личностности, он является отражением отношения к нему окружающих взрослых, которые в своем взаимодействии с ребенком авансом выражают «человеческое отношение», наделяя его ценностностью, уникальной значимостью.

Во втором полугодии жизни эмоционально положительное самоощущение на основе расширяющегося индивидуального опыта в предметном манипулировании обогащается представлением ребенка о себе как деятеле, субъекте предметно-практических действий. Младенец начинает различать успешность и неуспешность своих практических манипуляций, переживать свои достижения и уже на этой основе относиться к одобрению или неодобрению взрослого. Когнитивный и аффективный компоненты образа себя на первом году жизни еще четко не дифференцированы и выступают в форме эмоционально-положительного переживания ребенком своей субъектности и коммуникативной и предметно-практической деятельности.

Таким образом, исследование показало, что на первом году жизни складывается и третья линия — отношение ребенка к себе, так же как и вторая (отношение к предметному миру), зарождающаяся в общении со взрослым. Поэтому при дальнейшем экспериментальном исследовании логично было предположить, что характер общения ребенка со взрослым неизбежно найдет отражение в качественных особенностях отношения ребенка к себе. Методическим приемом объективации этих особенностей явилось изучение восприятия ребенком своего зеркального отражения. Отношение же детей к своему зеркальному образу репрезентирует их отношение к себе.

В опытах сравнивалось отношение к себе у детей первых двух лет жизни, воспитывающихся в разных условиях (в семье и в доме ребенка) и имеющих разный опыт общения...

Результаты экспериментов подтвердили гипотезу о влиянии различного опыта общения со взрослыми на отношение к своему зеркальному отражению у детей первых двух лет жизни. Были выявлены яркие различия в восприятии своего зеркального образа между семейными детьми и воспитанниками дома ребенка. У семейных детей отмечался стойкий интерес к своему зеркальному отражению (на протяжнии двух лет жизни), выражавшийся в гораздо более длительном рассматривании лица, рук, глаз и сопровождавшийся яркими положительными экспрессиями уже начиная с третьего месяца жизни.

У воспитанников дома ребенка, наоборот, часто отмечалось полное отсутствие интереса к собственному отражению в зеркале, были отчетливо выражены отрицательные эмоциональные проявления: тревога, боязнь, стремление избежать неприятных впечатлений, отвернуться, не смотреть в зеркало. Кроме того, по полученным данным, сроки узнавания себя ребенком в зеркале оказались более ранними сравнительно с данными других авторов. Так, у семейных детей самоузнавание отмечалось уже в конце первого года жизни, а у воспитанников дома ребенка — в первом полугодии второго года. В частности, показатели действий, направленных на себя (когда ребенок играет со своим зеркальным отражением, гримасничает, совершает ритмические действия или движения перед зерка-

лом), были выше у семейных детей сравнительно с воспитанниками дома ребенка...

На первом году жизни ребенка реально обнаруживаются три линии отношений, конституирующих личность. Но пересекаются ли они между собой, образуя те «узелки», которые ложатся первыми новообразованиями в основу развивающейся личности? <...>

Активность как личностное образование подразумевает особую позицию субъекта в отношении к окружающему миру и к себе, противоположную пассивности, инертности, характеризующуюся преобладанием инициативности над реактивностью, эта особая позиция проявляется в младенческом возрасте в открытости, доверчивости и доброжелательности по отношению к предметному окружению; в особенной жизнерадостности, требовательности, настойчивости, свидетельствующих о положительном самоощущении, о переживании своих прав на окружающих, о восприятии себя как причины происходящего по линии отношения к себе. Эти специфические для каждой сферы отношения являются «проекциями» одного интегрального личностного образования — активности. <...>

Становление активности младенцев происходит по всем трем линиям отношений. При этом активность в сфере отношения ко взрослым людям обнаруживается раньше и выявляется на более высоком уровне, чем по отношению к предметам. Линия отношения к предметам в этом возрасте не имеет самостоятельного значения для формирования активности и полностью подчинена сфере общения со взрослым. Отношение ребенка к себе является проекцией отношения к нему взрослых: чем больше нежности и заботы адресуется младенцу, тем выше уровень его эмоционального самоощущения. Поскольку активность ребенка на этом этапе имеет парциальный характер, ибо три линии отношений не представлены в ней как взаимосвязанные, мы охарактеризовали ее как предличностное образование.

К 7–9-месячному возрасту активность ребенка явно обнаруживается во всех трех видах отношений, и каждая из них вносит вклад в особенности ее проявления. Так, оказалось, что гипертрофированные эмоциональные контакты с матерью

приводят к недостаточной самостоятельности ребенка в освоении предметного мира. Недостаток же общения оборачивается общей пассивностью младенца. На этом этапе и линия отношений к предметному миру уже оказывает влияние на проявление активности в других сферах отношений. Накопление индивидуального опыта в предметной сфере формирует отношение к себе как субъекту предметной деятельности (ведущей в этом возрасте), которое начинает преломлять отношение ребенка со взрослым. Обогащение опыта ребенка в предметной сфере на фоне дефицита общения может сказаться в преобладании не субъектного, а объектного отношения к людям и к себе.

В целом исследование позволило сделать выводы о развитии взаимосвязи трех линий отношений на первом году жизни детей. В самом начале зарождения личности ведущей выступает сфера отношений со взрослыми, она и исходный пункт развития двух линий отношений — к себе и к предметному миру. На этапе сложившегося личностного образования ведущей становится линия отношений к себе. Через отношение ребенка к себе преломляется и проникает из одной сферы в другую весь опыт, приобретаемый младенцем по линии отношения к людям и предметному миру.

Это главенствующее положение отношения к себе проявляется, в частности, в возникновении во втором полугодии жизни избирательного отношения ребенка к людям и к предметам, а также в особенностях протекания «кризиса первого года». Ребенок, обладающий активностью как сложившимся личностным образованием, начинает отстаивать свое право на свободу выбора действий и их оценку.

Кризис первого года жизни завершает период младенчества, после чего ребенок вступает в новый возрастной этап — раннее детство. Как же развивается его личность на этом этапе?

С момента оформления первого личностного образования в конце первого года жизни три линии отношений в дальнейшем развиваются в тесном взаимодействии. Так, по линии отношения к предметной действительности манипуляции «в логике руки» сменяются действиями, совершаемыми «в логике

предмета», — ребенок овладевает культурно-фиксированными действиями с предметами. В тесной связи с этим находится развитие отношения ребенка ко взрослому. Он начинает выступать для малыша не только как источник тепла и заботы, но и как образец для построения своих действий с предметами. Именно взрослый открывает ребенку культурную функцию предмета, общественный способ его употребления.

Линия отношения к себе также интенсивно развивается в раннем возрасте, сохраняя ведущее положение в процессе становления личности. Сдвиги, происходящие в указанной сфере, ярко обнаруживают себя в фактах осознания своего «я», в употреблении личных местоимений и притяжательных прилагательных. Под влиянием общения со сверстниками повышается интерес детей к своим физическим особенностям и возможностям, обнаруживающий стремление их к самопознанию.

...У детей 2–3 лет дифференциация отношений еще только намечается; в целом же новое отношение взрослых к их достижениям еще ограничено в значительной степени непосредственными отношениями со взрослыми. Эти последние, будучи окрашены эмоционально положительно, сообщают ту же модальность переживаниям и конкретной оценке экспериментатора вне зависимости от ее знака.

Сравнение поведения двух групп детей 2–2,5 и 2,5–3 лет показало, что с возрастом реакции на оценку взрослого приобретают все более устойчивый, дифференцированный, независимый от общего отношения взрослого характер. При этом изменялась окраска детских переживаний, возникающих в связи с конкретной оценкой взрослого. Она приобретала все более личностный характер, что, в частности, выразилось в том, что неудача в конкретном действии вызывала у детей смущение, чувство неловкости, а переживание радости при удаче сопровождалось гаммой других чувств — дети требовали внимания и признания своей удачи окружающими, испытывали чувство гордости за свои достижения.

В целом исследование подтвердило представления о том, что в раннем возрасте происходит дифференциация ребенком ставшего более сложным отношения взрослых к нему.

Качественное преобразование каждой из линий отношений в раннем возрасте и их взаимовлияние приводит к появлению нового личностного новообразования. Наблюдения за поведением детей 2–4 лет позволили выделить качественно своеобразный комплекс поведенческих проявлений, характерный для этого возрастного периода. В этом поведенческом симптомокомплексе своеобразно переплелись отношения ребенка к своей деятельности, к взрослым и самому себе. Так, у детей появилось отчетливое стремление к достижению результата, некоего продукта их деятельности. Пытаясь его достичь, они долго и настойчиво манипулировали с предметом, перебирали варианты действий с ним, практически не отвлекались. Неудача, как правило, не приводила к отказу от задуманного. В этих обстоятельствах дети обращались за помощью к взрослым. Достигнув желаемого, они стремились тут же продемонстрировать свои успехи взрослому, без одобрения которого результат терял в значительной степени свою ценность и не вызывал таких радостных переживаний; отрицательное или индифферентное отношение взрослых к демонстрируемому результату вызвало у детей аффективные переживания, побуждало их с удвоенной энергией добиваться внимания и положительной оценки. Одновременно у них наблюдалось обостренное чувство собственного достоинства, проявлявшее себя в ряде специфических симптомов — повышенной обидчивости, чувствительности к признанию достижений взрослыми, эмоциональным вспышкам по пустякам, бахвальстве, преувеличениях. Описанный поведенческий симптомокомплекс получил название «гордости за достижения».

Анализ этого поведенческого симптомокомплекса позволил рассматривать его как поведенческий коррелят личностного новообразования, оформляющегося к концу раннего детства, в период, получивший название «кризиса 3-х лет». В этот период ребенок открывает, что мерой его «я» являются его достижения. Поэтому каждый достигнутый результат становится для него и утверждением своего «я», а признание достижений со стороны окружающих — признанием «я», рождающим у малыша чувство гордости и собственного достоинства. Этот новый узел отношений, новое личностное образование обес-

печивает продуктивность человеческой личности, ее стремление найти и выразить себя в деле и через его посредство.

Подводя итоги изучению личности в младенческом и раннем возрасте с точки зрения предложенного подхода, можно сделать следующие выводы.

На первом году жизни происходит становление и развитие трех линий отношений ребенка: к взрослым, предметному миру и к себе, при ведущей роли отношения к взрослому как к субъекту общения. В сфере отношения к взрослому зарождается активность младенца как предличностное образование. К трем месяцам жизни активность начинает проявляться в двух других сферах отношений. В соответствии с тем, как складываются отношения со взрослыми — насыщены или не насыщены они положительными эмоциями, — формируется и отношение к себе — бодрое, радостное самоощущение или вялое, апатичное, и отношение к предметному миру — любознательное, оживленное или безразличное, пассивное.

В конце первого года жизни активность наблюдается во всех трех сферах отношений. Их взаимодействие осуществляется при опосредствующей роли отношения к себе, которое становится главным стержнем личностного образования. Конвергирующий на него опыт предметно-манипулятивной деятельности и сотрудничества со взрослым приводит к дальнейшему развитию активности, выражающемуся в появлении избирательного отношения к людям и к предметам. Дальнейшее развитие активности ребенка проходит через «критический этап» (кризис первого года жизни).

В раннем возрасте происходит дальнейшее преобразование всех трех линий отношений, образующих развивающуюся личность ребенка. Стержнем личностного новообразования, названного «гордостью за достижение», по-прежнему остается отношение ребенка к себе. В отличие от общего, безусловного принятия себя, свойственного младенчеству, отношение ребенка к себе в раннем возрасте преломляется через призму его реальных достижений. В соответствии с этим предметный мир начинает выступать как сфера реализации себя, своей личности, а взрослый — в качестве знатока и ценителя детских достижений.

А. Г. Асмолов

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ[1]

Данная А. Н. Леонтьевым (1983) характеристика предмета психологии личности представляет собой пример той абстракции, развертывая которую можно создать конкретную картину системной детерминации развития личности. Для того чтобы развернуть эту абстракцию, нужно, во-первых, обозначить содержащиеся в ней ориентиры, задающие общую логику изучения развития личности: разведение понятий «индивид» и «личность», «личность» и «психические процессы», а также выделение новой схемы детерминации развития личности. Во-вторых, указать конкретные области психологии личности, высвечиваемые этими ориентирами...

Первый ориентир — это разведение понятий «индивид» и «личность», а также выявление различных качеств «индивида» и «личности», отражающих специфику их развития в природе и обществе.

При выделении понятия «индивид» в психологии личности отвечают прежде всего на вопрос, в чем данный человек подобен всем другим людям, т. е. указывают, что объединяет данного человека с человеческим видом. Понятие «индивид» не следует смешивать с противоположным по значению понятием «индивидуальность», с помощью которого дается ответ на вопрос, чем данный человек отличается от всех других людей. «Индивид» обозначает нечто целостное, неделимое. Этимологическим истоком этого значения понятия «индивид» является латинский термин «individuum» (индивидуум). Характеризуя «личность», также имеют в виду «целостность», но такую «целостность», которая рождается в обществе. Индивид выступает как преимущественно генотипическое образование, а его онтогенез характеризуется как реализация определенной филогенетической программы вида, достраиваемой в процессе

---

[1] Фрагменты пятой главы учебника: Психология личности. М., 1990. С. 152–172.

созревания организма. В основе созревания индивида лежат в основном адаптивные приспособительные процессы, в то время как развитие личности не может быть понято исключительно из приспособительных форм поведения. Индивидом рождаются, а личностью становятся (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн). <...>

Появление человеческого индивида в «мире человека» опосредствовано всей историей его вида, которая преломилась в наследственной программе индивида, подготавливающей его к специфическому для данного вида образу жизни. Так, только человеку присущи рекордная продолжительность периода детства; возможность пребывать при рождении в состоянии крайней «беспомощности»; размер веса мозга ребенка, составляющий всего лишь около четверти веса мозга взрослого человека...

Образ жизни человечества приводит к коренной перестройке закономерностей историко-эволюционного процесса, но именно к перестройке этого процесса, а не к его полной отмене. Закономерности эволюции не просто отмирают, а радикальным образом преобразуются, в корне меняется логика причин и движущих сил эволюционного процесса. Индивидные свойства человека выражают прежде всего тенденцию человека как «элемента» в развивающейся системе общества к сохранению, обеспечивая широкую адаптивность человеческих популяций в биосфере. <...>

Таким образом, при разведении понятий «индивид», «личность» и «индивидуальность» в контексте историко-эволюционного подхода к изучению развития личности в системе общественных отношений не происходит подмены этими понятиями терминов «биологическое» и «социальное». Сама постановка вопроса о животно-биологическом в человеке, навязанная антропоцентристской парадигмой мышления, теряет смысл. Главными вопросами становятся вопросы о преобразовании закономерностей биологической эволюции в историческом процессе развития общества и о системной детерминации жизни личности, способом существования и развития которой является совместная деятельность в социальном конкретно-историческом образе жизни данной эпохи.

Второй ориентир — схема детерминации развития личности в системе общественных отношений. <...>

Основанием этой схемы является совместная деятельность, в которой осуществляется развитие личности в социально-исторической системе координат данной эпохи. «Мы привыкли думать, что человек представляет собой центр, в котором фокусируются внешние воздействия и из которого расходятся линии его связей, его интеракций с внешним миром, что этот центр, наделенный сознанием, и есть его “я”. Дело, однако, обстоит вовсе не так (...). Многообразные деятельности субъекта пересекаются между собой и связываются в узлы объективными, общественными по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает. Эти узлы, их иерархии и образуют тот таинственный “центр личности”, который мы называем “я”; иначе говоря, центр этот лежит не в индивиде, не за поверхностью его кожи, а в его бытии»[1].

Социально-исторический образ жизни — источник развития личности в системе общественных отношений. В философской методологии, а также в ряде конкретных общественных наук, прежде всего в социологии, образ жизни характеризуется как совокупность типичных для данного общества, социальной группы или индивида видов жизнедеятельности, которые берутся в единстве с условиями жизни данной общности или индивида. В психологии в сходном смысле употребляется понятие «социальная ситуация развития», которое и было предложено в дискуссии с исследователями, придерживающимися двухфакторных схем развития личности, в частности в ходе критики представлений о «среде» как о «факторе» развития личности. Понятие «социальная ситуация развития», введенное Л. С. Выготским, получило затем право гражданства в детской и социальной психологии благодаря исследованиям Л. И. Божович и Б. Г. Ананьева. Говоря о «социальной ситуации развития», Л. С. Выготский подчеркивал, что среда не есть «обстановка развития», т. е. некий «фактор», непосредственно детерминирующий поведение личности. Она представляет собой именно условие осуществления деятельности

---

[1] *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 228–229.

человека и источник развития личности. Но это то условие, без которого, как и без индивидных свойств человека, невозможен сложный процесс строительства личности. Материалом для этого процесса служат те конкретные общественные отношения, которые застает индивид, появляясь на свет. Все эти обстоятельства, выпадающие на долю индивида, сами по себе выступают как «безличные» предпосылки развития личности.

Введение социально-исторического образа жизни как источника развития личности позволяет исследовать развитие личности на пересечении двух осей в одной системе координат — оси исторического времени жизни личности и оси социального пространства ее жизни.

О природе времени и его роли в детерминации развития личности в психологии известно немного. Классические исследования В. И. Вернадского о качественно различных структурах времени в физической, геологической, биосферной и социальной системах затронули психологию по касательной. Точно так же как психология изучала личность в «искусственных мирах», «средах», она долго довольствовалась представлением о времени, заимствованном из классической механики. Любые трансформации времени в истории культуры или сознании человека, его уплотнения или ускорения интерпретировались как иллюзии, как «кажущиеся» отклонения от физического времени. В отечественной психологии тезис о зависимости времени от тех систем, в которые оно включено — в неорганическую природу, в эволюцию органической природы, в социогенез общества, в историю жизненного пути человека, — был сформулирован С. Л. Рубинштейном. <...>

Одна ось исторического времени образа жизни личности в данном обществе дает возможность выделить тот объективный социальный режим, который задан личности — исторически обусловленную протяженность детства в этой культуре; объективный режим смены игры — учебой, учебы — трудом; распределение временного бюджета на «работу» и на «досуг», характерное для этого типичного образа жизни. Без учета исторического времени те или иные особенности деятельности человека, вовлечение ребенка в игру или учебу будут ка-

заться исходящими либо из самого ребенка, либо из его непосредственного социального окружения. Они могут лишь чуть замедлить или ускорить исторический ритм образа жизни, но не изменить его в рамках данной эпохи.

Другая ось образа жизни — это социальное пространство, предметная действительность, в которой существуют на данном интервале исторического времени различные «институты социализации» (семья, школа, трудовые коллективы), большие и малые социальные группы, участвующие в процессе приобщения личности через совместную деятельность общественно-исторического опыта. В волшебной сказке М. Метерлинка «Синяя птица» добрая фея дарит детям чудодейственный алмаз. Стоит лишь повернуть этот алмаз, и люди начинают видеть «скрытые души» вещей. Как и в любой настоящей сказке, в этой сказке есть большая правда. Окружающие людей предметы человеческой культуры действительно имеют, по выражению К. Маркса, «социальную душу». И «душа» эта не что иное, как поле значений, существующих в форме опредмеченных в процессе деятельности в орудиях труда схем действия, в форме ролей, понятий, ритуалов, церемоний, различных социальных символов и норм. Только в том случае человек становится личностью, если он с помощью социальных групп включится в поток деятельностей (а не поток сознания) и через их систему усвоит экстериоризованные в человеческом мире «значения». Совместная деятельность и есть тот «алмаз», который, как правило, совершенно этого не осознавая, поворачивает человек, чтобы увидеть «социальные души предметов» и приобрести свою собственную «душу».

Иными словами, в окружающем человека мире объективно существует особое социальное измерение, создаваемое совокупной деятельностью человечества, — поле значений. Это поле значений отдельный индивид находит как вне-его-существующее — им воспринимаемое, усваиваемое, поэтому также, как то, что входит в его образ мира (А. Н. Леонтьев). Организуя деятельность в соответствии с полем значений, люди тем самым непрерывно подтверждают реальность его существования. Социальное пространство кажется столь естественным, изначально приросшим к натуральным свойствам объектов

природы, что его замечают чаще всего тогда, когда оказываются в рамках совершенно другой культуры, другого образа жизни. Тогда-то и открывается различие в образе мира человека разных культур, например различия в этническом самосознании, ценностных ориентациях и т. д.

Социально-исторический образ жизни личности — источник развития личности, который в ходе жизни личности превращается в ее результат. В реальности личность никогда не скована рамками заданных социальных ролей. Она — не пассивный слепок культуры, не «ролевой робот», как это порой явно или неявно утверждается в ролевых концепциях личности.

Преобразуя деятельность, развертывающуюся по тому или иному социальному «сценарию», выбирая различные социальные позиции в ходе жизненного пути, личность все резче заявляет о себе как об индивидуальности, становится все более активным творцом общественного процесса. Проявления активности личности возникают не в результате какого-либо первотолчка, вызываемого теми или иными потребностями. Поиск «двигателя», дающего начало активности личности, необходимо искать в тех рождающихся в процессе деятельности противоречиях, которые и являются движущей силой развития личности. Кульминационным пунктом в ходе анализа личности в обществе является рассмотрение продуктивных (творчество, воображение, целеобразование и т. п.) и инструментально-стилевых (способности, интеллект, характер) проявлений индивидуальности личности, т. е. личности, вступающей в отношение к самой себе, преобразующей мир, изменяющей свою собственную природу и подчиняющей ее своей власти.

При переходе деятельности личности от режима потребления, усвоения культуры в режим созидания и творчества биологическое и историческое время все более превращается в психологическое время жизни личности, строящей свои планы и воплощающей свою жизненную программу в социальном образе жизни данного общества. По словам Л. Сэва, «время жизни» человека превращается в его «время жить».

Итак, в схеме системной детерминации развития личности выделяют три следующих момента: индивидные свойства че-

ловека как предпосылки развития личности, социально-исторический образ жизни как источник развития личности и совместная деятельность как основание осуществления жизни личности в системе общественных отношений. За каждым из этих моментов стоят различные и пока недостаточно соотнесенные между собой области изучения личности.

Представления об индивидных предпосылках развития личности и их преобразовании в ходе ее развития остаются на уровне рассуждений, если не обратиться к богатым теоретическим конструкциям и эмпирическим данным, накопленным в дифференциальной психофизиологии, психогенетике, психосоматике и нейропсихологии. Вместе с тем исследования по дифференциальной психофизиологии, психогенетике и другим областям будут напоминать, если выразиться образно, «кошку, которая гуляет сама по себе», если не рассмотреть их предмет как органические предпосылки развития личности и тем самым включить его в контекст целостной системы знаний о психологии личности.

При изучении общества как источника развития личности неизменно встают вопросы о ее социотипических проявлениях, ее социальной позиции в обществе, механизмах социализации и регуляции ее социального поведения, развития в социогенезе. Решение данных вопросов немыслимо без обращения к социальной, исторической, возрастной, педагогической, экологической психологии и этнопсихологии. В свою очередь, каждая из этих дисциплин рискует «не увидеть за деревьями леса» и свести, например, «личность» к «роли» или смешать «социальный характер» с «индивидуальным характером», принять периодизацию развития психики за периодизацию развития личности в том случае, если другие детерминанты не будут находиться хотя бы на периферии исследования этих областей психологической науки. Разработка представлений о социально-историческом образе жизни как источнике развития личности помогает решить вопросы, что присваивается, приобщается личностью в процессе ее движения в системе общественных отношений, каковы возможности выбора, перехода от одного вида деятельности к другому, каково содержание приобретенных в этой системе черт и установок личности.

И при анализе индивидных предпосылок, и при исследовании социально-исторического образа жизни как источника развития личности постоянно следует учитывать, что речь идет не о параллельных линиях биогенетических и социогенетических программ жизни личности в обществе. С самого момента движения человека в обществе эти предпосылки начинают активно участвовать в жизни той или иной эволюционирующей системы, влиять на ее развитие, трансформироваться из предпосылок в результате ее развития, использоваться личностью как средства достижения ее целей.

Особенно остро эта проблема встает при изучении индивидуальности личности как субъекта деятельности. Наиболее выраженно индивидуальность личности, ее творчество, характер, способности, поступки и деяния проявляются в проблемно-конфликтных ситуациях, увеличивая потенциальные возможности развития культуры. При изучении индивидуальности личности в центре оказываются вопросы о том, ради чего живет человек, какова мотивация его развития, каким закономерностям подчиняется его жизненный путь. Над решением этих вопросов работают помимо общих психологов представители возрастной, педагогической, социальной, инженерной психологии, психологии труда и медицинской психологии, т. е. тех отраслей психологии, перед которыми стоит задача воспитания личности и коррекции ее поведения. При исследовании индивидуальности личности как субъекта деятельности представители общей и дифференциальной возрастной, социальной, исторической, клинической и инженерной психологии поднимают проблемы личностного выбора, самоопределения, саморегуляции личности, механизмов, обеспечивающих продуктивность деятельности личности, общих и специальных способностей как характеристик успешности выполнения деятельности. Они также ставят вопросы об изучении индивидуального стиля деятельности и характера как форм выражения личности в деятельности.

Комплексное решение названных проблем требует от специалистов-психологов, разрабатывающих психологию личности, создания по всей стране разветвленной сети психологических служб.

Выделенные ориентиры рассмотрения психологии личности выступают как основа для изучения сложной сети взаимоотношений между природой, обществом и личностью. Они также позволяют обозначить точки приложения усилий разных отраслей психологии, занимающихся изучением многообразных проявлений личности. Главное же значение этих ориентиров заключается в том, что они дают возможность представить разрозненные факты, методы и закономерности в едином контексте общей психологии личности.

Методология марксистской философии, общенаучные принципы системного анализа, деятельностный подход к изучению психических явлений позволяют выделить междисциплинарные связи в человекознании и наметить пути к пониманию механизмов развития и функционирования личности в природе и обществе.

А. В. Брушлинский

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ[1]

В самой природе младенца — уже в пренатальном периоде его развития — имеются внутренние условия, исходные основы и простейшие проявления социальности: он рождается не животным, а именно человеком, еще только начинающим свой жизненный путь, путь становления субъекта в ходе освоения культуры, всего исторического опыта человечества. Такое освоение в условиях обучения представляет собой, бесспорно, фундаментальную основу всего психического развития человека, но оно осуществляется в процессе общения и его деятельности — изначально социальной, самостоятельной, творческой и т. д., а не по формуле «от социального к индивидуальному», односторонне механистически раскрывающей действительно важнейшую роль обучения и воспитания.

[1] Психологический журнал. 1991. № 6. С. 6–10.

Из этой формулы следует, что источники активности данного индивида (мотивации, инициативы и т. д.) изначально и целиком находятся вне его (а не в процессе его непрерывного взаимодействия с окружающей действительностью). Здесь только одностороннее, однонаправленное движение от общества к индивиду. Отсюда пассивность последнего: он оказывается лишь объектом общественных воздействий и продуктом развития общества, а вовсе не субъектом. Это обстоятельство нередко даже не замечается авторами и сторонниками подобных точек зрения, что существенно тормозит дальнейшее развитие нашей науки, особенно преодоление в ней рецидивов тоталитаризма.

Анализируемая нами формула психического развития человека «от социального к индивидуальному» часто трактуется более обобщенно в виде известного методологического принципа «от (только) внешнего к внутреннему», лежащего в основе прежних и новейших вариантов теории интериоризации как механизма возникновения психического. Согласно этой теории, вначале под влиянием лишь внешних (педагогических и др.) воздействий у маленького ребенка начинается внешняя деятельность и в результате ее интериоризации порождается, возникает психическое. Другими словами, психические процессы суть не что иное, как перенесенные в идеальный план и преобразованные внешние, материальные действия. Но если психическое действительно порождается внешней, предметной деятельностью по мере ее интериоризации, то (по логике рассматриваемой теории) в начале этой деятельности вообще нет никаких, даже простейших психических компонентов, участвующих в ее регуляции. Иначе говоря, изначально «до-психическая» и «не-психическая» деятельность порождает затем самое психическое. Здесь недостаточно учтено, что любая деятельность человека и его любые, даже элементарнейшие практические действия (в отличие от чисто физиологических реакций) всегда и необходимо имеют в своем составе хотя бы простейшие психические явления, которыми они уже изначально регулируются.

Это обстоятельство уточнено и конкретизировано нашей гипотезой о возможности пренатального (внутриутробного)

возникновения человеческой психики. Предполагается, что простейшие психические явления начинают возникать у еще не родившегося младенца под влиянием первых внешних воздействий (звуковых и т. д.), изначально сразу же опосредствованных специфическими внутренними условиями (наследственными и врожденными задатками и др.). Тем самым в конце пренатального периода в ходе начинающегося взаимодействия индивида с внешним миром уже могут возникнуть самые элементарные психические явления, хотя деятельность и даже простейшие действия у данного младенца еще отсутствуют. Такая гипотеза, подтверждаемая сейчас некоторыми новейшими экспериментальными данными, невозможна с точки зрения теории интериоризации и ее исходного основания «от (только) внешнего к внутреннему». Эта теория не реализует известный принцип детерминизма: все внешние причины всегда и изначально действуют только через внутренние условия. Для нее внешние (педагогические и другие социальные) воздействия — по крайней мере вначале — осуществляются прямо и непосредственно, т. е. не через внутренние условия.

Если обобщить все сказанное, то оно сохраняет свою силу и в отношении новейшей разновидности теории интериоризации. Она исходит из того, что становление индивидуальной деятельности внутри и на основе совместной деятельности представляет собой именно процесс интериоризации. Здесь справедливо подчеркивается, что необходимо значительно углубить изучение сложнейшей диалектики совместного и индивидуального во всей жизнедеятельности субъекта, но при этом по-прежнему используются традиционные для теории интериоризации подходы и способы исследования. Последняя, как мы видели, означает переход от внешнего к внутреннему, т. е. от внешнего действия (вначале якобы еще не имеющего в своем составе ничего психического) к внутреннему действию (уже включающему в себя психическое). В случае переноса той же логики (от внешнего, вначале вовсе лишенного внутреннего, к внутреннему как порожденному таким внешним) на соотношение совместной и индивидуальной деятельности не возникает ли снова то же неразрешимое противоречие: вна-

чале лишь совместное (без индивидуального) и только потом индивидуальное (порождаемое таким совместным)?! Опять от социального к индивидуальному! Опять источники активности индивида оказываются вне его, и он перестает быть субъектом!

Для того чтобы преодолеть подобные затруднения, необходимо, на наш взгляд, учесть, что совместная деятельность не существует до и без индивидуальных деятельностей, а эти последние не формируются в результате лишь первой. Если провести вышеуказанные различия между социальным и общественным, тогда станет ясным, что индивид изначально (а не когда-то потом) является социальным и, стало быть, его развитие конкретно осуществляется в бесконечно многообразных направлениях, т. е. не только от общественного (совместного и т. д.) к индивидуальному.

Поэтому, на наш взгляд, нуждается в соответствующем уточнении и другой общий принцип, тоже реализующий идею «от социального к индивидуальному» и получивший теперь довольно широкое распространение: всякая высшая психологическая функция появляется в развитии ребенка дважды, в двух планах — сначала социальном, потом психологическом, вначале между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка как категория интрапсихическая. Здесь как будто правильно и четко утверждается изначальная социальность, но она противопоставляется психическому, находящемуся внутри ребенка и (по логике анализируемого принципа) перестающему «потом» быть социальным. Но главное состоит в том, что по-прежнему признается лишь одно направление развития: от только совместного (межиндивидуального) к (внутри) индивидуальному. Одновременное, предшествующее или последующее движение от индивидуального к общественному не учитывается. Неужели ребенок вообще никогда не остается в одиночестве, вовсе не проявляет никакой инициативы, не становится субъектом, безропотно принимает и исполняет все, что его заставляют делать и думать взрослые?! Быть может, этот наш риторический вопрос особенно сильно заострит обсуждаемую здесь проблему субъекта и высветит невозможность ограничить ее лишь односторонним, однонаправленным

движением «от (активного) общества к (пассивному) индивиду».

В свое время столь явный диктат общества был очень хорошо (хотя, по-видимому, и не вполне осознанно) выражен известными словами популярных песен: «Когда прикажет страна быть героем, у нас героем становится любой...»; «И где бы я ни был, и что б я ни делал, у Родины вечно в долгу...». Тот же диктат и сегодня санкционирован по-прежнему чуть ли не общепризнанной идеей о подчинении личных интересов общественным. При этом не учитывается, что, подобно тому, как нет общественной деятельности до и без индивидуальных деятельностей, точно так же не может быть общественных интересов вне и без личных. Если человеческий индивид изначально и всегда является социальным (см. выше), то соответственно социальное и общественное не существуют обособленно, сами по себе, как платоновские идеи или продукты отчуждения — вне и помимо индивидуального. Следовательно, общественные интересы суть также и личные, т. е. интересы тех или иных групп индивидов (конечно, не обязательно всех людей, входящих в данную общность). И тогда на первый план выходит согласование и единство интересов разных субъектов (общества, групп, индивидов и т. д.).

Таким образом, проведенный анализ показывает, что широко распространенные в психологии и смежных науках формулы «от социального к индивидуальному» и (более обобщенно) «от внешнего к внутреннему» сводят социальность лишь к одному ее типу — (принудительному) влиянию общества на индивида без учета всех видов взаимодействия общественного и индивидуального, особенно влияния индивида на общество. В итоге лишь последнее (в лице его руководящих органов) рассматривается как субъект, а индивиду, личности уготована пассивная роль объекта.

В противоположность этому гуманистическая трактовка человека как субъекта помогает целостно, системно раскрыть его специфическую активность во всех видах взаимодействия с миром (практического, чисто духовного и т. д.). По мере взросления в жизни человека все большее место занимают саморазвитие, самовоспитание, самоформирование и соответ-

ственно больший удельный вес принадлежит внутренним условиям, через которые всегда только и действуют все внешние причины, влияния и т. д. Например, воспитание духовности невозможно без самовоспитания.

Ввиду уникальности, активности, ответственности, самостоятельности индивида как субъекта встает немыслимый для тоталитаризма вопрос о том, насколько другие люди и общество в целом имеют моральное право воспитывать, формировать ребенка, подростка, юношу, любого человека в духе строго определенных нравственных ценностей (до недавнего времени такая проблема могла бы обсуждаться у нас лишь нелегально). С одной стороны, никто не обладает абсолютной истиной и единственно верными идеалами и не может вести за собой людей, навязывая им те или иные взгляды, вмешиваясь в их жизнь и пытаясь ее изменить. С другой стороны, основой всякого общества, бесспорно, является определенная система социальных норм и духовных ценностей; их освоение и развитие каждым человеком абсолютно необходимы. Возможное противоречие между этими обоими положениями позитивно разрешается, очевидно, благодаря тому, что подлинное воспитание представляет собой сотворчество, освоение и созидание духовных ценностей в ходе совместной деятельности субъектов — воспитателей и воспитуемых. Это сотворчество прежде всего именно общечеловеческих ценностей, поскольку они образуют тот наиболее общий и потому особенно прочный фундамент духовности, на основе которого каждый выбирает и прокладывает свой жизненный путь, формируя более конкретные и частные нравственные ценности и идеалы.

Таким образом, воспитание и обучение знаменуют особенно прочную духовную связь любого индивида с обществом, точнее, такую взаимосвязь между ними, которая не только не отрицает, а, напротив, предполагает активность, самостоятельность обучаемых индивидов как субъектов. Приходится это специально подчеркивать, поскольку в нашей стране на протяжении последних десятилетий вся политика в отношении средней школы и большинства вузов была направлена на жесточайший контроль сверху за всей системой образования и ее полную унификацию. Не предусматривалось никакой самоде-

ятельности учителей и тем более учеников. Лишь некоторые психологи категорически возражали против такой строго регламентированной, авторитарной системы обучения, однако в целом в психологической науке преобладали теории и идеи, выражающие и даже оправдывающие столь негуманную педагогическую практику, подрывающую основы подлинной духовности. Многие из таких теорий и идей сохраняются до сих пор, причем их авторитарный характер не только не преодолен, но часто даже не осознается. <...>

Человек как субъект — это высшая системная целостность всех его сложнейших и противоречивых качеств, в первую очередь психических процессов, состояний и свойств, его сознания и бессознательного. Такая целостность формируется в ходе исторического и индивидуального развития. Будучи изначально активным, человеческий индивид, однако, не рождается, а становится субъектом в процессе общения, деятельности и других видов своей активности. Например, на определенном этапе жизненного пути уже ребенок становится личностью, а каждая личность есть субъект (хотя последний, как мы видели, не сводится к личности).

IV

Динамика личности

Основные темы и понятия раздела

- *Жизненный путь личности.*
- *Пространственно-временная структура развития личности.*
- *Психологическое время личности.*
- *Психологический возраст личности.*
- *Самоактуализация личности.*

Н. А. Логинова

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ[1]

Жизнь человека, с одной стороны, есть биологическое явление, а с другой — социально-исторический факт. Социально-историческое, специфичное для человека качество индивидуального бытия фиксируется в понятии жизненного пути. Под этим понятием подразумевается жизнь человека как личности. Жизненный путь начинается позже онтогенеза, подобно тому как человек становится личностью позже, чем начинает существовать в форме индивида. Проблема жизненного пути является составной частью учения о личности и как таковая рассматривается в исторической, философской, педагогической науках, а также в психологии личности (особенно в характерологии). Жизненный путь интересен для этой науки как особая, социальная форма индивидуального развития. В изучении жизненного пути можно выделить два аспекта, которые соответствуют двум главным направлениям биографических исследований в психологии:

а) возрастной аспект, раскрытие общих особенностей личности на разных возрастных ступенях;

б) индивидуально-психологический аспект, исследование своеобразия психологического развития конкретной, единичной личности. <...>

«Всякое живое существо развивается, но только человек имеет свою историю» (С. Л. Рубинштейн). Жизненный путь — история индивидуального развития. Человек развивается, подвергаясь социализации в ее конкретно-исторической форме. Он включается в производственную, политическую, культурную жизнь общества, переживает исторические события своей эпохи.

Социально-историческая обусловленность биографии возникает вследствие того, что для современного человека общество служит макросредой его развития, так как процессы, про-

---

[1] Фрагменты статьи в сборнике: Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 156–172.

исходящие в обществе, определяют существенные моменты жизненного пути. Жизнь в единой макросреде создает некоторую психологическую общность современников-сограждан. Характеристикой общества, т. е. макросреды, является образ жизни, который складывается в определенных исторических условиях на основе материального производства и включает в себя деятельность людей по преобразованию этих условий и самой этой основы. Через образ жизни осуществляются прямые связи личности с макросредой. Благодаря им общество в целом влияет на формирование психического склада людей.

Образ жизни определяется комплексом взаимодействующих обстоятельств. Обстоятельства макросреды, структурные ее характеристики детерминируются по сути дела общественными отношениями на определенном этапе их развития. Это экономическое и политическое положение в стране, тип и уровень культуры, психологический климат в обществе. <...>

Субъективная сторона изменений в среде, то есть изменений в их значении для развития личности, фиксируется в понятии «социальная ситуация развития». Вопрос об изучении субъективной стороны социальной ситуации ставится в повестку дня в обществоведении и психологической науке.

В многоступенчатой обусловленности биографии следует выделить фактор возраста. В той мере, в какой возраст влияет на включенность человека в исторический процесс, можно говорить о зависимости индивидуального развития от принадлежности к поколению. Структура, основные моменты жизненного пути изменяются от поколения к поколению, что влечет за собой различия в психологическом облике разных поколений.

Определение личности как современницы эпохи и сверстницы поколения указывает на зависимость жизненного пути от исторического времени, в котором живет человек. По выражению Ананьева, «сама история — основной партнер в жизненной драме человека, а общественные события становятся вехами его биографии». Однако мера отражения в ней истории современности различна для разных людей. Судьба выдающихся исторических деятелей теснее переплетается с событиями в общественной жизни, чем рядовых людей. Рубинштейн

высказал глубокую мысль о том, что не сама по себе природная одаренность делает человека выдающейся личностью, важно стечение общественных процессов и жизненного пути человека, которое бы дало ему возможность проявить себя в свершении значительных исторических деяний. Следовательно, в большей мере незаурядность личности определяется степенью историчности ее жизни. В свою очередь, богато одаренному человеку с активным отношением к действительности обычно предоставляется больше шансов выдвинуться на исторической арене. Тем не менее принципиальных различий в природе биографий простых и выдающихся личностей нет, поэтому возможен общий метод их изучения.

Несмотря на ряд общих моментов в биографиях современников, жизнь каждого уникальна и в своей неповторимости служит одним из источников индивидуальности человека. Разнообразие биографий обусловлено, в частности, тем, что люди, живущие в одной и той же макросреде, являются не только членами общества, но и членами многих общностей, из которых складывается микросреда развития.

Микросреда — это, во-первых, сфера непосредственного общения людей. Основные общности — родительская семья, школа, студенческий и производственный коллективы, общественные организации, собственная семья — могут рассматриваться как частные среды, сменяющие друг друга в ходе социализации или сосуществующие на определенных этапах жизни человека.

Во-вторых, характеризуя микросреду, не следует упускать из внимания ее вещный аспект. Среда развития является и средой обитания, она удовлетворяет не только потребность человека в общении, но и его другие материальные и духовные потребности. Вещное окружение выполняет, помимо утилитарных функций, эстетическую и нравственную роль. Духовная функция вещной среды отчетливо видна в произведениях искусства и реликвиях. Одно из основных свойств характера — вкусы — формируется под влиянием вещной среды (поэтому-то в жизнеописаниях обычно уделяется место характеристике обстановки быта и некоторых личных вещей изучаемого человека).

Микросреда характеризуется структурой обстоятельств, номинально совпадающих с обстоятельствами макросреды, зависящих от них, но не тождественных им. На развитие личности влияет не столько какой-либо отдельный фактор, сколько целостный образ жизни в микросреде. Он отражается в индивидуальном образе жизни людей — образе действий в единстве и взаимопроникновении с объективными условиями существования человека. Образ жизни складывается в результате поступков индивида, совершаемых в определенных обстоятельствах. Его индивидуализация идет наряду с созданием личностью собственной среды развития. Эта среда является эффектом деятельности самого человека в разных ситуациях, деятельности, выражающейся в выборе друзей и спутника жизни, в установлении контакта с интересными людьми, в специальных воспитательных воздействиях, направленных на близких. Преобразование среды затрагивает и вещное окружение человека. Он стремится обставить свой быт вещами, соответствующими его потребностям и вкусам. При выборе места жительства, места работы и учебы человек оценивает город, предприятие, вуз, помимо всего прочего, в качестве среды, в которой ему предстоит жить.

Индивидуальный образ жизни устойчив. Однако в биографии человека есть такие поворотные моменты, которые вызывают значительные изменения в образе жизни. Эти моменты — биографические события.

События — основная «единица» всякого исторического процесса, в том числе и биографии человека. С событиями связаны коренные перестройки характера, изменения направления или темпа развития личности. Понимание сущности событий во многом определяет понимание природы самого жизненного пути в целом. Поэтому представляется необходимым подробнее остановиться на этом понятии.

Наряду с решающими, переломными фактами биографии к событиям жизни зачастую относят просто знаменательные даты, служащие вехами на жизненном пути, но не имеющие «рокового» значения. В психологии существуют некоторые определения этого понятия. С. Л. Рубинштейн пишет: «События жизни — это узловые моменты и поворотные этапы жиз-

ненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется дальнейший жизненный путь человека» (1946, с. 684). Таким образом, Рубинштейн связывает события жизни с собственной активностью человека, с принятием им решения и его реализацией. Но бывают события, происходящие по не зависимым от самого субъекта причинам. Может быть предложена некоторая предварительная типология событий. Ананьев различал события окружающей среды и события поведения человека в среде. К этому мы добавим третью группу — события внутренней жизни, составляющие духовную биографию человека.

События среды — это существенная, дискретная перемена в обстоятельствах развития, происшедшая не по воле и не по инициативе субъекта жизни. Перерыв в плавном течении жизни обусловлен здесь вторжением различных внешних сил в судьбу человека. Это могут быть силы макросреды, вовлекающие человека в круговорот исторических событий.

Конечно, человек не только пассивно, страдательно переживает исторические события; он может активно участвовать в них. Тем не менее их причины не зависят от отдельного человека, а имеют общественно-историческую природу. Так, Великая Отечественная война явилась для целых поколений советских людей переломным моментом жизни и воспринималась ими как событие собственной биографии.

Разнообразные перемены в микросреде составляют целый ряд памятных вех в биографии отдельных членов общностей. Некоторые из этих вех являются подлинными событиями. Таковы, например, рождение и смерть родственников в семейной микросреде. Процессы в трудовом или учебном коллективе наполняют нашу жизнь множеством событий: назначение на новую должность, получение наград и взысканий, смена руководства коллектива и пр. Поступки окружающих, имеющие отношение к жизни и деятельности данного человека, становятся обстоятельствами его развития, а в иных случаях — событиями.

Наконец, к событиям среды мы бы отнесли роковые случаи — счастливые и несчастные — происходящие в жизни человека, разом нарушающие все его планы и меняющие сложившийся образ жизни.

События среды, внося объективные изменения в ход жизни человека, не являются однозначными по своим последствиям. Значение того или иного объективного события раскрывается в связи с позицией, которую занимает сам человек по отношению к нему. Роль события определяется тем, будет ли человек жертвой внешних сил или борцом, утверждающим свою индивидуальность.

Вторая группа — события поведения человека в окружающей среде, то есть его поступки. Поступок — единица общественного поведения личности. Поступки индивида являются обстоятельством жизни окружающих и в то же время преобразуют обстоятельства развития самого субъекта жизни. Некоторые из них имеют настолько важное значение, что приобретают характер события. Поступки-события не только служат для достижения конкретной цели, но и открывают новую жизненную перспективу; в них реализуются отношения личности. Классы поступков, как правило, соответствуют классам отношений. Так, отношение к людям проявляется в коммуникативных поступках, отношение к обществу в целом — в гражданских, отношение к труду — в трудовых поступках, в созидании полезного продукта — материального или духовного. Мы допускаем также возможность существования особых рефлексивных поступков, в которых сам субъект выступает объектом своих действий.

Поступки-события имеют под собой основу в сложившихся обстоятельствах, но вызревают в сфере переживаний, во внутреннем мире человека. Их смысл сводится к утверждению или отрицанию каких-либо ценностей. Поиск, открытие, принятие или, наоборот, отвержение ценностей составляют духовную биографию личности, которая имеет свои узловые моменты — события внутренней жизни.

В биографической литературе самые разные явления действительности, которые однажды произвели неизгладимое впечатление, причисляются к событиям. Они вызывают длительные и интенсивные переживания особого, нравственно-эстетического характера, которые влияют на определение самим субъектом дальнейшего направления жизненного пути.

Для таких событий-впечатлений существенно не только (а порой и не столько) то, какие объективные изменения в жизнь

человека они вносят сами по себе, а то, каким образом под их влиянием человек строит свою судьбу. Нередко бывает, что объективно значительные события одновременно являются и событиями-впечатлениями, событиями внутренней жизни. Они могут оказать вторичное влияние на биографию через новую цепь поступков, вызревших в переживаниях.

Остановимся на анализе трудовых поступков, мысль о существовании которых высказал Б. Г. Ананьев (1945). Поступки такого рода характеризуют личность как субъекта труда: актера — сыгранная роль, писателя — создание литературного произведения, работающего в сфере материального производства — поставленный трудовой рекорд. Биографическое значение трудовых поступков чрезвычайно велико. Благодаря своему общественному резонансу трудовая акция данного человека влияет на социально-психологические параметры его личности — популярность, репутацию, престиж. В результате изменения отношений окружающих к данному человеку изменяются и социально-психологические обстоятельства его жизни.

Смысл событий-впечатлений заключается в том, что под их влиянием происходит скачкообразное изменение в сфере ценностей, в свою очередь ведущее к реальным поступкам, преобразующим кардинальным образом объективное течение событий.

Как правило, изменение в осознании ценностей начинается для личности исподволь, задолго до решающего момента. Почва для событийного впечатления бывает уже подготовлена, а он только довершает скрытую внутреннюю работу в душевном мире личности.

Событие — момент жизни, хотя может иметь подготовительную фазу и длительные последствия. Событие отличается дискретностью, ограниченностью во времени по сравнению с медленно эволюционирующими обстоятельствами жизни.

Все три описанные выше группы событий интересны для нас своим психологическим значением. Ближайшие психологические последствия событий возникают в виде психических состояний, которые отражают объективное содержание событий и соответствуют характеру данного человека.

Возникшие состояния влияют на взаимодействие человека с новыми обстоятельствами, определяя, будет ли он бороться с неудачами и преодолевать препятствия, сможет ли воспользоваться счастливым случаем или, наоборот, растеряется, не найдет выхода из трудной ситуации, пройдет мимо благоприятных возможностей. Длительность состояний колеблется от нескольких минут до нескольких месяцев и даже лет в зависимости от силы внешнего воздействия и характера человека — его впечатлительности, преобладающего нравственного чувства — оптимизма или пессимизма, от активности или пассивности личности. Существует тесная связь между характером и состояниями. Психические состояния кумулируются, становятся характерными. В этом — отдаленный эффект события жизни. Впрочем, отдаленные психологические эффекты могут возникать и без этапа отчетливых психических состояний. Далеко не все важные изменения обстоятельств вызывают яркие впечатления, многие почти не отражаются на психическом состоянии и не воспринимаются субъектом жизни в значении событий. Определенные биографические факты не вызывают ближайшего психологического эффекта, но имеют отдаленные последствия.

Биографическая роль такого объективного события заключается в том, что оно определяет многие последующие события, кладет начало новому образу жизни. Тогда отдаленные психологические сдвиги в характере и способностях явятся результатом более или менее длительного развития в создавшихся вследствие события новых условиях. <...>

Специфика человеческой жизни состоит в ее исторической природе, понимаемой как включенность индивидуальной жизни в исторический процесс общества. В ходе жизненного пути осуществляется социальное развитие человека — личности и субъекта деятельности, а вместе с тем и индивидуальности. Жизненный путь обладает пространственно-временной структурой. Он состоит из общевозрастных и индивидуальных фаз, определяемых по многим параметрам жизни.

Индивидуальное психическое развитие происходит путем преодоления внутренних противоречий между основными свойствами человека благодаря образованию индивидуальности,

которая задает единое направление развитию. С определенного момента человек сам начинает сознательно управлять собственным жизненным путем. При этом надо отметить, что степень свободы реального самоопределения в жизни принципиально зависит от конкретных исторических условий, а в классовом обществе — от классовой принадлежности личности.

Является ли личность продуктом биографии? Да, потому что биографические события имеют объективные последствия и могут по своему происхождению не зависеть от человека. Нет, потому что по мере становления личности ее роль в собственной судьбе возрастает. На эмпирическом материале можно видеть, как растет в процессе жизненного пути «удельный вес» биографических событий, связанных с собственной активностью индивида. Человек овладевает (до определенной степени) внешними обстоятельствами, становится творцом своей индивидуальной истории так же, как и творцом истории общества. Подлинно творческое отношение к жизни, однако, появляется далеко не сразу и даже не у всякого человека (жизнь иных людей справедливо оценивается как бездарно прожитая). Творчество в жизни — это такой способ решения личностью жизненных задач, который позволяет индивиду полностью раскрыть свои сущностные силы, подлинные человеческие способности и внести свой оригинальный, индивидуальный вклад в ценности общества, в совершенствование общественных и межличностных отношений, в обогащение духовного мира человека.

А. А. Кроник, Е. И. Головаха

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ ЛИЧНОСТИ[1]

Понятие «возраст» весьма многопланово. В современной научной литературе выделяют по крайней мере четыре его под-

[1] Фрагменты статьи, опубликованной: Психологический журнал. 1983. № 5. С. 57–65.

вида: хронологический (паспортный), биологический (функциональный), социальный (гражданский), психологический (психический). В каждой из этих возрастных категорий отражается соответствующее ей понимание времени жизни человека как физического объекта, как биологического организма, как члена общества, как неповторимой психологической индивидуальности. Категории «психологический возраст» и «психологическое время» теоретически и методически наименее разработаны. Вместе с тем именно они представляют для психологии наибольший интерес, поскольку личность живет не только в «психологическом поле», но и в «психологическом времени» и вне индивидуального временного контекста не может быть исчерпывающе и адекватно понята. На общеметодологическом уровне анализа этот тезис сегодня уже не вызывает сомнения.

Следует отметить, что и проблема хронологического возраста имеет большое значение для психологии при исследовании жизненного пути личности, выделения его основных этапов, т. е. определения их последовательности и продолжительности во времени жизни. «Стремление выразить в хронологических датах онтогенетической эволюции человека вехи жизненного пути, — писал Б. Г. Ананьев, — оправданы, конечно, тем, что возраст человека всегда есть конвергенция биологического, исторического и психологического времени» (1980, с. 226). Вместе с тем в современной науке все большее распространение приобретает полиизмерительный подход к изучению возраста как дифференцированной меры времени человеческой жизни. Такой подход предполагает отдельное измерение биологического, социального и психологического возрастов, поскольку хронологический возраст является «скудным индексом каждого из этих трех измерений» (Neugarten B. L., Hagestad G. O., 1976). <...>

Самооценка возраста. При постановке проблемы возраста, которая принята в психологии, практически неисследованным остается вопрос о субъективном отношении человека к собственному возрасту, о том, каким образом объективная хронологическая мера времени жизни трансформируется в самооценку возраста, определяемую в сознании личности на основе

обобщенного отражения особенностей жизненного пути в целом и его отдельных этапов. Чем, например, может объясняться тот факт, что пожилой человек чувствует себя молодым? «Я была молода в свои восемьдесят пять лет, — пишет М. Шагинян. — Я была так молода, что казалась сама себе моложе прежних двадцати лет» (1980, с. 692). Какой механизм лежит в основе того, что хронологический возраст иногда полностью утрачивает значение во внутреннем мире человека, когда в 60 лет он чувствует себя 30-летним и, живя этим чувством сам, не находит внутренних различий в ощущении возраста между 60- и 30-летними. С другой стороны, мы говорим и о преждевременно психологически состарившихся людях, так называемых «молодых стариках», которые и в 30 лет могут ощущать себя 60-летними.

Во внутреннем чувстве возраста есть много нюансов, которые связаны с переживанием времени. Время может казаться безвозвратно утраченным, и тогда возникает ощущение, будто «жил меньше своего возраста». И часто мы оцениваем возраст человека, ориентируясь не на количество лет, которые он прожил, а на собственное внутреннее ощущение, основанное на представлениях о его личностных качествах. Иллюстрацией такого рода оценок может служить следующий литературный пример: «Похвастал я старостью, а ты, оказывается, старее меня умом на десять лет» (А. П. Чехов).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что наряду с известными измерениями возраста существует также и особый аспект, связанный с его субъективной оценкой, предполагающей действие глубинных механизмов обобщения временных отношений. Можно предположить, что человек оценивает себя моложе или старше хронологического возраста, исходя из более серьезных оснований, чем просто произвольное желание видеть себя в том возрасте, который кажется ему наиболее привлекательным, хотя и этот фактор необходимо учитывать. Какие же механизмы лежат в основе субъективных оценок возраста?

Прежде чем ответить на этот вопрос, проведем следующий мысленный эксперимент. Представим себе ситуацию, в которой мы неожиданно для себя узнаем, что возраст, зафиксиро-

ванный в паспорте, свидетельстве о рождении или каких-либо иных документах, неверен, причем неизвестно, в какую сторону произошла ошибка — моложе мы в самом деле или старше. Представив себя в подобной ситуации, попытаемся (ориентируясь на внутреннее чувство своего возраста) ответить на простой вопрос: «Сколько нам лет в действительности?» А теперь представим, что, ответив на этот вопрос, мы узнаем истинный календарный возраст. С уверенностью можно предположить, что этот «истинный возраст» далеко не всегда будет совпадать с оценкой, подсказанной внутренним чувством.

Для подтверждения данного предположения приведем результаты реального исследования, в котором приняли участие 83 человека (женщин — 40, мужчин — 43) с высшим образованием в возрасте от 21 до 44 лет. Все они должны были представить, что не знают своего истинного календарного возраста, и определить его.

Результаты показали, что лишь у 24% опрошенных субъективная оценка возраста полностью совпала с возрастом, определяемым по дате рождения, или отличалась от него с незначительной разностью в ± 1 год. Большинство же опрошенных (55%) считали себя более молодыми, чем это было в действительности; у 21 % опрошенных оценки возраста оказались завышенными, т. е. они чувствовали себя старше. Средняя абсолютная разность между субъективной оценкой и реальным возрастом составила 4,2 года при разбросе от 21 года в сторону занижения своего возраста до завышения на 11 лет.

Есть определенная доля истины в способе омоложения, предложенном писателем М. Жванецким: «Чтобы помолодеть, надо сделать следующее. Нужно не знать, сколько кому лет. А сделать это просто: часы и календари у населения отобрать, сложить все это в кучу... Так мы и без старости окажемся... Кто скажет: “Ей двадцать, ему сорок?” Кто считал?»

Это шутка. Что же касается серьезного, то в исследовании была обнаружена определенная тенденция, которая может быть обозначена как феномен «консервации возраста», состоящий в следующем. При адекватности самооценок отчетливо проявились различия между испытуемыми, принадлежащими к разным возрастным группам. Во-первых, с возрастом значи-

тельно увеличивается число лиц, оценивающих себя более молодыми, чем в действительности. Так, в группе до 30 лет таких оказалось 47%, а в группе 30 лет и более — 73 %. Во-вторых, степень занижения собственного возраста в самооценках также значительно увеличивается: в группе до 30 лет средняя величина занижения возраста составила 3,6 года, а в группе свыше 30 лет — 8,3 года.

Можно предположить существование у человека некоего «счетчика» годовых циклов психофизиологической активности, на основании показаний которого формируются оценки собственного возраста. Идею подобного механизма можно проиллюстрировать таким примером. Если бы существовало дерево, обладающее самосознанием, то оно могло бы определить свой возраст по количеству зафиксированных в его стволе годовых колец. Заметим, однако, что подобная оценка могла бы быть абсолютно точной только в том парадоксальном случае, когда дерево уже спилено, но тем не менее еще способно к непосредственному подсчету числа колец на собственном срезе. Эта аллегория позволяет понять, почему, даже в случае наличия у человека некоего биологического счетчика циклов годовой активности, показания этого счетчика не могли бы осознаваться с абсолютной точностью, ибо такое осознание предполагает принятие позиции внешнего наблюдателя по отношению к собственным внутренним процессам — наблюдателя, абсолютно не зависимого от содержания этих процессов. Поскольку это невозможно, то оценка показаний подобного биосчетчика всегда будет происходить с погрешностью, которая, возможно, и проявляется в несовпадении самооценок возраста и его объективной величины.

Второе возможное объяснение этого несовпадения может быть найдено в социальных факторах, обусловливающих оценку личностью собственного возраста. Таким фактором может выступить существующая в обществе система возрастно-ролевых ожиданий, предъявляемых к достижению личностью определенного статуса, соответствующего тому или иному возрасту[1]. С этой точки зрения самооценка возраста является результатом сопоставления личностью своих наличных достижений в различных сферах жизнедеятельности с предъяв-

ляемыми к ней возрастно-ролевыми ожиданиями. В том случае, если достижения человека опережают социальные ожидания по отношению к нему, он будет чувствовать себя старше истинного возраста; если же человек достиг меньшего, чем от него ждут в данном возрасте, то он будет чувствовать себя моложе.

Действие этого механизма может быть проиллюстрировано результатами описанного выше исследования. Была подобрана однородная по профессиональному статусу группа молодых инженеров (41 чел.), после окончания вуза первый год работающая на одном и том же предприятии. Опрашиваемые были приблизительно одного возраста — 23–25 лет. Этот возраст является в настоящее время в нашей стране модальным возрастом вступления в брак, а следовательно, люди этого возраста испытывают определенные возрастно-ролевые ожидания в достижении ими соответствующего семейного статуса — вступления в брак и создания собственной семьи. Исходя из этого мы рассмотрели различия между самооценками возраста в группах холостых (незамужних) и женатых (замужних). Результаты представлены в таблице.

Различие самооценок возраста среди холостых (незамужних) и женатых (замужних)

Семейный статус	Самооценка возраста			Всего, чел.
	заниженная	адекватная	завышенная	
Холостые и незамужние	17	5	5	27
Женатые и замужние	3	7	4	14
Значимость различий	$p < 0{,}01$	Не знач.	Не знач.	

Как видим, в группе лиц, не достигших семейного статуса, соответствующего возрастно-ролевым ожиданиям (холостые и незамужние), доминируют заниженные оценки возраста, т. е. большинство (63%) чувствуют себя моложе, чем это есть в действительности. В группе женатых и замужних таких оказа-

лось лишь 21%, большинство же оценивают себя соответственно своему возрасту или несколько старше.

Таким образом, рассогласования между реальным возрастом человека и его самооценкой могут объясняться закономерностями трансформации социально-временных отношений в жизнедеятельности личности.

Время жизни личности — это не только те годы, которые прожиты человеком, но и те, что предстоит прожить в будущем, представление о которых (временная перспектива) может выступать субъективным фактором, воздействующим на самооценку возраста. Каков же механизм этого воздействия?

Изменим условия предложенного выше мысленного эксперимента. Как и прежде, истинная дата рождения будет оставаться неизвестной, однако пусть читатель представит себе, что ему точно известно, сколько всего лет (от рождения до смерти) будет им прожито. В этом случае, дав какую-либо оценку своему возрасту, он не только определит, сколько лет уже прожито, но вместе с тем и сколько лет он проживет в будущем.

Здесь мы оперируем понятием «ожидаемая продолжительность жизни», которая включает в себя два слагаемых: прожитые годы как меру прошлого и предстоящие годы как меру будущего. Теперь самооценка возраста выступает соотношением прошлого и будущего, т. е. мерой реализованности времени жизни. К примеру, если ожидаемая продолжительность жизни 70 лет, а самооценка — 35 лет, то в последней отражена и степень реализованности, равная 35/70, т. е. половине времени жизни. И здесь то, как человек относится к своему будущему, сколько лет он предполагает еще прожить, прямо будет отражено и в оценке возраста как меры прошлого. Обращаясь вновь к мысленному эксперименту, можно проиллюстрировать это утверждение следующим образом. У двух человек с одинаковой ожидаемой продолжительностью жизни в 70 лет, но ориентирующихся в будущем прожить соответственно 30 и 25 лет, самооценка возраста будет равна 40 годам у первого и 45 — у второго.

Эти рассуждения не так далеки от реальности, как могло бы показаться на первый взгляд. Во-первых, ожидаемая продолжительность жизни является действительным феноменом

человеческого сознания. В исследовании, о котором уже шла речь выше, на вопрос: «Как Вы думаете, сколько лет, вероятнее всего, Вы проживете?» — от всех опрошенных были получены ответы в диапазоне от 50 до 88 лет при средней оценке в 69,3 года (дисперсия равна 9,4). Заметим, что эта средняя оценка почти полностью соответствует реальной средней продолжительности жизни в нашей стране. Следовательно, ожидаемая продолжительность жизни не представляет собой произвольный мысленный конструкт, а отражает объективную картину продолжительности жизни. В исследовании не было обнаружено значимых возрастных различий: опрашиваемые в возрасте 30 лет ожидали прожить в среднем 69 лет, а в возрасте 30 лет и старше — 69,4 года, что свидетельствует о независимости ожидаемой продолжительности жизни от возрастных различий в нашей выборке. Люди от 30 лет и старше оценивали себя намного моложе. Престарелые малограмотные люди склонны к завышению своего возраста. Данный феномен в демографии получил название «старческое кокетство».

Почему же на разных этапах жизни имеют место противоположно направленные тенденции в оценках возраста? Дело в том, что ранняя зрелость — это возраст, когда человек полон планов и, имея высокий жизненный потенциал, стремится к их реализации; следовательно, будущее приобретает здесь исключительную ценность. В связи с этим приведем мнение Г. Томэ, который характеризует обобщенного представителя данной возрастной группы — «молодого взрослого как возможно наиболее компетентного представителя вида “человек”» (1978). В старости же большинство жизненных планов уже реализовано или утратило свою актуальность, а наиболее продуктивные периоды жизни остались в прошлом. Поэтому именно прошлое приобретает для человека наибольшую ценность. «Если юноши все измеряют надеждой, — писал еще Скалигер, — то старики — прошлым». Эта мысль находит подтверждение при исследовании возрастной динамики эмоциональных процессов; в старости «ослабление аффективной жизни лишает красочности и яркости новые впечатления, отсюда — привязанность к прошлому, власть воспоминаний» (Н. Н. Трауготт, 1972).

В результате доминирования ценности будущего в ранней зрелости и прошлого в старости происходит как бы «перекачивание» времени жизни из менее ценной его составляющей в более ценную. Как видим, направление этого субъективного перераспределения времени непосредственно связано со степенью реализованности времени на разных этапах жизни.

В соответствии с событийным подходом к решению проблемы психологического времени, идущим со времен Канта, особенности отражения человеком времени, его скорости, насыщенности, длительности зависят от числа и интенсивности происходящих в жизни событий.

Наиболее простым способом реализованность психологического времени личности можно определить, задав человеку вопрос: «Если все событийное[1] содержание Вашей жизни (Вашего прошлого, настоящего, будущего) условно признать за 100%, то какой процент этого содержания реализован Вами к сегодняшнему дню?» Подобный вопрос мы задавали нашим испытуемым (83 чел.). Ответы варьировали от 10 до 90% при средней оценке 41%. Коэффициент линейной корреляции между самооценками возраста и реализованности был равен +0,47 ($p < 0{,}01$). Наличие значимой положительной связи подтверждает мысль о том, что самооценка возраста и реализованность психологического времени находятся в функциональной зависимости. Вместе с тем невысокое значение коэффициента корреляции свидетельствует о том, что обе эти самооценки не могут быть сведены друг к другу, а следовательно, в основе формирования самооценки реализованности лежат собственные механизмы.

Психологический возраст и реализованность психологического времени жизни. Реализованность психологического времени определяется соотношением психологического прошлого, настоящего и будущего. Единицы измерения реализованности полностью производны от понимания сущности психологического времени, единиц его анализа и измерения. Здесь сразу же становится очевидной невозможность сведения психологического времени и, в частности, психологиче-

[1] «Событие» определялось как любое изменение в условиях жизни человека, в его поведении и поступках, в его внутреннем мире. (*Примеч. авт.*)

ского прошлого личности к чисто хронологическим единицам. Это становится тем более явным, чем значительнее личность, чем более весомый вклад в историю и культуру она вносит. Это часто отмечают создатели биографий выдающихся исторических личностей. Так, Р. К. Баландин, один из биографов В. И. Вернадского, пишет: «Измерять длительность человеческой жизни годами все равно что книгу — страницами, живописное полотно — квадратными метрами, скульптуру — килограммами. Тут счет другой и ценится иное: сделанное, пережитое, продуманное».

Однако и чисто событийные единицы не всегда оказываются адекватными для измерения реализованности психологического времени в масштабе жизненного пути личности. Жизнь наполнена событиями от первого и до последнего вздоха, и потому простой подсчет числа событий не намного будет отличаться от подсчета прожитых лет. Лишь принимая во внимание значимость событий для самой личности, мы сможем вплотную приблизиться к возможности измерения реализованности ее психологического времени. Тогда-то психологическое время и предстанет в своем собственном облике, не смешиваясь ни с хронологическим, ни с каким-либо иным. «В жизни человека, — писал С. Цвейг, — внешнее и внутреннее время лишь условно совпадают; единственно полнота переживаний служит мерилом душе; по-своему, не как равнодушный календарь, отсчитывает она изнутри череду уходящих часов... Вот почему в прожитой жизни идут в счет лишь напряженные, волнующие мгновения, вот почему единственно в них и через них поддается она верному описанию». Таким образом, адекватные единицы измерения реализованности психологического времени могут быть найдены лишь при учете значимости событий для человека, проявляющейся в его субъективных оценках степени влияния того или иного события на жизнь в целом.

Реализованность психологического времени осознается человеком в форме особого переживания своего «внутреннего» возраста, который и может быть назван **психологическим возрастом личности** в отличие от ее хронологического, биологического и социального возрастов. При этом надо учитывать следующее:

1. Психологический возраст — это характеристика человека как индивидуальности, измеряется он в ее «внутренней системе отсчета» (как интраиндивидуальная переменная), а не путем интериндивидуальных сопоставлений (примером последнего является так называемый «интеллектуальный возраст», определяемый с помощью IQ). Для определения психологического возраста человека достаточно знать лишь индивидуальные особенности его психологического времени.
2. Психологический возраст в некоторых пределах принципиально обратим, т. е. человек не только стареет в психологическом времени, но и может помолодеть в нем за счет увеличения удельного веса психологического будущего или уменьшения психологического прошлого.
3. Психологический возраст многомерен. Он может не совпадать в разных сферах жизнедеятельности. К примеру, человек может чувствовать себя почти полностью реализовавшимся в семейной сфере и одновременно ощущать нереализованность в профессиональной.

Е. И. Головаха

ЖИЗНЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ[1]

В том случае, когда предметом исследования выступает будущее человека в масштабе его жизненного пути, т. е. долговременная картина жизни в будущем, речь идет о жизненных целях и планах, ориентациях и перспективах.

Эти понятия во многом близки по содержанию и нередко используются в одном контексте для характеристики совокупности представлений человека об основных линиях и ориенти-

---

[1] Фрагменты книги: Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев, 1988.

рах его дальнейшего жизненного пути. Однако за их содержательным сходством стоит не менее существенное различие. Жизненные цели и планы имеют достаточно определенную предметную очерченность, могут быть выражены в конкретных событиях жизненного пути. Жизненные планы являются средствами осуществления жизненных целей, их конкретизацией в хронологическом и содержательном аспектах, они определяют порядок действий, необходимых для реализации жизненных целей как основных ориентиров жизненного пути в будущем. С помощью этих понятий будущее может быть рассмотрено как относительно упорядоченная во времени совокупность событий, приводящих к достижению идеальных результатов, являющихся на данном этапе жизненного пути основными ориентирами деятельности человека.

Для исследования жизненных целей и планов необходимо применять событийный подход, ключевым понятием которого является «событие» — «узловой момент и поворотный этап жизненного пути личности» (Рубинштейн, 1946). Именно такими событиями в картине будущего выступают жизненные цели и планы. Разработанные в рамках событийного подхода классификации, показатели и методы исследования позволяют рассматривать совокупность жизненных целей и планов как систему, имеющую определенную структурную упорядоченность и функциональное назначение в регуляции человеческой деятельности.

С точки зрения событийного подхода жизненные цели и планы различаются как конечные и промежуточные события определенного этапа жизни. Цели — более масштабные и несколько менее хронологически определенные события, чем планы. В связи с этим в эмпирических исследованиях в качестве жизненных планов, как правило, рассматриваются такие конкретные события, как поступление в вуз, вступление в брак, повышение в должности и т. д., а в качестве жизненных целей — некоторые достаточно абстрактные ориентиры: хорошая работа, материальная обеспеченность, счастливая семейная жизнь и т. д. При этом предполагается, по-видимому, что последовательная реализация конкретных событий — планов, по мнению самого человека, в конечном счете приведет его

к осуществлению соответствующих жизненных целей. Например, хорошая работа будет следствием поступления и окончания в конкретные сроки учебного заведения, а счастливая семейная жизнь наступит в результате вступления в брак, рождения детей и т. д. Такая картина будущего, разумеется, вполне может быть представлена в сознании людей. Однако содержательная и хронологическая неопределенность целей (если это действительно цели) в таком случае предопределяет и недостаточность для их достижения соответствующих жизненных планов. Так, можно четко определить для себя уровень образования и место работы в будущем, однако, даже будучи реализованными в ожидаемые сроки, эти планы не обязательно приведут к осуществлению такой «жизненной цели», как «хорошая работа».

Чтобы план приводил к цели, сама цель должна быть предметно определена, а сроки ее реализации должны быть согласованы со сроком осуществления предшествующего ей плана. В противном случае разрыв между целями и планами окажется настолько велик, что возникнет феномен недостижимости цели, поскольку получить хорошую работу можно и в начале, и в конце трудового пути при одних и тех же жизненных планах — все будет зависеть от конкретных условий и их оценки самим работником. Может возникнуть и феномен инверсии планов и цели, когда, например, счастливая семейная жизнь наступит до реализации планов рождения детей, и сами эти планы окажутся ненужными, препятствующими достижению жизненной цели. Вполне очевидны возможные негативные социальные и индивидуальные последствия растянутых на неопределенно долгий период жизни и слишком быстро достигнутых содержательно неопределенных жизненных целей: в первом случае поиск своего пути может затянуться на годы и десятилетия, рождая неопределенность жизненных планов и неуверенность в своих силах; во втором — грозит ранняя самоуспокоенность, утрата стимулов самореализации личности.

Разумеется, событийным подходом не исчерпываются возможные направления исследования представлений человека о будущем. Изучение событий позволяет определить дискретную картину будущего, представленного совокупностью по-

следовательных моментов, «точек» на линиях жизни, направленных в будущее. Фактором, обусловливающим движение по этим линиям от события к событию, являются ценностные ориентации личности, в основе которых — система воспринятых личностью социальных ценностей. Планируя свое будущее, намечая конкретные события — планы и цели, человек исходит прежде всего из определенной иерархии ценностей, представленной в его сознании. Ориентируясь в широком спектре социальных ценностей, индивид выбирает те из них, которые наиболее тесно увязаны с его доминирующими потребностями. Предметы этих потребностей, будучи осознанными личностью, становятся ее ведущими жизненными ценностями. Избирательная направленность на эти ценности отражается в иерархии ценностных ориентаций личности. Ценностные ориентации не имеют той определенности, которая присуща сформированным на должном уровне целям и планам. Благодаря этому они выполняют более гибкую регулятивную функцию. Их предмет — определенная сфера жизнедеятельности, линия поведения, рассчитанная на период времени, который заранее трудно установить для непосредственной реализации ожиданий, соответствующих сложившейся иерархии ценностей.

Если жизненные цели и планы не реализуются, наличие ценностных регуляторов обеспечивает устойчивость личности в момент «кризиса нереализованности». Если же намеченные цели достигнуты и утрачивают побудительную силу, ценностные ориентации стимулируют к постановке новых целей. Этот механизм действует при устойчивой структуре ценностного сознания человека, когда у него сформирована достаточно четкая иерархия ценностных ориентаций и он может с уверенностью сказать, что главное для него, например, творческая работа, затем — семейное счастье, полноценный досуг, здоровье и т. д. Тогда создаются предпосылки для согласования жизненных целей в соответствии с приоритетами, определяемыми иерархией ценностных ориентаций.

Ценностные ориентации, цели и планы являются последовательными ступенями субъективной регуляции жизнедеятельности человека. Ориентации определяют порядок предпочте-

ния тех или иных сфер деятельности, направлений жизненного пути, на которых человек предполагает сконцентрировать свои силы и энергию. Постановка целей предполагает знание не только направления деятельности, но и ее идеального результата, которому соответствует определенное событие жизненного пути, отделяющее зону обозримого будущего в данной сфере жизнедеятельности от будущего, которое еще не освоено человеком. Жизненная цель — это предметная и хронологическая граница «актуального» будущего, непосредственно связанного с заботами и проблемами настоящего. Если до этой границы будущее наполняется конкретными жизненными планами на пути к реализации соответствующих жизненных целей, то за ней оно может быть выражено только в общих ориентациях на жизненные ценности, не требующих хронологической и четкой предметной определенности.

Ценностные ориентации, жизненные цели и планы как последовательно формирующиеся компоненты осознанной картины будущего дают ответы на ключевые жизненные вопросы: в каких сферах жизни сконцентрировать усилия для достижения успеха? Что именно и в какой период жизни должно быть достигнуто? Какими средствами и в какие конкретные сроки могут быть реализованы поставленные цели?

В реальных жизненных условиях возможны различные формы осознания будущего, нередко весьма далекие от последовательного решения рассмотренных вопросов. Разумеется, можно привести хрестоматийные примеры того, как ориентация на творческий труд обусловливает постановку жизненной цели, связанной с определенным научным открытием или смелым инженерным проектом, а ясное знание цели определяет четкую последовательность жизненных планов. Такого рода примеров немало и в сферах общественной деятельности, семейной жизни и увлечений человека.

Иная картина будущего наблюдается в том случае, когда ценностные ориентации, цели и планы сформированы не в той мере, чтобы человек мог последовательно и определенно ответить на вопросы, от решения которых зависят направление и содержание его жизненного пути. В чем же находит проявление недостаточная сформированность представлений чело-

века о своем будущем? Прежде всего в несогласованных ценностных ориентациях, когда человек не может осуществить выбор наиболее значимых сфер жизнедеятельности, на которых ему следует сосредоточить свои усилия. Речь идет о недостаточно сформированной иерархии ценностных ориентаций. Когда равные по значимости ценности конкурируют в сознании человека, ему трудно определить первоочередные направления деятельности. Возникает ситуация, когда хочется достигнуть успехов параллельно по многим направлениям, что далеко не всегда осуществимо. Прежде всего в связи с ограниченностью индивидуальных ресурсов человека, что, как подчеркивает В. С. Магун, приводит к наличию «взаимообратных соотношений между успешностью разных видов деятельности, требующих одних и тех же ресурсов, прежде всего энергетических» (1983).

Но дело не только в ограниченности ресурсов, что может сказаться только в процессе деятельности. Конкуренция ценностных ориентаций порождает, в первую очередь, ситуацию неопределенности жизненного выбора. Если для человека равную значимость имеют профессия, требующая постоянных разъездов, и ориентация на размеренный, устроенный быт, то, поскольку параллельная реализация этих ценностей практически исключена, приходится выбирать что-то одно. Но как осуществить такой выбор, если и то и другое имеют равную ценность? Подобная ситуация напоминает известную притчу о буридановом осле, так и не выбравшем ни одну из двух равноценных охапок сена.

Понятно желание человека не отказываться от своих жизненных ценностей, когда все они имеют положительное общественное значение. Однако общество в целом располагает гораздо более широким диапазоном ценностей, чем тот диапазон возможностей, который есть у индивида. Поэтому и необходима система индивидуальных ценностных ориентаций, определяющая жизненные приоритеты, порядок постановки и реализации целей. Эта мысль лаконично изложена в афоризме Сенеки: «Кто везде — тот нигде». К ней можно только добавить, что не всегда равнозначные ценности порождают неопределенность жизненного выбора, а только в том случае,

когда они противоречивы (как, например, ориентация на творческую самореализацию в научной деятельности и вместе с тем на досуг, заполненный ежедневными развлечениями). Если же равнозначные ценности не конкурируют в сознании человека, то соответствующие ориентации могут быть реализованы параллельно без ущерба для каждой из них (таковы, например, ориентации на творческий труд и общественное признание).

Наличие конкурирующих компонентов в сознании — один из источников рассогласования вербального и реального поведения человека. Противоречивость ценностных ориентаций, их конкуренция в ситуации жизненного выбора — исходный момент рассогласования того, чего человек хочет добиться в будущем, и того, что он будет для этого предпринимать. Следовательно, важнейшей предпосылкой успешной самореализации человека в будущем является согласованная, непротиворечивая система ценностных ориентаций, которая лежит в основе формирования содержательно и хронологически согласованных жизненных целей и планов. Однако даже такая система ценностных ориентаций не гарантирует от трудностей и проблем, возникающих непосредственно в процессе целеполагания.

Человек может иметь достаточно четкое представление о сферах и направлениях деятельности, не имея при этом конкретных жизненных целей. Кроме того, жизненные цели могут не соответствовать способностям и возможностям самого индивида или условиям той социальной среды, в которой он живет. Следовательно, наряду с противоречивостью ценностных ориентаций в качестве проявления недостаточной сформированности представлений человека о своем будущем следует рассматривать неадекватность жизненных целей. И наконец, следует учитывать такой показатель, как степень конкретности жизненных планов. Знание цели недостаточно для успешной деятельности, если нет ясного представления о средствах ее достижения. Абстрактность жизненных планов связана с отсутствием представлений о тех событиях, которые должны предшествовать достижению жизненной цели, а также во временной неопределенности этих событий. Неадекватность

жизненных целей и абстрактность жизненных планов могут проявляться в различных жизненных ситуациях. Одной из наиболее распространенных является ситуация выбора профессии, когда из тысяч профессий нужно выбрать одну, наиболее соответствующую склонностям и способностям, определить учебное заведение, конкретную специальность, согласовать свой выбор с планами и ожиданиями в различных сферах жизни. И если жизненные цели определены неадекватно — их содержание не связано с выбором профессии, а сроки реализации иллюзорны, — это будет иметь существенные последствия для всего дальнейшего жизненного пути человека.

Прежде чем обратиться к проблемам профессионального самоопределения личности в том аспекте, который связан с изучением представлений о будущем, необходимо рассмотреть вопрос о том, как эти представления интегрируются в целостную систему, объединяющую ценностные ориентации, жизненные цели и планы. В систему представлений о будущем включаются и другие компоненты, среди которых, с одной стороны, мечты, фантазии, грезы, составляющие желаемую, но не обязательно осуществимую картину будущего, а с другой — тревоги и опасения, ожидания неприятных событий, которые с определенной вероятностью могут произойти в жизни каждого человека и которых, по возможности, ему следует избегать. <...>

При несогласованности перспективы, когда человек недостаточно связывает будущие события с прошлыми и настоящими, возникает феномен «временной некомпетентности», который негативно сказывается на степени адаптированности личности к конкретным условиям жизнедеятельности. Несогласованность перспективы связана с низкой субъективной актуальностью событий жизни, с переживанием времени как чрезмерно растянутого. Дифференцированность будущей временной перспективы характеризует степень расчлененности будущего на последовательные этапы. Выделают два основных этапа: ближайшая и отдаленная перспектива. Самостоятельное значение каждого из этих этапов, особенности их формирования в детстве и юности и влияние на развитие личности убедительно показаны А. С. Макаренко, работы которого сы-

грали столь же существенную роль в изучении проблем перспективы в рамках советской психологии, как исследования К. Левина в развитии данной проблематики в западной психологии. При различных методологических подходах к пониманию роли будущего в формировании и развитии личности А. С. Макаренко и К. Левин в конкретных исследованиях обнаруживали сходные данные, свидетельствующие о том, что разделение ближайшей и отдаленной перспективы является важнейшим моментом развития личности, характеризующим переход от детства к юности, к решению важнейших задач жизнеустройства, к выбору жизненного пути, к становлению социальной зрелости и самостоятельности личности.

Данные психологических исследований обнаруживают прямую или опосредованную связь рассмотренных параметров будущей временной перспективы с такими существенными личностными характеристиками, как самооценка, я-концепция, мотивация достижения, догматизм, тревожность, импульсивность, локус контроля и ряд других. Основной вывод, к которому приходят практически все исследователи, состоит в том, что уровень развития будущей временной перспективы, критерием которого выступают ее продолжительность, оптимистичность и реализм, степень дифференцированности и согласованности, связан с уровнем психического и социального развития личности. В этом смысле вполне можно употреблять понятия, почерпнутые из обыденного опыта и связанные с оценкой личности с точки зрения ее «перспективности» или «бесперспективности», поскольку важнейшие личностные качества, определяющие степень активности человека в различных сферах жизни, в большей мере присущи людям с развитой, гармоничной будущей перспективой.

Можно, разумеется, предположить, что именно изначальное присутствие таких личностных качеств, как социальная интегрированность, жизненная удовлетворенность, отсутствие тревожности и импульсивности, внутренний контроль, высокий уровень мотивации достижения, является фактором формирования оптимальной будущей перспективы, а не наоборот (как этого хотелось бы тому, кто с формированием представлений о будущем связывает надежды на возможность повы-

шения жизненной активности и гармоничного развития личности). Такое предположение было бы вполне правомерным, если бы те или иные компоненты и параметры будущей перспективы не составляли в определенном аспекте содержание указанных выше личностных качеств. Действительно, социальная интегрированность — это не только способность человека найти свое место в обществе, в деятельности его различных институтов. Самой этой способности не могло бы быть, если бы человек, прежде чем определить свое место в социальной системе, не согласовал бы свои цели и планы с перспективой развития данной системы. Жизненную удовлетворенность нельзя рассматривать только как одномоментное переживание полноты настоящего. В отличие от удовольствия, извлекаемого из текущей ситуации, удовлетворенность жизнью охватывает и прошлое, и будущее, т. е. перспективу, которая нередко позволяет человеку ощутить высокое чувство жизненной удовлетворенности, даже тогда, когда он находится в бедственном положении. Импульсивность — это неуправляемость поведения с точки зрения будущих результатов, а тревожность — чувство страха и опасения прежде всего за будущее. Поэтому нет более эффективного психологического пути воздействия на эти личностные качества, чем изменение отношения человека к будущему, формирование и коррекция будущей перспективы.

Известно, какое значение в современных исследованиях личности придается преобладающему локусу контроля. При внутреннем или внешнем контроле человек возлагает ответственность на себя или на обстоятельства не только за все происшедшее, но и за свое будущее. Следовательно, и ответственное отношение к будущему как элемент перспективы непосредственно включается в механизм, формирующий определенный локус контроля. То же можно сказать и об уровне мотивации достижения, которая определяется содержанием, согласованностью и временной удаленностью реализуемых целей. Поэтому формирование развитой, гармоничной будущей временной перспективы должно рассматриваться как необходимая предпосылка формирования и развития личности, эффективности ее деятельности в различных сферах жизни.

Таковы выводы, которые вытекают из психологических исследований. Для социолога, который ставит перед собой задачу раскрыть социальное содержание этой проблемы, исключительно важно найти опору в данных психологической науки. Методы, которыми он владеет, обращены прежде всего к массовому респонденту, к представителю определенной социальной группы. И если факты, кропотливо собранные психологами, позволяют приступать к изучению проблемы будущего с уверенностью в том, что перспектива личности — важнейший фактор ее развития и самореализации, то для социолога открывается широкое самостоятельное поле деятельности, связанное с изучением того, какое же конкретное содержание вкладывают люди в свои перспективы, в чем специфика его в различных социальных группах, какие факторы и условия способствуют приведению данного содержания в соответствие с нормами общественной жизни, с требованиями, обеспечивающими гармоничное развитие самой перспективы. Иными словами, зная роль перспективы в жизни человека, зная параметры и критерии ее развития, выделенные в психологии, можно решать конкретные социологические проблемы, возникающие в тех сферах общественной жизни, которые непосредственно связаны с необходимостью изучения отношения к будущему.

Чтобы выделить именно этот аспект, явно недостаточно использовать понятия временной перспективы или будущей временной перспективы, разработанные в психологии. Недостаточно прежде всего потому, что перспектива личности с точки зрения социолога — это не только временная перспектива, но и пространственная, в той мере, в какой человек планами, целями и результатами деятельности осваивает определенную область социального пространства, в котором сферы общественной деятельности складываются на пересечении жизненных траекторий социальных групп и отдельных людей. <...>

...Представляется целесообразным использовать понятие, которое может выполнить интегративную функцию, характеризуя основные содержательные и структурные моменты, связанные с представлением человека о своем будущем. На наш взгляд, наиболее удачным в данном случае является по-

нятие «жизненная перспектива», которое еще сравнительно редко используется в научной литературе. К. К. Платоновым предложено определение жизненной перспективы, которая рассматривается им как «образ желанной и осознаваемой как возможной своей будущей жизни при условии достижения определенных целей» (1984).

Это определение правильно отражает сущность жизненной перспективы как системы представлений человека о возможном будущем. Однако перспектива — это не всегда желаемое, но нередко — ожидаемое с тревогой и опасениями. Такие события, например, как неудачи и утраты, вряд ли целесообразно планировать, а тем более желать их осуществления. Однако их вполне можно ожидать, готовясь к предотвращению негативных последствий. Поэтому жизненную перспективу следует рассматривать как целостную картину будущего в сложной противоречивой взаимосвязи программируемых и ожидаемых событий, с которыми человек связывает социальную ценность и индивидуальный смысл своей жизни. Ценностные ориентации, жизненные цели и планы составляют ядро жизненной перспективы, без которого она утрачивает свою основную функцию — регулятивную. Если человек ожидает утраты и неудачи и при этом в арсенале программных событий не находит того, что могло бы предотвратить или преодолеть последствия ожидаемых потерь, его жизненная перспектива утрачивает положительную регулятивную функцию и может дезорганизовывать поведение. Следовательно, ключевым моментом в исследовании жизненной перспективы человека должны стать те конкретные цели и планы, с помощью которых он намерен воплотить в действительность свои жизненные ценности.

Жизненная перспектива — не раз и навсегда выработанная стратегия. Каждому качественно новому этапу жизненного пути должно соответствовать специфическое содержание перспективы, в которой одни компоненты сохраняют преемственность, а другие — отражают реальные изменения в окружающем мире и в самом человеке. В исследованиях жизненного пути обнаружены факты, свидетельствующие о том, что в жизни каждого человека существуют критические моменты,

связанные с изменениями жизненной перспективы; в этих жизненных ситуациях одни люди способны перестраивать свою перспективу, повышая мотивацию достижения, а другие впадают в состояние стресса, характеризующееся чувством опасности и повышенной тревожности. По разным линиям жизни критические моменты возникают в разное время, но есть такие периоды жизни, в которых эти моменты концентрируются, пересекаются, порождая целый комплекс жизненных проблем, требующих формирования и перестройки жизненной перспективы. <...>

Заключение

Эмпирические исследования, проведенные методом анкетного опроса (с использованием специальной тестовой процедуры) и основанные на указанных теоретических предпосылках, позволяют утверждать, что у подавляющего большинства учащихся старших классов школы сформированы достаточно определенные представления о событиях будущего и сроках их реализации, с которыми они связывают свои долговременные жизненные цели. Важным с точки зрения понимания особенностей формирования жизненной перспективы в юности является тот факт, что не обнаружены принципиальные различия в содержании и хронологической структуре жизненной перспективы учащихся 8 и 10-го классов. Некоторые различия, связанные с более четким усвоением десятиклассниками нормативных представлений о сроках реализации жизненных притязаний и условий их реализации, не столь существенны, чтобы можно было сделать вывод о качественных изменениях картины будущего в этот период. Уже к 14–15 годам у человека сформированы представления о сравнительно отдаленном будущем в профессиональной, семейной и других сферах жизнедеятельности. Эти представления включают жизненные притязания, согласованные с определенными сроками их реализации.

Юноши и девушки проявляют реалистичность в жизненных притязаниях, связанных с будущей профессиональной деятельностью и семьей. Однако менее реалистичны притязания

старшеклассников в сфере образования, социального продвижения и материального потребления. Более высокий уровень притязаний в этих сферах не всегда подкрепляется соответствующими профессиональными устремлениями. В этом — один из источников несогласованности жизненной перспективы. Второй источник — недостаточная конкретность профессиональных планов и несоответствие актуальной жизненной ситуации определенной части старшеклассников их долговременным целям и притязаниям.

В исследовании возрастных ожиданий было показано, что для людей разного возраста, в том числе и в юности, при оценке продуктивности различных этапов жизненного пути характерен единый социально-нормативный механизм. Этот факт позволил судить о возрастных ожиданиях старшеклассников без скидок на юношеские стереотипы восприятия молодости, зрелости и старости. Старшеклассники обнаруживают реалистичность в оценке последовательности будущих жизненных достижений и вместе с тем чрезмерный оптимизм в определении сроков, которые они связывают с этими достижениями.

Девушки во всех сферах жизни ожидают достижений в более раннем возрасте, чем юноши, даже в тех случаях, когда уровень притязаний у них выше. Их жизненная перспектива в этом аспекте неадекватна реальным обстоятельствам, которые скорее содействуют реализации профессиональных притязаний юношей. В чрезмерной оптимистичности возрастных ожиданий девушек проявляется недостаточная готовность к реальным трудностям и проблемам самостоятельной жизни в будущем.

Одним из показателей несогласованности жизненной перспективы старшеклассников является недостаточная самостоятельность и готовность к самоотдаче в будущей реализации жизненных целей. В исследовании жизненной перспективы старшеклассников обнаружен феномен, подобный тому, который фиксируется в определенных условиях зрительного восприятия перспективы: обратная перспектива, когда отдаленные объекты кажутся более крупными, чем близкие к наблюдателю. У определенной части старшеклассников наблюдается достаточно определенная картина отдаленного будущего

при абстрактности и несформированности непосредственных профессиональных и образовательных планов.

В книге показано, что одной из причин несогласованности профессиональных планов и жизненных целей молодежи является противоречивость и внепрофессиональная направленность ценностных ориентаций. В связи с этим осуществлен анализ типов ценностно-ориентационных структур личности, намечены пути формирования непротиворечивых ценностных ориентаций.

И. С. Кон

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ КАК ПРЕДМЕТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

С каких бы позиций мы ни описывали развитие человека, это описание молчаливо предполагает три автономные системы отсчета.

Первая система — индивидуальное развитие, описываемое в таких терминах, как «онтогенез», «течение жизни», «жизненный путь», «жизненный цикл», «биография», его составляющие («стадии развития», «возрасты жизни») и производные («возрастные свойства»). Но возраст развития и его измерения многомерны. Биологический возраст определяется состоянием обмена веществ и функций организма по сравнению со статистически средним уровнем развития, характерным для всей популяции данного хронологического возраста. Социальный возраст индивида измеряется путем соотнесения уровня его социального развития (например, овладение определенным набором социальных ролей) с тем, что статистически нормально для его сверстников. Психический возраст определяется путем соотнесения уровня психического (умственного,

[1] Фрагменты статьи в сборнике: Человек в системе наук. М., 1989. С. 472–480.

эмоционального и т. д.) развития индивида с соответствующим нормативным среднестатистическим симптомокомплексом. Кроме этих параметров, подразумевающих объективное, внешнее измерение, существует субъективный, переживаемый возраст личности, имеющий внутреннюю точку отсчета; возрастное самосознание зависит от напряженности, событийной наполненности жизни и субъективно воспринимаемой степени самореализации личности.

Вторая система отсчета — социально-возрастные процессы и социально-возрастная структура общества, описываемые в таких терминах, как «возрастная стратификация», «возрастное разделение труда», «возрастные слои», «возрастные группы», «поколение», «когортные различия» и т. д.

Третья система отсчета — возрастной символизм, отражение возрастных процессов и свойств в культуре, то, как их воспринимают и символизируют представители разных социально-экономических и этнических общностей и групп («возрастные обряды», «возрастные стереотипы» и т. п.).

Все эти явления взаимосвязаны. Но в изучении индивидуального жизненного пути ведущую роль издавна играли психологи; лишь сравнительно недавно к ним присоединились социологи. Исследование возрастной стратификации общества — заповедная область социологии и демографии. Возрастной символизм изучается преимущественно этнографами, при участии фольклористов и историков. Каждая из этих дисциплин имеет свою собственную, исторически сложившуюся систему понятий и методов и далеко не всегда склонна учитывать, как ставятся те же самые или близкие проблемы в смежных отраслях знаний. Одни и те же термины имеют в разных науках и у разных авторов совершенно разные значения.

Например, слово «поколение» обозначает: 1) генерацию, звено в цепи происхождения от общего предка («поколение отцов» в отличие от «поколения детей»); 2) возрастно-однородную группу, когорту сверстников, родившихся в одно и то же время; 3) условный отрезок времени, в течение которого живет или активно действует данное поколение; 4) общность современников, сформировавшихся в определенных исторических условиях, под влиянием каких-то значимых истори-

ческих событий, независимо от их хронологического возраста («поколение романтизма» или «послевоенное поколение» в отличие от «военного» и «довоенного»).

Поскольку «индивидуальное развитие человека, как и всякого другого организма, есть онтогенез с заложенной в нем филогенетической программой» (Б. Г. Ананьев, 1969), его периодизация неизбежно покоится на выделении ряда универсальных возрастных процессов (рост, созревание, развитие, старение), в ходе которых формируются соответствующие возрастные свойства (различия). То и другое обобщается в понятии возрастных стадий (фаз, этапов, периодов) или этапов развития (детство, переходный возраст, зрелость, старость и др.). Возрастные свойства отвечают на вопрос, чем среднестатистический индивид данного хронологического возраста (и/или), находящийся на данной стадии развития, отличается от среднестатистического индивида другого возраста. Возрастные процессы подразумевают вопрос, как формируются возрастные свойства и каким путем (постепенно или резко, скачкообразно) происходит переход из одной возрастной стадии в другую.

Но хотя термины, в которых психология развития описывает возрастные процессы, уходят своими корнями в биологию и подразумевают прежде всего онтогенез, реальная биография, жизненный путь индивида значительно богаче и шире онтогенеза и включает также историю «формирования и развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи и сверстника определенного поколения».

Периодизация жизненного пути должна учитывать принципиальную многомерность возрастных свойств и критериев их оценки. Если биологический возраст соотносится со свойствами организма или его подсистем, то социальный возраст — с положением индивида в системе общественных отношений.

Такие понятия, как дошкольный, школьный, студенческий, рабочий, пенсионный возраст или возраст гражданского совершеннолетия, имеют исключительно социальный смысл.

При этом необходимо различать нормативные и фактические критерии. Юридический брачный возраст, т. е. минималь-

ный возраст, по достижении которого индивид имеет законное право вступать в брак, совсем не то же самое, что демографические показатели брачности (вероятность вступления в брак в определенном возрастном интервале, средний возраст вступления в брак и т. д.). Соотношение их также исторично. В современном индустриальном обществе большинство людей вступают в брак значительно позже, чем это допускается законом, тогда как в средневековой Европе дело обстояло совсем наоборот.

Многомерность возрастных свойств усугубляется неравномерностью и гетерохронностью (асинхронной) протекания возрастных процессов. Закон гетерохронности развития универсален и действует как на межличностном, так и на внутриличностном уровне. Межличностная гетерохронность означает, что индивиды созревают и развиваются не одновременно, а разные аспекты и критерии зрелости имеют для них неодинаковое значение. Внутриличностная гетерохронность выражается в несогласованности сроков биологического, социального и психического развития и несовпадении темпов созревания или инволюции отдельных подсистем одного и того же индивида, например темпов его физического роста и полового созревания, наличии диспропорций между интеллектуальным и нравственным развитием и т. п.

Многомерность возрастных свойств и гетерохронность возрастных процессов делают любую периодизацию жизненного пути и его отдельных этапов условной, допускающей многочисленные вариации и отклонения от статистически среднего, причем эти отклонения статистически нормальны и нередко представляют собой разные типы развития.

Не менее существенны их социально-исторические вариации. По мнению ряда ученых, имеется определенная филогенетическая закономерность, согласно которой в процессе биологической эволюции возрастает значение индивида и его влияние на развитие вида. Это проявляется в удлинении периода формирования, в течение которого накапливается индивидуальный жизненный опыт, и в увеличении вариативности (морфологической, физиологической и психической) внутри вида.

Это продолжается в человеческой истории. Кроме общего удлинения продолжительности жизни человека по сравнению с другими антропоидами, повышается значение подготовительного этапа жизнедеятельности, происходит удлинение детства как периода первичного обучения и социализации. С другой стороны, возрастает значение старости, поскольку старые особи, передавая накопленный ими опыт более молодым, способствуют увеличению устойчивости и эволюционных возможностей популяции. Б. Г. Ананьев видел в этом пример обратного воздействия жизненного пути на онтогенез. Поэтому, хотя возрастные категории первоначально зародились и часто мыслятся обыденным сознанием как онтогенетические инварианты, их необходимо рассматривать в иной, более сложной системе отсчета.

Длительность индивидуального жизненного пути, членение и конкретное содержание его этапов существенно варьируют в разных обществах и у представителей разных классов одного и того же общества. Индивиды, принадлежащие к господствующим классам, имеют гораздо больше шансов на продолжительную жизнь, обладают более длительным детством и т. п.

В современной науке существуют три главных термина для описания индивидуального развития в его целом — время жизни, жизненный цикл и жизненный путь. Хотя их нередко используют как синонимы, они существенно различны по содержанию.

Время жизни, ее протяженность или пространство (англ. — *life-time* или *life-span*), обозначает временной интервал между рождением и смертью. Чем заполнено это временнуе пространство, термин не уточняет.

Продолжительность жизни сама имеет важные социальные и психологические последствия. От нее во многом зависит, например, длительность сосуществования поколений и продолжительность первичной социализации детей. Тем не менее «время жизни» — понятие формальное, обозначающее хронологические рамки индивидуального существования, безотносительно к его содержанию.

Понятие «жизненный цикл» более определенно и содержательно. Оно предполагает, что ход жизни подчинен известной закономерности, а его этапы («возрасты жизни», или «времена жизни», подобные временам года) представляют собой постоянный круговорот. Идея циклического круговорота жизни, подобного цикличности природных процессов (чередование дня и ночи, смена времен года и т. п.) — один из древнейших образов нашего сознания. Многие биологические и социальные возрастные процессы действительно являются циклическими. Организм нормально проходит фазы рождения, роста, созревания, старения и смерти. Личность усваивает, затем выполняет и, наконец, постепенно оставляет определенный набор социальных ролей (трудовых, семейных, родительских), после чего тот же цикл повторяют ее потомки. Цикличность характеризует и смену поколений в обществе, где младшие (дети) сначала учатся у старших, затем активно действуют рядом с ними, а потом, в свою очередь, социализируют младших.

Однако понятие «жизненного цикла» предполагает некоторую замкнутость, завершенность процесса, центр которого находится в нем самом. Между тем важнейшие процессы развития индивида как личности невозможно понять без учета его взаимодействия с другими людьми и социальными институтами. И это взаимодействие не всегда укладывается в циклическую схему. Хотя трудовую жизнь личности можно представить в виде цикла, включающего фазы подготовки к труду, начала трудовой деятельности, пика профессиональных достижений, спада активности и выхода на пенсию, данная модель представляется чересчур общей.

Чем шире круг подвергающихся анализу деятельностей и отношений, тем меньше индивидуальная биография походит на циклический процесс. Даже если каждый отдельный ее аспект или компонент может быть концептуализирован как некоторый цикл («биологический жизненный цикл», «семейный цикл», «цикл профессиональной карьеры»), биография в целом представляется многомерной, подчиненной нескольким разным, несводимым друг к другу ритмам. Это побуждает ученых рассматривать человеческую жизнь не как сумму вариаций на заданную тему, а как открытую систему, как ис-

торию, в которой наряду с определенными инвариантами есть пробы, гипотезы, проблемы, перемены и т. п.

Наиболее емкий и употребительный термин для описания этого — «жизненный путь». Понятие жизненного пути отличается от «жизненного цикла» прежде всего многомерностью, тем, что оно предполагает множество разных тенденций и линий развития в пределах одной и той же биографии, причем эти линии одновременно автономны и взаимосвязаны. В основе его периодизации — не линейные, раз и навсегда определенные фазы, а конкретные жизненные события. Время, последовательность и способ осуществления любого жизненного события, будь то вступление в брак или выход на пенсию, не менее важны, чем сам факт, что данное событие имело место.

Это требует сочетания социологического, психологического и исторического анализа.

Раньше психологи изучали процессы индивидуального развития так, как если бы они совершались в неизменном социальном мире, а историки и социологи прослеживали изменения в социальном мире без учета перемен в содержании и структуре жизненного пути индивида. Эти две точки зрения — «изменяющийся индивид в неизменном мире» и «изменяющийся мир при неизменных индивидах» — признавались взаимодополнительными, но практически не совмещались. Сегодня ясно, что нужно изучать развитие индивида в изменяющемся мире. В свете этой новой теоретической перспективы возрастные различия не просто следствие универсальных этапов онтогенеза, а результат сложного переплетения траекторий индивидуального психического развития, общественно-производственной, трудовой карьеры и брачно-семейного цикла. Поскольку каждая из этих линий относительно автономна, жизненный путь, как и онтогенез, подчинен закону гетерохронности. Поворотные пункты и переходы в психическом развитии, трудовой карьере и семейной жизни личности могут хронологически не совпадать. Но такая асинхрония имеет определенные, социально и исторически обусловленные пределы. Это обязывает исследователя жизненного пути, во-первых, синхронизировать фазы индивидуального психосоциального развития личности с ее трудовыми и семейными

переходами; во-вторых, проследить взаимодействие этих разных переходов в системе жизненного пути; в-третьих, учитывать кумулятивное воздействие предшествующих переходов на последующие.

Таким образом, содержательная характеристика процессов, свойств и стадий индивидуального развития возможна либо в системе онтогенеза, либо в системе жизненного цикла, либо в системе жизненного пути. Однако эти системы не рядоположны: жизненный путь личности включает в себя жизненный цикл индивида, а этот, в свою очередь, включает онтогенез. Относительно и само различие «биологических» и «социальных» процессов и свойств. Хотя процессы роста, созревания и старения организма автономны от процессов усвоения, выполнения и оставления личностью определенных наборов социальных ролей, главные психические процессы и свойства являются интегративными и не поддаются дихотомизации на биологические и социальные.

Историко-социологическое изучение жизненного пути и его компонентов не отрицает онтогенетический инвариант развития индивида. Но оно проясняет и подчеркивает ведущую роль, которую играют во взаимодействии биологического и социального исторические условия. Ничто не может изменить инвариантную последовательность циклов детства, взрослости и старости. Но длительность и содержание каждого из них зависят от социальных факторов. Причем эта зависимость имеет не только количественный, что наглядно видно при изучении динамики продолжительности жизни или процессов акселерации, но и качественный характер.

Современная наука уделяет особенно много внимания проблеме качественных сдвигов, скачков в развитии. В биологии и психофизиологии это так называемые критические периоды, когда организм отличается повышенной сензитивностью (чувствительностью) к определенным внешним и/или внутренним факторам, воздействия которых именно в данной (и никакой другой) точке развития имеют особенно важные, необратимые последствия.

В социологии и других общественных науках этому соответствует понятие «социальный переход» индивида или группы

людей из одного социального состояния в другое (например, из детства в отрочество или из категории учащихся в категорию работающих). Специфически этнографический аспект данной проблемы — обряды перехода (rites de passage) и их особый, частный случай — инициации.

Поскольку критические периоды и социальные переходы обычно сопровождаются какой-то, иногда болезненной психологической перестройкой, психология развития (в частности, Э. Эриксон) выработала особое понятие «возрастных кризисов», или «нормативных кризисов развития». Слово «кризис» подчеркивает момент нарушения равновесия, появления новых потребностей и перестройки мотивационной сферы личности, но поскольку в данной фазе развития подобное состояние статистически нормально, то и кризисы эти называются «нормативными».

Зная соответствующие биологические и социальные законы, можно достаточно точно предсказать, когда, в каком среднем возрасте средний индивид данного общества столкнется с теми или иными проблемами, как эти проблемы связаны друг с другом, от каких сопутствующих факторов зависит глубина и длительность соответствующего нормативного кризиса и каковы типичные варианты его разрешения.

Но если нас интересует не структура жизненного пути среднестатистического индивида, а биография индивидуальной личности, объективные данные придется дополнить субъективными. Поворотными пунктами индивидуального развития могут быть любые жизненные события (случайно прочитанная книга, встреча с интересным человеком), которые по тем или иным причинам оказались для данной личности важными, судьбоносными. Проясняется это лишь ретроспективно, поэтому любая биография индивидуальна и в какой-то степени субъективна.

Критические (сензитивные) периоды, социальные переходы, нормативные возрастные кризисы и индивидуальные жизненные события несводимы друг к другу и в то же время взаимосвязаны.

Ни одно психофизиологическое или социально-психологическое событие жизни индивида не может быть понято, если

не соотнести его с: а) хронологическим возрастом индивида в момент совершения данного события; б) когортной принадлежностью индивида, определяемой датой его рождения; в) исторической эпохой и календарной датой этого события. Далеко не одно и то же, женился человек в 18 или в 30 лет; соответствовал ли возраст его женитьбы среднестатистическим для данного поколения нормам и в какой исторической ситуации произошло это событие...

Мультидисциплинарный подход к изучению развития человека, сочетающий данные биологии, социологии и психологии, убедительно показывает, что:

1) ни процесс, ни конечный результат развития человека нельзя считать однонаправленными, ведущими к одному и тому же конечному состоянию;

2) человек развивается от зачатия до смерти, причем пластичность, способность к изменению, хотя и в разной степени, сохраняется на всем протяжении жизненного пути. Развитие человека не ограничивается каким-то одним периодом жизни. Разные процессы развития могут начинаться, продолжаться, происходить и заканчиваться в разные моменты жизни, причем эти субпроцессы не обязательно протекают одинаково по одним и тем же принципам;

3) разные люди развиваются крайне неодинаково, это порождает множество биосоциальных, классовых и индивидуальных различий;

4) развитие в разных сферах жизнедеятельности детерминируется множественными факторами, которые не сводятся к одной-единственной системе влияний. Развитие не является ни простым процессом биологического созревания, развертывания чего-то изначально заложенного, ни простым следствием воспитания и научения;

5) человеческая индивидуальность не только продукт, но и субъект, творец своего собственного развития. Чтобы понять ее жизненный путь, необходимо учитывать множество социально-неструктурированных, случайных жизненных событий, ситуаций и кризисов, а также тех способов, которыми сама личность разрешает возникающие перед нею задачи.

Л. А. Рудкевич, Е. Ф. Рыбалко

ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ[1]

Одной из главных проблем изучения самореализации личности является рассмотрение возрастной динамики творческой продуктивности на протяжении жизненного пути. Не менее важная задача — определение факторов, влияющих на раскрытие творческого потенциала личности. В этой связи Б. Г. Ананьев придавал большое значение становлению творческой личности и индивидуальности, консолидации индивидных и субъектно-деятельностных свойств человека в процессе творческой деятельности, ее социальной ориентации, где процесс экстериоризации и продуктивной деятельности является ведущей структурой. <...>

Один из авторов настоящей статьи разработал принципиально новую методику изучения биографий (Рудкевич Л. А., 1994). В отличие от абстрактно-статистических методов, предложенных Г. Леманом (подсчета числа строк в энциклопедиях и словарях), новая методика исследования основана на историческом описании творчества, анализе биографий, открытий, достижений. Историометрический метод Лемана был заменен историографическим. Поскольку в центре внимания оставались продукты деятельности, такой метод был назван историко-праксиграфическим.

Переходя к рассмотрению полученных результатов, заметим, что если бы Г. Леман попробовал выделить те, по его мнению, исключительные и немногочисленные достижения, которые были созданы во второй половине жизни, он обнаружил бы любопытную зависимость: все или почти все эти достижения были созданы самыми знаменитыми учеными. Между прочим, еще до выхода указанной монографии Г. Лемана его соотечественник Е. Клэг (Clague E., 1951), проанализировав данные биографического словаря «Американцы в науке», пришел к заключению, что снижение творческой продуктивности

---

[1] Фрагменты статьи в сборнике: Психологические проблемы самореализации личности / Ред. А. А. Крылов, Л. А. Коростылева. СПб., 1997. С. 89–106.

наступает у наиболее крупных ученых не ранее 60 лет. К сожалению, эти данные остались вне поля зрения психологов.

В нашем исследовании были выделены две выборки: «А» — самые знаменитые ученые и деятели искусства; «Б» — ученые и деятели искусства известные, но не столь знаменитые. Выборка «А» состояла из 372 человек, выборка «Б» — из 419. После статистической обработки были получены следующие варианты изменения с возрастом творческой продуктивности лиц, входящих в выборки «А» и «Б» (см. табл.).

Спад творческой продуктивности в разных профессиональных группах в зависимости от уровня творческих достижений, в процентах

Профессиональная группа	Группа «А»	Группа «Б»
Представители точных наук	33,7	92,3
Гуманитарии	15,7	65,3
Писатели и поэты	22,7	59,5
Художники	26,9	60,8
Композиторы	8,3	56,1
Все ученые	28,8	79,4
Все деятели искусства	21,1	59,2
Вся выборка	25,2	68,6

Можно видеть, что в выборке «А» спад во всех профессиональных группах констатируется значительно реже. Напротив, в выборке «Б» (менее выдающиеся деятели науки и искусства) спад обнаруживается чаще во всех профессиональных группах. Правда, более 40 % гуманитариев, писателей, поэтов и композиторов сохраняют высокую творческую активность и во второй половине жизни, зато у представителей точных наук в этой выборке спад регистрируется почти в двенадцать раз чаще.

Полученные данные позволяют нам сделать важный вывод о том, что частота спада творческой продуктивности в среднем и пожилом возрасте отрицательно коррелирует с уровнем творческого потенциала личности. То есть наиболее выдающиеся деятели науки и искусства характеризуются высокой сохранностью продуктивности в позднем онтогенезе, тогда как

у менее значительных творческих лиц спад наблюдается достаточно часто.

В творческом процессе создания научного открытия или произведения искусства можно выделить три основные стадии: а) подготовительную, которая характеризуется накоплением предпосылок и элементов будущего открытия; б) стадию непосредственного акта творчества, создания творческого продукта; в) стадию дальнейшей разработки уже созданного. (Несколько иную схему предлагал Г. Уоллес (Wallas G., 1926): подготовка, созревание, озарение, или инсайт, и проверка.) В онтогенезе творческой личности прослеживается преобладание той или иной стадии в определенное время жизни, или, иначе говоря, в разных возрастах творческая личность самореализуется различными путями.

Например, в период обучения и в начале профессиональных занятий преобладает первая стадия. Длительность ее зависит от ряда факторов. Во-первых, она зависит от рода деятельности. Например, у химиков, математиков и композиторов период обучения, как правило, короче, чем у биологов, философов и историков. Во-вторых, играют роль факторы среды, которые могут благоприятствовать или не благоприятствовать обучению и началу творческой деятельности. В-третьих, имеет значение психологическая структура самого субъекта творческого труда. Преобладание второй стадии характерно для производительного периода творческой личности. Преобладание третьей стадии — последующей разработки, обобщения уже сделанного открытия характерно для пожилого и старческого возраста и выражается конкретно в таких формах деятельности, как руководство научным или художественным коллективом, педагогическая деятельность и обучение других, написание книг, учебников и статей по выбранной тематике.

Строгое чередование этих стадий наблюдается относительно редко, чаще они сосуществуют, накладываются друг на друга. Первая стадия — подготовительная — всегда предшествует производительной (за исключением некоторых случайных открытий). Между первой и второй стадиями, как правило, есть период становления, в течение которого ученый или деятель искусства совершает первые попытки творить, пробует свои силы. Деятельность на этом этапе носит обычно репродуктив-

ный и подражательный характер, тем не менее без этого периода бывает трудно обойтись: ведь здесь происходит утверждение творческой индивидуальности человека. То есть если на предыдущей стадии человек учится обучаясь, то на следующей он учится творя. И хотя первые достижения чаще еще недостаточно совершенны, в них уже можно различить признаки незаурядного таланта (ранние работы Резерфорда, Пастера, Дарвина, Гете, Моне, Моцарта).

Следующая стадия производительного периода — этап расцвета, период творческой зрелости, время создания выдающихся произведений искусства и научных открытий. В этом периоде происходит синтез основных идей, формируется профессиональное мировоззрение личности. Затем творческая продуктивность несколько ослабевает — наступает последняя фаза производительного периода — фаза генерализации. Здесь уже начинают преобладать разработка, обобщение достигнутого. Производительный труд не прекращается, а только меняет характер. Иногда он становится менее эффективным, зато появляются новые формы деятельности — обучение молодежи, организационная, общественная и педагогическая работа. В некоторых случаях в позднем возрасте прекращаются все виды творческого труда. Занимаясь, к примеру, только административной работой, ученый переиздает свои ранние произведения, популяризирует ранние открытия и т. п. Такой период, если он имеет место, можно назвать пострепродуктивным. Обыкновенно перечисленные стадии приурочены к определенным этапам индивидуального развития. Обучение осуществляется в юности. Начало творчества (подражательный период) приходится на раннюю зрелость — 18–25 лет. «Акмэ» (период оптимальной продуктивности) относится к 25–40 годам жизни. В средней и поздней зрелости наступает время генерализации. Прекращение творческого труда наблюдается в период геронтогенеза.

Мы сопоставили продолжительность отдельных фаз в выборках «А» и «Б» (наиболее и менее выдающиеся представители творческого труда) с учетом их профессиональной специфики. В результате оказалось, что во всех без исключения профессиональных группах подготовительный период продолжительнее в выборке «А». Наиболее выдающиеся ученые

и деятели искусства больше времени затрачивают на обучение и подготовку к периоду «акмэ», они дольше учатся. Сам период «акмэ» оказывается в выборке «А» также более продолжительным. Отметим, что в этой группе обычно бывает трудно провести четкую границу между подготовительным периодом и периодом расцвета «акмэ», поскольку выдающиеся ученые и деятели искусства даже на стадии «акмэ» продолжают обучаться и совершенствовать свои знания. В выборке «Б» (менее выдающиеся лица), напротив, более продолжительными оказываются период генерализации и постререпродуктивный период. Причем последний в этой выборке не только длительнее, но и выражен значительно чаще, чем в выборке «А». Период генерализации в выборке «А» в большинстве случаев (как и подготовительный период) очень нечетко разделен с периодом расцвета. Ученые, как и деятели искусства, в одно и то же время создают новое и обобщают уже сделанное. Отметим, что периодизация в выборке «А» не отличается четкостью. Периоды как бы находят друг на друга. Нередко можно наблюдать, как в одно и то же время человек совершенствует свои знания, творит и обобщает уже созданное — все три периода представлены одновременно. Однако при этом подчеркнем, что такая закономерность характерна только для самых выдающихся деятелей науки и искусства. В выборке «Б» (менее выдающиеся лица) все три периода — подготовительный, расцвета и генерализации, — как правило, четко разграничены, кроме того, за периодом генерализации в этой выборке следует пострепродуктивный период.

Итак, чередование вышеперечисленных периодов менее отчетливо у наиболее выдающихся представителей науки и искусства. Процесс обучения и образования, плодотворная творческая работа и творческое обобщение уже созданного у представителей выборки «А» чаще сходятся вместе в период «акмэ», который, в свою очередь, охватывает у них большую часть их творческой жизни...

Анализ возрастной динамики в наших выборках более и менее выдающихся ученых и деятелей искусства («А» и «Б») также показал, что наиболее выдающиеся люди начинают творческую работу раньше, чем менее выдающиеся. Однако

завершают они ее не раньше, а позже. Длительность периода максимальной продуктивности у них больше, спад выражен значительно реже и имеет чаще количественный, а не качественный характер. Чередование отдельных фаз возрастной эволюции у них выражено менее отчетливо: они дольше обучаются, хотя и раньше начинают делать собственные открытия. При этом у них редко бывает выражена постпродуктивная фаза. Таким образом, в выборке «А» выявлены существенные особенности возрастной динамики творческой деятельности. <...>

Из полученных данных можно сделать два вывода: 1) снижение интеллекта и творческой продуктивности в последние годы жизни не свойственно ученым и деятелям искусства, как великим, так и не столь знаменитым; 2) вероятность снижения продуктивности в последние годы жизни все же остается большей в выборке «Б» (менее выдающиеся) по сравнению с выборкой «А» (наиболее выдающиеся). Эти выводы согласуются с данными Б. Берковица (1965), который установил, что у лиц с высоким уровнем интеллекта спад IQ в годы, предшествующие смерти, не наблюдается. <...>

Не только мировоззрение и особенности мыслительной деятельности, но и мотивационная сфера выступает в качестве внутреннего фактора самореализации творческой личности. В зарубежных исследованиях творческого процесса и творческой личности проблеме мотиваций отводится центральное место. Многие зарубежные авторы склонны признать мотивационный компонент ведущим в психологии творческой личности. «...Огромное значение для продуктивности научного труда имеет его мотивация, — пишет М. Г. Ярошевский. — Открытие, как правило, совершается в итоге сосредоточения всех духовных сил и способностей ученого, его интересов и побуждений на изучаемом объекте. Мотивы побуждают к деятельности, придают ей определенное направление, выделяют его в качестве доминирующего среди многих других маршрутов мысли» (1971).

У выдающегося ученого или деятеля искусства творчество всегда остается ведущей сферой деятельности. Поэтому мотивация к творчеству, к профессиональной деятельности никогда не вытесняется мотивами, связанными с семейным положе-

нием и другими, второстепенными для ученого общественными ролями. «Эти люди (гении), вероятно, обладают более сильными импульсами и большей способностью направлять свою энергию в нужном направлении, и поэтому они сохраняют производительность даже в старческом возрасте, несмотря на ослабление интеллекта», — писал Дж. Гилберт, известный специалист по возрастной психологии (1935).

Мотивация становится не только фактором творческой деятельности, она сама перестраивается в ходе труда, в зависимости от его характера. Поэтому мотивационный «застой», редукция мотивов к творчеству существует у лиц, жизнь которых насыщена напряженным творческим трудом. Мотивационная структура творческой личности, очевидно, стабилизируется в юности и в ранней взрослости, становясь во второй половине жизни толерантной к старению.

Представление об ученом как о человеке, мышление которого ограничено узкопрофессиональной сферой, а все выходящее за ее границы представляется ему чем-то вроде балласта для мозга, совершенно не соответствует действительности. Одна из наиболее ярких особенностей творческого человека — ученого или художника — это многосторонность интересов и многоплановость деятельности. Эйнштейн увлекался литературой и играл на скрипке, Винер писал романы, Делакруа занимался математикой, Б. Шоу — бактериологией. Разнообразие интересов и разносторонность деятельности характеризовали Галилея, Д'Аламбера, Декарта, Лейбница, Вуда и многих других выдающихся ученых. В то же время многие деятели искусства — Леонардо да Винчи, Гёте — имели крупные научные заслуги. Базальным механизмом открытия или изобретения английский ученый А. Кестлер считает принцип бисоциации, т. е. установление новой связи между элементами двух систем, считавшихся прежде гетерономными. По его мнению, интеллектуальная зрелость является необходимой предпосылкой для разрушения старого стереотипа и синтеза новой идеи, основанной на сочетании двух систем. <...>

Неоднократно высказывавшаяся мысль о том, что интеллектуальное и творческое старение — результат биологического старения, одряхления и физического истощения орга-

низма, также не подтверждается биографиями великих людей. Изучение их скорее наводит на мысль о не столь жесткой зависимости старения высших психологических функций от старческих изменений патологического характера. Например, Резерфорд, Россини, Фальконе отличались хорошим физическим здоровьем в поздний период своей жизни, но, вместе с тем, творческая продуктивность у них в этот период была низка. И напротив, физически больные Барток, Вагнер, Дарвин, Ренуар, Фарадей, Эль Греко сделали значительные вклады в мировую культуру в позднем возрасте. Эйнштейн страдал атеросклерозом, однако это заболевание не повлияло на эффективность его работы.

Среди великих людей мы не смогли найти ни одного примера, подтверждающего положение об обусловленности спада психики инволюцией органических функций, за исключением случаев крайне тяжелой патологии (Я. Больяй, Н. Ленау, Р.Шуман, П. делла Франческа).

Большая творческая продуктивность в позднем возрасте у наиболее выдающихся деятелей науки и искусства свидетельствует о высокой сохранности структуры интеллекта и личности в позднем возрасте. Такого рода старение Б. Г. Ананьев относил к дивергентному типу. Дивергентный тип развития в поздних фазах онтогенеза он объяснял тем, что большие полушария головного мозга в итоге высокого развития функциональных систем не только оперируют колоссальными массами информации, но и участвуют в производстве энергии, необходимой для аналитико-синтетической работы. Механизмом этого явления может быть также особая наследственная конституция, обеспечивающая высокую резистентность к старению нервной системы у высокоталантливых лиц, особенности окружающей среды и форм деятельности. В то же время сохранение на высоком уровне творческой активности может служить фактором, препятствующим преждевременному старению.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

— Чем выше уровень творческой активности личности, тем в меньшей степени ее самореализация связана с фактором возраста.

— Творческая самореализация зависит от мотивационной сферы личности, от того, в какой мере ее направленность на творчество является доминирующей в структуре мотивов.

— Самореализация творческой личности тесно связана с определенным комплексом свойств (самостоятельность, критичность и др.), которые стимулируют творческий процесс. К их числу относится такое важное свойство, как полифункциональность и динамичность переключения с одной области деятельности на другую.

А. А. Реан

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ И САМОТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ ЛИЧНОСТИ[1]

Потребность в саморазвитии есть основополагающее свойство зрелой личности. Идея саморазвития и самореализации является центральной или, по крайней мере, чрезвычайно значимой для многих современных концепций о человеке. Например, она занимает ведущее место в гуманистической психологии, которая считается одним из наиболее мощных и интенсивно развивающихся направлений современной психологической науки и практики. Центральное место идее «самости» (самореализации, саморазвитию, самосовершенствованию) принадлежит и в акмеологии.

Стремление к саморазвитию не есть idee fixe о достижении абсолютного идеала. Идеальным быть трудно, да и вряд ли нужно. На уровне обыденного сознания можно согласиться с мыслью, что, пожалуй, труднее только жить с идеальным человеком. Но постоянное стремление к саморазвитию — это нечто иное.

Актуальная потребность в саморазвитии, стремление к самосовершенствованию и самореализации представляют огром-

[1] Фрагмент из книги: *Реана А. А.* и *КоломинскогоЯ. Л.* Социальная педагогическая психология. СПб.: Питер, 1999. С. 32–36.

ную ценность сами по себе. Они являются показателем личностной зрелости и одновременно условием ее достижения. Кроме всего прочего, саморазвитие есть источник долголетия человека. При этом речь идет об активном долголетии, и не только физическом, но и социальном, личностном. Постоянное стремление к саморазвитию не только приносит и закрепляет успех на профессиональном поприще, но и способствует профессиональному долголетию, что неоднократно подтверждалось экспериментальными данными.

Идея саморазвития и самоактуализации, взятая «в чистом виде», вне связи с феноменом самотрансценденции, является недостаточной для построения психологии личностной зрелости. Для этого необходимо представление о самоактуализации и самотрансценденции как о едином процессе, основанном на эффекте дополнительности — так называемой «суперпозиции».

Феномен самотрансценденции человеческого существования занимает важное место как в гуманистической психологии, так и в экзистенциально-гуманистической философии. При этом самотрансценденцию связывают с выходом человека за пределы своего «Я», с его преимущественной ориентацией на окружающих, на свою социальную деятельность, иными словами, на все, что так или иначе нельзя отождествить с ним самим.

Существует мнение, что в гуманистической психологии, с ее доминирующей направленностью на раскрытие потенциала человека, на достижение самоидентичности и самопринятия, потенциально заложен риск эгоцентризма. При этом идея самотрансценденции как бы забывается. Впрочем, у разных представителей гуманистической психологии она занимает далеко не одинаковое место. Например, у К. Роджерса ей не отводится столь значимая роль, как, скажем, у В. Франкла или А. Маслоу. Пожалуй, первым из крупных представителей гуманистической психологии, обратившим внимание на опасность игнорирования самотрансценденции, был В. Франкл. Именно эту диспропорцию в соотношении идей самоактуализации и самотрансценденции он имел в виду, когда задавался вопросом, «насколько гуманистична гуманистическая психология» (В. Франкл).

Самотрансценденция означает, что человек в первую очередь вступает в некое отношение с внеположной реальностью. В более категоричной форме эта мысль сформулирована в утверждении: «Быть человеком — значит быть направленным не на себя, а на что-то иное» (В. Франкл). Так или иначе, но категоричное противопоставление самотрансценденции и самоактуализации как двух альтернатив, по-нашему мнению, нецелесообразно. Сила гуманистического подхода и перспективы его развития состоят в органичном соединении этих начал. К сожалению, данной проблеме уделяется пока недостаточно внимания даже в самой гуманистической психологии, несмотря на то что ее важность осознается учеными уже давно. Отмечается, что самоактуализации способствует работа (A. Maslow); в служении делу или в любви к другому человек осуществляет себя (В. Франкл); утверждение собственной жизни, счастья, свободы человека коренится в его способности любить, причем любовь неделима между «объектами» и собственным «Я» (Э. Фромм).

Целью человеческого существования является как собственное совершенство, так и благополучие окружающих, ибо поиск одного лишь «личного счастья» приводит к эгоцентризму, тогда как постоянное стремление к «совершенствованию других» не приносит ничего, кроме неудовлетворенности (И. Кант).

К. А. Абульханова, Т. Н. Березина

ВРЕМЯ ЛИЧНОСТИ И ВРЕМЯ ЖИЗНИ[1]

Проблема личностной организации времени жизни

Исследования проблемы времени в психологии осуществлялись в целом ряде направлений, которые фактически мало связаны друг с другом. <...>

---

[1] Фрагменты двух глав «Проблема личностной организации времени жизни» и «Время жизненного пути и развитие личности» монографии: Время личности и время жизни. СПб., 2001.

Направления изучения времени можно условно классифицировать на базе четырех основных аспектов его рассмотрения. Первый аспект рассмотрения — отражение (психикой, сознанием) объективного времени, большая или меньшая адекватность и механизмы отражения (восприятие времени). Второй — временные, т. е. процессуально-динамические характеристики самой психики, связанные прежде всего с лежащими в ее основе ритмами биологических, органических, нейрофизиологических процессов. Третий — способность психики к регуляции времени движений, действия и деятельности. Четвертый — личностная организация времени жизни и деятельности, т. е. той временно-пространственной композиции, в которой строятся ценностные отношения личности с миром на протяжении времени жизненного пути.

Разобщение, обособление отдельных исследовательских направлений, касающихся психических, личностных, жизненных и деятельностных особенностей времени, усилилось тем противоречием, которое в явной или скрытой форме сложилось между точными науками, прежде всего физикой в ее изучении объективного времени и философскими, гуманитарными науками, описывающими экзистенциальное, ценностное, историческое, в широком смысле слова — человеческое время. Физика претендовала на универсальность законов физического времени как явления объективного, измеримого и т. д. Несмотря на победу теории относительности, предполагавшей специфику разных времен, периодизаций и т. д., парадигма точных наук тормозила раскрытие специфики человеческого времени. Современное состояние знания позволяет актуализировать эту проблему как комплексную для ряда гуманитарных наук — социологии, истории, психологии и самой философии, во-первых, и приступить к созданию интегральной концепции времени в психологии, во-вторых.

В русле идей отечественного психолога С. Л. Рубинштейна представителями его школы продолжала развиваться концепция природы психики как специфически детерминированного процесса (А. В. Брушлинский) и начала исследоваться природа личностной и психической организации времени. Это исследование, определенные итоги которого подводятся в данной книге, было нацелено, с одной стороны, на выявление

динамически-темпоральных характеристик самих психических процессов, состояний, с другой — учитывало классические работы по восприятию времени, его переживанию и отражению в широком смысле слова, и с третьей — опиралось на представление о личности как динамической, развивающейся и изменяющейся системе и ее жизненном пути как совершенно специфическом процессе. Исследование личности в масштабах жизненного пути (в отличие от традиционного для отечественной психологии изучения личностных «черт» и структур) было начато нами в начале семидесятых годов в порядке реализации философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна о субъекте и личности как субъекте жизни. Нашей задачей являлось: выявить, при каких условиях личность становится таким субъектом и какие функции она в этом качестве выполняет. Жизненный путь рассматривался нами как специфический, развернутый во времени процесс, в котором сталкиваются две основные детерминанты: внешняя и внутренняя, исходящая от самого субъекта. Субъектом становится только личность, способная разрешать противоречие между этими внешними и внутренними детерминантами жизни, таким образом создавая условия для самореализации, самовыражения. Естественно, что мы опирались и на представление о личности как о динамической, саморазвивающейся системе, пытаясь при этом выявить соотношение ее изменения и развития (взаимосвязанных и иногда противоречащих друг другу). В результате теоретического и эмпирического исследования были сформулированы понятия субъекта, выражающего способность личности к организации жизни, понятия «жизненная позиция», «линия», конкретизировано понятие жизненной или временной перспективы, а также разработано понятие активности, которая выступает как реальная организация времени жизни, его потенцирования, ускорения, расширения, ценностного наполнения. В результате теоретических и эмпирических исследований было сформулировано центральное понятие, которое сегодня репрезентирует специфику данного направления исследований и позволяет интегрировать достаточно большое количество совершенно разноплановых аспектов исследования времени в психологии.

В отличие от множества подходов, которые подчеркивали субъективность психологического времени, концепция личностной организации времени предполагает онтологический характер его организации личностью, которая осуществляется либо в деятельности — также специфическом временном образовании, — либо в жизни в целом. В последнем аспекте она примыкает к целому комплексу исследований жизненного пути, жизненного цикла, перспективы (В. Г. Ананьев, П. Балтес, Дж. Нюттен, Р. Кастенбаум, Л. Франк, С. Л. Рубинштейн и др.). Такой широкий контекст постановки проблемы личностной организации времени (временные характеристики психики — с одной, самой личности — с другой, жизненного пути и его временных структур — с третьей стороны) и поступательный характер самого теоретико-эмпирического исследования позволяет сегодня доказать долго оспаривавшийся физиками и представителями точных наук тезис о наличии специфики человеческого времени в целом в отличие от времени физических процессов, во-первых. Во-вторых, появляется возможность разработки объективного подхода к изучению этого времени в силу доказательств его специфической онтологической организации. В-третьих, открывается возможность дифференцировать разные механизмы временной организации на разных уровнях психики, а личность представить как субъекта, своеобразным образом интегрирующего эти уровни, включающего свой временной тип в социальный и культуральный временной континуум, организующего время своей жизни и деятельности. Категория личностного времени раскрывается через понятие активности, которая и выступает как реальная организация личностью времени жизни — использование времени, его умножение, ускорение, периодизация жизни и т. д. Тем самым определенным образом связываются объективное и субъективное время человека, которые в других подходах и исследованиях обособлялись друг от друга.

Ядром этой еще только намеченной концепции является соединение на личностном основании объективных, свойственных психофизиологическому, психическому уровню организации, особенностей времени и субъективных, отраженных (восприятие, переживание, осознание времени) характерис-

тик времени. На основе психического отражения на разных уровнях осуществляется взаимодействие человека с миром и одновременно развивается способность психики к регуляции этого взаимодействия. Первую — отражающую — функцию психики, по-видимому, можно объяснить как своеобразную конвергенцию и дивергенцию объективных структур и темпов времени, считающихся субъективными, но на самом деле имеющих онтологический статус процессуально-динамических характеристик психики; например, в психике одновременно представлено то, что объективно существует длительно и последовательно, и, наоборот, психическое переживание растягивается во времени, придает длительность тому, что объективно одномоментно. Память воспроизводит прошлое в настоящем, за счет чего в психическом настоящем представлено и то, что отражается (воспринимается) в данный момент, и то, что было отражено в прошлом, т. е. происходит удвоение времени. Иными словами, объективное время отражается и воспроизводится в психике за счет несимметричного ему времени и темпов психических процессов. На основе интеграции разных уровней психического отражения времени развивается способность психики к регуляции взаимодействия человека с миром во времени.

Общая направленность этой регуляции — приведение в соответствие человека с объективным временем и его особенностями. Однако это всего лишь одна — видимая — функция регуляции. Вторая состоит в том, что, начиная с движений и действий, деятельность приобретает свою траекторию, амплитуду и временную архитектонику, отвечающую объективной темпоральной организации человека и его субъективным целям, имеющим свои временные параметры. Поэтому объективному времени должно соответствовать не одно движение, а целая деятельная система человека. Сопряжение объективных скоростей, темпов, временных требований (сроков, моментов) и собственных (органических, психических, двигательных и т. д.) скоростей и ритмов имеет место в структуре психической деятельности. Кроме обозначенного выше методологического противоречия между объективным временем точных наук и специфическим человеческим временем, в са-

мой психологии возникло неявное, невыявленное противоречие, проявившееся в трактовке субъективного времени. Абсолютизация теории отражения, имевшая место в психологии, трактовка психики преимущественно как отраженной, даже если принять оговорку о «незеркальности» этого отражения, привели к рассмотрению субъективного времени только как вторичного, т. е. производного от объективного. Тем самым онтологический характер самой психики выпал из поля зрения теоретиков — онтологической, т. е. объективной, считалась лишь «материальная организация» организма, мозга, нервной системы и т. д. Поэтому то, что психика представляет онтологическую организацию, имеющую свои закономерности, а потому время, стало возможным осознать только на основе концепции С. Л. Рубинштейна, доказавшего специфику объективности психического как субъективного, и системного подхода Б. Ф. Ломова, показавшего невозможность рассмотрения парциальных отдельных свойств отдельных психических процессов и необходимость раскрытия их функций, только в целостной системе организации психики. Только на основании этих идей можно признать специфический онтологический характер самой психики, способа ее организации.

Только на основе этих концепций можно актуализировать глубочайшую идею А. А. Ухтомского о «хронотопе» как системном единстве времени и пространства. Понятие хронотопа требует определения временных особенностей психики применительно к определенному пространству; выражаясь современным языком, к системе, в которой она выполняет те или иные функции. Однако важно уяснить, что если понятие системы предполагает, во-первых, уровневый, во-вторых, фиксированный характер ее организации, то понятие пространства в синтезе с понятием времени, на основе идеи хронотопа, допускает возможность его неиерархичности и, более того, не фиксированной, а временной, функциональной организации. <...>

Нами было определенным образом связано объективное и субъективное время человека, которые в других подходах отрываются друг от друга или противопоставляются друг другу. В результате теоретических и эмпирических исследований

было сформулировано Центральное понятие, которое сегодня выражает специфику данного направления исследований, — понятие личностной организации времени — времени жизни и деятельности. Термин «организация» позволяет обобщить и осознаваемые, и неосознаваемые, интуитивные, эмоциональные способы регуляции времени, с которыми столкнулись исследователи организации времени деятельности, и учесть разнообразный, типологический характер такой организации.

Отличаясь от биографического подхода и методов исследования, наш подход позволяет раскрыть различия не каждой отдельной биографии, а разных типов личностей по способам их организации времени жизни.

Одним из основных в проблеме организации времени жизни был вопрос: могут ли лица, обнаружившие преобладание внешней детерминации над временем, в своей личной жизни свободно распоряжаться им, т. е. сами его определять.

Мы продолжили разработку рубинштейновской концепции личности как субъекта жизни и для анализа его способа организации жизни предложили совокупность трех понятий для обозначения, трех пространственно-временных, ценностно-смысловых модальностей: «жизненная позиция», «жизненная линия», «жизненная перспектива» (последнее достаточно хорошо известно). Жизненная позиция есть результирующая достижений личности (и в этом смысле она аккумулирует ее прошлый опыт). Но поскольку эти достижения в направлении самореализации воплощены не только в качестве самой личности, но и в достигнутой ею расстановке жизненных сил, жизненная позиция есть некоторый потенциал для будущего. И в этом качестве она связана с жизненной перспективой: достигнутые уровень и качество жизни (ценностное, духовное, материальное) открывают личности новые возможности самореализации. Но если личность объективирует себя в разных, не всегда оптимальных направлениях, то траектория ее жизни прерывается радикальной сменой жизненных позиций, сопровождается иногда неразрешимыми противоречиями. «Логику» или траекторию жизненного движения личности мы обозначили понятием «жизненной линии», которая, соответственно, имеет восходящий или нисходящий, прерывистый

или непрерывный (с точки зрения самовыражения, самореализации личности), конвергентный или дивергентный характер. Чем же отличается данная модель от известных исследований жизненных перспектив (Л. Франк, Дж. Нюттен, Р. Кастенбаум и др.)? Одними психологами жизненные перспективы изучались с точки зрения сложности—простоты, отдаленности—близости, другими — исходя из соотношения прошлого, настоящего и будущего, третьими — из их ценностного содержания. Опираясь на эти данные, мы предложили другую классификацию жизненных перспектив: психологические, личностные и собственно жизненные. На понятии временной перспективы, как говорилось, более известном, и нашей классификации, — остановимся ниже специально.

Совокупность этих понятий позволяет более конкретно описать логику жизненного движения личности, его темпы, уровни, ценностные характеристики, масштабы и противоречия, выявить двоякую зависимость времени жизненного пути от личностной способности к организации времени и последней — от способа жизни во времени. Жизненный временно-пространственный континуум, в котором осуществляется развитие, изменения и движение личности, есть характеристика ее ценностного, личностного времени, а не только возрастная или социологическая периодизация жизненного пути. Активность личности — это ее способность соединения самоорганизации с организацией жизни, которая в свою очередь осуществляется механизмами сознания и способностью к организации времени жизни. Последняя проявляется в трех — еще более частных — временных способностях. Это, во-первых, *ускорение*, первые формы которого мы находим в произвольности психической деятельности: ускорение достигается и интенсивностью осуществления жизни, и ее ценностно-личностной наполненностью, и потенцированием времени. Во-вторых, это способность к установлению своей и изменению заданной временной *последовательности* или *одновременности* — деятельностей, общений, встреч, событий жизни.

В-третьих — это *своевременность* как характеристика способности личности согласовывать решающий момент своей активности, ее пик с тем временем, моментом события, ситуа-

ции, задачи, за пределами которого ее активность бессмысленна и безрезультатна. Социальная жизнь личности имеет иногда явную, иногда скрытую временную архитектонику, периодизацию, событийность, более или менее оптимальную для личности. Задача субъекта состоит в том, чтобы определить своевременность или несвоевременность вмешательства в ход жизни, событий в данный момент. Это сознательная или интуитивная способность личности к использованию данного момента. В философской и публицистической литературе часто употребляется понятие «современник», означающее принадлежность или соответствие своей эпохе. Однако своевременность — это особая временная способность личности, проявление общей способности к организации жизни. Понятия «современник», «поколение» и ряд других, употребляемых Б. Г. Ананьевым, Х. Томе и другими психологами, также содержат временную характеристику, которую мы специально рассмотрим ниже. Здесь важно отметить не столько момент совпадения личности с тем или иным временем, сколько соотношение общественного времени и собственно личностного. Во-первых, общественное время — не внешнее по отношению к личности. Оно детерминирует внутреннюю жизнь личности; поскольку личность живет трудом, а труд определяется ценностью для личности, то общественное время выступает не только как необходимость, но и как совокупность представленных личности возможностей и резервов, заключенных в культуре, науке, технике, в научении и социальном опыте. Во-вторых, общественно необходимое время — это не просто время, потраченное на труд, за вычетом которого остается свободное — личностное — время: оно определяет иерархию ценностей и детерминант личной жизни, ее основные стороны.

Решение методологической дилеммы (противоречия между объективным и субъективным временем), выделение основных временно-пространственных континуумов, в которых реализуется личностная способность к организации времени, и раскрытие природы ее специфических временных способностей (ускорения, последовательности, своевременности и т. д.) позволили нам сформулировать основы концепции личностной организации времени в виде совокупности ряда гипотез,

которые стали отправными в последующих эмпирических исследованиях, составили теоретическую основу нашей концепции и были проверены в эмпирическом исследовании.

Первая гипотеза о трехкомпонентной (как это принято выделять в установке и других психических образованиях) структуре личностной организации времени: 1) осознание времени; 2) эмоциональное переживание времени (Р. Кнапп, Д. Гарбэтте и др.); 3) практическая организация времени или организация времени деятельности. Несомненно, что в эту структуру следовало бы включить такие динамические личностные образования, как темперамент, и непосредственно связанную с темпераментом личности тревожность. <...>

Четвертая гипотеза касается временных возможностей сознания. Формой «компенсации» необратимости времени является способность к прогнозированию, предвосхищению будущего, т. е. идеальная форма репрезентации будущего (П. К. Анохин). Однако личность представляет собой организацию более высокого ранга, чем ее способности, память и прогнозирование, поскольку обладает высшей способностью сознания, прежде всего, способностью интегрировать прошлое, настоящее и будущее. В русле этой концепции В. И. Ковалев разработал понятие трансспективы как некоей способности соединять настоящее, перспективу (будущее) и ретроспективу (прошлое). Трансспектива есть некоторая конкретизация рубинштейновского представления о сознании как процессе. Основным является то, что, согласно С. Л. Рубинштейну, сознание репрезентирует индивиду в настоящем времени все то, что имело место в любом другом времени и пространстве (в другой культуре, в истории и т. д.) Поэтому трансспектива это не только движение психики (В. И. Ковалев), совершающей обзор времени и совпадающей с направленностью объективного времени — движения из прошлого к настоящему и от него к будущему, — но движение вспять от будущего к настоящему и прошлому. Трансспектива — это способность сознания соединять в настоящем прошлое и будущее и тем самым суммировать, интегрировать время своей жизни. Говоря иными словами, сознание — высшая способность человека, состоящая в компенсации необратимости времени, в преодолении таким

путем однонаправленности и конечности индивидуального времени жизни. Сознание также реализует стремление индивида к вневременности, вечности, к переходу к другому масштабу времени — к контексту и масштабу истории и культуры.

Если таким образом теоретически соединить эти три способности психики — память, прогнозирование и трансспективу как функциональные специфические органы сознания, то можно составить некоторое приближенное представление о временных возможностях и «функциях» личности, о личности как особой временной организации. Пятая гипотеза касается предположений об этих функциях. Рассмотренная в плане экзистенциальном, т. е., в плане существования, личность есть не некая точка, поставленная в настоящем времени, но некий его эпицентр, к которому она относит (по мере надобности) данные прошлого и будущего, определенным образом их соподчиняя и соорганизуя. Но личность не только существует, преодолевая необратимость времени, но и осуществляет себя (С. Л. Рубинштейн), создает из своей жизни и самой себя нечто качественно иное, обладающее ценностью. А эта ценность представляет собой умноженное время, противостоящее его жизненной потере. <...>

Время жизненного пути и развитие личности

Сложившиеся в мировой психологии теории развития можно подразделить в целях научного исследования на следующие специфические направления:

1. Возрастные теории развития, включающие общую для всех личностей периодизацию.
2. Развитие личности как индивидуальности, представленное как развитие способностей, с одной стороны, и как развитие интегральной индивидуальности, неповторимости, вплоть до уникальности личности, с другой. Однако здесь развитие не рассматривается во времени.
3. Развитие личности как члена общества, ее социализация, включающая освоение, потребление и созидание культурных ценностей и социальных норм, требований и условий, а также опыта социального взаимодействия.

4. Развитие личности в деятельности, труде, профессии. Развитие и творчество.
5. Развитие личности как субъекта жизненного пути.
6. Биография как история личности (Ш. Бюлер).
7. Нравственно-духовное развитие и совершенствование личности, развитие «по восходящей» (С. Л. Рубинштейн).

Среди понятий, раскрывающих непосредственно связанные временем особенности развития личности, наиболее значимы следующие: этапы, или периоды, развития; понятия, подчеркивающие их последовательность и специфичность по отношению друг к другу; способности, аккумулирующие личностный временной запас; «сензитивность» как особая предрасположенность к разящим воздействиям — понятие, близкое к знаменитой «зоне ближайшего развития» Л. С. Выготского; зрелость в понимании Эриксона, как сохранение идентичности в изменениях, возрастные кризисы; «потенциал личности» в понимании С. Л. Рубинштейна как неразвернутые, еще не реализованные возможности развития, «диахронический» или «гетерохронный» характер развития, особо подчеркиваемый Л. И. Анцыферовой, В. Д. Шадриковым и др., наконец, завершая далеко не полный перечень, ананьевские понятия «современник» и «акме» как вершины развития, достигаемого личностью на определенном этапе ее жизненного пути.

Среди концепций развития наибольшей известностью и конструктивностью отличаются: рубинштейновский принцип развития, объясняемого через деятельность; концепция развития Л. С. Выготского; теория развития Кельберга, детально раскрывшего содержание стадий развития, которое имеет восходящий характер, и показавшего ведущую роль когнитивного в развитии личности; теория эпигенетического развития Эриксона, интегрировавшая роль биологических факторов воспитания и социокультурного окружения; а также раскрывающая содержание восьми психосоциальных кризисов теория Ж. Пиаже. <...>

Огромный вклад в раскрытие объективных закономерностей развития личности внес Б. Г. Ананьев, прежде всего потому, что он преодолел свойственную всей мировой психологии

(и особенно советской психологии — в силу идеологических причин) абсолютизацию роли детства в развитии личности и сосредоточенности психологов именно на развитии личности ребенка. Он поставил вопрос о развитии взрослой личности и указал, вслед за С. Л. Рубинштейном, на роль жизненного пути как особой траектории этого развития. Используя применительно к личности понятие «зрелость», он дифференцировал (вслед за Д. Берреном) этапы ранней, собственно зрелости и поздней зрелости. Анализируя этапы жизненного пути, он ввел очень перспективные понятия «старт» и «финиш», проанализировал процесс достижения личностью самостоятельности, материальной и моральной независимости, правовой зрелости; моменты, раскрывающие овладение реальностью взрослым человеком. Одновременно он разделил жизненный путь на фазы, определяемые историческими событиями, сменой способов воспитания, образа жизни, и утверждал, что он накладывается на возрастные стадии онтогенетического развития. Общей особенностью онтогенетического развития Б. Г. Ананьев называл гетерохронность, т. е. неравномерность развития разных психических функций. Этот подход в известном смысле противостоит концепции Кольберга, который утверждал, что всегда когнитивное развитие человека является ведущим по отношению к моральному, исключая тем самым реальную сложность и вариативность путей развития разных личностей. Очень существенно, что Б. Г. Ананьев выделяет противоречия в развитии личности (и в ее характере), связывая их именно с ее индивидуальными особенностями и неравномерностью занятия личностью разных позиций, ее достижений и т. д. История личности, употребляя термин Ш. Бюлер, утверждал Б. Г. Ананьев, начинается позже, чем история индивида, и для «появления» личности важно достижение определенного уровня нервно-психического развития. Впрочем, исследование М. И. Лисиной, проведенное много лет спустя, показало, что личность (как называет ее М. И. Лисина — «праличность»), возникает гораздо раньше, чем это предполагалось, чуть ли не в два месяца, и условием ее «появления» является общение. В свою очередь В. И. Слободчиков доказал, что для ранних этапов развития личности ребенка существенно не

общение ребенка с матерью, предполагающее их обособленность, а наличие общности «мать—дитя», внутри которой развивается первичное по отношению к «я» — «мы», о котором ранее писал С. Л. Рубинштейн.

Далее Б. Г. Ананьев возражает против выделения в качестве основания периодизации ведущего вида деятельности (чего придерживались и С. Л. Рубинштейн, и многие другие психологи) и считает, что в основе периодизации лежит не принцип последовательности, а принцип одновременности: субъекты познания и деятельности возникают одновременно. Однако важно отметить и то, что категорией субъекта Б. Г. Ананьев (в отличие от С. Л. Рубинштейна) обозначал не совершенствование личности или организацию ею жизненного пути, а приписывал ей дифференциальное значение; он с помощью этого понятия дифференцировал специфику познания от специфики деятельности и последней от общения.

Однако в силу специфичности выявленных каждой теорией аспектов развития, не говоря о различии методологий его трактовки, в силу оригинальности концептуализации, несмотря на то, что психология развития уже выделилась в самостоятельную область психологии, теория развития и его реальность остаются недостаточно интегрированными.

Опираясь на проведенные исследования личностного времени, можно попытаться сделать шаг в этом направлении.

Несмотря на принятое деление жизни личности на прошлое, настоящее и будущее, существует единое специфическое время личности. Его единство определяется общими для всех личностей функциями прошлого, настоящего и будущего в отношении настоящего: прошлого как уже найденного и опробованного личностью индивидуального бессознательного и сознательного деятельного способа самореализации в жизни; будущего — как времени—пространства для поиска и открытия новых возможностей в себе и самореализация в мире. Прошлое «вбирается» личностью в свой настоящий способ жизни и свой «склад». Оно не остается оставленным позади реальным пространством. Оно становится идеальным и экзистенциальным пространством самой личности. Будущее — в отличие от прошлого — это проективное личностное про-

странство, образованное способностями сознания личности, ее воображения, мышления, мотивации достижений и личностными притязаниями. Сколько жизненных сил, жизненных умений, способностей чувствовать, мыслить и осознавать личность вобрала из всех этапов своего прошлого в свое настоящее «я» и его отношения с миром, сколько проективного, конструктивного времени—пространства она способна охватить как свое будущее и сколь разумен и обоснован этот перспективный охват, масштаб, столь и сильна пружина личностного времени, движущая ее в это будущее. Проекция в будущее есть опора на реальное пространство — состояние настоящей жизни, обеспеченное механизмами самой личности. От прошлого движение жизни в основном идет к настоящему, в настоящем же личностью осуществляется реверсия времени — оно идет от настоящего к будущему (как бы следуя привычному для нас ходу времени) и — одновременно — от будущего к настоящему. Здесь применим открытый С. Л. Рубинштейном в отношении связи сознания и деятельности принцип специфичности времени жизни каждой данной личности: особенность каждого типа личности в том, как она конструирует время—пространство своей жизни своим сознанием, активностью, переживаниями и... душой. Гегель видит эти движущие силы, но считает, что их проявление зависит от человека — «силы человеческой души, которые человек, именно потому, что он человек, должен признавать и которым он должен давать проявиться и развиваться в себе» [39, с. 224]. Ниже попробуем конкретизировать это понятие с наших научных позиций. <...>

Развитие личности осуществляется не только в сензитивные, критические или определенные возрастные периоды, оно, реализуясь через разрешение противоречий внутреннего и внешнего, которые однозначно не связаны с возрастными, сенситивными или критическими периодами, этапами. В такой формулировке принцип развития звучит достаточно абстрактно, реально личность оказывается «соизмеримой — несоизмеримой» с жизненными противоречиями, которые принимаются ею, определяются ею как жизненная проблема. Противоречие может существовать в самой личности и заключаться, например, в дефиците ее желаний по отношению к возможностям.

Это противоречие, связанное с дефицитом «движущих сил», ресурсов личности.

Другие противоречия возникают в силу несоответствия характера ее активности и деятельности, способа самовыражения и необходимости, связанной с объективацией, самореализацией. Первые противоречия с большим трудом поддаются осознанию.

Осознание противоречия предполагает его верификацию как проблемы, т. е. ограничение его сторон, его сути. Мы ищем причины наших неудач или трудностей в отношениях к нам других людей, сложившихся обстоятельствах. Что выбрать в качестве основы решения проблемы — направить свою собственную волю, активность на изменение ситуации, или выждать, пока сгладится острота проблемы; дать проявиться негативному отношению или сделать вид, что его не замечаем, игнорируя его внутренне? Так мы интуитивно ищем контуры проблемы, соотношение в ней зависящих и не зависящих от нас обстоятельств. Каждое противоречие, прежде чем превратиться в нашу проблему, проходит через наши принципы, прежде всего нравственные. Они придают ему определенность, очерчивая контуры несоответствия, зону несоответствия в ценностном измерении. Но рефлексивная работа не всегда поддерживается и стимулируется переживанием. Переживание продлевает противоречия во времени, втягивая нашу личность целиком в его «клинч», не давая возможности «взглянуть» на него разумно, рационально.

Е. Ю. Коржова

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ[1]

Проблема соотношения личности и ситуации рассматривается в психологии с 1960-х гг. и представлена как вопрос о пре-

[1] Фрагмент статьи в сборнике «Психологические проблемы самореализации личности». Вып. 4 / Под ред. Е. Ф. Рыбалко, Л. А. Коростылевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С.155–160.

имущественной детерминации поведения человека личностными или ситуационными факторами. Наиболее ярко положение о взаимосвязи личности и ситуации отразилось в гипотезе о «сильных» ситуациях, в которых поведение в большей степени определяется особенностями ситуации, и о ситуациях «слабых», в которых поведение больше определяется личностью человека. В последнее время личностные особенности рассматриваются как условные возможности, реализующиеся в актах поведения в конкретной ситуации. Для современных исследований характерны классификация личности по ее поведенческим особенностям — реакциям на ситуации [Mischel W., 1984], а также возвращение к пониманию личности как к набору личностных черт, укладывающихся однако в иерархические схемы соотношения личностных черт и ситуаций, которые выстраиваются в результате применения статистических методов [Reeder G. D., 1993; Murtha T., Kanfer R., Ackerman P., 1996]. Возможно, перспективным является активно разрабатывающийся в последнее время подход к изучению соотношения личности и ситуации с позиции экологической психологии [Калмыков А. А., 1999].

Если полагать, что развитие человека происходит непрерывно на протяжении всей жизни, становится ясно, что этот процесс сопровождается непрерывными изменениями как личности, так и жизненных ситуаций. Однако наиболее значимыми являются такие изменения, которые приводят к существенным трансформациям ситуации, т. е. к событию, и к своеобразному новому «рождению» личности. Таким образом, на протяжении жизненного пути возникают и исчезают все новые и новые ситуации и «личности». <...>

Жизненную ситуацию (в отличие от других ситуаций — социальных, конфликтных, психодиагностических) можно определить следующим образом: это фрагмент среды, т. е. проявление внешних (объективных) обстоятельств жизненного пути в определенный момент времени. Тогда события характеризуются как наиболее важные жизненные ситуации, а личность — прежде всего как субъект жизненного пути. Если жизненный путь рассматривать как процесс личностного развития от рождения до смерти (т. е. временное развитие личности),

протекающий в жизненных ситуациях (т. е. пространственное развитие личности), то в качестве единицы анализа жизненного пути можно полагать не событие, а паттерн личностно-ситуационного (событийного) взаимодействия. В каждой своей точке жизненный путь как пространственно-временное развитие личности определяется той или иной формой (типом) личностно-событийного взаимодействия. Последнее находит свое воплощение в поведении личности, в ее конкретной стратегии.

Сначала рассмотрим, как происходит «контакт» личности с ситуацией. В психологии обыденной жизни сложилось устойчивое словосочетание «попасть в ситуацию», которое предполагает некоторую случайность, отсутствие участия собственно личности в этом действии. Но в той же обыденной психологии существует и словосочетание «готовь ситуацию», при этом подчеркивается активная роль личности.

Случайно или закономерно личность сталкивается с определенной ситуацией? Начнем с того, что сама по себе ситуация носит внешний для личности характер (среди различных пониманий сущности ситуации удобно выбрать именно эту позицию для анализа соотношения «личность — ситуация»). Между тем значение ситуации придает личность, каждая — свое (здесь и в дальнейшем имеется в виду «жизненная ситуация»). Это приводит к тому, что человек вовлекается в ситуацию через ее означивание. <...>

Переходя от вопроса о восприятии ситуаций к вопросу о поведении в них, можно сделать вывод о том, что ситуации человек не выбирает, но волен повести себя в них тем или иным образом, принимая, оценивая их по-своему, что и характеризует «свободу воли», т. е. «свободу личности». Помимо этого можно полагать, что существует и определенная «свобода ситуации», или «свобода ожидания». Человек «вступает» в ситуацию с багажом всей предшествующей жизни. Естественно, в начале жизненного пути контакт с ситуацией меньше зависит от человека, меньше осознается, но зависимость эта все же существует. Например, темперамент ребенка влияет на обращение с ним окружающих. Воздействия со стороны

взрослого влекут за собой разные ситуации, с которыми может сталкиваться ребенок.

Поведение личности состоит из поступков как особых действий, предполагающих борьбу мотивов и принятие решения, т. е. действий, требующих личностного выбора. От постоянных личностных выборов и зависит специфика жизненного пути, на котором личность всегда находится в определенном отношении к той или иной жизненной ситуации. Можно предположить, что возникновение все новых и новых жизненных ситуаций обусловлено всей предшествующей жизнью человека, предшествующими ситуациям личностными выборами (поступками личности), поведением на предшествующем отрезке жизненного пути, характеризующемся той или иной формой личностно-ситуационного взаимодействия. При «встрече» с ситуацией происходит ее означивание с точки зрения личности, находящейся на определенном уровне своего развития в данный момент времени. При этом имеет место личностно-ситуационное взаимодействие в конкретной точке жизненного пути. Таким образом, человек выбирает ситуацию, но и ситуация «выбирает» человека. Известно, что в религиозном понимании личностного развития человек постоянно осуществляет выбор добра или зла, а за это получает от своего Создателя ту или иную ситуацию — каждый по заслугам. <...>

Можно выделить два типа развития личности в жизненных ситуациях: «событийное» и собственно «личностное».

1. «Событийное» развитие — развитие преимущественно через внешние ситуации-события. Источник развития при этом находится вне личности. Личность склонна бессознательно (или полу-осознанно) помещать себя в такие ситуации (а со стороны кажется, что случайно попадает в них), в которых оказывается вынужденной изменяться, развиваться уже внутренне. Так развивается *«человек внешний»*.

2. «Личностное» развитие — внутреннее развитие, внешне бессобытийное (или малособытийное). Для этого типа развития характерна сознательная работа над собой, например, с обращением к религии либо к психотехническим приемам, либо к той или иной разновидности психоанализа. Так развивается *«человек внутренний»*.

Личность «человека внешнего» развивается путем смены новых ситуаций, в которые она себя помещает. Это ситуационно-личностное взаимодействие, при котором развитие идет от внешней ситуации. Личность «человека внутреннего» развивается в первую очередь путем смены «личностей», т. е. существенных личностных параметров, личностных уровней, которая влечет за собой выбор новых жизненных ситуаций.

Естественно, возникает вопрос о причинах того или иного типа развития. Предположительно, тип развития может быть связан с такой личностной характеристикой, как уровень субъективного контроля над значимыми ситуациями, а также со смежными характеристиками — уверенностью в себе, личностной зрелостью и т. п. Однако полностью тип развития не определяется ими. Возможно влияние мало изученной особенности — ситуационной смелости, характеризующейся склонностью к вступлению в новые жизненные ситуации и противоположной ситуационному консерватизму. Кроме того, возможно влияние особенностей восприятия жизненного пути как прерывистого (событийного) или непрерывного (целостного) образования, а также направления развития личности: к себе (личностный рост, эго-ориентация) или от себя (духовный рост, эко-ориентация).

V

Личность в социуме

Основные темы и понятия раздела

- *Личность и общество.*
- *Социальное пространство личности.*
- *Социализация.*
- *Индивидуализация.*
- *Статус личности.*
- *Социальная роль.*
- *Социальная идентификация.*

В. М. Бехтерев

ЛИЧНОСТЬ И УСЛОВИЯ ЕЕ РАЗВИТИЯ И ЗДОРОВЬЯ[1]

Если мы, пользуясь сделанным нами определением личности, обратимся к выяснению ее роли в общественной жизни, то должны будем признать, что личность представляет собою ту основу, на которой зиждется современная общественная жизнь.

Народы нашего времени не представляют собою бессловесные стада, как было в старое доброе время, а собрание более или менее деятельных личностей, связанных во имя общих интересов, отчасти общим племенным родством и некоторым сходством основных психических черт. Это есть как бы собирательная личность с ее особыми племенными и психологическими чертами, объединенная общими интересами и стремлениями, как политическими, так и правовыми. Поэтому вполне естественно, что прогресс народов, их цивилизация и культура зависят от степени развития личностей, его составляющих.

С тех пор как человечество вышло из периода рабства, жизнь народов, распадающихся на отдельные сообщества, обеспечивается деятельным участием каждого члена сообщества в создании общего блага, в преследовании общей цели. Здесь-то и выдвигается значение личности как самодеятельной психической особи, которая в общем ходе исторических событий выступает с тем большей силой, чем дальше народ стоит от рабства, являющегося отрицанием всяких прав личности.

Какую бы отрасль труда мы ни взяли, развитая деятельная личность выдвигает в ней новые планы и новые горизонты, тогда как пассивные лица, выросшие в условиях рабства, способны лишь к повторению и подражанию.

Да и самое существование современных государств зависит, как известно, не столько от внешней силы, олицетворяемой органами власти, сколько от нравственного сплочения личностей, их составляющих.

---

[1] Текст приводится по книге: *Бехтерев В. М.* Проблемы развития и воспитания человека. М.; Воронеж, 1997. С. 101–129.

«С тех пор, как стоит мир, — читаем мы в статье С. Глинки “Попранные истины”, — одни лишь нравственные начала прочно сплачивают людей. Если сила и могла поддерживать тот или иной государственной строй, то разве временно, и то государство, которое пренебрегало нравственными силами и предполагало возможным опираться только на оружие, носило в себе зародыш разложения... Никакие многочисленные армии не могут спасти того государства, в котором расшатаны нравственные устои, ибо и сила самих армий зиждется исключительно на нравственных началах».

Значение личности в исторической жизни народов ярче всего выступает в те периоды, когда силою вещей их социальная деятельность идет повышенным темпом. Как всякая другая сила, так и сила личности обнаруживается резче всего при сопротивлении, т. е. в соперничестве и в борьбе, а потому значение личности выступает особенно ярко как в мирном соперничестве народов на почве труда и культуры, так и в те периоды, когда для народа является необходимость борьбы со стихийными бедствиями или с внешними врагами.

Так как личность вносит в общую сокровищницу человеческой культуры плоды своего самобытного развития, то вполне понятно, что сообщества и народы, имеющие в своей среде более развитые и более деятельные личности при прочих равных условиях, будут обогащать человеческую культуру большим количеством предметов своего труда и лучшим их качеством.

Кажется, нет надобности доказывать, что мирное соперничество народов и его успехи покоятся на развитии личностей, входящих в их состав. Народ, слабый развитием составляющих его отдельных личностей как общественных единиц, не может защитить себя от эксплуатации народов с высшим развитием образующих его личностей. А между тем можно ли сомневаться в том, что этой истиной до сих пор еще пренебрегаем мы, русские, в большей мере, нежели какие-либо другие народы Европы?

Было время, когда полагали, да и теперь еще многие полагают, что мы удерживаемся в семье европейских народов нашей военной силой. Какое жалкое заблуждение! Право силь-

ного, без сомнения, обеспечивает известное место на материке Европы, но оно не дает еще права на уважение со стороны других народов, на признание его в своей семье и во всяком случае ничуть не обеспечивает от их эксплуатации.

Мирная борьба народов — это есть испытание общественной самодеятельности личностей, их составляющих. И можно быть уверенным, что в этой борьбе при прочих равных условиях побеждает всегда тот народ, который силен развитием входящих в его состав личностей. Народ же, у которого совершенно не развита общественная жизнь, у которого личность подавлена, обречен на разложение и утрату своей самостоятельности.

Не менее ярко выступает значение личности в борьбе со стихийными бедствиями, как голод и др., а равно и в борьбе с внешними врагами. Народ с высшей культурой, где личность достигла большого совершенства, не знает голода, так как возможные его бедствия в зависимости от условий природы он давно предвидел и предусмотрел, а то, что не могло быть предвидено, предотвращается общими усилиями деятельных личностей, всегда готовых стать в ряды передовых бойцов за общественное дело.

Столкновение народов или войны — это есть социальный кризис, в котором значение личности должно выясняться наиболее выпуклым образом. Нужно ли искать тому примеров? Ведь только что окончилась русско-японская война, в которой противопоставлены были два народа с 130 миллионами жителей с одной стороны и 50 миллионами с другой. Один народ является представителем испытанной в культуре белой расы, другой принадлежит к желтой расе, о культуре которой до сих пор говорили лишь с различными оговорками. Казалось бы, может ли быть какое-либо сомнение в результатах борьбы? А между тем более 1 $^{1}/_{2}$ года велась нами бесславная война, в которой победа за победой доставалась врагу.

Что может это значить? Как можно объяснить себе смысл столь тяжелых событий, но ответ, я полагаю, у всех на устах: «и битвы народов выигрываются теми, кто дышит свободой, как родным воздухом», читаем мы в одной из многочисленных газетных статей, посвященных вопросам, связанным с бывшей войной.

Да и могло ли быть иначе, если с одной стороны «терпение» — этот лозунг пассивных личностей, было возведено с самого начала в принцип борьбы, тогда как в другой стране была объявлена борьба за жизнь, за право, за свободу!

Было бы неимоверно тяжело для нашего национального самолюбия представить здесь картину более светлого характера, которая создается для личности условиями общественной жизни в Японии. И мы отклоним от себя эту неприятную задачу. Заметим лишь, что личность в Японии не задавлена формализмом. Там не торжествует буква над смыслом, там наука не служит предметом странной иронии, там различные ведомства не торопятся изгонять ее отовсюду. Напротив того, знания и опытность ценятся там очень высоко и всякое научное открытие применяется тотчас же к делу, как мы видим это по многочисленным примерам из бывшей войны.

С другой стороны, не знаем ли мы примера, когда духовно возрожденная Франция во времена великой революции остановила полчища врагов, ее окружавших? А все войны за освобождение, не доказывают ли они воочию, как возвышается дух народа, его мощь и сила с освобождением от тех пут, которыми ранее оцеплялась личность. <...>

...Мы сталкиваемся с весьма крупным и важным вопросом о взаимоотношении личности и той социальной среды, в которой проявляет себя личность.

Нет надобности говорить, что первобытные общественные группы не допускают никакого индивидуализирования отдельных членов общества, иначе говоря, они построены на отрицании самостоятельного проявления личности, которая вполне поглощается обществом. Так как жизнь в таких первобытных обществах, какую бы форму они ни принимали, сосредоточивается на целом, то личность в них вполне подавлена общим строем, который строго регламентирует по тем или другим обыкновенно чисто внешним особенностям ее положение в государстве, подчиняя контролю все ее проявления, не исключая даже убеждений, образа мыслей и пр.

Вернее сказать, личность в общественном смысле здесь не существует, она признается самое большее в семейном очаге, хотя и здесь ее роль вводится в определенные рамки, освящен-

ные обычаем. Рабство и гнет, с одной стороны, и деспотство власти, с другой, являлись той естественной формой, в которую выливались все взаимоотношения личности и общества в таких первобытных культурах. Основанные на отрицании личности, эти культуры признавали вполне уместным и законным применение пыток и казней и даже совмещали с общественными интересами все ужасы инквизиции.

Это порабощение личности проявлялось не в одних только отношениях ее к обществу, но и в религиозных верованиях и даже в науке.

С течением времени, однако, выяснилось, что отрицание личности носит в себе и зародыш разложения общества. Несмотря на утонченную регламентацию всякого внешнего проявления личности и кажущийся внешний порядок, внутренняя сила общества стала иссякать вместе с тем, как оказалось, что оно состоит из рабов с одной стороны и властителей с другой.

Благодаря этому даже такие государственные колоссы, как древняя Римская империя, распадались от сравнительно незначительного внешнего толчка. Да и могло ли быть иначе, когда верхние слои общества развращались богатством и упоением власти, а низшие слои представляли из себя нищих и рабов со всеми присущими им нравственными качествами и пороками. К сожалению, внутренний смысл таких событий, как разложение древней Римской империи, не послужил добрым примером для государств Европы и та же история повторяется с ними и в позднейшее время.

Но мало-помалу путем долгой и упорной борьбы в культурных государствах начинается заявление прав человеческой личности. В истории европейских народов оно сказалось первоначально освобождением личности в наиболее высших проявлениях человеческого духа — в науке и искусстве, ознаменовавшись известной эпохой Возрождения, затем освобождение коснулось религии в период Реформации и, наконец, позднее всего оно проявилось в общественных отношениях во времена великой революции.

Хотя эти три этапа в борьбе личности за свои права обнаружились в разных частях европейского материка, но благо-

даря взаимоотношению народов их влияние распространилось на все вообще государства Европы или, точнее говоря, на все народы, считающие себя в среде европейской цивилизации. <...>

Нужно ли повторять, что всякая государственно-общественная организация, нивелирующая все индивидуальные особенности своих сочленов и в корне подавляющая все самостоятельные проявления личности, тем самым обрекает последнюю на пассивную и жалкую роль послушного автомата, лишенного всякой самостоятельности и инициативы. Вытравливание духа оппозиции, с которого обычно начинается правительственный гнет над личностью, приводит к тому порабощению духа, в котором уже нельзя открыть следов здравой критики, свободного полета мысли и стойкости убеждений.

Вместе с тем утрачиваются и столь существенно важные нравственные особенности характера, как чувство чести и личного достоинства, обеспечивающие человека от нравственной гибели.

На место этих качеств выступают лесть, низкопоклонство и жалкое лицемерие, приводящие к созданию молчалинских типов с их мелким эгоизмом, приниженностью и вечным страхом пред власть имущими.

Вот почему правильно организованная общественная деятельность на началах самоуправления и свободно избранного представительства есть лучшая школа для окончательного развития и воспитания личности и создания народного характера. Здесь в практическом общении с себе подобными на почве общественных интересов завершается воспитание личности и развертывается та ее мощь, которая является результатом долгого и упорного подготовительного труда.

Широкая общественная деятельность является той школой жизни, которая, умеряя порывы, способствует развитию самообладания и сдержанности, которая заставляет с уважением относиться к чужому мнению и которая закаляет характеры.

В этой общественной деятельности правильное воспитание личности возможно, однако, лишь при условиях свободного соревнования ее во всех отраслях деятельности и при свободном обмене мнений. Только это свободное соревнование

при свете гласной критики и общественного контроля обеспечивает полный расцвет личности и гарантирует ее от той пассивности, которая приводит к немощи духа и его порабощению.

Вообще условия общественной жизни должны быть благоприятными для развития личности и не должны содержать тех бесчисленных пут, которыми обычно оцепляют правительства свои народы, признавая преступным даже самое слово «свобода». Нужно вообще иметь в виду, что свободное развитие общественной деятельности представляет лучшую гарантию правильного и здорового развития личности.

Л. С. Выготский

РЕАЛЬНЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ[1]

В реальной жизни люди поддерживают свое существование тем, что в процессе труда приспосабливают природу к своим потребностям. Производство человека отличается коллективным характером и всегда нуждается в организации общественных сил как в предварительном моменте для своего возникновения.

В жизни, вообще, существует тесная зависимость между организмами одного и того же вида. Однако формы человеческой общественности отличаются от форм общественности животных. Животная общественность возникла на основе инстинктов питания, защиты, нападения и размножения, которые потребовали совместного сотрудничества разных организмов. У человечества эти инстинкты привели к образованию и возникновению хозяйственной деятельности, которая лежит в основе всего исторического развития. Маркс говорит по этому поводу: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие, отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материаль-

[1] Фрагмент из книги: Педагогическая психология. М., 1996. С. 198–204.

ных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания... С изменением экономической основы происходит более или менее быстро переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» (К. Маркс, Ф. Энгельс).

Таким образом, с точки зрения исторического материализма «конечные причины всех общественных изменений и политических переворотов следует искать не в головах людей, — говорит Энгельс, — не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их нужно искать не в философии, а в экономике соответствующей эпохи» (К. Маркс, Ф. Энгельс).

Процесс производства принимает у человечества широчайший общественный характер, который в настоящую пору охватывает весь мир. В зависимости от этого возникают сложнейшие формы организации общественного поведения людей, с которыми ребенок сталкивается прежде, нежели он непосредственно сталкивается с природой.

Поэтому характер воспитания человека всецело определяется той общественной средой, в которой он растет и развивается. Но среда не всегда влияет на человека непосредственно и прямо, но и косвенно, через свою идеологию. Идеологией мы будем называть все социальные раздражители, которые установились в процессе исторического развития и отвердели в виде юридических норм, моральных правил, художественных вкусов и т. п. Нормы являются насквозь пронизанными породившей их классовой структурой общества и служат классовой организации производства. Они обусловливают все поведение человека, и в этом смысле мы вправе говорить о классовом поведении человека.

Мы знаем, что все решительно условные рефлексы человека определяются теми воздействиями среды, которые посылаются на него извне. Поскольку социальная среда является в своей структуре классовой, постольку, естественно, все новые связи запечатлеваются этой классовой окраской среды. Вот почему некоторые исследователи решаются говорить не только о классовой психологии, но и о классовой физиологии. Наиболее смелые умы решаются говорить о «социальной всепропитанности» организма и о том, что самые интимные наши функции являются в конечном счете выразителями социальной природы. Мы дышим и совершаем важнейшие отправления нашего организма всегда в согласии с теми раздражителями, которые воздействуют на нас. Разбирая психологию современного человека, мы находим в нем такое множество чужих мнений, чужих слов, чужих мыслей, что мы решительно не можем сказать, где кончается собственная и где начинается социальная его личность. Поэтому каждый человек в современном обществе, хочет он того или нет, непременно является выразителем того или иного класса.

Поскольку мы знаем, что индивидуальный опыт каждого человека обусловливается ролью его в отношении среды, а классовая принадлежность именно и определяет эту роль, постольку ясно, что классовая принадлежность определяет психологию и поведение человека. «Таким образом, — говорит Блонский, — никаких неизменных и общеобязательных законов человеческого поведения в обществе нет. В классовом обществе понятие “человек” вообще есть пустое отвлеченное понятие. Общественное поведение человека определяется поведением его класса, и каждый человек непременно есть человек того или другого класса» (1921, с. 73). В этом отношении мы должны быть глубоко историчными и всегда приводить поведение человека в связь с классовой ситуацией в данный момент. Это должно быть основным психологическим приемом для всякого общественного психолога. Припомним, что классовая структура общества определяет собой позицию, которую человек занимает в организованном общественном труде. Следовательно, классовая принадлежность определяет зараз и культурную и природную установку личности в среде. «Отсюда, —

говорит Блонский, — всякий человек есть некоторая вариация (средняя, наиболее частая, минимальная, максимальная и т. п.) того или иного общественного класса. Отсюда следует, что поведение индивидуума есть производная поведения соответствующего класса» (там же).

Дело в том, что человеческий труд, т. е. борьба за существование, по необходимости принимает формы общественной борьбы и в зависимости от этого ставит в одинаковые условия целые массы людей, требуя от них выработки одинаковых форм поведения. Одинаковые формы поведения и составляют те общераспространенные религиозные верования, обряды, нормы, в которых живет данное общество. Таким образом, хотим мы того или не хотим, сознательно или бессознательно, но воспитание всегда направляется по классовой линии.

Для психолога это означает, что система раздражителей, которая формирует системы поведения ребенка, состоит из классовых раздражителей.

Это следует иметь в виду, когда перед нынешней педагогикой ставится старый вопрос относительно того, что является идеалом воспитания — интернациональный, общечеловеческий тип или национальный. Надо принять во внимание классовую природу всех идеалов; надо помнить, что идеалы национализма, патриотизма и прочие — только замаскированные формы классовой направленности воспитания. Вот почему для нашей педагогики ни то, ни другое не может явиться верным решением вопроса. Напротив того, поскольку нынешнее воспитание приноравливается к выходящему на историческую арену интернациональному рабочему классу, постольку идеалы интернационального развития и классовой солидарности должны превысить идеалы национального и общечеловеческого воспитания.

Однако это вовсе не означает того, чтобы современная педагогика относилась с невниманием к национальным формам развития. Дело в том, что национальные формы развития представляют из себя несомненный и великий исторический факт. Поэтому, само собой разумеется, они входят непременным психологическим условием в наше школьное дело. Все то, что усваивает ребенок, приноравливается к тем особенным

формам поведения, языка, обычаев, нравов и навыков, которые воспринимает ребенок.

Важно избежать основных ошибок, которые делает обычно педагогика. Во-первых, чрезмерного культа народности, который усиливает национальный элемент в поведении и вместо национальности культивирует в учениках национализм. Обычно это связывается с отрицательным отношением к другим народностям, квасным патриотизмом, т. е. пристрастием к внешним, показным признакам своей народности. Национальная окраска человеческого поведения представляет из себя, как и все культурные приобретения, величайшую человеческую ценность, однако только тогда, когда она не становится футляром, который замыкает в себе человека, как улитку в раковину, и отгораживает его от внешних влияний.

Сталкивание различных культур часто приносило с собой смешанные и ложные формы языка, искусства, но вместе с тем давало прекрасные результаты в смысле развития новых форм культурного творчества. Верность своему народу есть верность своей индивидуальности и единственный нормальный и нефальшивый путь поведения.

Другой опасностью национализма является чрезмерная сознательность в этом вопросе. Дело в том, что национальные формы культуры приобретаются как бы стихийно и входят несознательной частью в строй нашего поведения. В этом смысле психологически и педагогически национальность не противоречит классу, но и то и другое имеют свою очень важную психологическую функцию.

Б. Г. Ананьев

СОЦИАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ СТАТУС[1]

Личность — общественный индивид, объект и субъект исторического процесса. Поэтому в характеристиках личности наи-

[1] Фрагмент из книги: Избранные психологические труды. М., 1980. Т. 1. С. 124–135.

более полно раскрывается общественная сущность человека, определяющая все явления человеческого развития, включая природные особенности. Об этой сущности К. Маркс писал: «Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». Историко-материалистическое понимание сущности человека и общественного развития составило основу научного изучения законов развития всех свойств человека, среди которых личность занимает ведущее положение.

Формирование и развитие личности определено совокупностью условий социального существования в данную историческую эпоху. Личность — объект многих экономических, политических, правовых, моральных и других воздействий на человека общества в данный момент его исторического развития, следовательно, на данной стадии развития данной общественно-экономической формации, в определенной стране с ее национальным составом.

Лишь охарактеризовав основные силы, воздействующие на формирование личности, включая социальное направление образования и общественного воспитания, т. е. определив человека как объект общественного развития, мы можем понять внутренние условия его становления как субъекта общественного развития. В этом смысле личность всегда конкретно-исторична, она продукт своей эпохи и жизни страны, современник и участник событий, составляющих вехи истории общества и ее собственного жизненного пути.

Подобно тому как не существует внесоциальной личности, так нет и внеисторической личности, не относящейся к определенной эпохе, формации, классу и его определенному слою, национальности и т. д. Именно в этом социально-историческом смысле, относящемся к ее сущности, личность всегда конкретна... Поэтому изучение личности неизбежно становится историческим исследованием не только процесса ее воспитания и становления в определенных социальных условиях, но и эпохи, страны, общественного строя, современников, соратников, сотрудников или, напротив, противников — в общем, соучастников дел, времени и событий, в которые была вовлечена личность.

Биографическое исследование личности, ее жизненного пути и творчества есть род исторического исследования в любой области знания — искусствознания, истории науки и техники, психологии и т. д.

Периодизация жизненного пути и основные вехи деятельности в биографических исследованиях определяются в хронологических рамках эпохи и фазы ее развития в данной стране. Иначе и невозможно построить цельную биографическую картину жизни человека, в которой история является не только фоном и канвой для узоров биографии, но и основным партнером в жизненной драме человека. Как соучастник исторических событий и член общностей, являющихся субъектами социальных процессов, личность характеризуется определенной глубиной осознания и переживания исторического процесса, «чувством истории», как можно было бы назвать такое переживание.

Историческое, социологическое и социально-психологическое исследование личности составляет в настоящее время единый и основной путь ее изучения, определяющий собственно психологическое исследование...

Это означает, между прочим, что в эмпирических исследованиях современных психологов, несмотря на наличие многих теоретических расхождений, достигнут определенный уровень объективного понимания личности в системе социальных связей и отношений, начиная от связей в малых группах и коллективах и заканчивая целыми культурами, обществами, эпохами. Если оценивать общее положение теории личности в зарубежной социологии, социальной психологии и психологии, то необходимо признать, что субъективистские концепции (психоаналитические и т. п.) все меньше используются в качестве рабочих принципов в конкретных исследованиях личности. Идея социальных взаимозависимостей как основы динамической структуры личности приобрела общее значение для различных направлений социологической и психологической теории личности. Однако в самом понимании этих взаимозависимостей, конечно, имеются коренные различия, так как для многих буржуазных ученых характерны абстрактно-социологические и индивидуалистические концепции. <...>

В зависимости от социально-экономической формации (социалистической или капиталистической) в современных условиях складывается определенный целостный образ жизни — комплекс взаимодействующих обстоятельств (экономических, политических, правовых, идеологических, социально-психологических и т. д.).

В этот комплекс входят явления производства материальной жизни общества и сферы потребления, социальные институции, средства массовой коммуникации и сами люди, объединенные в различные общности. Взаимодействие человека с этими обстоятельствами жизни составляет ту или иную социальную ситуацию развития личности. <...>

Личность, как мы хорошо знаем, не только продукт истории, но и участник ее движения, объект и субъект современности. Быть может, наиболее чувствительный индикатор социальных связей личности — ее связь с современностью, с главными социальными движениями своего времени. Но эта связь тесно смыкается с более частным видом социальных связей — с людьми своего класса, общественного слоя, профессии и т. д., являющимися сверстниками, с которыми данная личность вместе формировалась в одно и то же историческое время, была свидетелем и участником событий, о которых младшие будут знать лишь из преданий, литературы и т. д. Формирование общности поколения зависит от системы общественного воспитания. Принадлежность к определенному поколению всегда является важной характеристикой конкретной личности. <...>

С началом самостоятельной общественно-трудовой деятельности строится собственный статус человека, преемственно связанный со статусом семьи, из которой он вышел. Под влиянием обстоятельств жизни и исторического времени собственный статус может все более отдаляться от старого статуса и преодолевать старый уклад жизни, сохраняя, однако, наиболее ценные традиции.

Сочетание черт относительной устойчивости и преобразований в связи с развитием всего общества характерно для статуса. Положение личности в обществе определяется системой ее прав и обязанностей, их соотношением, реальным обеспечением прав личности со стороны данного общества и реаль-

ным осуществлением обязанностей по отношению к обществу со стороны личности. <...>

Статус личности как бы «задан» сложившейся системой общественных отношений, социальных образований, объективно определяющих «место» личности в социальной структуре. Понятие статуса личности может быть дополнено понятием позиции личности, характеризующим субъективную, деятельную сторону положения личности в этой структуре. <...>

Многообразные позиции личности, сочетающие объективные и субъективные ее характеристики, строятся на основе ее статуса, но могут его преобразовать или, напротив, закрепить в зависимости от эффектов деятельности.

Статус личности объективен и осознается ею частично или целостно, инадекватно или адекватно, пассивно или активно (человек или приспосабливается к нему, сопротивляясь и борясь со сложившимся положением, или, напротив, защищает его и свои права). <...>

Научное исследование статуса личности должно включать изучение реального экономического положения (имущественную характеристику, общий заработок семьи, обеспеченность жильем, реальный бюджет в соотношении со структурой потребления), политически-правового положения как определенного баланса прав и обязанностей гражданина, члена организации макро- и микроколлективов, трудовой профессиональной характеристики (положения человека в системе квалификаций, специальностей, объема труда и трудоспособности человека), образовательного статуса, положения семьи данного человека и положения личности в своей семье. Национальные, религиозные и другие особенности человека должны учитываться в связи с общей структурой данного общества (однородного или неоднородного в национальном отношении), наличием или отсутствием господствующей религии, наличием или отсутствием прав личности на атеизм и т. д.

Исследование статуса личности имеет важное значение для определения ее социальных функций — ролей, которые рассматриваются вообще как динамический аспект статуса, реализация связей, заданных позициями личности в обществе. Не в меньшей степени статус личности, сходный со статусами

одних и противоположный статусам других людей в микросреде и более крупных общественных образованиях, имеет значение для формирования осознания и переживания человеком общности с другими людьми, генезиса коллективных начал поведения и чувства «Мы», идентифицируемого с определениями этой общности как «Мое — наше». <...>

Осознание статуса, как и осознание бытия вообще, невозможно вне и без деятельности человека, без практического отношения его к бытию, тем более что многие компоненты статуса не заданы общественной средой, а производятся в самом процессе человеческой деятельности. Однако любая деятельность в целом и в отдельном своем акте (действии) осуществляется в соответствии с ролью человека в данной системе отношений, опосредствующих действительность, с процедурами поведения, предписываемыми этой ролью, — общественной функцией человека в данной ситуации.

Профессионально-трудовая деятельность всегда осуществляется совместно с тем или иным общественным поведением, которое оказывает определенное регулирующее влияние на развитие этой деятельности.

В. А. Ядов

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В КРИЗИСНОМ ОБЩЕСТВЕ[1]

Проблема социальной идентификации личности и групповой солидарности приобретает все большее значение в теоретических дискуссиях и эмпирических исследованиях. Интерес к этой проблеме связан со становлением новой исследовательской парадигмы социальной философии — концепции постмодернизма. По определению З. Баумана, социологическая теория постмодернизма — это «осознание модернизмом самого себя» и переход к институциализированному плюрализму,

[1] Фрагменты статьи, опубликованной: Социологический журнал». 1994. № 1. С. 35–52.

многообразию, достаточной неопределенности и амбивалентности, а также сопротивлению какому бы то ни было универсализму, единообразию, «очевидности» [Bauman Z., 1992]. В конечном счете речь идет о качественном сдвиге в восприятии человеком социального пространства.

Постановка проблемы

Стремление индивида идентифицировать себя с тем или иным сообществом возникает при разрушении традиционного уклада, где потребность самоопределения в системе социальных взаимосвязей не актуализирована. Групповой (социальный) статус индивида задан здесь жесткими критериями его принадлежности к общине, сословию, а также половозрастными функциями. Развитие современных индустриальных обществ принципиально изменяет объективные условия жизнедеятельности людей, формирует потребность в самоопределении относительно многообразных групп и общностей, а динамизм и многослойность социальных взаимосвязей так или иначе вызывают необходимость упорядочения и доминирующих, и периферийных «солидарностей». Ответ на вопрос, какие группы и общности человек признает «своими», а какие — частично близкими или враждебными, становится принципиально важным для понимания социальных отношений.

В «позднемодерном» обществе, считает А. Гидденс, сложности социального самоопределения усугубляются разрывом пространственно-временных координат и места действия личности [1991]. Если в традиционном и даже индустриальном обществе место действия, временная перспектива и пространство социальных взаимосвязей как бы стянуты в тугой узел, то в современной жизни человек вследствие активного взаимодействия разных культур с помощью массовой информации идентифицирует себя не только с общностями «здесь» и «теперь», но также «там»: и в прошлом, и в обозримом будущем. Личность, таким образом, включается в глобальную систему социального пространства.

Каким бы парадоксальным это ни казалось, ломка устоявшихся социальных идентификаций, переживаемая, по всей

вероятности, каждым человеком в российском обществе, напоминает по своим механизмам процессы, аналогичные культурно-историческому переходу от застойного, «традиционного» общества к современному, т. е. динамичному. При некотором допущении можно пойти и дальше: происходит сдвиг от прозрачной ясности социальных идентификаций советского типа («мы — это народ, открывающий миру новые перспективы братства и солидарности всех трудящихся») к групповым солидарностям «постмодернистского» типа, где решительно все амбивалентно, неустойчиво, лишено какого бы то ни было вектора, называемого социальным прогрессом.

Советское общество в его классической фазе тоталитаризма напоминало традиционное в главном своем качестве — бессубъектности индивида. Социальная идентичность отождествлялась преимущественно с государственно-гражданской. Это находило свое выражение в безусловном требовании принимать официальную идеологию и систему ценностей «советского человека», безоговорочном признании и демонстрировании государственно одобряемых верований и суждений, оценок; в ритуализированных схемах всенародного энтузиазма; в совокупности символов признания индивидуального успеха со стороны государства и иных бюрократических структур; наконец, в идеологии осуждения «врагов народа» и инакомыслящих, т. е. тех, кто отвергал свою идентичность с тоталитарно-государственной системой, не говоря уже о людях, опасных для правящей элиты и только поэтому получавших клеймо чуждого элемента.

Сегодня Россия переживает становление новой социальной субъектности. Особенность этого драматического процесса осознания личностью своего особого интереса состоит в неопределенности представлений об общности интересов. Поскольку гражданское общество еще не сформировано, а механизм защиты прав различных групп населения был прерогативой исключительно бюрократических структур, всякий действительно общий интерес воспринимается ныне с величайшим подозрением как еще одна версия происков плутократии либо иной группы, преследующей своекорыстные цели.

Наблюдается конфронтационный плюрализм многообразных элит в сфере политики, экономики, культуры, религии, этнонациональных отношений, каждая из которых стремится расширить свой «символический капитал» и влияние на конструирование социального пространства. Концепции солидарного будущего не только противоречивы и двусмысленны, но, можно сказать, «приватизируются» различными общественно-политическими группировками, партиями, движениями.

Социальная идентификация личности в нестабильном, кризисном обществе испытывает неожиданные, непривычные воздействия. В их числе: изменчивость социальных взаимосвязей, функций основных социальных институтов, плюрализм культур и идеологий, противоборство корпоративных (групповых) интересов. Евгений Евтушенко писал: «Мы рождаемся снова, а снова рождаться еще тяжелей». Жить в таком обществе трудно, но зато появляется уникальная возможность работы в условиях «естественного эксперимента».

Теоретические подходы к изучению идентификаций

Можно было бы попытаться построить некую универсальную концепцию механизма социальной идентификации и формирования солидарностей. Однако такой путь вряд ли оправдан. Обилие теорий социальной идентификации объясняется, в частности, тем, что мы имеем дело с междисциплинарной проблемой. Водораздел между социологическим и психологическим ее рассмотрением, помимо всего прочего, определяется «углом зрения»: со стороны общества или со стороны индивида.

Социологический срез проблемы связан с изучением социально-культурных детерминант формирования групповых солидарностей. Начиная с Э. Дюркгейма, в центре внимания здесь механизмы установления связи индивида с общностью под воздействием надындивидуальных социально-культурных требований. <...>

Несмотря на различия в социологических подходах к проблеме, можно считать установленным, что общество задает индивиду социально-культурные рамки солидаризации;

потребность включения в социальные связи является коренным свойством человеческой личности, которая вынуждена пассивно или активно самоопределяться в системе многообразных групп и общностей; степень активности субъекта зависит и от социально-культурных норм общества (представлений о свободе, терпимости к индивидуальным позициям и взглядам), и от индивидуальных особенностей.

В психологическом отношении исключительно важен вопрос о взаимодействии процессов идентификации с базисными потребностями личности. Речь идет о самосохранении, самоутверждении, самовыражении, потребности в защите со стороны окружающих. Наконец, существует коренная потребность включения личности в социум, а также дистанцирования от него. Человеку необходимо ощущать себя частью общества, референтной группы или авторитетной общности.

Проблема самоидентичности личности наиболее отчетливо была сформулирована З. Фрейдом в концепции «Эго». Идентификация с группой или общностью в психоаналитической традиции соотносится с потребностью в любви, защите со стороны сильного авторитета. Группа исполняет функцию «отца» и одновременно авторитаризирует социально-нормативную систему «суперэго». «Ид» не может рационально реагировать на внешний мир, тем более — на происходящие в нем радикальные изменения. Отсюда — нарастание агрессивности или уход в себя. Д. Рисмен [1950] развивал эту идею в концепции «одинокой толпы»; Г. Маркузе [1955] подчеркивал, что лишенный авторитетного нормативного «суперэго» и включенный во множество организаций индивид поглощается ими, теряет себя. Р. Лифтон [1971] доводит противопоставление личности и социальной идентификации до логического конца: на месте того, что было личностью, по его мнению, образовался «протеиновый человек». Если применить психоаналитический подход к динамичному современному обществу, то личность придется рассматривать либо как невротика, либо как амебовидное образование, приспосабливающееся к среде, не имеющее станового хребта и не идентифицирующее себя достаточно определенно ни с одной из организаций или групп.

Другой аспект психологического видения нашей проблемы — механизмы социальной идентификации. Как и какими средствами индивид осуществляет потребность в идентификации? Вряд ли можно сомневаться в том, что таким механизмом является общение, межличностное и межгрупповое взаимодействие. Человек включен во множество опосредованных взаимосвязей. Его идентификации с общностями шире, чем круг ближайшего общения. Поэтому интеракционистская теория Г. Мида недостаточно полно объясняет механизмы идентификации. Более широкие возможности заложены в когнитивной психологии.

Эксперименты с группами, описанные Х. Тажфелем [1982], показывают существенное влияние концептуализации, осмысления и упрощения социальных взаимосвязей в понятных индивиду категориях. Психологический подход смыкается здесь с социолого-феноменологическим. Когда прежние стереотипы и представления о «родных» общностях рушатся, то как формируются новые? В основном под воздействием средств массовой информации. Межличностное общение становится в данном случае не более чем медиатором образов солидарностей. Эти образы формируются и передаются средствами массовой коммуникации.

Когнитивистская парадигма в современной психологии (особенно в той версии, которая получила название «атрибутивной») акцентирует внимание на потребности человека в объяснении собственного поведения. «Почему я испытываю влечение быть частью этой, а не иной общности и что из этого может следовать?» — каждый разумный человек задается таким вопросом. Ответ подсказывается не только собственным опытом, но и категоризациями социальных взаимосвязей. Например, бывший советский коммунист восклицает «Христос воскресе!» сначала смущенно, а потом объясняет себе, что это действие правильное, поскольку означает его солидарность с великим народом, и славословит Христа уже вполне уверенно. Такая атрибуция (присваивание смысла минувшему поступку) может закрепиться как устойчивый компонент социальной идентификации. Теория А. Н. Леонтьева [1971] позволяет истолковывать смыслы, которые индивид придает значимым

для него объектам, в терминах деятельности. Широта и разнообразие деятельности определяют смысловую «наполненность», богатство значений той или иной идентичности для данного человека, побуждает переосмысливать прошлый опыт.

В бихевиористской парадигме групповая идентичность рассматривается в поведенческом контексте. М. Шериф [1961] экспериментировал с группами бойскаутов и нашел, что их идентификации прямо связаны с поставленной инструктором задачей (распределиться на две команды). Так и во взрослой своей жизни мы нередко вынуждены присоединяться к той или иной «команде», чтобы сохранить самоуважение в межгрупповом взаимодействии, не говоря уже о конфликте.

Исключительно важен вопрос о разграничении механизмов самоидентификации и идентификации собственно социальной или групповой. Обычно этот вопрос соотносится с процессом социализации, ролевого «научения» или интернализации ролевых функций. Другая сторона той же проблемы — структурирование, упорядочение социальных идентификаций. Ролевые механизмы предполагают давление со стороны социального окружения, восприятие роли другими. Социальная идентификация, конечно, включает этот механизм, но в той его фазе, когда социальная роль уже освоена как часть собственного «Я».

Структурирование социальных идентичностей в некоторую иерархию — особая проблема. С точки зрения «имплицитной теории личности» Г. Келли [1955] — это самоконструкции «Я» в социальном пространстве: одни группы или общности доминируют, являются «кросситуативными», другие — периферийными. Конструкции групповых солидарностей обладают большей или меньшей степенью жесткости. Главные вопросы социальной идентификации: как именно социальная идентичность детерминирует поведение людей? Какие следствия вытекают из той или иной конфигурации социально-групповых солидарностей? Какие солидарные групповые действия следует ожидать?

Диспозиционная концепция регуляции социального поведения личности [Ядов В. А., 1979] подсказывает следующие гипотезы: идентификация с ближайшим окружением активи-

зирует ситуативные установки и определяет поведение человека в условиях взаимодействия между «контактными группами»; идентификация на уровне обобщенных социальных установок активизирует кросситуативные факторы, а также установки, относящиеся к типичным социальным ситуациям и типизированным позитивно-негативным объектам — именно здесь можно наблюдать феномен корпоративно-солидарного поведения (например, участие в забастовке); идентификация с общностями на уровне высших диспозиций личности, т. е. системы ценностей, идеалов, смысла жизни, предполагает определенную стратегию поведения. Речь идет о включении в массовые социальные движения, когда происходит размежевание по коренным проблемам социального класса, народа, нации, страны.

Социальное поведение личности объясняется, таким образом, уровнем активированных диспозиций, иными словами — переживанием, осмыслением своей принадлежности к данной общности в ситуации, предполагающим выбор социального действия.

Анализ социально-психологических подходов к проблеме позволяет сделать следующие выводы. Социальная идентификация обусловлена глубинной потребностью личности в признании со стороны других, в групповой защите, но также в самореализации, ожиданием позитивной оценки со стороны «своих» — референтных групп и общностей. Идентификация с группами, общностями — результат не только межличностного, межгруппового взаимодействия, но также категоризации, осмысления непосредственных или опосредованных взаимоотношений между группами и общностями в доступных человеку понятиях. Идентифицируя себя с определенными группами и общностями, человек испытывает потребность «атрибутировать» себя, т. е. объяснить причины и следствия своей групповой солидарности, ответить на вопросы «почему это моя группа?» и «что из этого вытекает?».

Состояние групповой (социальной) идентичности в разной степени осознаваемо. Оно может быть и неосознанным, когда когнитивные и эмотивные структуры диспозиций противоречат друг другу, и далеко не всегда реализуется в соли-

дарном групповом действии. Последнее зависит от интенсивности, глубины личностной идентификации, ее места в иерархии «идеальных» идентификаций (достаточно устойчивых и осознанных) и соотнесения с периферийными общностями, от конкретной ситуации принятия решения (например, в случае множественных идентичностей равной интенсивности волевое решение как бы парализуется), от группового давления и т. д. <...>

Складываются две модели адаптации в кризисных условиях. Первый присущ идентификации с ближайшим окружением, профессионально-производственными общностями, с людьми, разделяющими те же верования и взгляды на жизнь при умеренной (или отсутствующей) политико-идеологической ангажированности. Вторая модель адаптации — активная. Она характерна для тех, кто включен в политико-идеологическую или предпринимательскую деятельность. Последняя отличается политической индифферентностью, упованием на везение, конформностью с ориентацией на достигших материального благополучия. Что касается идентификации по национальной принадлежности, то ее смысловая нагруженность смещается от контекста повседневности к «абстрактным» солидарностям.

Выводы

Человек испытывает глубокую потребность быть причастным к сообществам себе подобных. Кризисные условия обостряют стремление к групповой защите, солидарности, поиску стабильности, поддержанию самоуважения. Мы живем в нескольких социальных пространствах, более или менее близких к повседневной жизни. Идентификации с ближайшим окружением в семье, с друзьями, с коллегами выдвигаются сегодня на первый план — доминирующую роль играют контактные группы.

За пределами этого сравнительно узкого круга повседневности социальное пространство формируется на основе стереотипов и образов, а также контрастных установок и неустойчивой категоризации. С их помощью человек пытается упростить схемы взаимосвязей в неустойчивом социальном мире.

Необходимую для этого эмоционально насыщенную информацию он получает опять-таки из среды повседневного общения и по каналам массовой коммуникации.

Чем определяется тип идентичности? Прежде всего необходимо указать на нарастание имущественной дифференциации, размежевания по образу мыслей, жизненным убеждениям, сопряженных с ощущением близости к своему поколению. Главный вопрос заключается в том, удерживаются ли привычные, устоявшиеся социальные идентификации советского человека или формируются новые. Последнее предполагает более высокий уровень адаптивности к меняющимся условиям, в том числе способность к рационально-контекстуальной перестройке социальных идентификаций. Адаптивные возможности более молодых, образованных людей, живущих в больших городах, выше, чем у людей в возрасте, с более узким кругозором и проживающих в малом поселке.

Естественно, что наборы социальных идентификаций различаются по социально-статусному критерию. Оказалось, что квалифицированные работники испытывают обостренное чувство маргинальности с малоквалифицированными, люди старшего поколения более склонны удерживать привычные социальные идентичности своего прошлого, а молодежь вообще не имеет представлений о солидарностях с большими общностями. Принадлежащие к группам национальных меньшинств в инонациональном окружении более отчетливо осознают свою собственно национальную идентичность. Корпоративная солидарность резко возрастает в условиях социального конфликта, например забастовки. То же самое наблюдается в межрегиональных конфликтах.

Факторный анализ ответов на вопрос о близости к тем или иным группам в связи с восходящей и нисходящей социальной мобильностью, проведенный М. Ф. Чернышом, показал: среди тех, кто шагнул вверх по социальной лестнице, социальная идентичность выражена ярче и потребность в ней сильнее, чем в нисходящих группах. «Особенностью восходящей группы является активный поиск идентичности в рамках “средних социальных групп”, поколения, профессиональной общности и т. д. Жизненный неуспех, — пишет М. Ф. Чер-

ныш, — толкает человека на приватизацию собственной жизни, уединение в кругу близких и родственников, отчасти — в среде коллег» [1993]. Обеим группам (восходящей и нисходящей социальной мобильности) свойственна тенденция идентификации с теми, кто придерживается ценностей советского прошлого (объяснительная «сила» второго фактора 10%, первого — 40%). В «нисходящей» группе указанная тенденция более амбивалентна, чем в «восходящей», где отмечается большая склонность к самоопределению в относительно новых общностях, например российская или национальная идентичность.

Ю. Л. Качанов и Н. А. Шматко использовали для изучения социальной позиции технику семантического дифференциала. В качестве эталона для сравнений фигурировало понятие «Я сам» и далее рассматривалась близость самоидентификации с различными «персонажами»: например, «лидер», «исполнитель», олицетворяющий успех, неудачник, независимый человек и другие. Авторы установили, что для интеллигенции характерна диффузная идентичность, тогда как предпринимателей отличает высокая самооценка, позитивная самоидентификация [1993].

С мая 1992 по март 1993 г. (отчасти и по июнь 1993 г.) ослаблялись идентификации решительно со всеми группами и общностями. Либо мы наблюдаем перестройку прежних и формирование новых идентичностей, либо усилились самодостаточность, интернальность личности. Возможно, имеет место и то и другое. С одной стороны, определенно фиксируется большая представительность тех, кто склонен опираться на собственные силы, с другой — происходят заметные «подвижки» в солидарности с крупными общностями.

Индивидуальные стратегии социальных идентификаций существенно различаются. Повседневные межличностные и межгрупповые взаимодействия обособлены от «возвышенных» идентификаций с крупными социальными общностями. «Прагматики» более дифференцированы: одни адаптируются к социально-экономическим условиям кризисного общества путем солидаризации с близким окружением (помимо семьи и друзей, это люди того же рода занятий, сверстники, работа-

ющие на одном предприятии и проживающие в данном месте), другие же ориентируются на преуспевающих и деятельных людей, политикой не интересующихся, но добивающихся материального успеха и умеющих воспользоваться счастливым случаем, способных повернуть свою судьбу, но не слишком отличающихся от других в своей новой социальной страте. Люди этого типа сочетают личную предприимчивость с конформностью по отношению к группам, которые, можно предполагать, устанавливают достаточно жесткий нормативный контроль. Склонные к идеологизированным клише совмещают солидарность со всеми людьми на планете, новую гражданскую солидарность в Содружестве Независимых Государств с российской идентичностью.

Теоретическое объяснение полученных данных должно основываться на плюралистическом подходе.

Психоаналитическая парадигма подтверждается общим фактором стремления к какой бы то ни было идентификации, т. е. к защите «Эго». Интеракционистская теория оправдывает себя в том, что идентификации с ближайшим окружением доминируют над другими. Бихевиористская концепция объясняет различия жизненных стратегий индивидов, находящихся в разных условиях (например, в ситуации межгруппового, межнационального конфликта), а когнитивисты, как и феноменологи, убедительно интерпретируют способы категоризации социальных идентичностей на уровне опосредованных межличностых взимосвязей.

Те же выводы справедливы и в отношении социологических подходов. Теория аномии обрисовывает состояние социальной дезинтеграции и утраты привычных солидарностей в трансформирующемся обществе. Марксистская теория доминирования социально-экономических отношений над культурно-политическими находит свое подтверждение в усилении воздействия факторов имущественной дифференциации по сравнению с идейно-политическими. Феноменологический подход уместен в истолковании поляризации тенденций к прагматическим и символическим идентификациям.

Диспозиционная теория может быть полезной для прогнозирования поведения личности в группах и сообществах. Иден-

тификация с группой (общностью) существенно влияет на коллективное поведение; можно предположить, что социальные конфликты в российском обществе сосредоточатся в зоне «корпоративных» солидарностей. Вряд ли конфликты проявятся в области политико-идеологических общенациональных вопросов.

А. А. Бодалев

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ ЛИЧНОСТИ[1]

Попробуем ответить себе, кто же прав в возникшем споре о том, как понимать личность человека и в чем же заключаются главные детерминанты, которые определяют ее формирование и развитие.

Начнем поиск ответа на названные весьма трудные вопросы с напоминания совершенно очевидных для многих положений.

Так, можно предположить, что ни у кого не возникнет возражение против утверждения, что все в мире друг с другом связано. И каждый отдельный человек с момента своего появления на свет и дальше, в течение всей своей жизни, тоже оказывается связанным многими зависимостями с той действительностью, которая его окружает. Но у человека большинство его связей с природной и социальной средой, в которую он всегда включен, отличается совершенно особенной, качественно своеобразной добавкой: он в своей психике отражает предмет, другого человека, общность, событие, процесс, с которыми он взаимодействует или в которых он участвует, дает на каждого из них (в каждом случае свой) эмоциональный отклик и отвечает столь же определенной поведенческой реакцией.

---

[1] Фрагмент из книги: Основы социально-психологической теории / Ред. А. А. Бодалев, А. Н. Сухов. М., 1995. С. 45–61.

Они, эти предметы, вещи, конкретные люди или их объединения, события, которые происходят в обществе, процессы, которые развертываются в природе, по-разному сопрягаются с имеющимися у него потребностями. Одни из них «срабатывают» на их удовлетворение и развитие, другие, наоборот, играют роль препятствия к их удовлетворению, третьи — эти потребности только усиливают, четвертые на них никак не влияют.

И это несовпадающее значение различных элементов действительности, в которую всегда включен человек для удовлетворения его потребностей, обязательно сказывается на том, как он каждый из элементов в своем сознании запечатлевает, каким переживанием на каждый из них откликается и какое поведение при этом демонстрирует.

Все это, вместе взятое, означает, что у человека формируется и проявляется определенное и часто очень конкретное отношение к каждому данному предмету или к их группе, к каждому данному человеку или к общности людей, к каждому данному событию или классу событий и т. д. И, таким образом, опираясь на сказанное, мы имеем право заключить, что в каждом человеке на основе его собственной повседневной практики взаимодействия с миром вещей и с миром людей формируется очень богатая и многообразная система отношений к ним. Но, как известно, человек живет в обществе, а жить в обществе и быть свободным от общества никому не дано.

А это означает, что выработавшаяся в обществе, к которому принадлежит человек, и официально закрепленная в законах или нашедшая отражение в нравственных требованиях или воспроизводящаяся в традициях система отношений ко всему тому, что составляет природную и социальную среду, с самого рождения человека постоянно и сильнейшим образом на него воздействует и очень направленно корректирует формирующуюся в его личном опыте «картину мира» и составляющие ее элементы, характер эмоциональных откликов на них, а также способы поведения, которым он должен следовать в той или иной ситуации.

И, стало быть, индивидуальные субъективные отношения каждого человека к таким, например, «элементам» действи-

тельности, как планета Земля, человечество, как Отечество, как отдельный человек, как семья, как труд, как материальные и духовные ценности, создаваемые в процессе этого труда, или, например, как он сам, оказываются всегда опосредствованными отношениями к ним, сложившимися в том обществе, к членам которого он себя причисляет и мнением которого о себе он дорожит.

Вот эти-то отношения человека к разным сторонам действительности, с которой ему приходится изо дня в день по разным причинам и в разных социальных ролях взаимодействовать, постоянно несущие, как было показано выше, печать не только его опыта, но и общества, в котором проходит его жизнь, и составляют сущность его личности.

А как же тогда быть с возражениями оппонентов по поводу именно такой трактовки личности, которые были упомянуты в начале главы? Что касается природной предрасположенности к развитию у человека в течение его жизни весьма определенных черт личности, то это утверждение заслуживает внимания лишь в том смысле, что особенности общего, специального и парциального типов высшей нервной деятельности, которые обнаруживаются у человека, действительно влияют на интенсивность эмоциональной окрашиваемости формирующихся у него отношений, на динамические характеристики их проявления, однако содержание их всецело задается обществом, к которому принадлежит человек и которое оказывается для него субъективно значимым. <...>

Теперь несколько слов о раскрытии личности через содержание опыта, накапливаемого человеком при познании им действительности, переживаний, возникающих у него при этом, и его ответных действий.

В общем виде предложенная формула источника, а также логики формирования личности правильна. Но она не раскрывает важнейшего момента, который высвечивает сущность человека как личности, а именно постепенно складывающуюся и закрепляющуюся в нем систему тенденций поступать в различных жизненных ситуациях, очень определенно отражаемых и так же определенно переживаемых, характерным для него образом. А эти тенденции, психологической изнанкой

которых является названная триада, и есть не что иное, как сформировавшийся в нем «целостный ансамбль» (В. Н. Мясищев) отношений к действительности.

И наконец, о понимании личности как усваиваемых человеком и затем актуализируемых им в своей жизни деятельностей. Вспомним, что под деятельностью в психологии подразумевается целенаправленная активность человека, побуждаемая теми или другими мотивами и осуществляемая характерными для этой деятельности способами. Игра ребенка, учение школьника, труд оператора, сидящего за пультом управления ЭВМ, и т. д. — все это примеры деятельности, но если глубоко вдуматься в их психологическую изнанку, то станет ясно, что в них проявляются, прежде всего и главным образом, качества человека как их исполнителя, как субъекта с тем или иным уровнем развития способностей, а не как личности–носительницы отношений. Что же касается последних, то они в этих случаях дают о себе знать, как говорят философы, «в снятом виде».

Итак, отношения составляют существо человека как личности. Сравнение людей по этому параметру выявляет наличие между ними больших различий. Они выражаются в степени разносторонности отношений. У одних людей они характеризуются бедностью и поверхностью, у других — богатством и глубиной. У разных людей их отношения оказываются неодинаковыми, если их сравнивать, и по параметру активности. У одних из них они не выступают как побуждения к действию, у других они, наоборот, постоянно «провоцируют» личность на новые деяния и значимые для нее и для окружающих поступки.

Из числа многочисленных современных социально-психологических теорий личности можно выделить следующие: 1) ролевые теории личности; 2) теорию Маслоу о самоактуализации «Я»; 3) теорию «Я»-концепции; 4) когнитивные и гуманистические теории личности; 5) экзистенциализм и др. Опираясь на указанные теории и интегрируя наиболее ценное в них, появляется возможность говорить о личности не только как об индивидуальном, но и типичном социально-психологическом явлении, дающем о себе знать в ряде крайне сложных взаимосвязанных характеристик.

Характеристика социально-психологических типов личности

...Разбираясь дальше и глубже в проблеме социально-психологической типологии личности, важно также иметь в виду, что хотя структура выражающих ее общественную сущность отношений представляет собой всегда целостную систему и каждое отдельное отношение испытывает на себе влияние всех других отношений, входящих в структуру, вместе с тем в жизни наблюдаются весьма существенные различия в системах отношений, обнаруживаемых в личности разных людей. Так, например, в структуре личности у одних людей сплошь да рядом доминирует какое-то одно отношение, а звучание всех других оказывается приглушенным. В структуре личности у других, так сказать, на равных могут выступать несколько отношений. Структура отношений у одной личности может характеризоваться непротиворечивостью в этих отношениях, зато у другой личности может иметь место конфликт между какими-то очень важными отношениями, вызывающий непоследовательность в поведении этой личности и очень усложняющий ей жизнь.

Различия между отношениями, входящими в структуру личности, могут состоять и в том, что у одних лиц эти отношения носят более обобщенный характер и хорошо интегрированы, а у других они оказываются сплошь локально-частными и не интегрированными вокруг какого-то одного главного для личности отношения и существующими, так сказать, рядоположно друг к другу. <...>

Мы начали эту главу с напоминания, что все в мире связано со всем и что каждый человек связан с окружающим множеством зависимостей. Но он, это тоже напоминали мы, еще и общественное существо. И поэтому главными условиями приобретения им этого качества общественности и одновременно овладения в большей или меньшей мере материальными и духовными ценностями, созданными человечеством за многие тысячелетия его существования, является не только труд, но и обязательно прямые или опосредованные (как в наше время) техническими устройствами постоянные контакты

каждого человека с другими людьми и с большими и малыми общностями, которые постоянно и сильнейшим образом на человека воздействуют. Что же это за воздействия?

На этот вопрос мы отвечаем так: во-первых, это влияния, идущие к человеку из большого социума. Содержание и конкретные формы объектирования политики, экономики, идеологии, права, морали, религии, господствующие в обществе, действуя в совокупности и взаимопроникая друг в друга, всегда оказываются теми реальными условиями, которые облегчают формирование у личности одних отношений к действительности и затрудняют формирование других отношений.

Но эффект воздействия этих объективно существующих детерминант — и политики, и экономики, и идеологии, и права и др. — никогда не бывает одинаковым для каждой личности. Его характер и качество «следа», оставляемого в сознании личности, в ее эмоциональной и волевой сферах, зависят от принадлежности личности к той или иной возрастной, половой, национально-этнической, профессиональной или отличающейся определенным экономическим достатком общности.

Последние, благодаря особенностям, которые им присущи, типичным только для них видением мира, ценностными ориентациями, сложившимися в них оценочными эталонами, ставшими привычными для них поведенческими реакциями, корректируют влияния, идущие к личности из макросоциума. Только что сказанным мы выделили второй уровень воздействий, под влиянием которых происходит складывание определенного социально-психологического типа личности.

Третий важнейший фактор, от действия которого в сильнейшей степени зависит то, какая перед нами, в конце концов, окажется личность и какие, стало быть, отношения к разным сторонам действительности ее будут отличать от других людей, — это та малая группа — семья, школьный класс, рабочая бригада, небольшое объединение предпринимателей и т. д., в которые личность входит и с членами которых она находится в повседневном непосредственном контакте.

По причине этой непосредственности общения каждого с каждым, постоянного выражения ими своих точек зрения на происходящие события как в самой группе, так и за ее преде-

лами, совершаемых на глазах у всех поступков и действий, затрагивающих в положительном или отрицательном смысле интересы каждого, кто входит в группу, эта многоликая и многонаправленная, существующая в материальных и духовных формах жизнь группы оказывает свое обязательное влияние на развитие личности, и оно тем сильнее, чем психологически значимее эта группа для личности. <...>

Специфика межлюдских отношений и их влияние на людей — их носителей, заключается еще и в том, что в них не просто один человек контактирует с другим или один человек «относится» к другому человеку как таковому, а они всегда взаимодействуют друг с другом как представители определенных общественных групп — половых, возрастных, профессиональных, национальных и других. Принадлежность же каждого из них к той или иной группе требует поведения, которое в обществе считается само собой разумеющимся, так сказать, социально нормальным для представителя данной группы — для мужчины, для учителя, для мужа, для отца и т. д.

И демонстрируя такое поведение, человек постоянно выступает как носитель социальной роли или одновременно нескольких социальных ролей. Социолог И. С. Кон, конкретизируя это положение, пишет: «принадлежность индивида к группе выражается в определенных функциях (ролях, в которых фиксируются его обязанности и права по отношению к группе (и продолжает. — *А. Б.*)... ожидания, определяющие общие контуры социальной роли, не зависят от сознания и поведения конкретного индивида: они даются ему как нечто внешнее, более или менее обязательное, и их субъектом является не индивид, а общество или какая-то конкретная социальная группа» (Кон И. С., 1967).

Ролью называется ожидаемое поведение, обусловленное статусом человека. Различаются социальные (безличные) и межличностные роли.

Вместе с тем, взаимодействуя друг с другом в учении, труде, в быту и выполняя при этом различные роли — учителя, банкира, следователя, матери и др., — люди остаются личностями. Поэтому любая социальная роль, какую бы ни взяли, не означает абсолютной одинаковости для всех поведенческих

стереотипов при ее осуществлении. Она всегда оставляет для своего исполнителя возможность проявлять в ней свою индивидуальность. И благодаря этому социальные (безличные ролевые) отношения становятся межличностными или, как их назвал В. Н. Мясищев, психологическими.

Результат воздействия на личность со стороны другого человека или какой-либо общности зависит не только от особенностей последних, которые были названы выше, но всегда и от того, какие отношения уже успела «нажить» эта личность, какие потребности, интересы, склонности у нее за этими отношениями стоят и, вместе с тем, как имеющимися у них характеристиками эти другие люди или какая-то общность отвечают на эти потребности, интересы, склонности личности. Именно этот последний параметр главным образом определяет знак и величину субъективной значимости другого человека и общности для личности и результат их влияний на нее.

Понятно, что результат влияния названных выше факторов, оцениваемый по таким показателям, как характер (содержание), широта, глубина, устойчивость, действенность, не может быть однообразно похожим у всех людей, наоборот, он оказывается всегда чрезвычайно вариабельным.

Если другой человек, с которым у личности постоянные контакты, или общность, в которую она входит, в высокой степени для нее положительно значимы и очень авторитетны, они (это показали исследования Е. Б. Старовойтенко) сильнейшим образом воздействуют на самодвижение и на появление в нем новых ценностных доминант.

Влияния, исходящие от авторитетных и значимых для личности людей и общностей, инициируя в личности самоанализ и саморефлексию, могут побуждать ее видеть самою себя не только в настоящем, но и в будущем и выстраивать и осуществлять программы движения к этому будущему.

Причем, приобретая в своем развитии большую или меньшую автономность и выходя на более высокий уровень социально-психологической зрелости, личность может перерастать те или иные общности, членом которых она до этого была, и начать искать или сама создавать общности, которые своими характеристиками отвечали бы ее возросшим запросам.

При этом было бы грубым упрощенчеством полагать, что итогом только что описанного процесса воздействия личности на личность или общности на личность оказывается непременно продвижение последней по прогрессивному пути развития. Ведь потребности, интересы и склонности у личности могут носить и негативный характер, и тогда она будет испытывать тяготение к людям и к их общностям, о которых можно только сказать, что они с этой личностью «одного поля ягоды».

Таким образом, хотя и в другом ракурсе, но повторяется уже высказанная мысль: личность со сформированными в ее прошлом социальном опыте отношениями к действительности не tabula rasa, не «чистая доска», ее отношениям к окружающим воздействиям извне присуща избирательность и, как правило, активно нешаблонный характер познавательных, эмоциональных и поведенческих ответов на них.

Г. М. Андреева

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ВРЕМЕННЫЕ И СРЕДОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ[1]

Осознание времени своего существования — важное дополнение к осознанию собственной идентичности. В данном случае речь идет об отождествлении себя не только с определенной группой, но и с временным промежутком истории, с которым «совпал» период существования человека. Усвоение стандартов общества помогает человеку ориентироваться в мире и адекватно действовать в нем, но не менее важно для него и усвоение стандартов времени. Е. И. Головаха и А. А. Кроник полагают, что в сознании человека формируется определенная система обобщенных представлений о времени. Ее можно назвать «концепцией времени личности в масштабах ее жизни». Следует вспомнить, что и другие авторы, анализируя мироощу-

[1] Фрагмент из книги: Психология социального познания. М., 1997. С. 162–175.

щение человека в различные исторические эпохи, говорили также о наличии определенного «образа времени» как об одной из фундаментальных составляющих «образа мира».

В проблеме времени можно выделить две части: а) осмысление человеком своего «психологического» времени, рубежей и этапов его развития; б) осмысление связи времени своего существования с временем эпохи, в рамках которой личность существует.

Первая часть этой задачи имеет традицию своего изучения в психологии. Существует ряд экспериментальных исследований, выявляющих влияние психофизиологических, личностных, социальных факторов на оценку длительности временных интервалов, что обусловлено событийной насыщенностью того или иного отрезка времени. В рамках этой традиции следует рассмотреть идеи К. Левина, который обозначал так называемую временную перспективу личности, интерпретируя ее с точки зрения «событийной концепции психологического времени». Различная временная перспектива личности возникает потому, что время разного масштаба задано личности определенными границами психологического поля в данный момент. Человек видит не только свое настоящее, но имеет всегда и определенные ожидания, т. е. надежды, страхи, мечты о будущем. Вместе с тем временная перспектива включает в себя и психологическое прошлое человека. Именно поэтому она крайне важна для определения уровня притязаний, настроения, творчества, проявления инициатив личностью. Именно от состояния психологического поля зависит то, что впоследствии было названо П. Фрессом «временной кругозор личности». Хотя в данной традиции речь идет об осмыслении личностью своего психологического возраста или своей временной перспективы, т. е. «личной хронологии», по выражению П. Жане, уже здесь просматривается связь, которая существует между названными характеристиками и социальным контекстом.

Поскольку человек осваивает временные отношения в практической деятельности, то именно на ее основе рождается некоторая Концепция Времени, свойственная каждой личности. Эта концепция конструирует связь настоящего, прошедшего и будущего, а эта связь, в свою очередь, определяется социаль-

ной значимостью событий. Так, по мнению Ш. Бюлер, в жизненном пути каждой личности формулируется временной порядок — своеобразное «расписание» жизни, предписывающее определенные акценты в деятельности в течение разных периодов. Это расписание в различных социальных группах весьма различно, и внутри каждой группы существует свое представление о том, что нужно «успеть» на каждом конкретном этапе жизненного пути. Соответственно по-разному трактуется «отставание» на каждом таком этапе и переживается как жизненный неуспех.

В психологии давно введено понятие «самооценка возраста» — сопоставление личностью своих достижений с предъявляемыми обществом возрастно-ролевыми ожиданиями. Они представляют собой нормы и требования для включения в круг определенных социальных ролей. И если такое включение оказывается в силу каких-то причин невозможным, возникает ощущение дискомфорта. В общем плане проблема была поставлена С. Л. Рубинштейном: «Субъективное время личности отражает разный уровень бытия личности, разный уровень способов ее существования» [1960]. Это определяет и такую деталь на жизненном пути человека, как несовпадение психологического возраста личности в разных сферах ее жизнедеятельности, т. е. — многомерность психологического возраста. Отсюда такие явления, как возникновение «акселератов», молодых людей, у которых их физическое развитие обгоняет формирование многих необходимых социальных качеств, и т. п. <...>

Связь с концепцией времени, существующей в определенную эпоху, рождает в личности ощущение, что индивидуальная жизнь не ограничена рамками непосредственного существования, но должна быть рассмотрена в историческом масштабе: то, что было до моего непосредственного существования, то, что будет после, так или иначе вовлекается в личную концепцию времени. По справедливому замечанию К. А. Абульхановой, человек предвосхищает, организует события своей жизни всегда с точки зрения будущего, и ему свойственна «временная транспектива» — сквозное видение из настоящего в прошлое и будущее [1994]. <...>

Более конкретно проблема соотнесения времени своей жизни с эпохой выглядит так: для каждого индивида необходимо достичь адекватности собственных возможностей, имеющих место сегодня, с возможностями их реализации, даваемой историческим временем. Проблема «потерянных поколений» — это как раз проблема тех поколений, которые почувствовали себя невостребованными обществом, находящимся на данном этапе его развития. Каждая эпоха требует определенных социальных ролей, и одна из задач личности — соотнести особенности эпохи и личный период своего развития для успешного исполнения набора требуемых ролей.

Примером трудностей, стоящих на этом пути, является продолжительность срока обучения молодого поколения в современных развитых обществах. С одной стороны, общество требует все большего и большего объема знаний от молодого человека, вступающего в жизнь. Как следствие этого — требование большей длительности образования. С другой стороны, в динамически развивающихся обществах требуются все время более молодые деятели на общественном поприще, и это, казалось бы, должно привести к сокращению сроков обучения. В исследовании Е. И. Головахи и А. А. Кроника показано, что чем раньше человек научился соотносить свои возможности с требованиями времени, тем успешнее его деятельность; так, например, в сфере политики молодые люди менее консервативны и, следовательно, более готовы к поиску нового, требуемого социальными изменениями. Важным условием точного определения «времени действия» своей возрастной группы является сравнение своей возрастной группы с группами других возрастов.

Проблема «вписывания» в историческое время стоит особенно остро в ситуации радикальных социальных преобразований в обществе. Еще Эриксон показал опасность для личности ее конфликта с временем. Рассмотренная на фоне макроизменений, эта опасность представляется еще более значительной. Ломка устоявшихся в обществе отношений с неизбежностью порождает мучительный вопрос об ответственности поколения «за время». Нужно понять, кто инициировал предшествующие формы общественного развития, когда они создавались,

кто был ответствен за эти формы тогда, при их создании, кто за эти продукты прошлого ответствен сегодня?

Быстрый темп смены эпох — вообще трудность для индивидуального существования человека. Об этом хорошо сказано у Анны Ахматовой:

Что войны, что чума?
Конец им виден скорый,
Их приговор почти произнесен.
Но как нам быть с тем ужасом, который
Был бегом времени когда-то наречен.

На уровне обыденной психологии давно сформулирована мысль о необходимости «поспевать за временем», «не упустить время» и т. п. Но как осуществить эти заповеди? Очевидно, что важнейшим этапом на этом пути является понимание времени. Познание (понимание) времени — один из компонентов социального познания. В современной гуманистической психологии введено понятие «временной интегрированности личности». По А. Маслоу, более интегрированные личности лучше самоактуализируются, они приподняты над мелочами, обладают широким горизонтом, дальней временной перспективой, руководствуются широкими универсальными ценностями, т. е. осознание времени выполняет ту же функцию, что и познание других элементов социального мира — способствовать адекватному поведению в нем. По мнению И. М. Палея и В. С. Магуна, именно понимание времени позволяет индивиду оторваться от сиюминутного, увидеть мир шире. Иными словами, это означает временную децентрацию человека [1970]. Личность, осуществляющая такую временную децентрацию, не только лучше осознает свой жизненный путь, но и осмысливает его в историческом контексте. Механизм временной децентрации позволяет индивиду взглянуть не только на свою жизнь с любой точки отсчета, но и с точки зрения момента, выходящего за пределы собственной жизни. Благодаря этому человек более «объемно» видит мир, каждый момент жизни, а значит, и обогащает свою временную картину мира.

Более точная характеристика времени, переживаемого обществом, весьма важна для реализации практических действий

человека. Известен пример разработки стратегии и тактики компанией «Форд Моторс» по реализации модели «Мустанг» — маленького автомобиля спортивного типа. Предполагалось, что реклама должна быть рассчитана в основном на молодых, не особенно богатых покупателей, но выяснилось, что машину покупали практически и все другие слои. Был сделан вывод о том, что при разработке маркетинга была допущена ошибка: следовало ориентироваться не просто на возраст покупателей (молодые люди), а на группу, обладающую характеристиками «психологически молодых» людей. Время, эпоха сегодня делает таковыми представителей самых различных возрастных групп.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что важнейшим компонентом образа мира являются представления о характере отношений между происшедшими, происходящими и предстоящими событиями собственной жизни человека в соотнесении с событиями в жизни общества. Это и дает основания рассматривать проблему временной идентичности личности наряду с традиционными представлениями о ее групповой идентичности, так же как образ Я, образ Группы, образ Времени представляет собой важнейший элемент общего образа Мира.

Еще одна новая составляющая идентичности — это идентичность с окружающей средой. Несмотря на необычность такого словосочетания, факт, в нем зафиксированный, хорошо известен на уровне обыденной психологии: человек всегда обитает в некоторой «жизненной среде», к которой можно отнести географический район его проживания, тип поселения (город или деревня), природные и климатические характеристики своей местности и многое другое. Поэтому образ мира не может быть построен без учета и этого рода отношений человека с миром.

В современной психологии обозначилась самостоятельная область исследований, которая получила наименование «психология среды», иногда — «экологическая психология», которая изучает психологические аспекты взаимоотношения человека с окружающей средой. Среда органично включена в жизнедеятельность человека и служит важным фактором регуляции его поведения. С любым компонентом экосистемы индивид

связан через процессы приспособления к ней и, вместе с тем, через процессы ее преобразования. Степень зависимости человека от среды весьма различна как в физическом, так и в психологическом смысле. Поэтому от того, каким сформирован образ окружающей среды в сознании человека, во многом зависит тип его поведения. И. Альтман, видный исследователь в области экологической психологии, считает эту дисциплину необходимой добавкой к традиционным психологическим исследованиям.

Одной из первых концепций, предложенных в этой области психологии, была концепция Р. Баркера, названная «экоповеденческая теория», в которой рассматривались процессы, возникающие при взаимодействии группы людей со средой. Центральное понятие концепции Баркера — «место поведения» — объективная, ограниченная во времени и пространстве ситуация, которой свойствен определенный набор типов поведения. Пример — «Лекция». Это не комната, где всегда по понедельникам это происходит; не психологи, которые на ней присутствуют; не текст, который произносится преподавателем. «Лекция» — это и то, и другое, и третье — комплекс всего перечисленного, задающий своеобразную программу действий включенных в него личностей. Несмотря на ряд критических замечаний, высказанных позднее по поводу концепции Баркера она была оценена достаточно высоко, поскольку вводила в психологию в качестве важнейшего компонента социальную среду. В настоящее время спектр исследований «места поведения» существенно расширен. Наряду с развитием идей Баркера предложен еще целый ряд подходов, из которых особенно важен в нашем контексте тот, который разработан в рамках когнитивной психологии. «Место поведения» здесь рассматривается в контексте ориентировки человека в мире, для чего введено понятие «образ социального» («social image»).

Для того чтобы понять, как формирование образа окружающей среды вплетается в процесс социального познания, необходимо обратиться ко всей совокупности понятий, относящихся к экологической психологии. Само понятие «среда» достаточно полно описано. В среде выделены четыре подсистемы: 1) природная среда — общий «фон» общества — состоя-

ние атмосферы, водный компонент, состав поверхности земли, структура ландшафта, растительный и животный мир, климат, плотность населения; 2) среда «второй природы» — модификации природной среды, преобразованной людьми: угодья, дороги, зеленые насаждения, домашние животные, культурные растения; 3) «третья природа» — искусственный мир, созданный человеком, не имеющий аналогов в естественном мире (т. е. «очеловеченная природа»): асфальт, бетон городов, пространство жизни и работы, транспорт, технологические объекты, мебель, культурно-архитектурная среда; 4) социальная среда — своеобразная интеграция трех предшествующих сред, что дает в итоге определенное качество жизни, проявляющееся, например, в культурной оседлости. По мнению О. Н. Яницкого, социальная среда включает в себя набор референтных групп для личности, представление о своих «корнях», малой Родине, ценности своего «места» (местности) [1996].

Совокупность природных и социальных факторов среды образует то, что называют «жизненной средой» или «непосредственной жизненной средой». Ее характеристики даются во вполне психологических терминах, когда выделяются:

а) Внутренняя среда индивида — моделируемое сознанием представление о «своей среде», ее «образ». Некоторые исследователи называют это «имплицитными теориями среды», подобно «имплицитным теориям личности», т. е. субъективными представлениями о характеристиках этой среды. Внутренняя среда индивида включает совокупность знаний и навыков, которые в ней могут быть актуализированы.

б) «Первичная экоструктура» — жизненное пространство, непосредственно «моя» среда обитания (дом, квартира, комната, вещи), как бы продолжение моего собственного «Я». Психологически эта среда формирует чувство хозяина — это «мой» мир.

в) «Групповая экоструктура» — среда сообщества: территория предприятия, вообще места работы, различные помещения совместного пребывания — клуб, спортивная секция и т. п.

Именно эта, непосредственная жизненная среда выступает основой идентификации личности с каким-то определен-

ным местом ее существования и пребывания. Термин «средовая идентичность», не очень благозвучно звучащий на русском языке, относительно новое образование, претендующее на то, чтобы обогатить представления об идентичности личности. Так же как и в случае формирования других координат идентичности (образ Я, образ Группы, образ Времени), образ Среды формируется на протяжении всей жизни человека. Исследования Т. Нийта [1983, 1985] показали, как влияет на восприятие мира ребенком восприятие им своей непосредственной Среды обитания: наличие или отсутствие у него своей «территории» — уголка или комнаты. Показано, что дети, живущие в перенаселенных квартирах, демонстрируют часто большую агрессивность, порожденную тем, что негде побыть одному, и т. п. Несмотря на наличие таких негативных воздействий среды обитания в детстве, именно ее образ сохраняется на всю жизнь. Впоследствии ностальгия «привязывается» именно к этой среде.

Механизмы формирования представлений об окружающей среде обусловлены тем, какое значение придает человек среде. Окружающая среда может быть репрезентирована человеку двояким образом. Прежде всего она «отвечает» на вопрос «где?»: где, в какой ситуации происходит то или иное событие, где Я-сам, где то, что мне близко и т. д. В английской и немецкой терминологии употребляются специальные термины, обозначающие данный тип значения среды: Whereness, и соответственно «Wo?». Если бы не опасаться вульгаризации русского языка, можно было бы употребить такой русский эквивалент этих терминов: «гдетость», т. е. такое качество среды, которое отвечает на вопрос: «где что-то существует или происходит?». Далее, второй аспект значения среды, в котором, собственно, и выясняется ее значимость для индивида: «А что это такое? Что это означает для меня?». Существительное, которое употребляется в английском и немецком языке, — соответственно Whatness и Was? (русский условный эквивалент — «чтотость»). Отвечая на два эти вопроса, человек как бы помещает себя в некоторое пространство, привязывает себя к нему, использует своего рода когнитивную карту с обозначением места своего пребывания. Если место это очень

значимо, человек отождествляет себя с ним, возникает «идентификация с местом».

Этот феномен хорошо известен на уровне житейской психологии. Если в обыденных обстоятельствах для человека не столь значимо отождествление себя с каким-либо «местом» (будь то место его рождения или место какого-то периода проживания), то в ситуациях исключительных это родство с местом приобретает особую роль. Например, в условиях разлуки с родиной ностальгия особенно часто касается места, где прошло детство или где произошли какие-то исключительные события (признание в первой любви, впервые испытанное чувство страха и т. п.). Новобранцы в армии часто устанавливают контакты по принципу землячества («он из наших мест»), и такая идентификация порой более очевидна, чем отнесение себя к какой-нибудь социальной или возрастной группе. Значение «среды» в нетрадиционной ситуации настолько велико, что идентичность личности по преимуществу становится «средовой». Отсюда и восприятие, и познание социального мира приобретает особую окраску; среда воспринимается как существенная характеристика социального бытия человека.

В таких ситуациях могут возникать особого рода экологические стереотипы и предпочтения, что заставляет специфически окрашивать воспринимаемый мир: местные нормы, стандарты поведения, а не только черты родной природы могут восприниматься как наилучшие, от чего зависит и вся картина мира. В случае предпочтения области проживания целого народа такие представления тесно смыкаются с этническими стереотипами, различными символами и в этом качестве также предстают как элемент конструирования социального мира с позиций идентификации себя с определенной средой. «Использование» Среды детерминировано культурными нормами и определенными символами. Это определяет характер экологического сознания, что проявляет себя не только в глобальном отношении к среде, но и в способах поведения в конкретных «средовых» ситуациях, например в храмах, на кладбищах и пр. В этом смысле вандализм, проявляющийся в сокрушении памятников, в хулиганских надписях на стенах зданий (так называемые Graffiti), есть всегда сигнал не просто невос-

питанности, но и разрушения нормальных отношений со средой обитания, т. е. неблагополучия с проблемами социальной идентичности. Значимость чисто экологических характеристик местности была продемонстрирована в одном из экспериментов: африканским детям было предложено 90 слов, имеющих отношение к жизни континента. Из них надо было выбрать такие, которые в наибольшей степени, по мнению испытуемых, характеризуют их материк. Лишь 25% детей выбрали такие термины, как «расовые проблемы», «ислам», «социализм». Более 80% посчитали, что картина их мира показательнее предстает в таких терминах, как «дикие животные», «черные аборигены», «каннибалы», «пигмеи», «шаманы, потрясающие дротиками» и пр.

Формирование экологического сознания включает в себя формирование отношения не только к природе, но и к различным аспектам среды, а их, как мы убедились, достаточно много. Одно из существенных направлений изучения психологии среды состоит в определении позиции человека относительно дистанции, которую он считает оптимальной для взаимоотношения с другими людьми. Два основных термина описывают характер этих представлений: «уединение» и «скопление». Что касается проблемы «уединения», то это не новая проблема в психологии, которая зачастую известна под названием «персональное пространство». Уже в рамках проксемики при исследовании оптимальной организации пространства общения, особенно посредством невербальных средств, было выявлено наличие у человека достаточно точных представлений о том, в каких ситуациях какая дистанция является уместной. М. Аргайл сформулировал «шкалу интимности», где как раз и обозначены различные дистанции, годные для интимного, делового общения или для публичного выступления. Другая сторона этой проблемы успешно исследовалась психологами Эстонии. Т. Нийт, например, изучал вопрос о том, какое значение имеют пространственные характеристики как для людей с различными индивидуальными психологическими особенностями, так и для представителей разных культур. Дело не только в выборе дистанции общения, но и в общей потребности человека в определенном «уединении». Эта психологи-

ческая потребность тесно связана с социальными условиями ее реализации. (Так, для разных людей в разной степени нетерпима теснота коммунальной квартиры или даже отсутствие собственной комнаты в квартире изолированной. Восприятие мира во многом строится и через призму именно этой характеристики существования.) По мнению И. Альтмана, «уединение» обозначает такую меру социальной стимуляции, при которой люди могут оптимально взаимодействовать. Это обусловлено тем, что «личное пространство» гарантирует индивиду возможность принимать самостоятельно решение о том, какую информацию о себе он готов передавать партнеру и при каких обстоятельствах. Иными словами, должная мера «уединения» выступает компонентом формирования Я-концепции, а следовательно, экологическая характеристика сопряжена с формированием идентичности.

Другая сторона этого же вопроса — «скопление» людей, их пребывание в толпе, вообще в системе превалирующей тесноты. В данном случае это уже не вопрос тесноты в квартире, а мироощущение человека в ситуации любого массового сборища. Сензитивность к «уединению», как правило, коррелирует с крайне негативной оценкой всякого «скопления». Объединяемое термином «территориальность» предпочтение к той или другой стороне альтернативы «уединение—скопление» выступает значимой переменной в оценке индивидом окружающего мира. Хотя эти оценки могут быть и чисто ситуативными, в конечном счете они могут влиять и на более общую картину мира. Так, в исследовании М. Хейдеметса было показано, что человеку свойственно поддерживать определенный уровень пространственного контакта с другими людьми, и успешность/неуспешность этого определяет в значительной степени не только психологическое состояние индивида, но и эффективность его деятельности. Угроза персональному пространству приводит к повышению его значимости, следствием чего является, с одной стороны, еще более настойчивая идентификация себя с этим пространством, а с другой — толчок к общему восприятию мира через призму восприятия своего пространства, своей среды.

Отношение к среде заставляет человека выработать определенные категории, при помощи которых эта среда может быть адекватно описана. Все они так или иначе относятся к категоризации пространства, т. е. касаются последовательности, расстояния и ориентации. Примерами применения такой категоризации являются построения образа города, что стало в последнее время довольно частым предметом психологических исследований. Начало им было положено книгой К. Линча «Образ города». Работа выполнена в традициях, весьма близких к когнитивной психологии, и предлагает, по существу, конкретизацию процесса построения некоторой когнитивной схемы. Линч обозначил пять основных категорий, которыми люди пользуются, организуя свой образ города: дороги (их совокупность — это «умственная карта города»); перекрестки представляют точки принятия горожанами решений и выбора; окраины — дающие ясность твоего собственного положения в городе; районы — обозначают своеобразную иерархию частей города; специальные ориентиры, которые являются такими точками на карте города, которые помогают нам определить, на правильном ли мы находимся пути. Эта категоризация, с одной стороны, служит просто наиболее экономному описанию конкретного города, а с другой стороны, способствует и конструированию такого абстрактного образа города, который оптимален для существования человека. На примере отношения человека к городу (элементу «построенной среды») хорошо также проследить связь проблем экологии и идентичности. Целый ряд исследований посвящен вопросу о том, как человек воспринимает изменения городской среды. Эти изменения внесены урбанизацией: меняется цветовая гамма городских пейзажей, возникают большие плоские поверхности вновь построенных площадей, больших магистралей, начинают преобладать прямые углы и линии, связанные с массовой застройкой новых жилых кварталов. Вопрос в том, как люди относятся к этим изменениям: затрагивают ли они идентификацию с привычным обликом города? Зачастую потеря привычной территории, «присвоенной» человеком, приводит к своеобразной ностальгии, откуда возникает негативное отношение к преобразованиям, особенно у пожилых людей.

Это выражается в неприятии новой планировки районов, переименования улиц и т. п.

Все это можно проинтерпретировать как один из элементов разрушения идентичности, что обусловлено разрушением некоторых символов, а среда, как видно, также обладает для человека символическим значением. Потеря территории, предметов, ее наполняющих, или символов, репрезентирующих эти предметы, способствует потере ориентации человека в мире, что есть обязательное условие сохранения идентичности.

Нужно также упомянуть и еще о некоторых специальных областях экологической психологии, которые имеют отношение к психологии социального познания.

Одной из таких специальных областей является так называемая рискология — научная дисциплина, активно развивающаяся в последние годы и исследующая различные проблемы риска. Рискология охватывает широкий круг вопросов и подходит к анализу риска с различных точек зрения: так, например, риск изучается в комплексе технических (инженерных) дисциплин. Но есть и особая область исследования риска, целиком связанная с проблемами психологической ориентации человека в мире. В этом качестве риск изучается в контексте экологической психологии вместе с другими проблемами влияния окружающей среды на поведение человека.

Здесь анализируется такая ситуация, когда наиболее значимым для человека является не объективная степень риска, а его субъективное восприятие риска, для чего вводится понятие «воспринимаемый риск». Конечно, степень риска, которому подвержен человек в той или иной ситуации, определяется и объективными характеристиками опасности и угрозы, однако поведение во многом опосредовано тем, как и насколько индивид воспринимает эту опасность. Под «воспринимаемым риском» и понимается как раз сочетание субъективной вероятности неблагоприятного события и оценки его возможных негативных последствий.

Образ среды во многом обусловлен тем, насколько она представляется источником разного рода рисков. В экспериментальных исследованиях выявлены различные факторы «воспринимаемого риска». Из них чрезвычайно важным яв-

ляется, например, степень удаленности от непосредственного очага угрозы, а также мера информированности (отдельного человека или группы) о конкретных «рисковых» ситуациях. В обыденной жизни все эти выявленные в исследованиях факторы хорошо известны. В конкретных чрезвычайных ситуациях включение риска в поведение человека во многом обусловлено именно степенью его информированности как о характере угрозы, так и о возможных последствиях. В ряде исследований, проведенных в нашей стране после чернобыльской катастрофы, установлены различные типы поведения в ситуациях риска. Чрезвычайно важным фактором восприятия окружающей среды через призму риска является осмысление связи «чисто» экологических (природных) катастроф и социальной ситуации, в рамках которой они происходят. Мы вернемся к этому вопросу подробнее ниже, но сейчас необходимо сказать о том, что образ мира как целостное образование в сознании человека включает в себя представление о единстве природной и социальной среды.

Возвращаясь к проблеме идентичности, можно сделать вывод, что идентификация с определенным типом среды есть важнейший компонент образа Я.

А. В. Петровский

ПОТРЕБНОСТЬ «БЫТЬ ЛИЧНОСТЬЮ»[1]

Запечатлевая, продолжая себя в других членах общества, человек упрочивает свое существование. Обеспечивая посредством активного участия в деятельности свое «инобытие» в других людях, индивид объективно формирует содержание своей потребности в персонализации. Субъективно последняя может выступать в мотивации достижения, притязаний на внимание, славу, дружбу, уважение, положение лидера и может

[1] Фрагмент главы «Категория личности» (написана А. В. Петровским) из книги: *Петровского А. В., Ярошевского М. Г.*: Основы теоретической психологии. М., 1998. С. 246–255.

быть или не быть рефлектирована, осознана. Потребность индивида быть личностью становится условием формирования у других людей способности видеть в нем личность, жизненно необходимую для поддержания единства, общности, преемственности, передачи способов и результатов деятельности и, что особенно важно, установления доверия друг к другу, без чего трудно надеяться на успех общего дела.

Таким образом, выделяя себя как индивидуальность, добиваясь дифференциальной оценки себя как личности, человек полагает себя в общности как необходимое условие ее существования, поскольку он производит всеобщий результат, что позволяет сохранять эту общность как целое. Общественная необходимость персонализации очевидна. В противном случае исчезает и становится немыслимой доверительная, интимная связь между людьми, связь между поколениями, где воспитуемый впитывает в себя не только знания, которые ему передаются, но и личность передающего. На определенном этапе жизни общества эта необходимость выступает в виде ценностно закрепленных форм социальной потребности. <...>

Потребность «быть личностью», потребность в персонализации обеспечивает активность включения индивида в систему социальных связей, в практику и вместе с тем оказывается детерминированной этими социальными связями. Стремясь включить свое «Я» в сознание, чувства и волю других посредством активного участия в совместной деятельности, приобщая их к своим интересам и желаниям, человек, получив в порядке обратной связи информацию об успехе, удовлетворяет тем самым потребность персонализации. Однако удовлетворение потребности, как известно, порождает новую потребность более высокого порядка. Этот процесс не является конечным. Он продолжается либо в расширении объектов персонализации, в появлении новых и новых индивидов, в которых запечатлевается данный субъект, либо в углублении самого процесса, то есть в усилении его присутствия в жизни и деятельности других людей.

Реализуя потребность «быть личностью» и перенося себя в другого, индивид осуществляет эту «транспортировку» отнюдь не в безвоздушной среде «общения душ», а в конкретной

деятельности, производимой в конкретных социальных общностях. Экспериментальные исследования подтвердили гипотезу, что оптимальные условия для персонализации индивида существуют в группе высшего уровня развития, где персонализация каждого выступает в качестве условия персонализации всех. В группах корпоративного типа, напротив, каждый стремится быть персонализирован за счет деперсонализации других. Этот психологический факт фиксирует концепция деятельностного опосредствования межличностных отношений. <...>

Менталитет личности

Понятие «менталитет» применяется для выделения особых явлений в сфере сознания, которые в той или иной общественной среде характеризуют ее отличия от других общностей. Если «вычесть» из общественного сознания то, что составляет общечеловеческое начало, в «остатке» мы найдем менталитет данного общества. Любовь к родным людям, боль при их утрате, гневное осуждение тех, кто стал причиной их гибели, являются общечеловеческим свойством и не оказываются чем-то специфическим для одних и отсутствующим у других общностей. Однако нравственное оправдание кровной мести (*вендетта* — от итал. *«мщение»*) — это, бесспорно, черта менталитета, утверждаемая народной традицией, отвечающая ожиданиям окружающих. Если бы сознание каждого отдельного человека автоматически управлялось менталитетом общности, то, вероятно, эта общность через некоторое время подверглась бы полному самоуничтожению. Очевидно, общечеловеческое начало пересиливает косность традиций, закрепленных в менталитете, следовательно, менталитет общности и сознание индивида, члена этого общества, образуют единство, но не тождество.

Итак, менталитет — это совокупность принятых и в основном одобряемых определенным обществом взглядов, мнений, стереотипов, форм и способов поведения, которая отличает его от других человеческих общностей. В сознании отдельного его члена менталитет общества представлен в степени, которая за-

висит от его активной или пассивной позиции в общественной жизни. Являясь — наряду с наукой, искусством, мифологией, религией — одной из форм общественного сознания, менталитет не закреплен в материализованных продуктах, а, если можно так сказать, растворен в атмосфере общества, имеет наднациональный характер. Войдя в структуру индивидуального сознания, он с большим трудом оказывается доступен рефлексии. Обыденное сознание проходит мимо феноменов менталитета, не замечая их, подобно тому, как незаметен воздух, пока он при перепадах атмосферного давления не приходит в движение. Почему?

Есть основания считать, что здесь действует механизм установки. Причем человек не осознает свою зависимость от установки, сложившейся помимо его воли и действующей на бессознательном уровне. Именно потому менталитет не дает возможности субъекту осуществить рефлексию. Носитель его пребывает в убеждении, что он сам сформировал свои убеждения и взгляды. В этом обстоятельстве заключаются огромные трудности перестройки сознания человека в изменившемся мире.

А. А. Реан

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ[1]

Человек — существо социальное. С первых дней своего существования он окружен себе подобными, включен в разного рода социальные взаимодействия. Первый опыт социального общения человек приобретает еще до того, как начинает говорить. Будучи частью социума, человек приобретает определенный субъективный опыт, который становится неотъемлемой частью личности. Социализация — это процесс и результат усвоения и последующего активного воспроизводства индивидом социального опыта. Процесс социализации неразрывно свя-

---

[1] Фрагмент из книги: *Реана А. А., Коломинского Я. Л.* Социальная педагогическая психология. СПб.: Питер, 1999. С. 32–34.

зан с общением и совместной деятельностью людей. Вместе с тем, с точки зрения психологии, социализация не может рассматриваться как механическое отражение непосредственно испытанного или полученного в результате наблюдения социального опыта. Усвоение этого опыта субъективно: восприятие одних и тех же социальных ситуаций может быть различным. Разные личности могут выносить из объективно одинаковых ситуаций различный социальный опыт. На этом положении основывается единство двух противоположных процессов — социализации и индивидуализации.

Процесс социализации может осуществляться как в специальных социальных институтах, так и в различных неформальных объединениях. К специальным социальным институтам, одной из важнейших функций которых является социализация личности, относятся школа, профессиональные учебные заведения (профтехучилища, техникумы, вузы), детские и молодежные организации и объединения. Важнейшим институтом социализации личности является семья. Социализация может носить как регулируемый, целенаправленный, так и нерегулируемый, стихийный характер.

Как в этой связи соотносятся понятия «воспитание» и «социализация»? Воспитание по существу представляет собой управляемый и целенаправленный процесс социализации. Однако было бы большим упрощением представлять себе дело так, будто в официальных социальных институтах (например, в школе) социализация всегда имеет целенаправленный характер, а в неформальных объединениях — наоборот. Возможность одновременного существования социализации и как целенаправленного, и как нерегулируемого процесса можно пояснить с помощью следующего примера. Конечно, на уроке в школе приобретаются важные знания, многие из которых (особенно по общественным и гуманитарным дисциплинам) имеют непосредственное социальное значение. Однако ученик усваивает не только материал урока и не только те социальные правила, которые декларируются учителем в процессе обучения и воспитания. Ученик обогащает свой социальный опыт за счет того, что с точки зрения учителя или воспитателя может показаться сопутствующим, «случайным». Проис-

ходит не только закрепление определенных правил и норм, но и присвоение реально испытываемого или наблюдаемого опыта социального взаимодействия учителей и учеников как между собой, так и внутри социальной группы. И этот опыт может быть как позитивным, то есть совпадать с целями воспитания (в этом случае он лежит в русле целенаправленной социализации личности), так и негативным, то есть противоречащим поставленным целям.

Социализация подразделяется на первичную и вторичную. Принято считать, что первичная социализация представляет собой нечто гораздо большее, чем просто когнитивное обучение, и связана с формированием обобщенного образа действительности. Характер же вторичной социализации определяется разделением труда и соответствующего ему социального распределения знания. Иначе говоря, вторичная социализация (П. Бергер, Т. Лукман) представляет собой приобретение специфическо-ролевого знания, когда роли прямо или косвенно связаны с разделением труда. Существует и несколько иное представление (Б. Г. Ананьев), в рамках которого социализация рассматривается как двунаправленный процесс, означающий становление человека как личности и как субъекта деятельности. Конечной целью подобной социализации является формирование индивидуальности.

Социализация не есть антипод индивидуализации, якобы ведущий к нивелированию личности, индивидуальности человека. Скорее наоборот, в процессе социализации и социальной адаптации человек обретает свою индивидуальность, но чаще всего сложным и противоречивым образом. Мы уже говорили, что усвоение социального опыта всегда субъективно. Одни и те же социальные ситуации по-разному воспринимаются и по-разному переживаются различными людьми, имеют далеко не одинаковые последствия. Соответственно и социальный опыт, который выносится из объективно одинаковых ситуаций, может быть существенно различным. Таким образом, социальный опыт, лежащий в основе процесса социализации, не только субъективно усваивается, но и активно перерабатывается, становясь источником индивидуализации личности. Распространенная в психологии личности (и в науках о лично-

сти в целом) парадигма «от социального к индивидуальному», несомненно, имеет серьезные основания и глубокий смысл. Однако ее прямолинейное понимание и соответствующее развитие лишают человека субъектного начала или же рассматривают его как незначимое. Исходя из таких предпосылок, невозможно построить подлинную психологию личности. Нельзя не учитывать того, что человек — это прежде всего субъект социального развития и, что не менее важно, активный субъект саморазвития. Важно не только говорить об усвоении социального опыта индивидом, но и рассматривать личность в качестве активного субъекта социализации. В данном контексте наиболее продуктивна идея, согласно которой индивид социален изначально и потому способен развиваться в самых разнообразных направлениях, а не только от общественного к индивидуальному. Стремясь избежать крайностей, мы хотели бы подчеркнуть, что дальнейшее становление этого подхода в психологии не предполагает полного отказа от концепции развития личности в процессе социализации.

Если рассматривать социальность как врожденное свойство индивида, то и процесс социальной адаптации следует определить как активно-развивающий, а не только как активно-приспособительный. Хотя, возможно, именно здесь будет уместно заметить, что всякому процессу развития присуща внутренняя динамика приобретений и потерь.

Процесс социализации не прекращается и в зрелом возрасте. По характеру своего протекания социализация личности относится к процессам «с неопределенным концом», хотя и с определенной целью. И процесс этот не прерывается на протяжении всего онтогенеза человека. Отсюда следует, что социализация не только никогда не завершается, но и «никогда не бывает полной». Возможно, кто-то увидит в этом основу для пессимизма, ставящего под сомнение достижение совершенства. Нам же представляется, что здесь больше заложено позитивных тенденций, ибо отмеченную незавершенность и неполноту развития можно проинтерпретировать как свидетельство бесконечности и неограниченности самораскрытия личности.

VI

Внутренний мир личности

Основные темы и понятия раздела

- *Самоотношение личности.*
- *Самоуважение и самопринятие.*
- *Феномен «смысла жизни».*
- *Свобода и ответственность личности.*
- *Субъективность.*
- *Субъективная реальность.*
- *Субъективный дух.*
- *Свобода личности.*

И. С. Кон

ЗАГАДКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО «Я»[1]

Проблема «самости» — один из аспектов вопроса о сущности человека. Но охватывает она, по сути дела, многие вопросы, подразумевая родовую специфику человека, его отличие от животных; онтологическое тождество индивида (остается ли он тем же самым в изменяющихся условиях и на протяжении жизни); феномен самосознания и его отношение к сознанию и деятельности или, наконец, границы индивидуальной активности (что реально человек может осуществить и чем обусловливается, мотивируется и подтверждается правомерность его выбора)...

Хотя уже авторы классических робинзонад, тем более психологи XIX в., прекрасно понимали, что человек живет в обществе и зависит от него, общество, подобно пространству в ньютоновской физике, мыслилось ими лишь как условие, рамка, внешняя среда развития личности. Содержание «самости» казалось либо непосредственно данным, или формирующимся в результате самонаблюдения. Но что побуждает человека к саморефлексии, каковы критерии его самооценок и почему он заостряет внимание на одних аспектах собственного опыта в ущерб другим?

Эти вопросы постепенно подводили психологов, как уже ранее случилось с философами, к пониманию социальной природы «Я». Первым шагом в этом направлении было признание, что наряду с природными, телесными компонентами, к осознанию которых индивид приходит «изнутри», благодаря развитию органического самочувствия, «самость» включает социальные компоненты, источником которых является его взаимодействие с другими людьми. Благодаря исследованиям американских социальных психологов Д. М. Болдуина, Ч. Кули, Д. Г. Мида, французского психолога и психопатолога П. Жанэ, советских ученых Л. С. Выготского и С. Л. Рубинштейна в проблеме «самости» обнаружилось множество новых аспектов и ракурсов.

---

[1] Фрагменты главы из книги: В поисках себя: Личность и ее самосознание. М., 1984. С. 15–33.

Каждый специально-научный подход предлагает специфический угол зрения, вектор, под которым рассматривается и конструируется объект. В зависимости от контекста, исследовательских задач и методологических ориентаций «самость» описывается: 1) как субъект сознания и деятельности или как объект, продукт и отражение; 2) как субстанциальная, онтологическая реальность или как мысленный конструкт, создаваемый исследователем; 3) как единое системное целое или как совокупность элементов, черт, измерений; 4) как структура или как процесс; 5) как интраиндивидуальное, имманентное личности, или как интерсубъективное, возникающее в процессе взаимодействия субъектов образование и т. д. <...>

Если отвлечься от чересполосицы теории и терминов, главные вопросы психологии «самости» могут быть сведены к следующим трем: 1. Объектно-онтологический вопрос: в чем состоит и чем поддерживается постоянство индивидуального бытия? 2. Субъектно-деятельностный вопрос: как формируются и функционируют психические механизмы саморегуляции, каковы источники и резервы индивидуальной активности? 3. Когнитивно-гносеологический вопрос: как формируется и какие функции выполняет самосознание индивида, его представления о самом себе? Есть еще аксиологический вопрос, выходящий за рамки собственно психологии: какую ценность для индивида и общества представляют такие явления, как личное тождество, субъектность и самосознание?

С учетом всего этого можно говорить о разных уровнях, срезах анализа «самости». Идея ее постоянства, тождественности лучше всего выражается термином «идентичность», который имеет в науках о человеке три главные модальности: 1) психофизиологическая идентичность обозначает единство и преемственность физиологических и психических процессов и структуры организма; 2) социальная идентичность обозначает систему свойств, благодаря которым особь становится социальным индивидом, членом определенного общества или группы, и предполагает разделение (категоризацию) индивидов по их социально-классовой принадлежности, социальным статусам и усвоенным ими социальным нормам; когда такое разделение производится извне, исходит от общества,

его называют объективным, когда же его осуществляет сам субъект, в терминах «мы» и «они» — субъективным; 3) личная идентичность (или эго-идентичность) обозначает единство и преемственность жизнедеятельности, целей, мотивов, смысложизненных установок личности, осознающей себя как «самость».

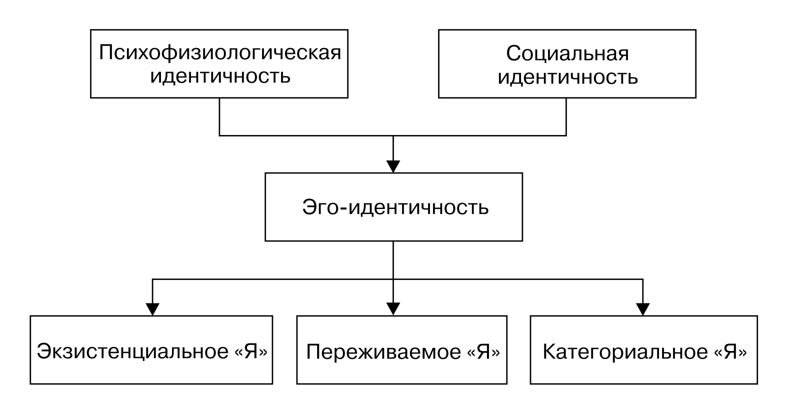
Психофизиологическая и социальная идентичности могут быть описаны объективно, как нечто данное или заданное. Применительно к личной идентичности это уже невозможно, потому что данный феномен относится скорее к субъективной реальности. Разграничение «Я» и «не-Я», сознаваемого и переживаемого, актуального и желаемого может иметь конкретный смысл только в рамках внутреннего мира личности с учетом особенностей жизненной ситуации.

Изучение внутренней структуры «самости» влечет за собой дальнейшую дифференциацию понятий. Субъектно-деятельностное начало, регулятивно-организующий принцип индивидуального бытия называется активным, действующим, экзистенциальным «Я», или «эго», а представления индивида о самом себе, его «образ Я», или «Я-концепция», — рефлексивным, феноменальным или категориальным «Я». Для обозначения чувства «самости», не отливающегося в понятийные формы, иногда употребляется также термин «переживаемое “Я”». Структуру «самости» можно выразить графически.

Каждому из названных элементов соответствуют определенные специфические психические процессы: экзистенциальному «Я» — саморегуляция и самоконтроль; переживаемому «Я» — самоощущение; категориальному «Я» — самопознание, самооценка и т. д. Однако такое разграничение, конечно, условно. Даже категориальное «Я», которое кажется чисто когнитивным явлением и легче поддается изучению, не может быть понято в отрыве от других модальностей и элементов «самости».

Хотя исследование категориального «Я» занимает одно из центральных мест в современной психологии и имеет важное теоретическое и прикладное значение, оно сопряжено с методологическими трудностями. Отсутствие строгих теорий; расплывчатость основных понятий и терминов; эмпиризм; обилие

Структурная модель «самости»

методологически слабых, чисто описательных исследований; неправомерное возведение корреляционных связей в ранг причинной зависимости; необоснованное выведение содержания «образов Я» из гипотетических предпосылок и условий; недостаток исследований, проверяющих обратное воздействие самосознания на поведение; подмена научных выводов суждениями здравого смысла — таков неполный список недостатков, характеризующих состояние изучения данной проблемы.

Трудности экспериментального изучения «Я» коренятся не только в методологических и методических просчетах. За психологией «самости» стоит философская проблема соотношения «вещного» и «личностного», «социального» и «индивидуального», «данного» и «творимого». Одностороннее, недиалектическое мышление, которое не может охватить бимодальность «Я», его одновременную принадлежность к «двум мирам», неизбежно превращает «вещное» и «личностное» в абсолютные противоположности. «Вещно-социологическое» и «вещно-биологическое» мышление пытается свести личность и ее самосознание к совокупности заданных социальных или природных свойств, тогда как «личностно-религиозное» и «личностно-романтическое» мышление наделяет духовность самостоя-

тельным бытием, игнорируя реальные способы ее объективации в повседневной жизнедеятельности личности.

Экспериментальная психология, фиксирующая личность как объект, невольно превращает ее в некоторое наличное бытие, оставляя без внимания то субъектно-творческое начало, которое философия, этика, да и обыденное сознание считают самым важным и ценным в человеке. Рассмотрение самосознания как суммы когнитивных процессов дает немало интересных деталей, от которых, однако, трудно вернуться к активной цельности, охватываемой понятием «Я». Попытка локализовать «Я» в органическом теле индивида практически игнорирует его внутренний мир, а сведение его содержания к механической совокупности социальных ролей и условий плохо совместимо с признанием с признанием индивидуальности, несводиости.

Было бы неверно обвинить экспериментальную психологию в «непонимании» интерсубъективности, диалогичности и ценностности «Я». Трудность исследования этих явлений обусловлена тем, что они не поддаются жесткой операционализации и не укладываются в привычную логику экспериментальной науки, построенной по образцу естествознания и, следовательно, ориентированной на изучение не людей, а вещей и безличных процессов.

«...Поставив вопрос: что такое человек? — мы хотим спросить: чем человек может стать, то есть может ли человек стать господином собственной судьбы, может ли он “сделать” себя самого, создать свою собственную жизнь?»[1]

Для теории личности этот вопрос главный.

При всей многозначности философской категории субъекта она всегда подразумевает активно-творческое, деятельное в противоположность пассивности и реактивности объекта, сознательное, целеполагающее и сознающее самое себя, свободное, имеющее возможность выбора и в силу этого незавершенное и в известной мере непредсказуемое, уникальное, принципиально неповторимое и незаменимое другими объектами того же класса начало.

---

[1] *Грамши А.* Избр. произв.: В 3 т. М., 1969. Т. 3. С. 3.

В реальной действительности субъектно-объектные характеристики переплетаются. Один и тот же человек в разных отношениях и в зависимости от обстоятельств может быть и субъектом и объектом, да и самый статус субъекта никому не присущ как некая природная данность, он всегда обретается, а поддержание его требует определенных усилий. Недаром личность как воплощение субъектности издавна ассоциируется с творчеством, духовным совершенствованием, преодолением ограниченности места и времени, а обезличенность — с пассивностью, несвободой, неразвитым сознанием и отсутствием достоинства. <...>

Проблема человеческого «Я», о которой мы рассуждаем, подразумевает два фундаментально разных вопроса: 1) «Что такое “самость”?», какова вообще природа «самости», идентичности, самосознания и т. д.; 2) «Кто я?», каков смысл моего конкретного бытия. Вопросы эти взаимосвязаны. Ответ на вопрос «Что такое “самость”?» так или иначе соотносится с личным опытом вопрошающего, и невозможно определить собственное «Я», не соотнеся его с представлением о сущности и возможностях человека вообще. Причем в обеих формулировках проблема имеет не только когнитивный, познавательный, но и экзистенциально-нормативный смысл.

Но в первом случае в центре внимания стоят родовые возможности человека, а во втором — индивидуальные.

Вопрос «Что такое “самость”?» безличен, ориентирован на объективное познание, результаты которого могут быть выражены в понятиях; это поиск общего закона, правила, нормы, на которую может с теми или иными вариациями ориентироваться каждый; это открытие себя через другого. Вопрос «Кто я?» интроспективен, субъективен, обращен внутрь личности; это не столько познание, сколько самовыражение, автокоммуникация, путь от себя к другому; он не отливается в четкие понятийные и вообще языковые формы и апеллирует не столько к разуму, сколько к непосредственному переживанию, интуитивному опыту. Его общезначимость покоится не на подчинении общим правилам, а на внутреннем сходстве, близости переживаний и ценностей всех или, по крайней мере, некоторых людей.

Соотношение этих подходов можно представить следующими двумя рядами.

Что такое «самость»?	Кто я?
Объективное	Субъективное
Сущность	Существование
Определение	Выражение
Объяснение	Понимание
Всеобщее	Особенное
Сообщение	Автокоммуникация
Взгляд извне	Интроспекция
Логическое	Внелогическое
Понятие	Переживание
Стабильное	Изменчивое
От другого к себе	От себя к другому

При всей условности этой оппозиции она весьма существенна. Наука, ориентированная на получение объективного знания, содержательно отвечает лишь на первый вопрос, предоставляя второй индивидуальному усмотрению.

Д. А. Леонтьев

ВНУТРЕННИЙ МИР ЛИЧНОСТИ[1]

Смысл жизни

Итак, мы рассмотрели второй уровень структуры личности — ценностно-смысловое измерение ее существования, ее внутренний мир. Источниками и носителями значимых для человека смыслов являются его потребности и личностные ценности, отношения и конструкты. В их форме в личности человека представлены все смыслы, образующие основу его внутреннего мира, определяющие динамику его эмоций и переживаний, структурирующих и трансформирующих его картину мира на ее ядро — мировоззрение. Все сказанное относится к любым смыслам, устойчиво укорененным в личности. Но на одном из

[1] Фрагменты книги: Очерк психологии личности. М., 1993. С. 30–36.

этих смыслов стоит остановиться отдельно, поскольку по своей глобальности и роли в жизни человека он занимает совершенно особое место в структуре личности. Это смысл жизни.

Вопрос, в чем состоит смысл жизни, не входит в компетенцию психологии. В сферу интересов психологии личности входит, однако, вопрос о том, какое влияние оказывает смысл жизни или переживание его отсутствия на жизнь человека, а также проблема психологических причин утраты и путей обретения смысла жизни. Смысл жизни — это психологическая реальность независимо от того, в чем конкретно человек видит этот смысл.

Одним фундаментальным психологическим фактом является широкое распространение чувства смыслоутраты, бессмысленности жизни, прямым следствием которого является рост самоубийств, наркомании, насилия и психических заболеваний, в том числе специфических, так называемых ноогенных неврозов — неврозов смыслоутраты (Франкл В.). Вторым фундаментальным психологическим фактом является то, что на бессознательном уровне определенный смысл и направленность жизни, цементирующие ее в единое целое, складываются у каждого человека уже к 3–5 годам и могут быть выявлены в общих чертах экспериментально-психологическими и клинико-психологическими методами (Adier A.). Наконец, третьим фактом является определяющая роль именно этой объективно сложившейся направленности жизни. Она несет в себе истинный смысл, а любые попытки сконструировать себе смысл жизни умозрительным рассуждением, интеллектуальным актом будут быстро опровергнуты самой жизнью. Лучше всего это иллюстрирует история духовных исканий Льва Толстого. После нескольких неудачных попыток найти смысл жизни и затем строить свою жизнь в соответствии с ним Толстой понял ошибочность самого подхода. «Я понял, что для того, чтобы понять смысл жизни, надо прежде всего, чтобы сама жизнь была не бессмысленна и зла, а потом уже — разум, для того, чтобы понять ее.... Я понял, что, если я хочу понять жизнь и смысл ее, мне надо жить не жизнью паразита, а настоящей жизнью и, приняв тот смысл, который придает ей настоящее человечество, слившись с этой жизнью, проверить его» (Тол-

стой Л. «Исповедь»). Другим примером является драма Родиона Раскольникова, который построил образ себя, основанный на интеллектуально обоснованной идее превосходства. Однако этот образ не выдержал столкновения с реальной жизнью и привел не только к краху задуманного Раскольниковым предприятия, но и к смысловому краху.

Таким образом, можно утверждать, что жизнь любого человека, поскольку она к чему-то устремлена, объективно имеет смысл, который, однако, может не осознаваться человеком до самой смерти. Вместе с тем жизненные ситуации (или психологические исследования) могут ставить перед человеком задачу на осознание смысла своей жизни. Осознать и сформулировать смысл своей жизни — значит оценить свою жизнь целиком. Не все успешно справляются с этой задачей, причем это зависит не только от способностей к рефлексии, но и от более глубинных факторов. Если моя жизнь объективно имеет недостойный, мелкий или, более того, аморальный смысл, то осознание этого ставит под угрозу мое самоуважение. Чтобы сохранить самоуважение, я внутренне бессознательно отрекаюсь от истинного смысла моей реальной жизни и заявляю, что моя жизнь лишена смысла. На деле за этим стоит то, что моя жизнь лишена достойного смысла, а не то, что она не имеет смысла вообще. С психологической точки зрения главным является не осознанное представление о смысле жизни, а насыщенность реальной повседневной жизни реальным смыслом. Как показывают исследования, существует много возможностей обрести смысл. То, что придает жизни смысл, может лежать и в будущем (цели), и в настоящем (чувство полноты и насыщенности жизни), и в прошлом (удовлетворенность итогами прожитой жизни). Чаще всего смысл жизни и мужчины и женщины видят в семье и детях, а также в профессиональных делах.

Свобода, ответственность и духовность

О свободе и ответственности написано в психологической литературе немало, но преимущественно либо в публицистиче-

ском ключе, либо со сциентистским скепсисом, развенчивающим их «с научной точки зрения». И то и другое свидетельствует о бессилии науки перед этими феноменами. Приблизиться к их пониманию, на наш взгляд, можно, раскрыв их связь с традиционно изучаемыми в психологии вещами, однако избегая при этом упрощения.

Свобода подразумевает возможность преодоления всех форм и видов детерминации, внешней по отношению к человеческому глубинному экзистенциальному Я. Свобода человека — это свобода от причинных зависимостей, свобода от настоящего и прошлого, возможность черпать побудительные силы для своего поведения в воображаемом, предвидимом и планируемом будущем, которого нет у животного, но и не у каждого человека оно есть. Вместе с тем человеческая свобода является не столько свободой от названных выше связей и зависимостей, сколько их преодолением; она не отменяет их действие, но использует их для достижения необходимого результата. В качестве аналогии можно привести самолет, который не отменяет закон всемирного тяготения, однако отрывается от земли и летит. Преодоление притяжения возможно именно благодаря тому, что силы тяготения тщательно учтены в конструкции самолета.

Позитивную характеристику свободы необходимо начать с того, что свобода является специфической формой активности. Если активность вообще присуща всему живому, то свобода, во-первых, является осознанной активностью, во-вторых, опосредованной ценностным «для чего», и, в-третьих, активностью, полностью управляемой самим субъектом. Другими словами, эта активность контролируется и в любой ее точке может быть произвольно прекращена, изменена или обращена в другом направлении. Свобода, тем самым, присуща только человеку, однако не каждому. Внутренняя несвобода людей проявляется прежде всего в непонимании действующих на них внешних и внутренних сил, во-вторых, в отсутствии ориентации в жизни, в метаниях из стороны в сторону и, в-третьих, в нерешительности, неспособности переломить неблагоприятный ход событий, выйти из ситуации, вмешаться в качестве активной действующей силы в то, что с ними происходит.

Ответственность в первом приближении можно определить как сознавание человеком своей способности выступать причиной изменений (или противодействия изменениям) в окружающем мире и в собственной жизни, а также сознательное управление этой способностью. Ответственность является разновидностью регуляции, которая присуща всему живому, однако ответственность зрелой личности — это внутренняя регуляция, опосредованная ценностными ориентирами. Такой орган человека, как совесть, непосредственно отражает степень рассогласования поступков человека с этими ориентирами.

При внутренней несвободе не может быть полноценной личностной ответственности, и наоборот. Ответственность выступает как предпосылка внутренней свободы, поскольку, лишь осознавая возможность активного изменения ситуации, человек может предпринять попытку такого изменения. Однако верно и обратное: лишь в ходе активности, направленной вовне, человек может прийти к осознанию своей способности влиять на события. В своей развитой форме свобода и ответственность неразделимы, выступают как единый механизм саморегулируемой произвольной осмысленной активности, присущей зрелой личности в отличие от незрелой.

Вместе с тем пути и механизмы становления свободы и ответственности различны. Путь становления свободы — это обретение права на активность и ценностных ориентиров личностного выбора. Путь становления ответственности — это переход регуляции активности извне вовнутрь. На ранних стадиях развития возможно противоречие между спонтанной активностью и ее регуляцией как разновидность противоречия между внешним и внутренним. Противоречие между свободой и ответственностью в их развитых зрелых формах невозможно. Напротив, их интеграция, связанная с обретением личностью ценностных ориентиров, знаменует переход человека на новый уровень отношений с миром — уровень самодетерминации — и выступает предпосылкой и признаком личностного здоровья.

Подростковый возраст является критическим с точки зрения формирования личности. На его протяжении последова-

тельно формируется ряд сложных механизмов, знаменующих переход от внешней детерминации жизни и деятельности к личностной саморегуляции и самодетерминации, кардинальную смену движущих сил личностного развития. Источник и движущие силы развития в ходе этих изменений смещаются внутрь самой личности, которая обретает способность преодолевать обусловленность ее жизнедеятельности ее жизненным миром. Наряду с формированием соответствующих личностных механизмов — свободы и ответственности — происходит их содержательное ценностное наполнение, что выражается в формировании индивидуального мировоззрения, системы личностных ценностей и, в конечном счете, в обретении человеком духовности как особого измерения личностного бытия (Франкл В.).

О духовности следует сказать несколько слов особо. Духовность, как и свобода и ответственность, — это не особая структура, а определенный способ существования человека. Суть его состоит в том, что на смену иерархии узколичных потребностей, жизненных отношений и личностных ценностей, определяющей принятие решений у большинства людей, приходит ориентация на широкий спектр общечеловеческих и культурных ценностей, которые не находятся между собой в иерархических отношениях, а допускают альтернативность. Поэтому принятие решений зрелой личностью — это всегда свободный личностный выбор среди нескольких альтернатив, который, вне зависимости от его исхода, обогащает личность, позволяет строить альтернативные модели будущего и тем самым выбирать и создавать будущее, а не просто прогнозировать его. Без духовности поэтому невозможна свобода, ибо нет выбора. Бездуховность равнозначна однозначности, предопределенности. Духовность есть то, что сплавляет воедино все механизмы высшего уровня. Без нее не может быть автономной личности. Только на ее основе может обрести плоть основная формула развития личности: сначала человек действует, чтобы поддержать свое существование, а потом поддерживает свое существование ради того, чтобы действовать, делать дело своей жизни (Леонтьев А. Н.).

Д. А. Леонтьев

Я — ПОСЛЕДНЯЯ ИНСТАНЦИЯ В ЛИЧНОСТИ[1]

Я — это форма переживания человеком своей личности, форма, в которой личность открывается сама себя. Я имеет несколько граней, каждая из которых была в свое время предметом интереса тех или иных психологических школ и направлений.

Первая грань Я — это так называемое телесное, или физическое Я, переживание своего тела как воплощения Я, образ тела, переживание физических дефектов, сознание здоровья или болезни. При определенных психических заболеваниях или поражениях мозга может возникать чувство отчужденности от своего тела, ощущение его «не своим» или ощущение диспропорций, искажений своего тела. В форме телесного или физического Я мы ощущаем не столько личность, сколько ее материальный субстрат — тело, через посредство которого она проявляет себя и иначе проявить себя не может. Тело вносит очень большой вклад в целостное ощущение собственного Я — об этом всем известно на собственном опыте. Особенно большое значение телесное Я приобретает в подростковом возрасте, когда собственное Я начинает выходить для человека на передний план, а другие стороны Я еще отстают в своем развитии. Роль телесного Я можно проиллюстрировать открытым в начале нашего столетия эффектом компенсации и сверхкомпенсации органических дефектов (Adier A., 1907). Этот эффект проявляется в том, что люди, в детстве страдавшие либо реальными физическими дефектами, либо телесными недостатками чисто психологического свойства (малый рост), прилагают удвоенные усилия, чтобы компенсировать этот дефект развитием тех или иных черт характера, способностей и умений, и это не только часто им удается, но и нередко приводит к выдающемуся развитию тех или иных способностей.

---

[1] Фрагмент из книги: Очерк психологии личности. М., 1993. С. 40–42.

Вторая грань Я — это социально-ролевое Я, выражающееся в ощущении себя носителем тех или иных социальных ролей и функций. Доминирование социально-ролевого Я — характерная черта бюрократа всех времен и народов, который мыслит себя как воплощение определенных должностных функций и государственных интересов — и ничего кроме этого его Я не содержит. Поэтому бесполезно апеллировать к его человеческим качествам. Вместе с тем у каждого человека Я неизбежно включает в себя определенные социально-ролевые компоненты, поскольку социальная идентичность человека, определение им себя в терминах выполняемых им социальных функций и ролей — достаточно важная, хоть и не самая главная характеристика личности.

Третья грань Я — психологическое Я. Оно включает в себя восприятие собственных черт, диспозиций, мотивов, потребностей и способностей и отвечает на вопрос «какой Я?». Психологическое Я составляет основу того, что в психологии называют образом Я или Я-концепцией, хотя телесное и социально-ролевое Я тоже в него входят.

Четвертая грань Я — это ощущение себя как источника активности или, наоборот, пассивного объекта воздействий, переживание своей свободы или несвободы, ответственности или посторонности. Это то Я, которое является не представлением о себе, а некоторой первичной точкой отсчета любых представлений о себе, то Я, которое присутствует в формулах: «Мыслю — следовательно, существую», «На том стою и не могу иначе». Его можно назвать экзистенциальным Я, поскольку в нем отражаются личностные особенности высшего, экзистенциального уровня, особенности не каких-то конкретных личностных структур, а общих принципов отношений личности с окружающим ее миром.

Наконец, пятая грань Я — это самоотношение, или смысл Я. Наиболее поверхностным проявлением самоотношения выступает самооценка — общее положительное или отрицательное отношение к себе. Однако просто одним знаком самоотношение не опишешь. Во-первых, следует различать самоуважение — отношение к себе как бы со стороны, обусловленное какими-то моими реальными достоинствами или недостатками,

и самопринятие — непосредственное эмоциональное отношение к себе, не зависящее от того, есть ли во мне какие-то черты, объясняющие это отношение. Нередко встречается высокое самопринятие при сравнительно низком самоуважении или наоборот. Во-вторых, не менее важными характеристиками самоотношения, чем его оценочный знак, являются степень его целостности, интегрированности, а также автономности, независимости от внешних оценок.

Все эти особенности самоотношения, накладывающие огромный отпечаток на всю жизнь человека, формируются родительским воспитанием. Позитивная самооценка, лежащая в основании внутренней свободы, создается любовью, а отрицательная самооценка, ведущая к несвободе, — нелюбовью. Целостное, интегрированное самоотношение, лежащее в основе ответственности, формируется личностно-пристрастным воспитанием, а мозаичное, противоречивое самоотношение, порождающее несамостоятельность, — безлично-формальным воспитанием и т. д.

Главная функция самоотношения в жизнедеятельности здоровой автономной личности — это сигнализация о том, что в жизни все в порядке или, наоборот, не все. Если мое самоотношение находится не на должном уровне — это для меня сигнал о том, что нужно что-то менять — но не в самоотношении, а в жизни, в моих отношениях с миром. Самоотношение, таким образом, является механизмом обратной связи, оно не является или, по крайней мере, не должно являться самоцелью или самоценностью. Но на деле бывает иначе. Главной целью для человека может стать сохранение положительной самооценки или избегание отрицательной любой ценой. В этом случае самооценка перестает отражать состояние реальных жизненных процессов и заслоняет от человека мир, а порой искажает его, если правдивая картина мира угрожает его самооценке. Активность человека в мире оказывается в этом случае лишь средством поддержания высокой самооценки. Но этот путь ведет в тупик. Высокая самооценка относится к таким вещам, которые могут быть доступны человеку лишь как побочный результат его активности, но ускользают от него, как только он пытается сделать их целью. В качестве других примеров

можно, вслед за В. Франклом, назвать счастье и самоактуализацию. В другой связи Франкл напоминал о том, что назначение бумеранга — не в том, чтобы возвращаться к бросившему его, а в том, чтобы поразить цель. Возвращается только тот бумеранг, который не попал в цель. Слишком большое внимание, уделяемое человеком своему Я, — признак того, что он не достиг успеха в реализации своих жизненных целей. «Если я хочу стать тем, чем я могу, мне надо делать то, что я должен. Если я хочу стать самим собой, я должен выполнять личные и конкретные задачи и требования. Если человек хочет прийти к самому себе, его путь лежит через мир» (Франкл В., 1990).

В. И. Слободчиков

РЕАЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТИВНОГО ДУХА[1]

При всех многочисленных исторических попытках создать целостную систему рационального знания о духе — нечто вроде «психологии духа» — к настоящему времени пневмология как научная дисциплина так и не сложилась. Субъективный дух, духовность человека оказывались либо предметом чисто философских спекуляций, либо той живой реальностью, которая подлежала религиозному окормлению, либо — на крайний случай — ценностной характеристикой явлений человеческой культуры.

Такие — хорошо всем известные — символы человеческой реальности, как «внутренний мир», «субъективность», «самость», «внутреннее Я», «собственно человеческое в человеке», являясь подлинным ключом в поиске оснований духовного становления человека, научной психологией старательно избегались. Подобно тому как в свое время И. П. Павлов накладывал запрет на психологические интерпретации физиологических явлений, традиционная психология накладывает «табу» на духовный радикал человеческой реальности. Атеистическая, научная психология и не может поступать иначе: в каче-

---

[1] Статья в журнале: Человек. 1994. № 5. С. 21–38.

стве своего предельного объекта изучения она всегда полагала только «психику», «психическое как таковое», достаточно определенное и обособленное от других реалий, — так сказать, от психики дождевого червя до психики человека. В разных психологических школах в разное время в изучении психического делался акцент либо на его качество, либо на функции, либо на структуру, либо на предметное содержание, либо на все это вместе взятое. Но всегда психическое рассматривалось как таковое, в своих достаточно жестких границах.

И хотя со временем область исследований природы психического расширялась, однако тотальная ориентация на идеологию материализма сконцентрировала большинство экспериментальных и теоретических разработок на одном полюсе — на стыке, так сказать, «души» и «тела». Само по себе это имело большое значение: произошел выход за пределы замкнутого, феноменального мира «психического как такового».

Казалось бы, вполне оправданна экспансия психологии и к другому полюсу человеческой реальности — к формам его духовного бытия. Только в этом объемлющем интервале (телесное существование — духовное бытие) можно было выявить и саму природу, и жизненный статус психического (само существо душевной жизни). Однако и по сей день научная психология (в своей исследовательской, теоретической части) лишь приглядывается, осторожно примеривается к духовной реальности — той реальности, само существование которой в отечественной психологии долгое время вообще отрицалось. А если и допускалось, то лишь в виде продуктов культуры, форм искусства, норм общежития и т. п. Психология искусства, психология религии были скорее «психологической археологией», которая по вещественным останкам пыталась восстановить духовное творчество коллективных субъектов, — но не духовную ипостась конкретного человека. То же, с некоторыми оговорками, можно сказать и в адрес западной психологии — при всей ее, казалось бы, идеологической раскрепощенности: духовная реальность (как реальность человеческая) также исключалась из научного рассмотрения.

Сегодня ситуация постепенно меняется. Психология человека начинает интенсивно осваивать наследие (и мировое, и оте-

чественное) религиозной философии, духовного опыта исповедников веры, подвижников духа, расширять опыт работы с субъективным миром человека, его сознанием, а главное — строить новый взгляд, новое видение человеческой реальности в ее субъективной проекции. Появление второго полюса психологической предметности — духовности — открывает перед психологией перспективу стать подлинным лидером, а во многом — и законодателем в системе наук о человеке.

Духовность и душевность

В философско-психологической литературе духовное начало человека, как правило, связывают с общественным и творчески-созидательным характером его жизнедеятельности, с включенностью человека в мир культуры. Уже поэтому ограниченным является только узкопсихологический взгляд на человека, где он предстает прежде всего как отдельность и выделенность из рода, со стороны своих индивидо-своеобразных свойств и качеств, как внутренняя взаимосвязь множества психологических способностей и механизмов. В действительности же внутренний мир человека имеет многообразные связи и отношения со всем универсумом человеческой культуры, и именно здесь он обретает свой смысл и духовное измерение.

Духовность относится к родовым определениям человеческого способа жизни. *Дух есть то, что связывает отдельного индивида, субъекта психической деятельности, личность человека со всем человеческим родом во всей развертке его культурного и исторического бытия.* Духовность придает смысл жизни отдельного человека, в ней человек ищет и находит ответы на вопросы: зачем он живет, каково его назначение в жизни, что есть добро и зло, истина и заблуждение, красивое и безобразное и т. п. <...>

Если главным в понятии индивидуального духа (а именно он и есть новый принцип бытия человека) сделать особый род знаний, особый способ существования, которые может дать только он, то тогда основным определением «духовности» в нас оказывается личная независимость от всего органического (телесного) и неорганического (обыденного), свобода от при-

нуждения и давления всего, что относится к «жизни», — в том числе и от «душевных структур», от ее влечений, пристрастий и прельщений. И это есть подлинная внутренняя, духовная свобода, т. е. свобода именно духа (который «дышит, где хочет»), а не души и не тела.

По словам философа И. А. Ильина, ни тело, ни душа человека не свободны; они связаны законами времени и причинами вещественной природы; можно не знать о них или забыть об их действии, но освободиться от них невозможно. И только духу человека доступна свобода, и ему подобает свобода. Он имеет дар — вывести себя внутренне из любого жизненного содержания, противопоставить его себе, оценить его, избрать его или отвергнуть.

Духовное бытие, таким образом, начинается и существует там, где начинается освобождение человека от всякой поглощенности, от оккупации чужой и главное — своей собственной самостью. Свобода поэтому есть модальное (фактически — инструментальное), а не предметно-содержательное определение духовного бытия человека; она есть сила, энергия порыва в самоопределении к лучшему и высшему. Дух есть любовь к качеству и воля к совершенству во всех областях жизни. И потому само духовное бытие определимо и описуемо лишь в его значении для нас и в его действии на нас, но не в том или ином содержании человеческой культуры самом по себе.

Как способ, как образ бытия в целом духовность открывает человеку доступ к любви, совести и чувству долга; к праву, правосознанию и государственности; к искусству и художественной красоте, к очевидности и науке, к молитве и религии; только она может указать человеку, что есть подлинно главное и ценнейшее в его жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить, за что стоит нести жертвы. Ведь «жить стоит только тем и верить стоит в то, за что стоит бороться и умереть, ибо смерть есть истинный и высший критерий для всех жизненных содержаний» (Ильин И. А., 1993). А то, что не стоит смерти, то — с духовной точки зрения — не стоит и жизни.

Человеку даны от Бога определенный способ телесного существования, особая форма душевной жизни и интегрирующий человеческую реальность принцип духовного бытия,

которые могут быть удержаны одновременно в едином представлении об индивидуальном духе. Всякая психология и всякая педагогика, которые пытаются игнорировать личную определенность, самодеятельность и самоценность человеческого существа, вступают на ложный путь. Ложность обнаруживается в наступающем очень быстро падении качества жизни как отдельного человека, так и сообщества в целом: снижаются уровень внешне-телесного существования (вплоть до органических заболеваний), уровень душевной дифференцированности (вплоть до «первобытной» упрощенности душевного строя), качество всей жизни (труда, творчества, нравственности). И это верно на всех этапах жизненного пути человека — и в младенчестве, и в старости. Именно с культивированием индивидуального, личного духа связано само творение и возрастание качества жизни.

Духовность субъекта, индивидуальный дух представляет собой ответственное принятие и следование высшим образцам совокупной человеческой культуры; переживание нравственных норм общежития как внутреннего «категорического императива»; усвоение высших ценностей родового бытия человека как своих собственных. Можно сказать, что человек духовен в той мере, в какой объективный и абсолютный дух стали его субъективным (индивидуальным) духом. И именно поэтому в наивысшей степени духовность обнаруживает себя и становится способом жизни человека, когда он вступает в личные отношения с Богом — поистине высшей основой всего бытия человека и всего Универсума.

Индивидуальный дух человека предстает в различных обликах, раскрывающих не только различные стороны, но и уровни человеческой реальности. Можно говорить о таких обликах субъективного духа, как личностное (целостное), индивидуальное (единично-уникальное) и универсальное (родовое) бытие человека. Они являются и ступенями становления духовного мира человека, мерой освоения и принятия им духовного опыта человечества, мерой его духовности в целом. Их предпосылкой, основой является душевная жизнь человека, его субъективность. Многообразные душевные способности, механизмы душевной жизни выступают органами становле-

ния и способами реализации духовности человека, где и сами эти способности продолжают совершенствоваться и утончаться.

Иными словами, становление человека субъектом собственной жизнедеятельности (освоение норм и способов человеческой деятельности, правил и максим общежития, основных смыслов и ценностей совместной жизни людей) есть предпосылка и предыстория становления индивидуального духа человека. Это та основа, площадь опоры, на которой начинает осуществляться конвергенция (сворачивание в точку) всей предшествующей психологической организации человека. И понятно, почему.

Душевная жизнь (во всем ее богатстве и многообразии) в качестве субъективного непосредственного самобытия (бытия самости) есть целый особый мир и в этом смысле — непосредственно очевидная реальность. Однако в этой своей непосредственности и очевидности душевная жизнь все же не есть окончательная, в самой себе завершенная, полноценная реальность. Иллюстрацией здесь могут быть знаменитые переживания подросткового, а впоследствии — и юношеского кризисов, которые связаны с обнаружением того, что в собственном «Я» — ничего собственного нет, а есть только присвоенное из внешней культуры, что в пределах собственной жизни — собственного смысла нет (есть лишь окружающие чужие смыслы). Кризис идентичности, аутотентичности — и есть симптом безосновности, незавершенности, своеобразной призрачности собственной самости, который настоятельно, остро требует выхода (трансцендирования) души за свои собственные пределы, в иное, укореняющее ее.

Субъект. Личность. Индивидуальность

Самость (субъективность) человека стоит, таким образом, всегда на пороге между душевным и духовным бытием, есть место, где духовное (значимое в самом себе бытие) проникает в душу.

Эту высшую инстанцию самости (все еще — самости!) имеет каждый человек и во всяком своем духовном состоянии.

На этой ступени духовного развития формулой бытия для самого человека (а главное — для другого) становится: «Я — лично!», ибо личность есть прежде всего персонализированная, самоопределившаяся самость среди других, для других и тем самым — для себя. Именно личность есть то, что составляет подлинное единство нашей душевной жизни, ее субстанциональную и вполне определенную форму.

Духовность в человеке не есть какая-то отдельная сфера, не есть особая надпсихофизическая жизнь, а есть сама основная жизнь в человеке, проводником которой вовне и являются психическая и телесная сферы. Потому в человеке все и личностно, что все целостно и в своей целостности неповторимо и абсолютно единично. Но именно эта целостность, эта нерасторжимо единичная связность духовной стороны с психофизической жизнью осмысливается до конца лишь в понятии «личность» — взятом не в своих социологических измерениях, а в своем духовном бытии.

Тайна человека как личности, делающая его потенциально бесконечно богатым и в то же время актуально незавершенным, заключается в главной способности подлинной личности рефлектировать саму себя, возвышаться над собой, быть по ту сторону самой себя, — по ту сторону всякого фактического своего состояния, даже своей фактической общей природы. Работа, культивирование этой способности и поднимает, выводит человека на следующую ступень духовного бытия — на ступень индивидуальности.

Человек как индивидуальность раскрывается в самобытном авторском «прочтении» социальных норм жизни, в выработке собственного, сугубо индивидуального (уникального и неповторимого) способа жизни, своего мировоззрения, собственного («необщего») лица, в следовании голосу собственной совести. К сожалению, в традиционной психологии понятие «индивидуальность» производно от понятия «индивид», где индивидуальность есть бесконечное множество единичных особенностей и специфических черт отдельности, вплоть до капризной самости и «ндрава» (Ф. М. Достоевский). В то время как, с духовной точки зрения, «индивидуальность» — становящееся (возрастающее) качество душевной жизни в про-

цессе ее индивидуализации, приводящей человека в целом к его уникальности и неповторимости.

Индивидуализация душевной жизни есть кардинальная и глубочайшая инверсия (обращение) персонального духа, пристрастное и неустанное рассекречивание собственной самости, которая зачастую складывалась не по воле и ведению самого человека.

Индивидуализация бытия человека, трансцендирование человеческой самости вовнутрь, в глубины субъективности, и высвечивание ее — есть условие встречи с бесконечностью духовного царства, с бесконечностью Универсума, в котором впервые конституируется подлинное «Я», формируется действительно полное, свободное «бытие-у-самого-себя». Здесь речь уже идет не о свободе чистой непосредственности, фактически известной и животным (которая на самом деле оккупирует нашу самость) и не о свободе самоопределения (которое всегда предполагает борьбу и преодоление в личности, а значит — и несвободу), а об истинном, окончательном освобождении, где даже предельная индивидуальность жертвует своею уникальной единичностью «за други своя» и потому становится причастной бесконечному универсальному Бытию. Именно здесь впервые открывается потенциальная эквивалентность человека Миру, вся полнота человеческой реальности как духовного микрокосма.

Самое существенное и глубинное в духовной жизни человека как раз и заключается в его искании Бесконечного и Абсолютного. Это искание «есть неистощимый и неистребимый источник вечной жизни, присущий духу, который не затихает и не замирает и у тех, кто в своем сознании отвергает все Абсолютное и Бесконечное». Тайна духовности человека (как личности и индивидуальности), таким образом, окончательно раскрывается в его универсальности. Ибо вселенское и бесконечное с максимальной адекватностью получают свое выражение в точке — с ее единственностью и абсолютным своеобразием; и наоборот: лишь то, что может быть признано истинно личным «бытием-для-себя», может воспринять и выразить бесконечное.

Все сказанное выше — лишь самые общие представления о реальности духовного бытия; те представления, сквозь которые просвечивает интуитивная уверенность в возможности психологического взгляда на явление и явленность «в миру» духовной ипостаси человека.

Субъективная реальность

Традиционная психология как раз и изучала эту эмпирическую проявленность личности в поведении и действиях человека, отчуждая его духовное начало в сферу культуры и общечеловеческих ценностей, утратив тем самым истинный масштаб человеческой реальности. Но уже сегодня встает фундаментальная проблема поиска тех категорий, которые удерживали бы в себе — «неслиянно-нераздельно» — духовность человека и ее эмпирические манифестации и воплощенность. Такой категорией может быть понятие о субъективной реальности, которое есть предельно общее обозначение формы существования и принципа организации человеческой реальности (как непосредственное само-бытие человека). Как общий принцип существования человеческой реальности, субъективность (самость) обнаруживает себя в способности человека встать в практическое отношение к своей жизнедеятельности и находит свое высшее выражение в рефлексии.

Именно поэтому феномен субъективности должен быть поставлен в самый центр всей психологической проблематики человека, включая его телесное существование, душевную жизнь, духовное бытие. Этим выбором утверждается, что субъективность в природе человека есть реальный факт, а не умозрительная конструкция. Более того, из всех фактов, с какими имеет дело человекознание, ни один из них не является столь очевидным, кардинальным для понимания сути человека. <...>

Таким образом, предельно обобщая, можно сказать: в человеке субъективно все то, что является основой для возможности и способности его становиться в практическое отношение к своей жизни, к самому себе; соответственно — все то в человеке, что остается за пределами такого отношения, является объектным (фактически — природным), еще только могущим стать

фактом предстоящей ему его собственной жизнедеятельности[1]. Утверждая, однако, что субъективность в природе человека есть настоящий факт, следует ответить на вопрос: как она возможна? Как ее понять — как выразить в системе понятий?

Для ответа на этот вопрос необходимо совершить достаточно непростое преодоление укоренившейся в нас физикалистской установки на то, что изучаемые явления вполне могут быть описаны в логике причинно-следственных связей. Это давно не очевидно уже применительно к природным объектам, при изучении же человеческой реальности мы вынуждены специально вводить и постоянно учитывать еще два типа детерминации — целевую и ценностную. Только в этих трех координатах появляется действительная возможность вполне адекватно реконструировать ход развития некоторого явления, а тем самым — понимать его. Почему так?

Прежде всего потому, что современное человекознание убедительно показало: развитие человека, его субъективности, всего психологического строя — это одновременно и естественный, и искусственный процесс. В принципе вполне возможно для естественной составляющей «развития» сохранить традиционное обозначение ее как «процесса», а для искусственной составляющей — ввести специальное ее обозначение как «деятельность развивания». Представлений о развитии как процессе и как деятельности почти достаточно для описания всего континуума исторических (биографических) изменений человеческой реальности в рамках определенных ценностных оснований, целевых ориентиров и временных интервалов. Совокупность данных представлений позволяет не только прокламировать культурно-историческую обусловленность развития субъективности, внутреннего мира человека, а прямо вводить исторический контекст в сам «текст» этого процесса, в его содержание и способ организации.

Иными словами, собственно развитие в данном случае может быть представлено двояким образом: по схеме процесса

[1] Именно здесь принципиально важно различить понятия «субъективное» и «психическое», оставляя за последним лишь то содержание человеческой реальности, которое еще не стало для человека предметом его практического освоения, то есть осталось объектным, а соответственно — предметом естественно-научного познания. (*Примеч. В. И. Слободчикова*).

(как временная последовательность ступеней, периодов, стадий) и по структуре деятельности (как совокупность ее способов и средств, где следование их друг за другом имеет не временную, а целевую детерминацию). Однако необходимо ввести особое — третье представление «о развитии вообще»: развитие как кардинальное структурное преобразование того, что развивается как сдвиг, акт, «метаморфоз», скачок в развитии, которые по сути своей не сводимы ни к процессуальным, ни к деятельностным характеристикам (ни к временным, ни к целевым детерминантам), а соответственно, не являются ни естественными, ни искусственными формами развития.

Конечно, феномен сдвига, скачка в развитии можно продолжать описывать по схеме «микропроцессов» или по структуре «микродеятельностей» — все более и более уходя в дурную бесконечность. Честнее и целесообразнее признать эти феномены сверх- или внеестественными, иноприродными для человеческой субъективности в ее сугубо историко-культурной развертке.

Здесь необходим выход в особую реальность бытия человеческой субъективности, поиск особых детерминант ее становления; и именно отсюда впервые оказывается возможным вести речь о развитии третьего рода — о саморазвитии, т. е. о развитии человеком своей собственной самости. В самом общем виде эту особую реальность я обозначаю как духовную реальность.

Таким образом, категория субъективной реальности позволяет обнаружить принципиальную недостаточность чисто объективистских (ни натуральных, ни социокультурных) представлений о «развитии вообще» и о психическом развитии — в частности. С определенного момента и при определенных условиях необходимо вводить представление о саморазвитии субъективности, о ее духовном измерении и о путях ее не внешнего достраивания и дооформления.

Субъективный дух: раскрытие и воплощение

На первой ступени развития субъективности (от рождения до первого года) — ступени оживления — практическое отноше-

ние к собственной жизнедеятельности существует в специфической форме. Его «субъектом» оказывается не индивид в своей изолированности, а само событие, живое единство ребенка и матери в их отношении к остальному миру и к своей совместности в том числе. Чтобы последнее стало возможным, с самого начала решается сугубо практическая задача по соорганизации двух индивидуальных существований. В частности, должен осуществиться первичный синтез телесной целостности ребенка, который находит свое прямое выражение в так называемом «комплексе оживления». (Оживление необходимо понимать буквально: программа действий взрослого обычно такова, что уже с первых дней начинают складываться целостные функциональные системы поведения ребенка, которые взрослый «прочитывает» уже не только в семантике «органических потребностей», но прежде всего — в семантике общения и отношений.) О том, что произошло «очеловечивание» ребенка, взрослый судит по его улыбке (была гримаса), плачу (был крик), гулению и др. Именно с этого момента взрослый особым образом семантизирует пространство события, обнаруживая в ребенке тот адресат, к которому возможно личное обращение.

Доречевое развитие ребенка знаменательно тем, что здесь прежде всего формируются перцептивно-динамические и валентные «функциональные органы», лежащие в основе чувственности, а точнее — чувственно-практического опыта, включающего в себя особые сложные образования типа установок, потребностей, устойчивых схем поведения, соорганизованных движений; это и есть та первая форма и то первое содержание внутреннего мира человека как психосоматической реальности, которые еще не знают субъект-объектного противопоставления. Здесь формулой сознания является «прамы» (Л. С. Выготский), прообразом деятельности — «живое движение» (Н. А. Бернштейн), формой общения — сопричастность.

Кардинальное приобретение данной ступени развития — это подлинный синтез человеческого тела — его «оживление» в сенсорных, двигательных, общительных, созидательных измерениях. Очевидно, что впереди — бесконечное множество

телесных изменений, однако сам принцип человеческого тела (своеобразная форма субъектности) оформляется именно здесь. Обнаружение телесно-чувственной достоверности мира и практическое отличение от него своего самоощущения в широком спектре его возможных содержаний есть результат работы полагающей рефлексии (Гегель), которая производит самое первое высвобождение сознания (как субъективности) из поглощенности его бытием, но в форме связности его в некотором психическом образовании. Сознание свободно от бытия, но не свободно от формы своего освобождения, не свободно в психическом «конструкте» (образе, представлении, пристрастии, действии и др.). Оно лишь следует (перемещается) из одной поглощающей организованности в другую, но сам переход остается наивным (бессознательным).

Два эпохальных события раннего детства стоят в начале новой ступени развития внутреннего мира человека — ступени одушевления в начале его самоопределения и субъективации — это прямохождение и речь...

Способность самостоятельного передвижения и постижения своего «Я» есть в высшей степени важный момент в духовном развитии ребенка. Именно с этого момента складывается особая форма рефлексии — сравнивающая. В стихии речевого общения начинается процесс быстрой специализации и дифференциации его действий: а) на собственно орудийные, обеспечивающие непосредственное включение ребенка в совместную деятельность со взрослым (самообслуживание, быт), и квазиорудийные (игровые, символические), обеспечивающие включение его в жизнедеятельность взрослого (в сферу профессиональных занятий, социальных отношений); б) на собственно предметные (чувственно-практические), реализующие самодеятельность ребенка в материальной предметности, и квазипредметные (познавательные, речевые, умственные), реализующие самодеятельность ребенка в идеальной предметности. Таким образом, носителем и реализатором субъектности как психосоциальной реальности является множество предметно-орудийных и чувственно-практических действий, которые становятся содержанием и основой становления самости.

Сравнивающая рефлексия обеспечивает субъекту опознание себя в налично данном, очевидном мире и отождествление с ним. Здесь сознание впервые поднимается над каждой конкретно определенной связностью, над конкретным психологическим образованием. Сознание было связано во внешнем построении — следовательно, оно должно стать свободным и безразличным по отношению к нему, подобно тому, как оно стало свободным и безразличным по отношению к бытию.

Помимо всего другого сравнивающая рефлексия позволяет ребенку освободиться от ритуализированных форм совместности со взрослыми и семейно-статусных предписаний. Его субъектность обнаруживается (и для себя, и для других) как подлинная самость: в целостности «Я» с устойчивым миропредставлением и собственным действием.

С кризиса 6–7 лет, на границе дошкольного и школьного возраста начинается новая ступень — ступень персонализации (от 7 лет до 18 лет). Здесь происходит превращение различных деятельностных структур субъектности в содержание его представлений о себе (самооценка, образ «Я» и др.). Именно с этого момента ребенок начинает становиться личностью — точкой средоточения различных общностей в социокультурной реальности и обособления от них. Начинается процесс самоограничения (уточнения границ самотождественности внутри со-бытия); процесс бурного осознания «Я — не Я», своих желаний, целей, мотивов, способностей, личностных качеств. Наиболее остро этот процесс протекает в подростковом возрасте, что проявляется в стремлении ребенка проявить себя в таких качествах, которые он сам считает ценными, поставив под сомнение систему внешних требований. Последнее наиболее характерно для юношеского возраста, когда преодолеваются социально-ролевые ожидания сверстников и старших. Принцип персональное (tm), который складывается на данной ступени развития, является фундаментальной предпосылкой образования подлинно индивидуального духа человека.

Только со ступени индивидуализации (от 20 до 40 лет) можно говорить о принципиальной возможности духовного саморазвития. Этот период является поворотным в жизни человека и связан он с труднейшим поиском своей укорененно-

сти в мире, с выработкой собственного мировоззрения, со становлением подлинного авторства в определении и реализации своего собственного способа жизни (кризис юности: «В чем смысл моей жизни?»). Обособляясь от образа себя в глазах ближайшего окружения, преодолевая профессионально-позиционные и политические детерминации поколения, объективируя многие свои качества как «не-Я», человек становится ответственным за собственную субъектность, которая зачастую складывалась не по воле и без ведома ее носителя. В духовно-практической сфере бытия, которая и является коррелятом ступени индивидуализации, формулой субъектности может быть: «Я аутотентичен!», или, говоря словами М. Лютера: «На том стою и не могу иначе!»

Ступень универсализации (от 45 до 65 и более лет). Кризис взрослости, с которого начинается данная ступень, — это кризис самости в ее родовой, культурной и исторической определенности. Здесь впервые открывается потенциальная эквивалентность человека Миру, что позволяет ему выйти за пределы сколь угодно развитой индивидуальности как таковой и войти в область соборных жизненных смыслов и духовных ценностей как «в свое другое» («Я — Ты»). Со-бытие как видимая форма единства со многими другими уходит внутрь, становится эзотеричной, приобретая подлинно личный (уникальный, единственный в своем роде) характер: целостность, объемность, глубину и суверенность. Зрелость как всеобщая форма со-бытийности человека и его мира в целом и как предельная ответственность его за этот мир выводит человека за пределы мерного и пограничного в сферу подлинно вселенского и универсального События, о котором апостол Павел мог сказать: «И уже не я живу, но живет во мне Христос!»

Таким образом, даже на этом — предельно обобщенном — уровне описания ступеней развития субъективного духа становится понятным, что в нашем духовном развитии не все мы можем «от себя», но — и не все происходит «без нас».

VII

Духовное бытие личности

Основные темы и понятия раздела

- *Смысл жизни как психическая реальность.*
- *Духовные способности.*
- *Духовные состояния.*
- *Духовность и душевность.*
- *Личность и нравственность.*

Н. Я. Грот

УСТОИ НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ[1]

Все предполагаемые религией, философией и позитивной наукой устои нравственного поведения: любовь к Богу и к ближнему, вера в правду и совершенство, надежда на вечное блаженство и страх вечной кары, с одной стороны; сострадание и жалость, стремление к счастью и идея нравственного долга; наконец, чувство самосохранения и родовой инстинкт, идеи пользы и общего блага — все это факты душевной жизни субъекта, состояния и свойства нашего внутреннего «я». <...>

Предметом настоящей речи и будет попытка вновь поближе разобраться в вопросе, в каких же сторонах человеческой природы надо искать истинных устоев нравственной жизни и деятельности человека... Задачею нашей будет — попытаться дать новое освещение этической проблеме «об основаниях нравст-венного поведения» на почве психологической, а основным мотивом для пересмотра вопроса является сомнение в удовлетворительности его решения учениями современной утилитарной и эвдемонистической морали — морали пользы и счастья.

Основная точка зрения этой морали состоит в том, что в конце концов источником нравственной деятельности является стремление человека к счастью, хотя бы самому высокому и благородному, вытекающему из поступков любви и сострадания, из усиленной работы умственной, духовной, — причем идея пользы есть только объективное выражение для субъективной идеи счастья. <...>

Вопрос в том, к счастью ли, хотя бы не нашему, а только чужому, направляется так называемая нравственная наша деятельность «во имя долга?»[2]. И это мы узнаем лучше всего из

---

[1] Смысл жизни в русской философии. Конец XIX — начало XX века. СПб., 1995. С. 17–39. Основу статьи составляет речь, прочитанная Гротом 4 марта 1895 г. на публичном годовом заседании Психологического общества в память десятилетия со времени его основания.

[2] Под счастьем мы разумеем и будем далее разуметь то, что понимал под ним Кант, а именно «сознание разумным существом приятности жизни, которая (по возможности) непрерывно сопровождает все его существование. (*Примеч. Н. Я. Грота*).

анализа тех нравственных поступков, в которых мы непосредственно соприкасаемся с другими существами и отдаем им себя в жертву, — из поступков, внушенных любовью, жалостью, состраданием.

Самый яркий образчик таких поступков — это деятельность матери и вообще родителей по отношению к детям: здесь всего менее можно сомневаться в искренности мотивов любви и жалости. Мать нежно и с самоотвержением любит своих детей, кормит их, холит, воспитывает, учит. Нет сомнения, что она, как мать, часть которой они составляли, искренне, хотя и эгоистически, желает счастья своим детям, но можно ли утверждать, что нравственная точка зрения ее в этой деятельности должна состоять в том, чтобы доставить детям немедленно или в будущем наибольшее возможное счастье?... Истинно любящая и разумная мать стремится сделать детей хорошими, а не довести их до счастья, которое и не в ее руках, и хорошую мать не остановит в ее работе мысль, что ее дети будут несчастны: лишь бы они были разумными нравственными существами. Добрая мать, хотя и с рыданиями, посылает взрослого сына на трудный подвиг, где его, может быть, встретит смерть. <...>

Какой же общий положительный признак и внутренний смысл можно найти в нравственных поступках, внушаемых любовью и состраданием, если они не направлены к счастью других существ? Во всех них мы замечаем одну несомненную черту: они непосредственно и прежде всего клонятся к сохранению и спасению жизни других существ, независимо от вопроса о их счастьи, причем нравственный поступок, по общему убеждению, становится тем более нравственным, чем более — ради спасения и сохранения чужой жизни — ставится на карту собственная жизнь любящего и жалеющего. <...>

... Непосредственная задача каждой личности — создать или поддержать, сохранить или спасти возможно больше других жизней, хотя бы с пожертвованием своей собственной единичной жизнью. <...>

Какая же психическая сила лежит в основе этой мировой любви? Как назвать ее? Очевидно, в каждом индивидуальном живом существе есть, рядом с индивидуальной волей к жизни,

общая мировая воля к жизни — «всеобщая душа», как говорили древние. Как бы мы ее ни назвали — мировой волей, сверхиндивидуальной душой или духом, инстинктом самосохранения мира, или творческим началом, созидающим жизнь, — все равно. Эта сила в нас есть, это — реальная сила, подлинный деятель и фактор нашего нравственного поведения. Условимся пока называть ее «мировой волей к жизни» и рассмотрим теперь ее главные признаки и проявления.

Одна основная черта этой силы, этого деятеля, как мы видели, есть наклонность ее к творчеству, к творческому созиданию и поддержанию жизни вне индивидуума. Другая существенная черта — это ее враждебность индивидуальной воле к жизни, эгоизму, самосохранению. Но можно ли допустить в человеке две воли, две силы жизни? Конечно, нет. Очевидно, одна должна составлять часть и проявление другой, но не большая меньшей, а меньшая большей. Несомненно, что индивидуальная воля к жизни есть только частное проявление и частная форма «мировой воли к жизни», созидающей и поддерживающей множество жизней через индивидуума, но вне его. <...>

Счастья конкретных существ, т. е. отдельных людей, никто при этом [т. е. занимаясь научной, художественной, религиозной деятельностью. — *Прим. сост.*] не имеет в виду, ибо все эти деятели творческой воли, когда творят, не знают, кому и когда пригодятся их дела и дадут ли они людям счастье или нет. Не думали служить счастью человеческому ни Шекспир, ни Гёте, ни Пушкин, ни Джордано Бруно, Декарт или Кант; ни Коперник, Ньютон и Дарвин, ни апостол Иоанн, ни Будда и Лютер. Одни служили красоте, другие искали правды, истины, блага. Возможные практические последствия высоких подвигов, во имя идеала, обыкновенно лежат вне сферы кругозора творческих гениев и нравственных проповедников.

Но если мировая творческая воля, направленная к созиданию и упрочению жизни, проявляется и во всяком бескорыстном, духовно-идейном созидании, то именно в нем мы замечаем ясно признак, который не открывается непосредственно в делах любви и сострадания, в творении и спасении жизни отдельных существ. В идейном творчестве тоже замечается

стремление к бесконечной полноте и совершенству воплощений творческой воли к жизни, отчего художник, ученый, философ творит до конца, пока есть силы, вечно недовольный прежде созданным; но вопрос идет по большей части о созидании и поддержании жизни высшей на счет низшей, жизни духовной на счет материальной. К этому направляется не только творчество религиозное и художественное, но и философское и научное. Религия прямо ставит задачу — спасти душу, духовную жизнь человека; искусство, воплощая красоту, ведет к подъему в че-ловеке лучших его чувств и стремлений; философия ищет идеала мудрости и внутренней гармонии личности; наука проповедует эволюцию и, жертвуя животным ради человека, ищет разъяснения и способов укрепления в последнем его высших, человеческих свойств...

Во всех ближних мы главным образом любим и оберегаем их духовную личность, их психическую жизнь...

Отсюда выясняется новый положительный признак той «мировой творческой воли», которая в нас живет и влечет нас к созиданию мировой жизни в ущерб нашей собственной. Это не просто «творческая воля к жизни», к механическому ее умножению и сохранению, а «неудержимое стремление к созиданию, развитию и увековечению жизни духовной, высшей психической жизни в мире» — это, другими словами, стремление к одухотворению мира, к духовному его совершенствованию.

И для того, чтобы в этом окончательно убедиться, мы коснемся третьей и последней области поступков, признаваемых несомненно нравственными, — тех действий, которые касаются так называемой личной нравственности и внушаются нам чувствами чести и нравственного достоинства.

К чему направлены нравственные предписания: не предаваться плотским излишествам, не лгать и не обманывать, не трусить и не малодушничать, не делать низостей и подлостей, не отчаиваться и не лишать себя жизни.

Все эти задачи имеют нравственный смысл лишь настолько, насколько направлены к обереганию, спасению и развитию в нас самих нашего «лучшего духовного я» — той самой творческой силы, созидающей и улучшающей жизнь в мире,

которая лежит и в основании всей нашей общественно-нравственной работы. Ради этого начала своей высшей духовной деятельности мы готовы часто пожертвовать и своей животною индивидуальностью или умалить и ограничить ее проявления. И напрасно современные позитивисты смеются над всяческим аскетизмом: здоровый аскетизм есть именно путь к широкому развитию творческих сил человека — он освобождает духовные силы наши от гнета и цепей материальной жизни. Аскетизм, конечно, есть не цель, а только средство, но это — низшая ступень того же самоотречения и индивидуального самопожертвования, которые заставляют некоторых людей ради идеи отказываться от удовольствий, выгод, подвергаться осмеянию, поруганию, даже насилию — идти в темницы и на костры. Во всех этих случаях мы спасаем «свое духовное я» и умаляем или совершенно отдаем в жертву свою индивидуальную волю к жизни, свой эгоизм. <...>

Из всего изложенного выяснилось, что психологически главным устоем нравственной жизни и деятельности является в нас мировая воля к жизни духовной, мировой инстинкт самосохранения жизни духовной, психической, высшей. Главных четыре положительных признака этой мировой воли, которая внушает личности человека ее нравственное поведение, как мы видели, следующие: 1) это — сила, созидающая, оберегающая и спасающая жизнь вне индивидуума — в мире, 2) это — сила, враждебная индивидуальной воле к жизни — эгоизму и животному инстинкту самосохранения, 3) это — сила, стремящаяся к бесконечной полноте и совершенству своих воплощений, реальных и идеальных, 4) это — сила, направленная преимущественно к созиданию и совершенствованию духовной, идеальной жизни мира. Поэтому ее можно определить как «мировой инстинкт, или волю духовного самосохранения и саморазвития», заложенный в природу всех его живых существ, но достигающий полноты самосознания только в человеке и проявляющийся в его нравственной жизни и деятельности...

В первой области — чувства — духовно-творческое начало обнаруживается чувствованиями любви, сострадания, жалости по отношению к другим живым существам — чувствами

стыда, нравственного достоинства, чести; по отношению к собственной жизни личности — чувствами любви к правде, истине, красоте, добру или духовному совершенству вообще, по отношению к миру, как целому, а на высшей ступени — любовью к Богу, как высшему источнику или идеальному символу абсолютной правды, красоты и совершенства.

Во второй области — мысли — то же начало проявляется в идеях самоотречения, самопожертвования и безусловного нравственного долга — долга создавать, оберегать, поддерживать, умножать и возвышать духовную жизнь мира в ущерб своей личной жизни.

Таковы главные устои нравственной жизни человека, находящиеся внутри его и сводящиеся к одному общему принципу — «мировой воли к жизни высшей духовной, которая есть и мировая любовь, и мировое сознание безусловного нравственного долга». Очевидно, личность человека не есть только его животно-психическая индивидуальность, а сочетание этой последней с мировым духовным началом, с божественною творческою силою, создавшею мир, и в этой последней находятся корни всей нашей нравственной жизни.

С. Л. Франк

СМЫСЛ ЖИЗНИ[1]

Вступление

Имеет ли жизнь вообще смысл, и если да — то какой именно? В чем смысл жизни? Или жизнь есть просто бессмыслица, бессмысленный, никчемный процесс естественного рождения, расцветания, созревания, увядания и смерти человека, как всякого другого органического существа? Те мечты о добре и правде, о духовной значимости и осмысленности жизни, которые уже с отроческих лет волнуют нашу душу и заставля-

[1] Фрагменты главы «Смысл жизни» из книги: Смысл жизни: Антология / Сост., общ. ред. Н. К. Гаврюшина. М., 1994. С.489–582.

ют нас думать, что мы родились не «даром», что мы призваны осуществить в мире что-то великое и решающее и тем самым осуществить и самих себя, дать творческий исход дремлющим в нас, скрытым от постороннего взора, но настойчиво требующим своего обнаружения духовным силам, образующим как бы истинное существо нашего «я», — эти мечты оправданы ли как-либо объективно, имеют ли какое-либо разумное основание, и если да — то какое? Или они просто — огоньки слепой страсти, вспыхивающие в живом существе по естественным законам его природы, как стихийные влечения и томления, с помощью которых равнодушная природа совершает через наше посредство, обманывая и завлекая нас иллюзиями, свое бессмысленное, в вечном однообразии повторяющееся дело сохранения животной жизни в смене поколений? Человеческая жажда любви и счастья, слезы умиления перед красотой, — трепетная мысль о светлой радости, озаряющей и согревающей жизнь или, вернее, впервые осуществляющей подлинную жизнь, — есть ли для этого какая-либо твердая почва в бытии человека, или это — только отражение в воспаленном человеческом сознании той слепой и смутной страсти, которая владеет и насекомым, которая обманывает нас, употребляя как орудия для сохранения все той же бессмысленной прозы жизни животной и обрекая нас за краткую мечту о высшей радости и духовной полноте расплачиваться пошлостью, скукой и томительной нуждой узкого, будничного, обывательского существования? А жажда подвига, самоотверженного служения добру, жажда гибели во имя великого и светлого дела — есть ли это нечто большее и более осмысленное, чем таинственная, но бессмысленная сила, которая гонит бабочку в огонь?

Эти, как обычно говорится, «проклятые» вопросы или, вернее, этот единый вопрос «о смысле жизни» волнует и мучает в глубине души каждого человека. Человек может на время, и даже на очень долгое время, совсем забыть о нем, погрузиться с головой или в будничные интересы сегодняшнего дня, в материальные заботы о сохранении жизни, о богатстве, довольстве и земных успехах или в какие-либо сверхличные страсти и «дела» — в политику, борьбу партий и т. п., — но жизнь

уже так устроена, что совсем и навсегда отмахнуться от него не может и самый тупой, заплывший жиром или духовно спящий человек: неустранимый факт приближения смерти и неизбежных ее предвестников — старения и болезней, факт отмирания, скоропреходящего исчезновения, погружения в невозвратное прошлое всей нашей жизни со всей иллюзорной значительностью ее интересов — этот факт есть для всякого человека грозное и неотвязное напоминание нерешенного, отложенного в сторону вопроса о смысле жизни. Этот вопрос — не «теоретический вопрос», не предмет праздной умственной игры; этот вопрос есть вопрос самой жизни, он так же страшен — и, собственно говоря, еще гораздо более страшен, чем при тяжкой нужде вопрос о куске хлеба для утоления голода. Поистине, это есть вопрос о хлебе, который бы напитал нас, и воде, которая утолила бы нашу жажду. Чехов описывает где-то человека, который, всю жизнь живя будничными интересами в провинциальном городе, как все другие люди, лгал и притворялся, «играл роль» в «обществе», был занят «делами», погружен в мелкие интриги и заботы — и вдруг, неожиданно, однажды ночью, просыпается с тяжелым сердцебиением и в холодном поту. Что случилось? Случилось что-то ужасное — жизнь прошла, и жизни не было, потому что не было и нет в ней смысла!

И все-таки огромное большинство людей считают нужным отмахиваться от этого вопроса, прятаться от него и находят величайшую жизненную мудрость в такой «страусовой политике». Они называют это «принципиальным отказом» от попытки разрешить «неразрешимые метафизические вопросы», и они так умело обманывают и всех других, и самих себя, что не только для постороннего взора, но и для них самих их мука и неизбывное томление остаются незамеченными, быть может, до самого смертного часа. Этот прием воспитывания в себе и других забвения к самому важному, в конечном счете единственно важному вопросу жизни определен, однако, не одной только «страусовой политикой», желанием закрыть глаза, чтобы не видеть страшной истины. По-видимому, умение «устраиваться в жизни», добывать жизненные блага, утверждать и расширять свою позицию в жизненной борьбе обратно пропорци-

онально вниманию, уделяемому вопросу о «смысле жизни». А так как это умение, в силу животной природы человека и определяемого им «здравого рассудка», представляется самым важным и первым по настоятельности делом, то в его интересах и совершается это задавливание в глубокие низины бессознательности тревожного недоумения о смысле жизни. И чем спокойнее, чем более размерена и упорядочена внешняя жизнь, чем более она занята текущими земными интересами и имеет удачу в их осуществлении, тем глубже та душевная могила, в которой похоронен вопрос о смысле жизни. Поэтому мы, например, видим, что средний европеец, типичный западноевропейский «буржуа» (не в экономическом, а в духовном смысле слова) как будто совсем не интересуется более этим вопросом и потому перестал и нуждаться в религии, которая одна только дает на него ответ. Мы, русские, отчасти по своей натуре, отчасти, вероятно, по неустроенности и неналаженности нашей внешней, гражданской, бытовой и общественной жизни, и в прежние, «благополучные» времена отличались от западных европейцев тем, что больше мучились вопросом о смысле жизни, — или более открыто мучились им, более признавались в своих мучениях. Однако теперь, оглядываясь назад, на наше столь недавнее и столь далекое от нас прошлое, мы должны сознаться, что и мы тогда в значительной мере «заплыли жиром» и не видели — не хотели или не могли видеть — истинного лица жизни и потому и мало заботились об его разгадке.

Происшедшее ужасающее потрясение и разрушение всей нашей общественной жизни принесло нам, именно с этой точки зрения, одно ценнейшее, несмотря на всю его горечь, благо: оно обнажило перед нами жизнь как она есть на самом деле. Правда, в порядке обывательских размышлений, в плане обычной земной «жизненной мудрости» мы часто мучаемся ненормальностью нашей нынешней жизни и либо с безграничной ненавистью обвиняем в ней «большевиков», бессмысленно ввергших всех русских людей в бездну бедствий и отчаяния, либо (что уже, конечно, лучше) с горьким и бесполезным раскаянием осуждаем наше собственное легкомыслие, небрежность и слепоту, с которой мы дали разрушить в России все основы нормальной, счастливой и разумной жизни. Как бы

много относительной правды ни было в этих горьких чувствах, — в них, перед лицом последней, подлинной правды, есть и очень опасный самообман. Обозревая потери наших близких, либо прямо убитых, либо замученных дикими условиями жизни, потерю нашего имущества, нашего любимого дела, — наши собственные преждевременные болезни, наше нынешнее вынужденное безделье и бессмысленность всего нашего нынешнего существования, мы часто думаем, что болезни, смерть, старость, нужду, бессмысленность жизни — все это выдумали и впервые внесли в жизнь большевики. На самом деле они этого не выдумали и не впервые внесли в жизнь, а только значительно усилили, разрушив то внешнее и, с более глубокой точки зрения, все-таки призрачное благополучие, которое прежде царило в жизни. И раньше люди умирали — и умирали почти всегда преждевременно, не доделав своего дела и бессмысленно-случайно; и раньше все жизненные блага — богатство, здоровье, слава, общественное положение — были шатки и ненадежны; и раньше мудрость русского народа знала, что от сумы и тюрьмы никто не должен отрекаться. Происшедшее только как бы сняло призрачный покров с жизни и показало нам неприкрытый ужас жизни как она всегда есть сама и по себе. Подобно тому как в кинематографе можно, произвольным изменением темпа движения, через такое искажение именно и показать подлинную, но обычному взору не заметную природу движения, подобно тому как через увеличительное стекло впервые видишь (хотя и в измененных размерах) то, что всегда есть и было, но что не видно невооруженному глазу, так и то искажение «нормальных» эмпирических условий жизни, которое теперь произошло в России, только раскрывает перед нами скрытую прежде истинную сущность жизни. И мы, русские, теперь без дела и толку, без родины и родного очага, в нужде и лишениях слоняющиеся по чужим землям — или живущие на родине как на чужбине, — сознавая всю «ненормальность» — с точки зрения обычных внешних форм жизни — нашего нынешнего существования, вместе с тем вправе и обязаны сказать, что именно на этом ненормальном образе жизни мы впервые познали истинное вечное существо

жизни. Мы бездомные и бесприютные странники — но разве человек на земле не есть, в более глубоком смысле, всегда бездомный и бесприютный странник? Мы испытали на себе, своих близких, своем существе и своей карьере величайшие превратности судьбы — но разве существо судьбы не в том, что она превратна? Мы ощутили близость и грозную реальность смерти, но разве это — только реальность сегодняшнего дня? Среди роскошного и беспечного быта русской придворной среды XVIII века русский поэт восклицал: «Где стол был яств, там гроб стоит; где пиршеств раздавались клики — надгробные там стонут лики и бледна смерть на всех глядит». Мы обречены на тяжкий изнуряющий труд ради ежедневного пропитания — но разве уже Адаму, при изгнании из рая, не было предречено и заповедано: «в поте лица своего ты будешь есть хлеб свой»?

Так перед нами теперь, через увеличительное стекло наших нынешних бедствий, с ясностью предстала сама сущность жизни во всей ее превратности, скоротечности, тягостности — во всей ее бессмысленности. И потому всех людей мучащий, перед всеми неотвязно стоящий вопрос о смысле жизни приобрел для нас, как бы впервые вкусивших самое существо жизни и лишенных возможности спрятаться от нее или прикрыть ее обманчивой и смягчающей ее ужас видимостью, совершенно исключительную остроту. Легко было не задуматься над этим вопросом, когда жизнь, по крайней мере внешне видимая, текла ровно и гладко, когда — за вычетом относительно редких моментов трагических испытаний, казавшихся нам исключительными и ненормальными, — жизнь являлась нам спокойной и устойчивой, когда у каждого из нас было наше естественное и разумное дело и за множеством вопросов текущего дня, за множеством живых и важных для нас частных дел и вопросов общий вопрос о жизни в ее целом только мерещил где-то в туманной дали и смутно-потаенно тревожил нас. Особенно в молодом возрасте, когда разрешение всех вопросов жизни предвидится в будущем, когда запас жизненных сил, требующих приложения, это приложение по большей части и находил и условия жизни легко позволяли жить мечта-

ми, лишь немногие из нас остро и напряженно страдали от сознания бессмысленности жизни. Не то теперь. Потеряв родину и с нею естественную почву для дела, которое дает хотя бы видимость осмысления жизни, и вместе с тем лишенные возможности в беспечном молодом веселии наслаждаться жизнью и в этом стихийном увлечении ее соблазнами забывать о неумолимой ее суровости, обреченные на тяжкий изнуряющий и подневольный труд для своего пропитания, мы вынуждены ставить себе вопрос: для чего жить? Для чего тянуть эту нелепую и тягостную лямку? Чем оправданы наши страдания? Где найти незыблемую опору, чтобы не упасть под тяжестью жизненной нужды? <...>

Нет, от вопроса о смысле жизни нам — именно нам, в нашем нынешнем положении и духовном состоянии — никуда не уйти, и тщетны надежды подменить его какими-либо суррогатами, заморить сосущего внутри червя сомнения какими-либо иллюзорными делами и мыслями. Именно наше время таково — об этом мы говорили в книжке «Крушение кумиров», — что все кумиры, соблазнявшие и слепившие нас прежде, рушатся один за другим, изобличенные в своей лжи; все украшающие и затуманившие завесы над жизнью ниспадают, все иллюзии гибнут сами собой. Остается жизнь, сама жизнь во всей своей неприглядной наготе, со всей своей тягостностью и бессмысленностью, — жизнь, равносильная смерти и небытию, но чуждая покоя и забвения небытия. Та, на Синайских высотах поставленная Богом, через древний Израиль, всем людям и навеки задача: «жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие: избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое», — эта задача научиться отличать истинную жизнь от жизни, которая есть смерть, понять тот смысл жизни, который впервые вообще делает жизнь жизнью, то Слово Божие, которое есть истинный, насыщающий нас хлеб жизни, — эта задача именно в наши дни великих катастроф, великой кары Божией, в силу которой разодраны все завесы и все мы снова «впали в руки Бога живого», стоит перед нами с такой неотвязностью, с такой неумолимо грозной очевидностью, что никто, раз ощутивший ее, не может уклониться от обязанности ее разрешения. <...>

Осмысление жизни

Искание смысла жизни есть, таким образом, собственно «осмысление» жизни, раскрытие и внесение в нее смысла, который вне нашей духовной действительности не только не мог бы быть найден, но в эмпирической жизни и не существовал бы.

Точнее говоря, в вере как искании и усмотрении смысла жизни есть две стороны, неразрывно связанные между собою, — сторона теоретическая и практическая; искомое осмысление жизни есть, с одной стороны, усмотрение, нахождение смысла жизни и, с другой стороны, его действенное созидание, волевое усилие, которым оно «восхищается». Теоретическая сторона осмысления жизни заключается в том, что, усмотрев истинное бытие и его глубочайшее, подлинное средоточие, мы тем самым имеем жизнь как подлинное целое, как осмысленное единство и потому понимаем осмысленность того, что раньше было бессмысленным, будучи лишь клочком и обрывком. Как, чтобы обозреть местность и понять ее расположение, нужно удалиться от нее, встать вне ее, на высокой горе над нею и только тогда действительно увидишь ее, — так для того, чтобы понять жизнь, нужно как бы выйти за пределы жизни, посмотреть на нее с некоторой высоты, с которой она видна целиком. Тогда мы убеждаемся, что все, что казалось нам бессмысленным, было таковым только потому, что было зависимым и несамостоятельным отрывком. Наша единичная, личная жизнь, которая, при отсутствии в ней подлинного центра, кажется нам игралищем слепых сил судьбы, точкой скрещения бессмысленных случайностей, становится в меру нашего самопознания глубоко значительным и связным целым; и все случайные ее события, все удары судьбы приобретают для нас смысл, как-то сами собой укладываются, как необходимые звенья, в то целое, осуществить которое мы призваны. Историческая жизнь народов, которая, как мы видели, являет эмпирическому взору картину бессмысленно-хаотического столкновения стихийных сил коллективных страстей или коллективного безумия или свидетельствует лишь о непрерывном крушении всех человеческих надежд, — созерцаемая из глубины, становится, подобно нашей индивидуальной жизни,

связанным и разумным, как бы жизненно-предметно проходимым «курсом» самооткровения Божества. И глубокий немецкий мыслитель Баадер был прав, когда говорил, что, если бы мы обладали духовной глубиной и религиозной проницательностью составителей Священной Истории, вся история человечества, история всех народов и времен была бы для нас непрерывающимся продолжением единой Священной Истории. Только потому, что мы потеряли чутье и вкус к символическому смыслу исторических событий, берем их лишь с их эмпирической стороны и в чувственно-явственной или рассудочно-постижимой их части признаем все целое событий вместо того, чтобы через эту часть прозревать подлинное, метафизическое целое, — только потому события светской, «научно» познаваемой истории кажутся нам бессмысленным набором слепых случайностей. <...> Мы поняли бы, что если история человечества есть как будто история последовательного крушения всех человеческих надежд, то лишь в той мере, в какой сами эти надежды слепы и ложны и содержат нарушение вечных заповедей Божьей премудрости, что в истории вместе с ее первым, абсолютным началом — рождением человека из рук Бога и с ее необходимым концом — завершением предназначения человека на земле, — она становится страдальческим, но разумно-осмысленным путем всечеловеческой жизни.

В. Э. Чудновский

СМЫСЛ ЖИЗНИ: ПРОБЛЕМА ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ЭМАНСИПИРОВАННОСТИ ОТ «ВНЕШНЕГО» И «ВНУТРЕННЕГО»[1]

В реальной жизни советского общества проблема смысла жизни решалась просто и однозначно. Она сводилась к идеологическому постулату: «способствовать построению светлого буду-

[1] Статья, опубликованная: Психологический журнал. 1995. № 2. С. 15–25.

щего — коммунизма». Сложнейшие социально-психологические аспекты этой проблемы оставались за порогом сознания человека. Хотя и в зарубежной и в отечественной литературе данная проблема занимает значительное место, вы не прочтете о смысле жизни в учебниках педагогики и психологии; нет такого понятия в психологическом и философском словарях, в философской энциклопедии. Прежде всего возникают трудности в определении этого понятия. В Большой советской энциклопедии читаем: «“смысл” — идеальное содержание, идея, конечная цель (ценность) чего-нибудь (смысл жизни...)». Будем считать, что смысл жизни — идея, содержащая в себе цель жизни человека, «присвоенная» им и ставшая для него ценностью чрезвычайно высокого порядка. Настолько высокого, что потеря смысла жизни может привести к решению человека покончить со своим существованием на земле...

...Известно, что есть немало людей, которые полностью поглощены «процессом жизни», они целиком, по выражению С. Л. Рубинштейна, «внутри жизни», не задумываются о ее смысле и не переживают отсутствие этого смысла как невосполнимую потерю. Кроме того, смысл жизни может недостаточно осознаваться. В. Г. Асеев, ссылаясь на данные Б. В. Зейгарник и Б. С. Братуся, отмечает, что смысл жизни может недостаточно осознаваться, находиться в потенциальном состоянии ввиду отсутствия актуально заданной необходимости. К этому, по-видимому, следует добавить и влияние эмоциональных факторов, в частности опасения, что такая работа может обнаружить пустоту жизни, привести к разочарованию вследствие осознания несбывшихся надежд, нереализованных планов. Однако, как мы увидим, и наличие смысла жизни — далеко не всегда благо. Сказанное отнюдь не снижает актуальности исследования данной проблемы.

Не затрагивая сейчас ее философско-этического аспекта, остановимся на характеристике смысла жизни как особой «психологической реальности». Уже приходилось упоминать [Чудновский В. Э., 1993] о существовавшей в отечественной психологии некоторой односторонности в понимании психического, в частности сознания, об излишне категорическом противопоставлении сознания и бытия, абсолютизации свойства

отражения в характеристике психического. Это сказалось и на понимании соотношения деятельности и сознания. Последнему отказывали в существовании вне, помимо, а тем более над деятельностью [Зинченко В. П., 1991], обычно подчеркивался вторичный характер сознания — оно было лишь отражением, а не соучастником бытия. «Сознание не отпускалось с короткого поводка деятельности». В последнее время исследователи все больше делают акцент на субстанциальности человеческой психики, которая характеризуется как обладающая определенной устойчивостью и относительной самостоятельностью существования. Это следует отнести и к феномену смысла жизни. Достаточно распространено представление о смысле жизни как «объяснительном понятии», преимущественно морально-оценочного характера, либо как предмете «философствования» в основном пожилых людей, которые уже отошли от конкретных практических дел (недаром обсуждение данной проблемы является приоритетным в мемуарной литературе). При этом остается в тени тот факт, что смысл жизни является особым психическим образованием, имеющим свою специфику возникновения, свои этапы становления, и, приобретая относительную устойчивость и эмансипированность от «породивших» его условий, может существенно влиять на жизнь человека, его судьбу. Несомненный интерес представляет исследование структуры этого образования, соотношения в ней когнитивных, эмоциональных и волевых компонентов, изучение самого процесса становления жизненного смысла, механизма его действия, изменений, происходящих с ним в критических жизненных ситуациях, а также в ходе возрастного развития. Однако предварительно следует рассмотреть более общие вопросы, непосредственно связанные с проблемой смысла жизни. Остановлюсь на некоторых из них.

1. **Смысл жизни и проблема относительной эмансипации от «внешнего».** Процесс эмансипации человека от сугубо внешней детерминации происходит по мере развития «внутреннего» как в ходе онтогенеза, так и в историческом плане. Естественно, что на ранних ступенях цивилизации внутренняя детерминация менее значима в поведении человека. <...>

В. Франкл пишет, что в проблеме смысла жизни узловой является проблема ответственности человека за свою жизнь. Приходится признать, что характерной чертой советского общества была передача личной ответственности «вышестоящим инстанциям»: человек с малых лет приучался к ответственности перед государством, партией, коллективом и очень мало — к ответственности перед самим собой за собственную жизнь, за реализацию ее смысла. Последний превращался в унифицированный для миллионов людей стереотип, который все больше отрывался от реальной жизни и подчинялся официальной идеологической задаче. Сказанное подчеркивает роль социальных факторов в самом процессе становления смысла жизни. Есть и другая сторона этого вопроса. В литературе обычно характеризуется позитивная роль данного феномена в жизни человека, становлении его личности. Поиску смысла жизни противопоставляются «смыслы-эрзацы»: алкоголизм, наркомания. Однако смыслы-эрзацы могут возникать не только в этих случаях: под влиянием специфически сложившихся социальных факторов происходит «переналадка» этого личностного механизма — он начинает служить негативному формированию личности, способствовать потере ею своего «лица», своей позиции, т. е. того, что составляет ее психологическую сущность. Представляет интерес психологический анализ подобного рода деформаций и «сбоев», конкретизирующий общий тезис о том, что сам процесс поиска и становления смысла жизни должен быть относительно эмансипирован от внешней детерминации.

2. **Смысл жизни и проблема относительной эмансипации от «внутреннего».** Франкл, вспоминая о своем пребывании в фашистском концентрационном лагере, пишет, что некоторые из его товарищей вели себя как свиньи, в то время как другие были святыми — человек имеет в себе обе эти возможности. Путь к преодолению «свинства» лежит через феномен трансценденции, суть которой в том, что «...человеческое бытие всегда ориентировано вовне, на нечто, что не является им самим...».

Можно выделить два психологических аспекта этого феномена. Во-первых, самотрансценденция как самореализация,

раскрытие собственных способностей, стремление «положить себя вовне», т. е. осуществить в реальных действиях и поступках. К этому логическому ряду, по-видимому, следует отнести и проявление «потребности быть личностью», что выражается в стремлении «...продолжить себя в других, обрести вторую жизнь в других людях, производить в них долговечные изменения» [Петровский А. В., Петровский В. А., 1982]. Но как бы ни была значима эта сторона — реальное самоосуществление, для психологии вообще и психологии личности в особенности чрезвычайно важен другой аспект этой проблемы, конечно тесно связанный с первым и все же особый, специфический, нуждающийся в специальном рассмотрении: «выход за пределы» может быть «внешним» и «внутренним».

Во-вторых, имеет место идеальная мысленная самотрансценденция. Это, если можно так сказать, «овнешненное внутреннее» — выходя за собственные пределы, человек в то же время остается внутри своего мира, не переступает порог собственного «Я». «Выделив свое “Я”, мы можем смотреть на себя как на нечто самостоятельное по отношению к себе же, т. е. как на объект» [Чеснокова И. И., 1977].

Суть смысла жизни как психологического феномена в том, что, возникая в результате взаимодействия «внешнего» и «внутреннего», он вместе с тем эмансипируется от того и другого и начинает действовать как «буферный механизм», как «система сдержек и противовесов», не допускающих одностороннего подчинения «внешнему» и вместе с тем препятствующих превращению человека в раба собственных потребностей, влечений, своих непосредственных сиюминутных интересов. <...>

Здесь затронуты лишь некоторые аспекты сложнейшей проблемы «смысл жизни и природные особенности человека». Обобщая сказанное, выделю следующие положения: проблема смысла жизни имеет свой, достаточно значимый «биологический аспект»; природные особенности — не просто предпосылки, но «активные участники» процесса поиска человеком смысла жизни, их влияние неоднозначно; границы такого влияния подвижны и изменчивы; существуют «пики», «всплески», когда роль биологического фактора в процессе становления смысла жизни существенно возрастает; природные особенно-

сти не только «ставят рамки» процессу поиска смысла жизни, но и содержат в себе возможности выхода за их пределы.

3. **Смысл жизни и проблема неосознаваемого.** Насколько процесс становления смысла жизни может быть эмансипированным от влияний той сферы психики, которую З. Фрейд обозначил как «Оно»? Франкл, противопоставляя свою концепцию психоанализу, пишет, что с точки зрения психодинамики «цели, которые ставит себе “Я”, являются лишь средствами достижения целей, которые реализует “Оно”, причем реализует за спиной “Я”, через его голову» [Франкл, 1990]. И далее:

«Психодинамик... видит только “чрево”, только психический фундамент духовной жизни». Автор приводит слова самого Фрейда: «Я остановился лишь на первом этаже и подвале всего здания».

Что представляет собой «резервуар» неосознаваемого? Каковы его составляющие? Разумеется, прежде всего это природные данные, особенности генотипа в своеобразии его возрастных и индивидуальных проявлений (о чем уже говорилось). Мир неосознаваемого — это и побуждения, обусловленные слабыми подпороговыми раздражителями, которые воспринимаются человеком непосредственно, в обход сознания. Экспериментальные данные, полученные на этот счет[1], взывают к большой осторожности в воздействиях на человека, предупреждают об опасности манипулирования его сознанием. Проблема влияния слабых подпороговых воздействий в воспитании почти совсем не разработана, хотя и весьма значима. Результатом таких влияний может быть формирование как негативных, так и нравственных побуждений, возникающих по механизму «нравственного импринтинга»[2] и выступающих в «движени-

---

[1] Напомню известный эксперимент французских психологов: на кинопленке художественного фильма, который демонстрировался в одном из кинотеатров Парижа, были нанесены надписи: «Посетите ближайшее кафе». Расстояние между отдельными надписями было настолько большим, что увидеть их на экране было невозможно. Тем не менее после окончания сеанса толпы зрителей устремились к кафе, которое обычно в это время пустовало. (*Примеч. В. Э. Чудновского*).

[2] Термин, предложенный Т. А. Титовой [1974] (*Примеч. В. Э. Чудновского*).

ях сердца», по поводу которых Франкл приводит слова Паскаля: «Сердце имеет доводы, которых разум не знает». И заключает: это «называется мудростью сердца».

Наконец, к сфере неосознаваемого относятся те побуждения, которые в своей основе имеют сознательно принятые человеком нравственные нормы и ценности. Они как бы «опускаются» сверху и настолько глубоко и органично усваиваются, что могут противостоять не только сознательным намерениям, но и инстинктивным влечениям, и даже в гипнотическом состоянии не удается внушить человеку то, что противоречит прочно усвоенным ценностям.

Как же вся эта сложная структура, характеризующая сферу неосознаваемого, может воздействовать на процесс становления смысла жизни? Франкл отвечает на этот вопрос однозначно: человек свободен и ответствен. Свобода человека имеет триединую направленность: она осуществляется по отношению к влечениям, по отношению к наследственности, по отношению к среде. Иначе говоря, рассматривая проблему смысла жизни, Франкл исходит из тезиса о полной эмансипированности как от «внешнего», так и от «внутреннего». Человек свободен сказать «нет» и этическим требованиям, и влечениям. В соответствии с этим он рассматривает стоящую перед человеком задачу «вылепить» свою жизнь аналогично тому, как К. А. Абульханова-Славская пишет о задаче «строительства» собственной жизни и выработки своей индивидуальной «траектории», а С. Л. Рубинштейн — о смысле жизни как стремлении к ее преобразованию.

Но есть нечто настораживающее в несомненно привлекательной позиции Франкла, когда он пишет: «...человек представляет собой существо, освободившее себя от всего, что его определяло (определяло как биологический, психологический и социологический тип)». Может быть, акцент на свободе человека излишен? Возможно, автор принимает желаемое за действительное? «Я» способно... совершать свободный выбор... И так происходит всегда — **независимо** от того, куда «влечет» сумма бессознательных побуждений — «Оно» (выделено мной. — *В. Ч.*). Не слишком ли подчеркивается наша

независимость от влечений? «В действительности... человека не побуждают влечения, а притягивают ценности». Обратим внимание на это противопоставление — «не побуждают, а притягивают», т. е. влечения остаются внутренними побуждениями, в то время как ориентация поведения на ценности есть процесс **внешнего притяжения** к ним. Но в этом случае мы возвращаемся к кантовскому противопоставлению долга и чувств и к психоаналитической модели конфликта сознательного и бессознательного. Правда, Франкл обходит этот конфликт, фактически «списывая со счета» влечения.

Излишняя категоричность этой позиции особенно отчетливо выступает в его характеристике человеческой любви — феномена, непосредственно связанного с проблемой смысла жизни. Счастливая или несчастная любовь не просто окрашивает жизнь человека в радужные или мрачные тона — она придает жизни смысл или обессмысливает ее, порой побуждая человека покончить с нею счеты, «...человек, — пишет Франкл, — может найти смысл жизни... во встрече с другим... человеком, с самой его уникальностью, иными словами — в любви». Характеризуя три «ступени» любви — низшую (сексуальное отношение), эротическую (увлеченность), любовь в собственном смысле слова — и отдавая должное высшей, он вместе с тем отрывает ее от остальных: «Любовь так мало направлена на тело любимого, что она легко может пережить его смерть...». Удивительно, что, будучи практическим психотерапевтом, Франкл проходит мимо множества случаев несчастной любви, в основе которых — диссонанс отношений на первой «ступени»... И здесь не следует упрощать: в самых «духовных» проявлениях любви мужчины и женщины, пусть незримо, присутствуют элементы «первой ступени»...

«Мощь» неосознаваемого объясняется и спецификой взаимоотношений между «этажами» психического. В утверждении Фрейда о том, что «Оно» реализует свои цели «за спиной» «Я», через его «голову», по-видимому, есть свое рациональное зерно: на самом деле отношения между «Я» и «Оно» выясняются не только в «открытом бою», но и на более «интимном» уровне. Влечения «Оно» могут действовать по принципу «пя-

той колонны». Они не только противостоят «Я», но, используя «обходные пути», могут на неосознаваемом уровне проникать в «Я», в той или иной степени изменяя, деформируя его. Как часто высказанная человеком точка зрения обусловливается не выступающими на поверхность мотивами, а более интимными стремлениями, которые оказываются не только скрытыми от окружающих, но и неосознаваемыми тем, кто ее высказывает!

Так в какой мере прав Франкл? В какой мере человек свободен в своих намерениях, в том числе в попытках отыскать смысл жизни? Если говорить по большому счету, то сам процесс свободного и сознательного принятия решения на самом деле не свободен в полной мере. Он с самого начала «отягощен» влиянием неосознаваемого. Рассмотрение механизмов такого «отягощения» — один из значимых аспектов проблемы смысла жизни.

Остановлюсь теперь на некоторых «формально-динамических» характеристиках смысла жизни, существенно сказывающихся на его функционировании как личностного образования.

Инертность смысла жизни. Как уже отмечалось, формирование смысла жизни — способ относительной эмансипации личности от «внешнего» и «внутреннего». Чрезмерная эмансипация приводит к инертности самого жизненного смысла. Последний отрывается от реальности, становится самодовлеющим. Человек может стать рабом не только обстоятельств, но и логики собственной жизни. Он «привыкает» к ней, «пропитывается» ею. Логика жизни, «выйдя из недр» человека, «отделяется» от него, приобретает самостоятельный, а иногда и фатальный характер, начинает подчинять себе человека. Одно из объяснений причин такого рода инертности дает В. Г. Асеев: «Хотя прежняя цель оказывается неэффективной и даже вредной, но потраченные ресурсы слишком значимы, требуют компенсации, и поведение человека как бы “толкается сзади” этой слепой динамической установкой...» [1993].

Инертность смысла жизни может определяться спецификой социальных отношений. Типичным для тоталитарного общества является формирование у его членов косного, «за-

стойного», заданного идеологическими стереотипами смысла жизни. Поэтому ломка прежнего и становление нового смысла жизни, обусловленного социальными изменениями, — процесс особенно болезненный, а во многих случаях — трагический.

«Масштабы» смысла жизни. Считая, что потеря смысла жизни — личная трагедия человека, мы мало задумываемся о тех социальных и социально-психологических предпосылках, которые способствовали этой трагедии. Как часто в ее основе — несбывшиеся юношеские ожидания больших жизненных свершений! Но не виновато ли в этой трагедии общество, в частности школа, слишком долго воспитывавшее «героев», нацеленных на великие дела, которым «нет преград», создавая тем самым у молодежи соответствующий уровень притязаний? У нас совершенно не разработана проблема «маленького человека». Не все могут создать теорию относительности, решить (или хотя бы сформулировать) теорему Ферма или стать депутатом парламента. Проблема смысла жизни — это проблема не только (а может быть, и не столько) «величины», масштаба поступков и свершений, это — проблема осознания человеком своих возможностей, постановки реальных, а не «заоблачных» целей, проблема удовлетворения на первый взгляд «малым» смыслом жизни: посадить и вырастить дерево, построить дом, воспитать детей, прожить жизнь порядочным человеком... Этот «малый смысл» по своему «качеству», «удельному весу» может превосходить жизненный смысл «большого масштаба».

Динамика и иерархия «смыслов». Исследователи отмечают, что человеку присуще наличие ряда жизненных смыслов. Франкл: «Смысл — это всякий раз также и конкретный смысл конкретной ситуации. Это всегда “требование момента”... Каждый день и каждый час предлагают новый смысл...», Кон: «Понятие “жизненный путь”... подразумевает единство многих автономных линий развития, которые сходятся, расходятся или пересекаются, но не могут быть поняты отдельно друг от друга...» [1984]. Франкл, рассказывая о своем состоянии в период нахождения в концентрационном лагере, пишет: «Кажется, что все помыслы сосредоточиваются на одном: пережить

сегодняшний день». Он приводит слова Е. Коэна, которому также пришлось провести годы в концентрационном лагере: «У меня была лишь одна мысль: как мне выжить». Примитивизация жизненного смысла, низведение его до стремления к удовлетворению элементарных потребностей действительно стало распространенным явлением в годы Второй мировой войны. И это касалось не только узников концлагерей. Но вместе с тем это было время, когда жизнь приобретала и новый, более высокий и значимый смысл. Помню, как в самом начале войны И. Эренбург, выступая на митинге, говорил о том, насколько резко изменилось у людей восприятие жизни: «Сейчас человек с удивлением вспоминает, что еще несколько дней назад он мог серьезно огорчаться из-за разбитой сервизной чашки». Отсеялось второстепенное, как бы более явственно выступили основные жизненные ценности; человек более четко стал осознавать тесную связь своей личной судьбы и судьбы своего народа.

Комментируя вышеприведенные высказывания о наличии у человека многих жизненных смыслов, следует отметить их недостаточную дифференцированность: они во многом выступают как рядоположные, а главное — не уделяется достаточного внимания их иерархии. Кон, правда, подчеркивает, что «автономные линии развития» (а следовательно, и жизненные смыслы) не могут быть поняты отдельно друг от друга. Однако несомненно и то, что наряду с множеством «малых» (отдельных) жизненных смыслов существует и «большой» — особый — жизненный смысл. И тот факт, что «каждый день и каждый час предлагают новый смысл», вовсе не означает, что главный смысл жизни изменяется с возникновением новой ситуации. Иначе как выполнит жизненный смысл свою основную функцию: быть «нитью Ариадны», помочь человеку выработать, по терминологии К. А. Абульхановой, свою «индивидуальную траекторию»? Да, динамика жизненного смысла чрезвычайно сложна: он может сжиматься, как шагреневая кожа, до примитивного стремления выжить и подыматься до вершин подвига и самопожертвования. Он может ограничиваться «малыми дистанциями» и охватывать собой все основное «жизненное пространство» личности. Однако и к «малым

дистанциям» необходим дифференцированный подход: они могут представлять собой бесчисленное количество «коротких перебежек», мало связанных между собой, разрозненных и во многом случайных, из которых суммируется жизненный маршрут. Но малые промежутки времени и конкретные ситуации могут спрессовывать в чрезвычайно концентрированном виде элементы «большого смысла». Помните: «Мгновенья раздают кому позор, кому бесславье, а кому бессмертие...»

Мы имеем дело со сложной динамикой отдельных «смыслов жизни», их иерархией и соотношением с «большим» — главным смыслом жизни.

В. Д. Шадриков

ДУХОВНЫЕ СПОСОБНОСТИ[1]

Как правило, духовность связывают с духовной сущностью человека, с духовным началом, в качестве которого выступает «дух», «душа». Под духовными способностями в этом случае понимают свойства духа, некоего идеального познающего начала, «я». Научной психологии нет необходимости исходить из принципа духа как активного начала личности. Как показал еще Джемс, «психология как естественная наука должна допустить существование потока психических состояний, из которых каждое связано со сложными объектами познания, переживает по отношению к ним различные эмоции и делает между ними свой выбор» [1901].

Духовные способности мы будем рассматривать как свойства, характеризующие функциональную индивидуальность человека. При этом индивидуальность человека мы понимаем, следуя за Б. Г. Ананьевым, как единство и взаимосвязь его свойств как личности и как субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивида.

[1] Фрагменты из книги: Духовные способности. СПб., 1997. С. 19–41.

Духовные способности можно понять как единство и взаимосвязь природных способностей индивида, преобразованных в процессе деятельности и жизнедеятельности, и способности человека как субъекта деятельности и отношений, и выступающие в единстве с нравственными качествами человека как личности.

Если обычно мы рассматриваем способности действия, то духовные способности — это способности поступка...

Духовное поведение безгрешно. Духовное поведение добродетельно. Духовное поведение определяется добродетелями личности. С этих позиций духовные способности выступают как добродетели личности. Добродетели же есть качества человека, выражающиеся в желании делать добро, умении делать добро, реальных добродетельных поступках. Добродетель всегда нравственна...

Единичный человек добродетелен, пока следует морали (всеобщему), и в этом случае он духовен. Верхом грехопадения является использование человеком другого человека в качестве средства для достижения своей цели. Такой человек греховен в своей сущности. <...>

В духовных способностях индивид возвышается над обычными способностями. Обычные способности выступают в роли того всеобщего, не постигнув которого, не развив в себе, индивид не может подняться до духовных способностей. Духовные способности вырастают из общих способностей. Это высшая стадия развития способностей. Духовные способности — это способности духовного состояния, которое формируется как на основе духовных ценностей личности, так и на основе искушения отказа от долга следовать идее, вере, духовным ценностям.

Если сама способность мыслить есть свойство мозга, его особой организации, то мы можем сказать, что организация мозга во многом определяется состоянием (физиологическим и духовным), а следовательно, в разных состояниях мозг может представлять разные сущности. И поэтому духовное состояние определяет и иную сущность мозга, другие его функциональные (интеллектуальные) возможности позволяют по-иному мыслить.

Духовные способности и духовные состояния

Чем же характеризуется духовное состояние? Духовное состояние характеризуется расширением сознания, активным включением в процесс постижения истины подсознания, установлением коммуникативной связи сознания и подсознания и тем самым резким расширением информационной базы понимания проблемы, энергетической активизацией, переключением эмоций с режима блокирования информации на режим энергетической подпитки.

Духовное состояние характеризуется гармонизацией личности, устранением противоречий с окружающей средой или блокированием этих противоречий, сосредоточением на познаваемой проблеме, на постижении истины, внутренним равновесием, позитивным взглядом на жизнь, высокой концентрацией устремлений, усилением воли и ее контроля со стороны личности, «я».

Духовное состояние характеризуется переходом к образному мышлению, что, со своей стороны, способствует активизации информационного обмена с подсознанием, так как информация персонального подсознания хранится в образной и чувственной форме[1]. Образность помогает осмыслить ситуацию целостно, раскрыть новые отношения, посмотреть на старые на новом уровне интеграции.

Духовные состояния характеризуются высокой продуктивностью воображения, что, в свою очередь, расширяет информационную емкость нашего сознания.

В духовном состоянии слова и понятия могут переводиться в образы и чувства, способствуя этим включению процессов воображения.

Духовное состояние, как мы уже отмечали, одновременно является и мотивационным состоянием. Но в отличие от биологических мотиваций это будет духовная мотивация, порождаемая духовными ценностями личности. Важнейшей среди этих ценностей является вера: вера в бога, вера в идею, вера

---

[1] Информация подсознания складывается из совокупности архаичных содержаний памяти, из личной генной информации предков, а также из прижизненно полученной информации (*Примеч. В. Д. Шадрикова*).

в добро, вера в кумира, лидера, героя. Другой, не менее значимой детерминантой духовного состояния и духовной мотивации является любовь: любовь к богу, любовь к женщине, любовь к Отечеству. <...>

Так как духовное состояние способствует расширению информационной базы, подключает информационные ресурсы подсознания, то тем самым духовное состояние способствует продуктивности мышления.

Духовное состояние характеризуется чувством внутренней активности, единением духовных способностей и свойств, чувств и эмоций, единением умственных, нравственных, духовных качеств, стремлением к духовному прогрессу. К духовным стремлениям следует отнести: интеллектуальные, моральные и религиозные, а также добросовестность. Важную роль в определении духовного состояния играет чувство нравственного и умственного превосходства, чистоты или чувство вины.

В духовном состоянии — секрет творчества. Духовное состояние определяет отбор информации, характер ее обработки, установление отношений и характера обобщений. Духовное состояние повышает направленную проницательность ума индивида, выделяет те свойства объектов, которые позволят разрешить проблему, раскрыть истину.

Духовное состояние может возникать как в случаях практической жизни, так и в научном поиске, в искусстве. Духовное состояние воздействует на интеллект. Мы под этим понимаем «способность судить, размышлять и отвлекать, которая называется в практической жизни благоразумием, здравым смыслом, тактом, хитростью, умом, проницательностью, в искусстве — творчеством и вкусом, в науке — способностью открывать, обобщать и схватывать отношение» [Рибо Т., 1884]. <...>

Клиническое состояние характеризует фиксация на идее, односторонней направленности мышления и эмоциональной заряженности, сужение сознания. Эти признаки проявляются уже в случаях «сверхценной идеи» и прогрессируют в паранойяльных состояниях (*para* — около; *noos* — мысль, разум). Духовное состояние как бы противостоит клиническому состоянию. Оно, как мы уже отмечали, характеризуется расширени-

ем сознания, яркостью и ясностью отражения действительности, целостностью этого отражения, углубленным пониманием собственного «я», четкостью ориентировки в прошлом, настоящем и будущем, глубоким проникновением в ситуацию, уравновешенностью в отношениях, уверенностью в собственных силах, широтой и проницательностью мышления, позитивным настроением. <...>

Для дальнейшего рассмотрения духовных способностей остановимся на трех положениях.

Первые два сформулированы еще Уильямом Джемсом [1901]:

— худшее, что может сделать психолог, — это начать истолковывать природу личных сознаний, лишив их индивидуальной ценности. Мысли разъединены между собою барьером личности;

— мы нимало не объясняем природы мысли, устанавливая зависимость между физическим и психическим... Нужно проработать нескольким поколениям психологов, чтобы установить с надлежащей точностью гипотезу о зависимости душевных явлений от телесных.

Третье положение заключается в том, что ребенок, в отличие от животного, рождается с незавершенным формированием функциональных систем психологической деятельности. Становление головного мозга как функциональной системы осуществляется прижизненно, под влиянием внешней культурной среды. И можно сказать, что функциональные системы мозга изначально формируются как окультуренные.

Сопоставляя эти три положения, мы можем отметить, что способности человека изначально являются свойством окультуренной функциональной системы; что они не исчерпываются свойствами самой системы; что решающим моментом в их развитии является их детерминированность индивидуальными ценностями. Именно эти индивидуальные ценности и будут определять качественную специфику способностей, от них будет зависеть, что увидит и запомнит человек, какая мысль у него появится, какова будет природа личностных сознаний. Духовные способности определяются и регулируются духовными ценностями. Таким образом, проблема переводится в плоскость ценностей. Можно сказать: «Но это не разрешает

проблему, а только переводит ее в другую плоскость. Вместо одной проблемы появляется другая». Да, это так. Но, во-первых, мы видим, что такое духовные способности, а во-вторых, с ценностями разобраться легче. Мы можем сказать, что, если деятельность определяется верой или стремлением сделать благо, мы можем говорить о духовных способностях.

В свете сказанного духовные способности определяются прежде всего внутренним характером душевных состояний и чувством активности, проявляющимся в стремлении к активности в определенном направлении.

В узком понимании духовные способности связываются со стремлением искупить внутреннюю (греховную) природу души, стремлением к достижению ее безгрешной чистоты. В широком смысле духовные способности проявляются в создании произведений искусства, в которых осмысливается сущность и предназначение человека, его отношения в обществе и семье, осмысление социальной и духовной личности, своего «я» и «себя как личности». <...>

Духовные способности — это способности понять, оценить и изобразить других людей в своем творчестве. Духовные способности — это интегральное проявление интеллекта и духовности личности. В своем высшем проявлении духовные способности характеризуют гения...

Важнейшим личностным качеством, позволяющим проникнуть в духовный мир Другого человека, является эмпатия (от греч. *empatheia* — сопереживание). Различают эмоциональную, когнитивную и предикативную формы эмпатии. Психологические исследования показали, что индивидуальная способность к сопереживанию возрастает по мере накопления жизненного опыта.

Человек познает себя, свой духовный мир через другого человека, при этом духовно богатый человек познает другого лучше, чем тот самого себя. Для этого необходимо, чтобы духовно богатый человек вмещал в себя не только духовные качества познаваемого, но и нечто большее — противоположные ему качества. <...>

Духовность проявляется в том, что действительность познается не только рационально, но и эмоционально, через пе-

реживания. Для духовно богатого человека все значимо, все находит чувственный отклик.

Следует отметить, что полностью бездуховных людей нет и что духовность не находится в прямой связи со способностями и интеллектом. Духовным может быть и человек со средними способностями, а бездуховным может быть талант.

В. В. Знаков

ДУХОВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ[1]

Проблема духовности привлекла внимание многих крупных российских психологов, были напечатаны интересные книги и статьи. Однако вопрос о сходстве и различиях научно-психологического и богословского подходов к анализу проблемы духовности пока, по существу, остается без ясного ответа. Цель статьи — попытаться хотя бы частично ответить на поставленный вопрос.

Я полагаю, что многие трудности в решении проблемы будут устранены, если изначально признать, что религиозное и научное направления представляют собой два принципиально различных (хотя и неразрывно связанных) пути познания феномена духовности. Во-первых, это проявляется в поисках главных источников происхождения духа: наука их ищет в человеке (его сознании, созерцании, продуктах деятельности), а религия — в божественном откровении. У богослова нет сомнений в том, что духовность от Духа Святого, а у ученого-атеиста — от человека и человечества. Во-вторых, различия видны в неодинаковости понимания категории «знание» в науке и богословии.

Научное знание характеризуется прежде всего тем, что субъект, взаимодействуя с объектом, мысленно воспроизводя

---

[1] Статья в журнале: Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 104–114.

его, отражает характеристики объекта в своей психике. В рациональном научном знании вещи, явления, процессы представлены так, как они происходят сами по себе, в их самобытии, самосовершении, взаимодействиях с другими объективными вещами, явлениями, процессами. Научное познание объективного мира предметно, в его результате у субъекта возникают образы, имеющие сходство с самими познавательными объектами. Научное знание всегда представляет собой образ, модель познаваемого. Например, Я. А. Пономарев называл знание такой психической моделью, в которой отражаются все события, включенные в ход взаимодействия субъекта с объектом. Он писал: «Сам по себе термин "знание" избирательный, характеризующий лишь поверхность соответствующего ему явления, анализ сущности которого, как и во всех подобных случаях, может быть многоплановым. В гносеологическом аспекте такого анализа знания выступают как отображение, идеальное, как образы объективного мира в широком смысле, либо как чувственные образы, равносильно ощущениям, восприятиям, представлениям, либо как образы абстрактные, равносильные понятиям, суждениям, умозаключениям и т. п. В конкретно-научном, психологическом аспекте знания выступают как динамические мозговые модели предметов и явлений, их свойств, т. е. как элементы, составляющие психику [1967].

Однако следует заметить, что далеко не всякое научное знание, которым овладел субъект, имеет непосредственное отношение к его духовному Я...

В отличие от рационального научного иррациональное религиозное знание основано на вере, оно обладает двумя основными чертами, которые У. Джемс называл «эмоциональностью» и «интуитивностью». Как блестяще и убедительно показал Ф. Д. Шлейермахер [1994], религиозное знание не претендует на то, чтобы быть знанием в научном смысле слова. Для богословия «знание» оказывается неразрывно связанным с «верой» и «переживанием», потому что его интересует не природа вещей, а только воздействие этой природы на самобытный характер религиозного переживания человека. Как следует, например, из работ, посвященных анализу аскетиче-

ских и мистических аспектов православия, религиозные догматы представляют собой описания содержания самого переживания, а не теоретические истины об объектах, рассматриваемые вне отношения к ним субъекта. С позиции верующих к религиозному переживанию нелепо применять какие-либо критерии рациональности, потому что оно есть духовный процесс, возвышающийся над любыми интеллектуалистическими критериями объективности и субъективности. <...>

В многообразии современных подходов к проблеме можно выделить по меньшей мере четыре основных направления.

Первое направление — поиски корней духовности не столько в самом человеке, особенностях его личности и склонности к рефлексии, сколько в продуктах жизнедеятельности: объективации высших проявлений человеческого духа, творчества, в памятниках старины, произведениях науки и искусства. Духовность субъекта — результат его приобщения к общечеловеческим ценностям, духовной культуре, а дух — прежде всего категория культурологическая, мировоззренческая. С этой позиции дух представляет собой объективное явление, обязательно предполагающее, потенциально содержащее в себе активность субъекта, Активность направлена на опредмечивание идеи, формирование значений, определяющих семантическое поле культуры, духовный опыт человечества.

В социологии весомый вклад в подобное понимание духа внес М. Вебер [1990]. Он применял понятие «дух капитализма» для определения такого строя мышления людей, для которого характерно систематическое рациональное стремление к получению законной и этически безупречной прибыли в рамках своей профессии. Как известно, важнейшим положением христианства является вера человека в спасение души. В протестантской этике в качестве наилучшего средства для обретения внутренней уверенности в спасении рассматривается неутомимая деятельность субъекта в рамках своей профессии: она направлена на пользу общества, рациональное преобразование социального мироздания и потому угодна Богу, приумножает Его славу. Дух капитализма, его движущая сила отражаются в совокупности этических норм, которых придерживаются предприниматели и которые полезны с точки зрения

эффективного приращения денежных ресурсов. По М. Веберу, этические нормы «идеального типа» капиталистического предпринимателя не имеют ничего общего со склонностью к расточительству, показной роскошью, чванством, упоением властью. Характеру капиталистического предпринимателя свойственны скромность, ответственность, сознание хорошо исполняемого долга, честность.

В США одним из великих людей, преисполненных «капиталистическим духом» и проповедовавшим утилитарное обоснование этических норм, был Б. Франклин. В частности, он считал, что честность полезна, ибо она приносит кредит. Так же обстоит дело с аккуратностью, умеренностью, пунктуальностью: все эти качества именно потому и являются добродетелями, что в конце концов так или иначе приводят к выгоде в профессиональных делах. Он писал: «Я убедился наконец в том, что... правдивость, честность и искренность имеют громадное значение для счастья нашей жизни; с этого момента я решил воспитывать их в себе на протяжении всей жизни и решение это записал в свой дневник. Откровение как таковое не имело для меня решающего значения; я полагал: хотя определенные поступки не являются дурными только потому, что они запрещены учением, или хорошими потому, что они им предписаны, однако, принимая во внимание все обстоятельства, вполне вероятно, что одни поступки запрещаются именно потому, что они по своей природе вредны, другие предписаны именно потому, что они благотворны» (цит. по: Вебер М., 1990).

Таким образом, важным источником духовности субъекта являются этические нормы, на которые он ориентируется в повседневной жизни (в том числе обусловленные не только его представлением о должном, нравственном отношении к другому человеку, но и практическими, утилитарными соображениями). В этических, эстетических, юридических и прочих нормах закреплены высшие образцы человеческой культуры. И если субъект усваивает, переживает их как внутренне обязательные образцы поведения, то он приобщается к высшим духовным ценностям бытия. Духовное богатство человека возрастает, когда закрепленные в общественных нормах ду-

ховные ценности становятся неотъемлемой частью его духовного мира, субъективной реальности.

Нормы и образцы поведения зафиксированы в языковых значениях, происхождение и структура которых давно интересовали лингвистов, философов, культурологов, психологов. В отечественной психологии идеи, связанные с формированием значений как семантического основания культуры, духовного опыта человечества, развивал А. Н. Леонтьев. В наше время конкретно-научный анализ результатов объективации значений в общественном сознании осуществляет В. Ф. Петренко с сотрудниками [1997]. На основании их исследований можно сказать, что духовность человека, каждого члена общества, порождается в процессе усвоения им значений, объективированных в общественном сознании, и выявления «скрытых» за значениями смыслов. С психологической точки зрения духовное Я понимающего мир субъекта формируется именно в процессах смыслообразования — порождения им как смысла конкретных социальных событий и ситуаций, так и смысла жизни в целом. Следовательно, истоки духовности человека надо искать не в значениях, а за ними — в глубинном смысле поступков людей, исторических событий, эпохи и т. п.

Характер процессов смыслообразования, ведущих к порождению духовного, в значительной степени зависит от духовных способностей человека. Есть основания считать, что важными компонентами духовных способностей являются не только направленность и ценностно-смысловая организация личности, но и ее компетентность. Компетентность проявляется в способности человека приобретать новые знания и умения, справляться с задачами, существенными либо для его профессиональной деятельности, либо в целом для бытия. Компетентность отражает общий уровень интеллектуального, нравственного и эстетического развития личности, включающий опыт порождения смыслов культурно-исторического наследия различных эпох. <...>

Второе направление исследований — изучение ситуативных и личностных факторов, способствующих возникновению у человека духовных состояний. Духовное состояние — это психологический феномен, характеризующийся тем, что че-

ловек временно «не замечает» внешнего мира, не ощущает своих органических функций, своей телесности, а сосредоточивается на осмыслении и переживании духовных ценностей, т. е. познавательных, этических или эстетических аспектов человеческого бытия. Условно говоря, духовные состояния противостоят материальной природе человека и мира: к вершинам духовного бытия субъект поднимается в редкие моменты интеллектуальных озарений и разрешения нравственно трудных этических конфликтов. В такие моменты в его личностном знании, индивидуальном опыте саморазвития появляется нечто большее, чем «приземленный» образ, модель внешних событий: возникает их внутренний смысл — психологическая основа формирования духовной сущности того, что стало предметом интеллектуальной и нравственной рефлексии субъекта.

Как показал В. А. Пономаренко, возникновению духовных состояний способствуют особые условия профессиональной деятельности, связанные с угрозой для жизни [1997]. Вот, например, как летчик-испытатель В. Е. Овчаров отвечает на вопрос о том, верит ли он в то, что Дух поддерживал крылья его самолета: «Думаю, что да. Но не некий абстрактный “Дух святой”, а духовность в смысле высокой ответственности перед людьми и обществом, приподнятость духа выше нормативного в обществе благородства». Из самонаблюдений летчиков следует, что, несмотря на широкий спектр интерпретаций понятия духа, они связывали его с психологической защитой от состояния ожидания гибели, подспудного страха, угрозы психического истощения. Духовный слой рефлексивного сознания «в виде радости преодоления возвышенных чувств от удачно выполненного полета, приобщения к Пространству как фактору преддверия Духа, видимо, и создает ту духовную доминанту, которая удерживает “в подвалах” подсознания видовые защитные реакции и инстинкты самосохранения, предчувствий, навязчивых состояний, суеверий, фиксированных фобий и пр. Поэтому, если дух “приземлить”, то его можно представить как психическое состояние, формирующее резерв выносливости в опасной профессии» [Пономаренко В. А., 1997].

В психологии анализ духовных состояний неразрывно связан с поисками корней духовности в нерефлексируемых глубинах бессознательного Я человека. По мнению В. Франкла, «человеческая духовность не просто неосознанна, а неизбежно бессознательна. Действительно, дух оказывается нерефлектирующим сам себя, так как его ослепляет любое самонаблюдение, пытающееся схватить его в его зарождении, в его источнике» [1990].

От З. Фрейда и К. Юнга к современным психологам перешло представление о том, что «психическая жизнь по большей части бессознательна, охватывает сознание со всех сторон» [Юнг К., 1991]. Естественно, что важным направлением поиска корней духовности являются попытки анализа взаимодействия вершин самосознания субъекта и глубинных слоев его психики (личностного бессознательного и архетипов коллективного бессознательного). Неудивительно, что в качестве одного из эмпирических методов постижения духовности предлагается диалог человека с сокровенными глубинами своей души, устремляющий его к добру, совершенствованию и способствующий тому, чтобы в земных созданиях услышать голос вечности.

В рамках третьего направления духовность рассматривается как принцип саморазвития и самореализации человека, обращения к высшим ценностным инстанциям конструирования личности. Развитие и самореализация духовного Я субъекта начинается тогда, когда он осознает необходимость определения для себя того, как он конкретно должен понимать общечеловеческие духовные ценности — истину, добро, красоту. Появление у человека хотя бы приблизительного осознанного представления о последних свидетельствует не только о признании субъективной значимости духовных ценностей (соответственно интеллектуальных, этических и эстетических), но и о психологической готовности к их усвоению и формированию.

Мотивационной основой психологической готовности являются духовные влечения субъекта. Духовными влечениями К. Ясперс называл «стремление к постижению определенного состояния бытия и к посвящению себя этому состоянию, проявляющемуся в ценностях — религиозных, эстетических,

этических или относящихся к воззрениям субъекта на истину, — переживаемых как абсолютные» [1997]. Духовные влечения отражают сложную психическую реальность, существование фундаментального переживания, «проистекающего из преданности человека духовным ценностям; это инстинктивная тоска по ним, когда их не хватает, и ни с чем не сравнимое наслаждение от ее удовлетворения» (там же).

Важнейший момент формирования и развития духовных ценностей в нравственно-рефлексивном сознании познающего и понимающего мир субъекта — появление у него чувства «внутренней, личностной свободы», «свободы как духовного состояния, самоощущения человека». Развитие духовности как самореализации личности невозможно без чувства свободы. «Духовность — это способность переводить универсум внешнего бытия во внутреннюю вселенную личности на этической основе, способность создавать тот внутренний мир, благодаря которому реализуется себе-тождественность человека, его свобода от жесткой зависимости перед постоянно меняющимися ситуациями» [Крымский С. Б., 1992].

Духовное состояние личностной свободы возникает у человека при осознании им наличия внешних возможностей выбора и сформированной внутренней готовности осуществить этот выбор. Однако этого недостаточно: мы практически никогда не совершаем поступков на основе механического перебора альтернатив. Мы включаем их в контекст личностного знания и смыслообразования, создаем новые смысловые отношения, т. е. творчески преобразуем и понимаем ситуацию выбора. В этом и заключается суть личностной свободы. В диалогическом общении она проявляется в «альтернативном мышлении» собеседников — в осознании каждым из них, что возможны и допустимы принципиально различные интерпретации одних и тех же высказываний. <...>

Четвертое, религиозное направление (исторически оно является первым) имеет четко заданные границы: в нем духовное выступает только как божественное откровение: Бог есть дух. А жизнь духовная — это жизнь с Богом и в Боге.

Продуктивная попытка изложения основ психологии как такой науки о духе, которая направлена на поиски выхода из

противоположности материалистически и идеалистически ориентированных психологических систем, представлена в работах С. Л. Франка. В его философской психологии развивается удивительно созвучное современной науке положение о неразрывном единстве субъективного и объективного, человека и мира. Он писал: «При анализе предметного сознания мы видели также, что субъективное единство нашей душевной жизни есть среда, в которой встречаются или соприкасаются две объективные бесконечности — бесконечность познающего разума или духа и бесконечность предметного бытия. Это дает возможность заранее сказать, что духовая жизнь, будучи жизнью «души» в духе, укорененностью субъективного единства нашего «я» в глубинах надындивидуального света, есть вместе с тем жизнь души в предметном бытии, некоторая органичная слитность ее с миром объектов» [1997].

В наше время традиции христианской психологии продолжаются в работах Б. С. Братуся. В частности, он анализирует четыре ступени развития личности и так описывает высшую, просоциальную, гуманистическую ступень: «Ее можно назвать духовной или эсхатологической. На этой ступени человек начинает осознавать и смотреть на себя и другого не как на конечные и смертные существа, но как на существа особого рода, связанные, подобные, соотносимые с духовным миром. Как на существа, жизнь которых не кончается вместе с концом жизни земной. Иными словами, — это уровень, в рамках которого решаются субъективные отношения человека с Богом, устанавливается личная формула связи с Ним. Если говорить о христианской традиции, то субъект приходит здесь к пониманию человека как образа и подобия Божия, поэтому другой человек приобретает в его глазах не только гуманистическую, разумную, общечеловеческую, но и особую сакральную, божественную ценность» [1994].

Несмотря на, казалось бы, ограниченные религиозными догматами рамки этого подхода к изучению духовности, идеи, содержащиеся во многих богословских трудах и работах по психологии религии, дают богатую пищу для размышлений не только религиозным людям, но и неверующим.

Возьмем, например, идущий от учения Григория Паламы тезис о том, что действие благодати, божественное откровение никогда не бывает спонтанным, «автоматическим». Оно всегда осуществляется через синергическое взаимодействие со встречными усилиями (молитвой) самого человека, направленными на соединение с Богом. Согласно догматической теории синергизма, человек должен сам добрыми делами соучаствовать в своем спасении и способствовать нисхождению на него божественной благодати. Палама учит, что Бог абсолютно недоступен, трансцендентен для нас по своей сущности, но сообщается человеку через его действия, проявляется в энергиях. Энергии Бога — послания Святого Духа — обращены к миру и потому доступны человеческому восприятию.

Очевидно, что содержание этого тезиса явно перекликается с размышлениями современных психологов о познавательной и созерцательной активности человека как субъекта бытия. В современной психологии субъекта проблема активности является, пожалуй, тем центром, вокруг которого ведутся жаркие споры о специфике субъектных проявлений личности и индивидуальности. Читая сегодня Паламу, психологу нельзя не вспомнить и о представлениях П. Жане о психологической природе действия и существовании психической энергии.

Другая продуктивная аналогия — религиозное учение о трансцендентном Я, «внутреннем человеке». Как и те психологи, которые ведут поиски духовности в нерефлексируемых глубинах бессознательного Я, теологи подчеркивают важную роль в порождении духовности направленности сознания верующего в глубины собственного Я, обращение к «внутреннему человеку» [Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)]. И психологи и теологи нацелены на исследование эволюции внутренней жизни человека. Исходной точкой научного анализа оказываются глубины бессознательного, в которых еще нет ни субъекта, ни объекта, нет различения между Я и не-Я, а есть лишь бесформенная общность психической жизни. Затем через выделение содержаний предметного сознания из душевной жизни происходит восхождение к высшему духовному состоянию. В нем противостояние субъекта и объекта, Я и не-Я, внутреннего и внешнего бытия уже видоизменяется. И субъект начинает

осознавать свое духовное Я как возвышение над противоположностью между субъектом и объектом, с одной стороны, и между разными субъектами — с другой.

Итак, проблема духовности занимает существенное место как в психологии, так и в теологии. Верующие и неверующие ученые решительным образом расходятся лишь в одном пункте — в вопросе о первоисточнике духовного (Бог или человек). В остальном светские психологические и богословские труды удивительно сходны: основным предметом внимания их авторов являются особенности внутреннего мира человека, его самосознания и субъективных путей восхождения к духовным вершинам бытия. За двухтысячелетнюю историю существования христианства лучшие умы человечества не смогли представить убедительных доказательств ни существования Бога, ни его отсутствия. Одни люди верят в это, другие — нет. И хотя я принадлежу ко второй категории, тем не менее считаю, что единственный конструктивный путь изучения проблемы духовности человека — не конфронтация, а и взаимное дополнение результатов поисков и размышлений светских ученых и богословов.

В. А. Петровский

ИДЕЯ СВОБОДНОЙ ПРИЧИННОСТИ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ[1]

Идея «свободной причинности» (т. е. возможности самопроизвольно начинать причинно-следственный ряд) по своему историческому «возрасту» ровесница самой философии, в которой она с такой настойчивостью и страстностью отстаивала себя. Независимо от того, склонялись ли философы к признанию свободы или объявляли ее иллюзией, постулировали ли ее существование или выводили, «ощущали» ли ее как данность или видели в ней идеал, — будет справедливым сказать,

[1] *Петровский В. А.* Личность в психологии: парадигма субъективности. Ростов н/Д: Феникс, 1996. С. 269–281.

что идея «свободной причинности» неизменно само осуществляется в философии; присутствие этой идеи в пространстве и времени философской культуры давно уже приобрело, — и здесь мы воспользуемся термином Хайдеггера — необходимый характер.

Соответствует ли философской идее «свободной причинности» нечто реальное в психологии? Оправдан ли пессимизм И. Канта, считавшего возможность свободной причинности недоказуемой (однако принимавшего эту возможность как необходимое условие разрешения противоречий чистого разума)? Верно ли, что природа «свободной причинности» психологически непознаваема? Словом, оправдано ли привнесение этой идеи из философии в психологию, и в чем смысл подобного действия (причем не только для психологии, но и для философии)?

Обсуждая эти вопросы, мы опираемся на учение Аристотеля о четырех причинах, концепцию «свободной причины» И. Канта, гегелевскую интерпретацию causa sui, концепцию «длительности» А. Бергсона и др.; мы используем также психологические разработки (в частности, выполненные самим автором), которые представлены здесь академическим и практическим направлениями; наконец, мы исходим из определенной модели соотношения философского и психологического знания.

Рассмотрим подробнее философские и психологические аспекты проблемы, а также пути их искомого синтеза.

Тезаурус

Согласно Аристотелю, «причиной называется 1) то содержимое вещи, из чего она возникает; например, медь — причина изваяния и серебро — причина чаши, а также их роды суть причины; 2) форма или первообраз, а это есть определение сути бытия вещи, а также роды формы или первообраза (например, для октавы — отношение двух к одному и число вообще) и составные части определения; 3) то, откуда берет первое свое начало изменение или переход в состояние покоя; например, советчик есть причина и отец — причина ребенка, и вооб-

ще производящее есть причина производимого, и изменяющее — причина изменяющегося; 4) цель, то есть то, ради чего, например, цель гуляния — здоровье». (Аристотель, М., 1971, т.1, 146). Причина 1 есть «материальная причина»; 2 — «формальная причина»; 3 — «действующая причина»; 4 — «целевая причина». Важное для нас замечание Аристотеля состоит в том, что «есть причины по отношению друг к другу (так, занятие трудом — причина хорошего самочувствия, а оно — причина занятия трудом, но не в одном и том же смысле, а одно — как цель, другое — как начало движения» («Хорошее самочувствие — цель, а занятие трудом — начало движения», — комментирует слова Аристотеля В. Ф. Асмус). Таким образом, уже здесь мы встречаем предпосылки идеи «возвращения причины к самой себе», — ключевой для развиваемой нами трактовки «свободной причинности». Общее определение причины и отчетливо сформулированную дефиницию свободы мы находим у И. Канта. Причина определяется им как «условие того, что случается», а гипотетическое начало причинного ряда, полагаемое существующим, есть свобода — «безусловная причинность причины в явлении». Свободная причина была «локализована» автором «Критики чистого разума» за пределами возможного опыта — области трансцендентального. [Путь искомого обоснования мы встречаем в гегелевском очерке «Преобразования необходимости в свободу»; связь между причиной и действием в своей истине, отмечает автор «Науки логики», предполагает возвращение причины к себе (через то, что выступает как ее действие и благодаря чему «в изначальность полагается действие, т. е. изначальность снимается; действие причины становится реакцией»).] Итак, причина как бы возвращается к себе, выявляет свою зависимость от себя самой — в конечном счете, определяет себя сама. Но ведь это и есть проявление того, что наша интуиция именует «свободой»!

Мы видим, таким образом, что обнаруживается совершенно особая перспектива осмыслить причину, открывающую причинный ряд: это допустить возможность «самоопределения» (= «самоосвобождения») причины, возможность возврата ее к себе самой. Рождающуюся таким образом причину, свобод-

ную в том отношении, что она сама определяет себя через свое возвращающееся к ней самой действие, будем в дальнейшем так и называть — causa sui («причина себя») (используя этот термин именно в указанном смысле).

Теперь, после того как намечен (конечно, не более чем намечен!) понятийный аппарат продвижения в глубь нашей проблемы, мы можем поставить вопрос о способах психологической интерпретации идеи causa sui.

Causa sui[1] как психологическая реальность

Философия свободной причинности по отношению к психологии напоминает нам алгебраическое уравнение, характер которого предполагает четыре возможных решения — четыре «корня» в ответ на вопрос о психологической природе causa sui. Согласно принятым нами условиям, «корни» решения должны отвечать четырем аристотелевским причинам, и каждая — в сочетании с другими — должна обнаружить в себе возможность самовозврата, придающего ей значение «свободной причины».

Искомое решение может быть в области психологии Я. Последнее же мы рассматриваем как единомножие четырех ипостасей: «Имманентного Я», «Идеального Я», «Трансцендентального Я» и «Трансфинитного Я». Каждая из названных ипостасей реализует в себе, согласно нашему предположению, одну из четырех аристотелевских причин, и, вместе с тем, каждая могла бы быть возведена в ранг causa sui.

Имманентное[2] Я

Ему соответствует causa sui в значении «материальной причины». «Неуловимая», по всеобщему мнению, материя Я как бы соткана из мгновенных состояний Я, непрестанно обновляющихся во времени и в этой подвижности содержащих в себе

---

[1] Causa cui (лат) — причина самого себя (т. е. первопричина).

[2] Имманентный — внутренне присущий какому-либо предмету, явлению, проистекающий из его природы.

нечто общее, — «претерпевающее», что рефлексируется в последующие моменты как Самость (строго говоря, Самость и есть то, что мысль признает в себе претерпевающим изменение). Имманентное Я существует, таким образом, в настоящем пространстве и времени. Динамика неизменного и неизменность в динамике, свойственные Имманентному Я, со всей отчетливостью выражены Б. Пастернаком: «И нужно ни единой долькой не отступаться от лица, но быть живым, живым и только, живым и только — до конца». Имманентное Я есть Я становящееся, заключающее в себе «единство возникновения и прохождения» (в терминах гегелевской философии). Имманентное Я «принадлежит», таким образом, парадоксальной реальности «Вот-сейчас-бытия» — реальности, на которой, безусловно, держится мир и которая никогда, как таковая, не дана нам в своей непосредственности. Ощущение парадоксальности усиливается, если заметить, что «вот-сейчас-бытие» заключает в себе образы Прошлого и Будущего (и даже Настоящего), и, таким образом, последние даны нам в чем-то таком, что нам не дано, существуют в несуществующем! Выход из этого парадоксального положения заключается в том, чтобы допустить существование чего-то, что могло бы заключать в себе несуществующее, давая ему возможность быть. Такое искомое существует в «природе», и точное его имя — «переживание» (к чему мы еще вернемся). Однако Имманентное Я в момент своего рождения еще не переживается, и в той же мере — не выступает в виде какого-либо образа или мысли. Свойственная нашему сознанию привычка «целеосмысления» всего происходящего (выражающая «постулат сообразности». — Петровский В. А., 1975) применительно к Имманентному Я также должна быть отброшена. Имманентное Я полнится импульсами, интуициями, помыслами и предчувствиями, но прежде чем проявиться, они должны будут как бы объясниться друг с другом в некоей точке пространства и времени (в точке этой сейчас мы «застаем» Имманентное Я), — а до этого акта всегда имплицитного синтеза нет ни импульсов, ни интуиции, ни помыслов, ни предчувствий. Вот почему имманентное Я есть столь же и сокровенное Я человека. В истории психологии возникали понятия, выражающие, по крайней

мере частично, существо Имманентного Я (или отдельные его «изменения»). Это такие понятия, как «детерминирующая тенденция» (Н. Ах), «порыв» (А. Бергсон), «поток сознания» (У. Джемс), «промежуточные переменные» (Э. Толмен), «настроение» (В. Басов), «схема» (У. Найсер) и др. Пожалуй, наиболее интересна для нас в качестве обобщающей, категория первичной установки Д. Н. Узнадзе, но она, к сожалению, по сей день остается заслоненной телеологизмом прилежного изучения феноменов «фиксированной установки» (в связи с чем, наряду с термином «первичная установка», мы будем использовать также термин “интенция”, подчеркивая, впрочем, что речь здесь о внецелевых интенциях индивидуума). То общее, что роднит все отмеченные выше понятия, включая «первичную установку», — это детерминирующая роль неуловимого «здесь-и-теперь». Такую форму причинности мы называем синхронической; мгновенные состояния Я, внутреннее устройство которых определяется действием синхронической причинности (осуществляющей синтез импульсов, интуиций, помыслов, предчувствий), воссоединяются во времени, или, как говорил А. Бергсон, проникают друг друга, что и образует диахронический материал Я. Таким образом, движущая волна новизны, обусловленная действием синхронической причинности, диахронически выявляет устойчивость Я в процессе его постоянного самообновления.

Идеальное Я

Ему соответствует causa sui в значении «формальной причины». Идеальное Я образует представления человека о самом себе. Представляя себя тем или иным образом, человек конструирует свой собственный образ в идеальном пространстве и времени, и в этом смысле всегда имеет дело с самим собой как существующим в возможности (даже тогда, когда он конструирует образ себя в настоящем). Таков взгляд человека на свое физическое Я (экспериментальные исследования показывают, насколько зависим образ собственного физического Я от установок личности); здесь же содержится и образ себя как субъекта самонаблюдения (вспомним о Лопатинском «внут-

реннем человечке»); в Идеальном Я конструируется также образ себя как мыслящего («мыслящая вещь» Декарта); и, наконец, Идеальному Я принадлежат образы того, как человек переживает себя, — возможность длить свое бытие, воспринимать, мыслить, чувствовать. Детерминизм возможным — подлинный источник целеполагания (в нашей трактовке «цель» есть образ возможного как прообраз действительного. — Петровский В. А., 1992). В исследованиях, специально посвященных этому вопросу, мы показывали, что в деятельности человека порождаются избыточные возможности действования (целевые перспективы, выходящие за границы первоначально поставленных частных целей). Новоприобретенные возможности отягощены внутренним ограничением, заключающимся в том, что это пока еще только возможности (граница здесь положена самой идеальностью их); но, становясь предметом рефлексии, они приобретают силу побуждать активность («мотив границы»). Психологической категорией, отвечающей детерминизму возможным как таковым, является надситуативная активность (Петровский В. А., 1975, 1977).

Трансцендентальное Я

Ему соответствует causa sui в значении «действующей причины». Таково наше мыслящее — вненаходимое и вне-временное — Я. Вне-находимость означает, что нечто находится (нахождение как процесс и результат обнаружения) там, где его, как такового, никогда не было; вне-временность — значит, что оно временно находится там, где мы его находим. Трансцендентальное Я, таким образом, существует в условном пространстве и времени. Мысль переживается сразу как что-то иное, чем переживание; воспринимается сразу как что-то иное, чем восприятие; и — будучи высказанной, означает что-то совсем иное, чем само высказывание («Мысль изреченная есть ложь» — Тютчев). Вюрцбуржцы и их последователи после открытия без-образности мысли не пошли дальше (а переживаема ли мысль? А вербализуема ли? А установочна ли?). Мысль как таковая не существует «где-то» (попытку буквально поместить-подвесить мысль в реальном пространстве мы

встречаем в работах В. В. Налимова). По отношению к значению чувственных предметов справедлива формула: «значения — сверхчувственны». Но что значения суть, как не кристаллизации мысли? Мысль — есть, когда ее замечают. Но ее замечают, когда она уже есть. Мысль не существует «до», но она и не рождается «в ходе» (в рефлексии мы схватываем ее как уже родившуюся). Хотя Мысль как таковая вне-находима и вневременна, ее чувственная запись — своего рода письменное послание нам — существует в пространстве и времени. Скрытая работа мысли по преодолению границ не означает, что «кто-то» (представление о «мыслящем») «производит» мысль. Когда мы утверждаем, что, осмысливая свои границы, индивидуум неизбежно порывает с ними и что в этом проявляется скрытая работа его мысли, мы вовсе не хотим сказать этим, что «кто-то» в нем как бы подталкивает его к этому. «Мыслящий» есть чувственная метафора самой мысли о мысли. Парадокс, однако, состоит в том, что представление о некоем субъекте, который, так сказать, «производит» мысль, при всей его, казалось бы, неадекватности существу происходящего, рождается не без участия самой мысли. Таким образом, она как бы удостоверяет свое собственное рождение (свидетельство о рождении, как известно, выдается уже после рождения, хотя дата, отмеченная на нем, совпадает с моментом рождения). «Я мыслю» (когито) означает, что мысль сама выдвигает представление о мыслимом и мыслящем, сама производит эти представления без какого-либо мысли-производителя инкогнито. Представление о тайном «поставщике» мысли есть чувственный след и знак мысли, появляющиеся на свет в ходе самого мышления, — спутник мысли, которого нередко ошибочно принимают за поводыря. Правда, спутник этот нередко вырывается вперед, как бы показывая мысли, потаенно зная, кто тут ведет. Подлинным основанием мысли, ее источником, является сама мысль: без мысли о мысли есть, может быть, все, о чем мы готовы подумать: наши ощущения и чувства, образы восприятия и памяти, наши фантазии, импульсы к действованию — нет лишь самой мысли (она возникает только тогда, когда мысль мыслит себя — «думу думает»...). Мысль, мыслящая себя, и есть — трансцендентальное Я. Именно оно ведет

в за-пределье, будучи действующей причиной в составе causa sui. Осваиваясь в границах возможного, мысль с необходимостью трансцендирует их, или, что то же самое, постигая конечность, посягает на то, чтобы с нею покончить. Действие мысли заключается, таким образом, в том, чтобы раскрывать перспективу быть, по словам Гегеля, у себя, сохранять себя при себе где бы то ни было, — виртуальную (тут же воплощаемую) возможность всеохватного присутствия в мире. Но это становится достижимым лишь на ступени целевого состояния. Психологическим эквивалентом философской трактовки мысли явилась бы категория собственно мысли, психологически еще, увы, не осмысленная.

Трансфинитное[1] Я

Ему соответствует causa sui в значении «целевой причины» — таково переживание безграничности своего существования в мире. Опираясь на представления Г. Кантора, трансфинитность вообще можно определить как присутствие актуально-бесконечного в создании (Петровский В. А., 1995). В данном случае речь идет о полноте «присутствия» (М. Хайдеггер) человека в мире. Это — переживание его сопринадлежности вечному (всегда-бытие), — «Зачем считать меня? Я был и есть и буду,// жизнь — чудо из чудес, и на ладони чуду // один, как сирота, я сам себя кладу...» — (Арс. Тарковский), переживание сквозь-пространственности (везде-бытие), переживание беспредельности наслаждения, любви, истины. Специфика мира переживаний состоит в том, что именно в нем существует несуществующее, обретает себе немыслимое. За этот счет, например, только в переживании истинно существует геометрия невозможного (психологически, кстати сказать, совершенно не освоенная), объекты парадоксального знания. «Немыслимость» не-существования мысли в любой точке пространства и времени — также переживание, благодаря чему не столько переживания существуют в пространстве и времени, сколько эти последние существуют для нас в наших переживаниях; переживания как бы обнимают собой мир. В отличие от мысли

---

[1] Трансфинитный — находящийся за пределами конечного.

как таковой, потенциально соотносимой с любой точкой пространства и времени и удостоверяющей себя в этом посредством «свободного выбора», переживание совершенно свободно от бремени выбора. Философия переживания — это философия не-выбора (зачем выбирать, если весь мир — мой, если альтернативы суть знаки друг друга?). Мысль, ставшая переживанием, не выбирает, где и когда ей быть, а просто есть в каждой точке пространства и времени. Переживания, таким образом, образуют совершенное пространство и время; в нем-то и пребывает наше Трансфинитное Я. Основу трансфинитности переживаний образует безусловность для нас того, что есть, или, иначе говоря, — невозможность существования иного по отношению к данному (отрицание самой возможности отрицания того, что дано, переживается в этом случае как бесконечность явленного, как полнота его бытия). Актуальная бесконечность — пленительна и капризна. Она существует вспышками, открывается на мгновение. Будучи дана разом, она открывается лишь на раз. В этом, как мы отмечаем, оборотная сторона актуальности открывшегося; переживания оплачивают своей скоротечностью вечность, живущую в них. Трансфинитное Я, как переживание актуальности бесконечного, сбрасывает последнее в небытие, превращаясь в актуально-конечное Я, освобожденное (или еще свободное) от переживаний, мыслей и образов, но впоследствии с необходимостью воплощающееся в них. И, таким образом, круг causa sui оказывается замкнутым. Психологическая трактовка Трансфинитного Я, как видим, предполагает существенное развитие вундтовской категории переживания.

Causasui в проектировании

Выдвигая положение о том, что Имманентное Я, Идеальное Я, Трансцендентальное Я и Трансфинитное Я суть психологические «корни» решения философского уравнения о causa sui, мы с самого начала рассматривали их в качестве возможных формообразований свободной причинности. Но существует ли, или, точнее, может ли быть проложен путь превращения этой возможности в действительность?

Заметим, что последовательно проводимая эмпирическая точка зрения ведет к отрицанию свободы. Устами своего героя Б. Скиннер в книге «Walden Two» выражает эту мысль так: «С помощью тщательной научной разработки мы управляем не итоговым поведением, а намерением вести себя — мотивами, желаниями, склонностями. Любопытно, что в этом случае никогда не возникает вопроса о свободе» (разрядки Скиннера). Заметим, впрочем, в тени здесь остается вопрос о происхождении самих управляющих импульсов (кто или что управляет ими, уж не лучи ли?)

Практическая же психология, в лице авторитетных ее представителей, постулирует свободу. Приведем всего только две выдержки. Вернер Эдхард: «Ты Бог в своем универсуме. Ты есть причина. Ты притворяешься, что ты не причина, чтобы играть. И ты можешь вспомнить, что ты есть причина, в любой момент, когда захочешь...» Вильям Шутц: «Я (универсальное я) выбираю всю свою жизнь и всегда выбирал. Я выбираю свое поведение, свои чувства, свои мысли, свои болезни, свое тело, свои реакции, свою спонтанность, свою смерть» (Цит. по: Шутц В.). Постулирование свободы, впрочем, для этих психологов есть результат рефлексии их действования в мире, производная от их личного опыта. Каким же образом могло утвердиться подобное мировоззрение (мироощущение, миродействие)? Кроме того, какими могли бы быть условия выращивания подобного же у других людей? В этом пункте мы сталкиваемся с необходимостью соотнести внеэмпирический и эмпирический моменты.

Будущая трансфинитная психология — это психология синтеза опытной и внеопытной форм познания-ведения мира, взаимоопосредствования трансцендентального и эмпирического. В этом контексте действительность свободной причины заключается для нас в самой идее Я как causa sui, единящей в себе Имманентное Я, Идеальное Я, Транцендентальное Я и Трансфинитное Я. Осмысление этих граней Я в качестве «причины себя» предполагает, в свою очередь, что каждая из них отражается в каждой другой и через свою отраженность возвращается к самой себе (выступая, таким образом, в своей самообусловленности). <...>

Личность как развивающаяся целостность

Теперь мы можем еще раз вернуться к вопросу о том, что составляет психологическое содержание целеполагания, свободы, целостности, развития — как атрибутивных характеристик личности человека.

Целеполагание. Основу целеполагания составляет процесс познания человеком спонтанно складывающихся в ходе его действия образов возможного будущего. «Образ возможного» как бы заряжен движением и в определенных условиях переходит в действие; в момент этого превращения «образ возможного» выступает как цель — совершается акт целеполагания. В субъективном плане «образ возможного» дан человеку в переживании «Я могу»; именно это переживание непосредственно переходит в действие в случае, если отсутствует сопоставимое по силе противодействие со стороны «нельзя», «должен», «боюсь» и т. п.

Свобода. Таков совершенно особый акт целеполагания, когда целью человека становится полагание себя как причины изменений, привносимых в мир. Целеполагание здесь выступает как самополагание человека. Существуют такие формы активности, в которых момент свободы выступает явственно, — это проявления активной неадаптивности человека: предпочтение действий с непредрешенным исходом, мотивационную основу которых образует сама непредрешенность (например, в актах неадаптивного риска человек остро переживает свою причинность по отношению к возможному действию; «острые ощущения» — это острота самопереживания человека в момент выбора и самого действия). Активно выходя в область непредрешенного, человек принимает на себя ответственность за исход, проявляя тем самым свою «причинность в качестве субъекта действия (свое авторство); соотнося задуманное и осуществленное, человек устанавливает состоятельность своего бытия как субъекта; в актах подобного соотнесения рождается его рефлексивное Я». («Я в себе и для себя» и «Я в другом и для другого»).

Целостность. Она — в переживании самотождественности человека, когда он выходит за границы предустановленного.

Единство между различными гранями бытия человека достигается тем, что в актах самотрансцендентности он свободен от диктата особенных потребностей своих, которые могут противостоять друг другу; выходя за границы изведанного и предрешенного, он как бы оказывается на «ничьей земле», которая со временем становится достоянием всех.

Развитие. Становится яснее ответ на шокирующий вопрос: «Развивается ли личность?» (Г. П. Щедровицкий). (Развитие есть самодвижение; если мысленно отбросить активные действия другого, то феномен развития человека становится необъяснимым; следовательно, должна быть признана активность «другого» как органически включенная в процесс развития первого; но в этом случае сомнительной представляется идея самодвижения развивающейся личности и, следовательно, самой возможности ее развития.) Ответ состоит в том, что человек имеет свое бытие в другом человеке — «инобытийствует» в нем — и через свою идеальную представленность и продолженность в другом человеке развивается как личность. Развитие, таким образом, совершается «во внутреннем пространстве личности», но это — пространство его связей с другими людьми (интер-индивидное, а не интра-индивидное «пространство жизни»). Осознавая себя в другом, как бы возвращаясь к себе, человек никогда не может добиться тождества с самим собой, отраженное его Я не совпадает с Я-действующим. В то время как активно-неадаптивные действия (Я-действующее строятся без прототипа и открыты пока неизвестному будущему, в воспроизведениях своих (отраженное Я) они достраивают себя до степени завершенности и тем самым «теряют» себя в них, противоречат себе; сущностное в личности человека (быть первопричиной активности) вступает в противоречие с существованием (быть отраженным в других людях и в себе самом). Субъективно это противоречие переживается как сомнение в подлинности себя в качестве причины, что побуждает к поиску новых возможностей самопознания — новых актов свободы. В этом порождении себя как субъекта, отражении, и — вновь — порождении совершается развитие личности — самодвижение человека как субъекта активности.

ЛИТЕРАТУРА

Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания, 1977.

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.

Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: В 2 т. М.: Педагогика, 1980.

Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 1997.

Асмолов А. Г. Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та., 1990.

Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. М., Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1990.

Бехтерев В. М. Объективная психология. М., 1991.

Бехтерев В. М. Проблемы развития и воспитания человека. М., 1997.

Бодалев А. А., Рыбалко Е. Ф. Б. Г. Ананьев — первооткрыватель и исследователеь сложнейших проблем психологии // Психологический журнал. Т. 18. № 6. 1997.

Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.

Братусь Б. С. Аномалии личности. М., 1988.

Брушлинский А. В. С. Л. Рубинштейн — родоначальник деятельностного подхода в психологической науке // Психологический журнал. 1989. № 3.

Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. 1991. № 6. С. 6–10.

Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1996.

Головаха Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев, 1988.

Додонов Б. И. О системе «личность» // Вопросы психологии. 1985. № 5.

Залесский Г. Е. Психология мировоззрения и убеждений личности. М.,1994.

Зейгарник Б. В. Патопсихологический метод в изучении личности // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 1. С. 43–51.

Знаков В. В. Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 104–114.

Зощенко М. Возвращенная молодость; Голубая книга; Перед восходом солнца: Повести. Л.: Худож. лит., 1988.

Кон И. С. В поисках «Я». М.: Политиздат, 1984.

Кон И. С. Постоянство и изменчивость личности // Психологический журнал. 1987. № 4. С. 126–136.

Кроник А. А., Головаха Е. И. Психологический возраст личности // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 5. С. 57–65.

Крылов А. А., Куницына В. Н., Логинова Н. А. Творческий путь Б. Г. Ананьева // ВП. 1997. № 6.

Лазурский А. Ф. Избранные труды по психологии. М., 1997.

Левченко Е. В. Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев и петербургская психологическая школа // Б. Г. Ананьев и ленинградская школа а развитии современной психологии. Тезисы науч-практ. конф. СПб., 1995.

Левченко Е. В. История психологии отношений: Автореф. ...д-ра психол. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.

Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности. М.: 1993.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983.

Леонтьев А. Н. и современная психология (Сборник статей памяти А.Н.Леонтьева) / Отв. ред. О.В.Овчинникова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

Логинова Н. А. Характерные черты концептуальной системы Б. Г. Ананьева // Психологический журнал. 1988. № 1.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

Марцинковская Г. Д., Ярошевский М. Г. 100 выдающихся психологов мира. Москва; Воронеж, 1995.

Мясищев В. Н. Психология отношений. Москва; Воронеж, 1995.

Основы социально-психологической теории / Ред. А. А. Бодалев, А. Н. Сухов. М., 1995.

Пархоменко О. Г., Ронзин Д. В., Степанов А. А. С. Л. Рубинштейн как педагог и организатор психологической науки в Ленинграде // Психологический журнал., 1989, № 3.

Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии. М., 1998.

Платонов К. К. Структура и развитие личности. М.: Наука. 1986.

Принцип развития в психологии. М., 1978.

Психологические проблемы самореализации личности / Ред. А. А. Крылов, Л. А. Коростылева. СПб., 1997.

Психологический словарь / Ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещеряков. М., 1996.

Психология личности. Тексты / Ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырей, М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

Психология личности в социалистическом обществе: активность и развитие личности / Ред. Б. Ф. Ломов, К. А. Абульханова М., 1989.

Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь» / Ред. Б. Ф. Ломов, К. А. Абульханова-Славская. М., 1990. С. 18–33.

Реан А. А., Коломинский Я. Л. Социальная педагогическая психология. СПб.: Питер, 1999.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психология. СПб.: Питер, 1998.

Теплов Б. М. Избранные труды: В 2 т. М.: Педагогика, 1997.

Слободчиков В. И. Реальность субъективного духа // Человек. 1994. № 5. С. 21–38.

Смысл жизни: Антология / Сост., общ. ред. Н. К. Гаврюшина. М., 1994.

Смысл жизни в русской философии. Конец XIX — начало XX века. СПб., 1995.

Троицкий М. М. Логика: Лекции. 1884.

Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966.

Человек в системе наук. М., 1989.

Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.

Чудновский В. Э. Смысл жизни: проблема относительной эмансипированности от «внешнего» и «внутреннего» // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2. С. 15–25.

Шадриков В. Д. Духовные способности». СПб., 1997.

Якобсон П. М. Психологические компоненты и критерии становления зрелой личности // Психологический журнал. 1981. № 4. С. 142–147.

Якобсон С. Г. Проблемы этического развития ребенка // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. Работы советских психологов периода 1946-1980 гг. / Ред. И. И. Ильясов, В. Я. Ляудис. — Изд-во Моск. ун-та. М., 1981. С. 174–179.

Л. В. Куликов

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПСИХОЛОГОВ

2-е издание

Заведующий редакцией	*П. Алесов*
Ведущий редактор	*Т. Середова*
Выпускающий редактор	*Е. Маслова*
Литературный редактор	*Е. Павлова*
Художник	*С. Маликова*
Корректор	*М. Одинокова*
Верстка	*А. Полянский*

Подписано в печать 17.02.09. Формат 84×108/32. Усл. п. л. 24,36.
Тираж 3000. Заказ

ООО «Лидер», 194044, Санкт-Петербург, пр. Б. Сампсониевский, дом 29а.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 95 3005 — литература учебная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПК «Лениздат» (типография им. Володарского) Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

**УВАЖАЕМЫЕ ГОСПОДА!
КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «ПИТЕР» ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ ОПТОМ И В РОЗНИЦУ У НАШИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТНЕРОВ.**

Дальний Восток
Владивосток, «Приморский торговый дом книги»,
тел./факс (4232) 23-82-12.
E-mail: bookbase@mail.primorye.ru

Хабаровск, «Деловая книга»,
ул. Путевая, д. 1а,
тел. (4212) 36-06-65, 33-95-31
E-mail: dkniga@mail.kht.ru

Хабаровск, «Книжный мир»,
тел. (4212) 32-85-51, факс 32-82-50.
E-mail: postmaster@worldbooks.kht.ru

Хабаровск, «Мирс»,
тел. (4212) 39-49-60.
E-mail: zakaz@booksmirs.ru

Европейские регионы России
Архангельск, «Дом книги»,
пл. Ленина, д. 3
тел. (8182) 65-41-34, 65-38-79.
E-mail: marketing@avfkniga.ru

Воронеж, «Амиталь»,
пл. Ленина, д. 4,
тел. (4732) 26-77-77.
http://www.amital.ru

Калининград, «Вестер»,
сеть магазинов «Книги и книжечки»,
тел./факс (4012) 21-56-28, 65-65-68.
E-mail: nshibkova@vester.ru
http://www.vester.ru

Самара, «Чакона», ТЦ «Фрегат»,
Московское шоссе, д.15,
тел. (846) 331-22-33.
E-mail: chaconne@chaccone.ru

Саратов, «Читающий Саратов»,
пр. Революции, д. 58,
тел. (4732) 51-28-93, 47-00-81.
E-mail: manager@kmsvrn.ru

Северный Кавказ
Ессентуки, «Россы», ул. Октябрьская, 424,
тел./факс (87934) 6-93-09.
E-mail: rossy@kmw.ru

Сибирь
Иркутск, «ПродаЛитЪ»,
тел. (3952) 20-09-17, 24-17-77.
E-mail: prodalit@irk.ru
http://www.prodalit.irk.ru

Иркутск, «Светлана»,
тел./факс (3952) 25-25-90.
E-mail: kkcbooks@bk.ru
http://www.kkcbooks.ru

Красноярск, «Книжный мир», пр. Мира, д. 86,
тел./факс (3912) 27-39-71.
E-mail: book-world@public.krasnet.ru

Новосибирск, «Топ-книга»,
тел. (383) 336-10-26, факс 336-10-27.
E-mail: office@top-kniga.ru
http://www.top-kniga.ru

Татарстан
Казань, «Таис»,
сеть магазинов «Дом книги»,
тел. (843) 272-34-55.
E-mail: tais@bancorp.ru

Урал
Екатеринбург, ООО «Дом книги»,
ул. Антона Валека, д. 12,
тел./факс (343) 358-18-98, 358-14-84.
E-mail: domknigi@k66.ru

Челябинск, ТД «Эврика», ул.Барбюса, д. 61,
тел./факс (351) 256-93-60.
E-mail: evrika@bookmagazin.ru
http://www.bookmagazin.ru

Челябинск, ООО «ИнтерСервис ЛТД»,
ул. Артиллерийская, д. 124
тел. (351)247-74-03, 247-74-09, 247-74-16.
E-mail: zakup@intser.ru
http://www.fkniga.ru ,www.intser.ru